

Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

---

*Материалы второй
научно-практической конференции*

ПЕРМЬ 2009

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых**

Художник **Наталья Фуфачёва**

Пермский дом в истории и культуре края: Материалы второй науч.-практ. конф. / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина; сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2009. – 287 с.

© МУК ОМБ, идея. 2009.
© Коллектив авторов, тексты. 2009.
© Фуфачёва Н., обложка. 2009.

От составителя

Впервые научно-практическая конференция «Пермский дом в истории и культуре края» состоялась в декабре 2008 г. Она была организована Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) по инициативе Комитета по культуре администрации города в рамках творческого проекта, посвященного 285-летию Перми. Конференция вызвала интерес у общественности, изданный библиотекой сборник материалов пользуется большой популярностью. Это позволило организовать вторую конференцию по той же теме.

История пермского дома во всех его аспектах интересует не только тех, кто связан с этими проблемами по своей профессиональной деятельности. Участниками второй конференции стали пермские ученые, историки и филологи, архивисты и библиотекари, музейные работники и специалисты в области охраны памятников истории и культуры, преподаватели, журналисты и краеведы.

Материалы второй конференции традиционно сгруппированы по трем основным разделам: «Пермский дом в истории и культуре края», «Замечательные дома Перми», «Пермский дом в художественной литературе, мемуарах и воспоминаниях». В сборнике представлены научные статьи, рассказы о результатах краеведческих поисков, воспоминания, исторические справки о памятниках архитектуры, архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Главным критерием для публикации является новизна материала: вновь выявленные документы, впервые представленные или приведенные в систему факты и сведения, либо новый, оригинальный взгляд на известные события. Составители не считают нужным корректировать предложенные авторами статей версии, авторскую оценку и трактовку причин и следствий, характеристику известных деятелей прошлого, даже если сами при этом придерживаются другого мнения.

Пермский дом представлен в книге не только как элемент городской инфраструктуры, но и как способ самовыражения души человека, построившего его для себя или живущего в нем. Это составная часть облика города и городского общества; объект культурного наследия, предмет изучения, повод для ностальгических воспоминаний и герой художественной литературы.

Следует еще раз отметить, что на сегодняшний день накоплен достаточный объем краеведческих знаний, касающихся не просто истории формирования города Перми, его улиц и районов, но и конкретно – истории отдельных домов. Тем не менее специально изданных книг немного. В основном, сведения о замечательных пермских домах целенаправленно представлены только в справочниках и каталогах памятников истории и культуры города.

Серьезный вклад в изучение этой темы внесли пермские краеведы. До настоящего времени самой популярной книгой, посвященной непосредственно истории пермского дома, является труд Е. А. Спешиловой «Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди» (1). Эта книга, вышедшая в двух изданиях (второе было исправлено и дополнено), постоянно упоминается авторами в комментариях к материалам конференций. Но несмотря на значительный объем, она охватывает лишь несколько центральных улиц города, идущих параллельно Каме: Монастырская (Орджоникидзе), Торговая (Советская), Петропавловская (Коммунистическая), Покровская (Ленина), Пермская (Кирова), Екатерининская (Большевицкая), Вознесенская (Луначарского), Большая и Малая Ямские (Пушкина и Краснова).

Здесь же можно назвать книгу-альбом А. И. Овсянникова и Ю. М. Полякова «Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке» (2). Представлено 365 открыток, сопровождаемых небольшими, но содержательными справками. В конце книги целый ряд приложений, богатый справочный материал.

В 2006 г. к 70-летию Ленинского района города Перми отделом краеведения областной библиотеки им. А. М. Горького был издан библиографический указатель «Орловская – Покровская – Ленина» (3), включающий литературу об улицах Ленинского района. В каждом разделе, посвященном отдельной улице, выделена литература о самых интересных и значительных зданиях на ней. Книга служит хорошим подспорьем в краеведческих исследованиях.

И конечно, обращаясь к литературе, посвященной непосредственно истории замечательных пермских домов, не обойтись без путеводителей. Путеводители по Перми – интереснейшие книги. Собранные воедино, они дают возможность представить себе меняющуюся год от года панораму нашего города. И даже узнать о том, каким виделся город

его строителям в будущем. Почти в каждом путеводителе, особенно советского периода, составители позволяют себе пометить, пофантазировать, заглянуть на пять-десять лет вперед. В книге 1964 г., например, описывая Пермь 1970-х годов, автор отмечает с удовлетворением: в центре города почти не осталось старых домов, а те, что есть, удачно спрятаны между новыми «высотками»...

В приложении к настоящему сборнику составители посчитали уместным представить выдержки из путеводителей по Перми 1926, 1957 и 1964 гг., надеясь, что этот материал будет полезен исследователям нашей темы. Помимо справочных и познавательных достоинств этого приложения отметим еще одно: здесь можно отыскать идею для доклада на следующей конференции «Пермский дом в истории и культуре края». Домов с интересной судьбой и богатой историей еще очень много.

В последние годы целенаправленно занимаются систематизацией краеведческих знаний по истории и культуре Перми сотрудники фонда «Юртин» и кафедры журналистики Пермского государственного университета. В соответствии с программой «Город: места и лица нашей памяти» создана информационная база, где собраны уникальные сведения о пермских домах, с которыми связаны мифы и легенды; о домах, многократно упоминающихся в мемуарах и воспоминаниях пермяков и, как принято говорить, знаменитых «гостей города». Юртинцами были проведены интереснейшие мероприятия, всегда привлекавшие внимание общественности. Так, многие помнят акцию «От Компроса до Бродвея», материалы которой частично опубликованы в журнале «Пермский пресс-центр» (4). В 2005 г. вышла в свет уникальная книга, своеобразный путеводитель по городу для интеллектуалов: «В поисках Юртина. Литературные прогулки по Перми» (5).

Публикации по истории замечательных домов регулярно появляются в пермских журналах и газетах. Так, в 2007 г., отмечая юбилей «Звезды», журналисты предприняли познавательную прогулку по улице имени своей газеты. На протяжении всего года В. Бубнов публиковал очерки, посвященные домам – памятникам истории и архитектуры. Было напечатано около 20 материалов. Можно отметить и другие его публикации об отдельных пермских домах, например, памятную многим статью о кинотеатре «Кристалл» (6).

К сожалению, немногие исследователи истории пермских домов обращаются пока к художественной литературе. И напрасно. Дом А. Н. Спешилова, что стоял на ул. Ленина, выведен на страницах романа Льва Правдина «Бухта Анфиса». Борис Фрадкин в своей прекрасной книге «Дорога к звездам» описал строительство Дворца культуры моторостроителей – ныне имени А. Г. Солдатова. Герой нового романа Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» – сын пермского архитектора, автора проекта Дворца куль-

туры им. В. И. Ленина, – в приступе ярости уничтожает макет: дворец кажется ему монстром, отравившим детство и юность...Перечень можно продолжить: упоминания о примечательных пермских домах есть в произведениях многих писателей и поэтов.

Сборники материалов конференций «Пермский дом в истории и культуре края» занимают особенное место в этом небольшом библиографическом обзоре. В них уже опубликованы очерки о десятках зданий – памятников архитектуры, истории и культуры. Не менее интересны статьи по проблемам строительства Перми в старой ее части – «первогороде» – в дореволюционный, советский и постсоветский периоды; по истории пермского дома и бытового уклада со времени возникновения здесь первых поселений; а также очерки, анализирующие философский и даже общественно-политический аспекты предложенной темы.

Организаторы конференции надеются, что эти книги, с интересом встреченные читателями, не затеряются в обширной краеведческой литературе.

Все замечания и предложения, связанные с проведением следующей конференции «Пермский дом в истории и культуре края» просим адресовать в администрацию Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева): e-mail: pushlib@permregion.ru

1. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723 - 1917. – Пермь: Курсив, 1999. – 580 с.; То же: Пермь, 2003.

2. *Овсянников А. И., Поляков Ю. М.* Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке: 1899 - 1917. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005. – 477 с.: ил.

3. Орловская – Покровская – Ленина: Улицы Ленинского района города Перми: Библиографический указатель / Сост. О. И. Чекмасова и Н. В. Токарева; ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2006. – 123 с.

4. От Компроса до Бродвея // Пермский пресс-центр. 2002. № 14. с. 60-67: ил.

5. В поисках Юрятина: Литературные прогулки по Перми / Фонд «Юрятин»; Лаборатория городской культуры и СМИ Пермского университета. – Пермь, 2005. – 255 с.: ил.

6. *Бубнов В.* Прощай, «Кристалл» нашей молодости! // Звезда. 2006. 28 апр.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

М. Г. Суслов

ДОМА ПЕРМИ КАК БИОГРАФИЯ ГОРОДА И ЗЕРКАЛО ЭПОХ

Писущее племя историков во всех деталях и подробностях может написать биографии не только отдельных людей, выдающихся и известных деятелей государства, но и историю отдельного села, города, края. Это писаная история со всеми предпочтениями и умолчаниями, симпатиями и антипатиями авторов исторических трудов сопровождает человека всю его жизнь. Более беспристрастна история, написанная рукой мастера-строителя, возводившего отдельные здания и целые города. Казалось бы, над творчеством создателя не властно время, но и рука мастера, при всем различии вкусов и талантов, не свободна от влияния времени. Именно вкусы и запросы эпохи налагали и налагают свой отпечаток на всё то, что воздвигалось и возводится на той или иной территории.

Имеет свою биографию, отраженную в строениях, и наш город. Пермь не исполнилось и трехсот лет, и её биография не так длинна как у древних городов России, Европы, мира.

Пермь деревянная – зеркало старой и бедной первородной Перми. При основании города дома были, как правило, деревянными. Каменными были заводские корпуса, культовые сооружения, складские помещения и дома наиболее богатых и зажиточных граждан.

С отменой крепостного права и развитием промышленности губернский город, как столица огромного по площади Пермского края, обзаводился каменными строениями пермского купечества. И сегодня украшают Пермь дома купцов Мешкова, Грибушиных, Любимовых и других. Изысканность и обыденность, изящество и дурновкусие – все это отражало запросы и возможности, представления и предпочтения хозяев.

В городе четко выделяются районы с различной застройкой. Мастерской работный люд селился на окраинах: Заимка, Разгуляй и т. д. Богатые граждане возводили каменные дома в центре города. Менее имущие городские обыватели и мещане занимали пространство между богатой и пролетарской частями поселений. Дома в основном деревянные, одноэтажные. Для рабочих строились бараки и казармы, которые сохранились и по сей день.

После революции 1917 г. и гражданской войны в связи с индустриализацией и быстрым промышленным освоением края велось интенсивное промышленное и гражданское строительство. Появлялись очаги культуры: клубы, библиотеки, дворцы культуры, стадионы и спортивные сооружения.

Это облик города в целом. Но целое состоит из совокупности частных.

Отдельные здания тоже могут сказать очень много о городе и даже о стране. Например, Дом офицеров на фронтоне имеет дату его построения – 1943 год. Что же означает строительство Дома офицеров в 1943 году? А это свидетельство мощи Советского государства. Великая хваленая Германия в годы Второй мировой войны постоянно испытывала нехватку денег, что вынуждало ее прибегать к тотальному ограблению захваченных стран. Масштабы этого ограбления во многом известны. В отдельные годы размер награбленного в два с лишним раза превышал бюджет всей Германии, самой сильной и развитой страны Европы. Были проблемы с финансированием и у Советского Союза. Это естественно. Всякая война прожорлива и требует очень много денег. Вторая мировая в этом отношении была особенно прожорлива. Тем не менее уже в 1943 г. Советский Союз мог позволить себе не только финансовое обеспечение войны, но и выделение средств на другие цели, в том числе, на культуру, образование и даже на строительство объектов не самой первой необходимости, каковым был Дом офицеров в Перми. В 1944 г. бюджет страны обеспечивал не только военные нужды, на которые было выделено 128,4 млрд. рублей. Находились деньги на восстановление (16 млрд.) и развитие (44 млрд.) народного хозяйства, на социально-культурные нужды (51 млрд. рублей). Это тем более поразительно на фоне сегодняшнего положения в сфере культуры. В мирное время, без всякой войны, ликвидируются клубы, библиотеки, дворцы культуры – на том основании, что у государства нет денег.

Культурные сооружения Перми отражают веротерпимость и многоконфессиональность нашего государства. Православные храмы, мечеть, костел и кирха, молельные дома разных религиозных групп и течений указывают на отношение власти к религии и верующим. Веротерпимость, межконфессиональное согласие и добрососедство – несомненное достояние России.

Энная совокупность домов образует улицы. В разные времена дома и улицы выглядели по-разному. В царское время было немало проблем с чистотой улиц и придомовых территорий. Лишь введение жесткой системы штрафов заставило домовладельцев следить за санитарным состоянием придомовой территории, поддерживать чистоту и порядок, включающий прокладку и содержание тротуаров, рытье и очистку канав.

В сталинское время за чистоту улиц спрашивали очень жестко и наказывали достаточно сурово. Хрущевская оттепель и время брежневского благодушия сказались на облике Перми. Пермь была одним из самых грязных городов страны. И дело не только в том, что не было надлежащего спроса и ответственности за поддержание порядка и чистоты. Пермь была одним из самых больших по площади городов Советского Союза: какое-то время занимала второе место после Москвы, затем – третье место после Москвы и Ленинграда. Огромная площадь города затрудняла поддержание образцового порядка.

Внешний вид домов Перми всегда отражал достаток владельцев, а так же уровень управленческой культуры власти. Еще памятно время, когда фасады домов в Перми были обшарпанными, со следами запустения и бесхозяйственности. Лишь волевые усилия главы города Ю. П. Трутнева заставили домовладельцев и управленцев привести фасады домов в божеский вид. Сегодня отдельные дома, целые улицы и город в целом все явственнее обретают европейские черты.

На количестве, облике и художественной ценности домов Перми сказывалось положение города, его статус. Пермь была столичным городом в масштабах достаточно большой Пермской губернии, где уже до революции проживало три миллиона человек. В то же время она являлась только губернским административным центром; промышленным же центром, столицей горнозаводского Урала – был уездный город Пермской губернии Екатеринбург.

Поскольку в Екатеринбурге, как промышленной столице Урала, проживали крупные уральские промышленники, то и архитектурный облик его заметно отличался от Перми: дома богаче, разнообразнее, интереснее.

Хрущевско-брежневское время подарило Перми серийное производство стандартных, серых и безликих домов-«хрущев». Постсоветское время сократило строительство, но возводимые дома повышенной этажности разнообразны по замыслу и стилю, функциональной предназначенности и комфортности. Период первоначального накопления капитала, переживаемый современной Россией, привел к возведению огромных торговых центров: супер- и гипер-маркетов, огромного количества самых разнообразных торговых точек, включая «комки» и павильоны.

Поскольку Гитлер не дошел до нашего города и не выжег деревянную Пермь, то дома современной Перми все еще являют собой великое собрание строений всех послепетровских эпох. Они хорошо отражают большие и малые периоды нашей истории. Составление домового кадастра Перми дало бы возможность увидеть, взять на учет наиболее значимые строения, отражающие все периоды и эпохи, пережитые Пермью, и сохранить их для будущих поколений.

Однако пришествие рынка и капитализма не оставляет никакой надежды на сохранение старины и деревянных строений. Цена земли будет превышать цену старых строений и капитал сметет все старое, даже если оно представляет несомненную историческую ценность. Вряд ли понимание и воля власти смогут удержать наступление на историческую часть Перми Его величества капитала.

Итак, дома Перми, несмотря на неприглядность, отражают не только лицо своих хозяев, но и исторические эпохи, историю страны и российского государства. Преобразование этого облика под требования эпохи – задача каждого поколения пермяков и российских граждан.

А. Б. Киселёв

ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ дает следующее определение объекта культурного наследия: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия) в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры».

Объекты культурного наследия в соответствии с указанным Федеральным законом подразделяются на следующие виды:

памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существо-

вания человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки;

ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Теперь попробуем дать практическое пояснение к данным определениям, чтобы определить, как то или иное здание и сооружение может быть отнесено к объектам культурного наследия.

Прежде всего, не вызывающее особых споров понятие мемориальной ценности. Так, здание, связанное с жизнью и деятельностью личности, получившей известность в той или иной сфере человеческой деятельности, однозначно рассматривается в качестве потенциального претендента на высокое звание памятника. Но здесь возникает ряд вопросов, для решения которых требуется предпринять серьезные исследовательские действия.

Итак, каким образом можно определить, что личность заслуживает мемориализации?

Как показала практика последних двух десятилетий, значимость политических фигур нередко оказывается переоцениваемой. Но тем не менее личности, оказавшие влияние на ход истории, сыгравшие заметную роль в государственном устройстве (такие, как Розалия Землячка, Серго Орджоникидзе, Яков Свердлов, Василий Блюхер и т. п.), заслуживают увековечения, а здания, где они жили или работали – отнесения к катего-

рии памятников. При этом личности местного уровня, оказавшие влияние на развитие города, района или региона в целом (такие как Борчаниновы, А. Г. Солдатов) также заслуживают этой чести. В то же время имена революционеров, не проявивших себя в государственном строительстве, а также отмеченных участием в массовых репрессиях во имя собственных идеалов, могут не упоминаться в связи с не имеющими иной (художественной, градостроительной, функциональной) ценности зданиями.

Однозначно требуют увековечения, в том числе и в объектах культурного наследия, имена выдающихся ученых, изобретателей, педагогов, деятелей искусств. В большей части объекты, связанные с их именами, имеют ряд иных достоинств, которые в совокупности с мемориальной ценностью дают превосходные, комплексные памятники. Самым ярким примером такого симбиоза может служить комплекс Пермского университета. Здесь, в уникальных по своей задумке и исполнению корпусах (единственный на Урале комплекс социальных объектов, объединенный общим архитектурным решением, в осуществлении которого впервые на Урале применены технологии монолитного строительства) работало и училось огромное количество людей, чьи имена вошли в золотой фонд не только российской, но и мировой науки.

А вот увековечение личности по занимаемой ею должности не может рассматриваться в качестве критерия. Ведь не место красит человека, а человек место, поэтому «дом крендельщика Ларина» или «усадебный протоиерея Добронравова» никак не могут претендовать на мемориальную ценность, особенно, если их художественные достоинства ограничиваются столетним сроком существования.

Итак, вузы, НИИ, театры по самой своей сути заслуживают отнесения к категории памятников. По схожим причинам к этой категории отнесен и ряд зданий, связанных с жизнью выдающихся личностей. Самыми яркими примерами могут служить гостиница «Центральная» и «Дом ученых» в Перми. Если установить мемориальные доски всем ученым, писателям, музыкантам и актерам, жившим в этих домах, можно облицевать мрамором половину фасадов. И архитектурная ценность этих зданий также не вызывает сомнений.

Самым, пожалуй, сложным критерием отбора памятника из общего количества зданий и сооружений является именно его архитектурная ценность. Если до начала 1990-х гг. основным критерием такого отбора являлись возраст строения, его ярко выраженные стилевые характеристики и установленное авторство, то позднее произошла некоторая переоценка. Принцип сохранения памятников истории и культуры в их историко-градостроительной среде, получивший в конце концов законодательное подтверждение, в начале 1990-х гг. овладел умами большинства краеведов и охранителей культурного наследия.

Как показали мои беседы с ведущими специалистами Государственного института искусствознания, практически в любом сооружении можно отыскать повод для признания его памятником. При этом не делалось исключение даже для типовых строений. И здесь на первый план выходит квалификация исследователя, проводящего работу по выявлению объекта культурного наследия.

Далеко не каждое старое здание («историческое», как любят сегодня повторять некоторые общественные деятели) заслуживает высокого звания памятника. Критерии авторства, уникальности и неповторимости до сих пор остаются главными. На втором месте стоят конструктивные особенности – применение тех или иных методов сооружения, использование оригинальных художественных или технических приемов, материалов.

Немаловажным является и оценка эстетической составляющей. Понятие «нравится – не нравится» до сих пор остается одним из наиболее частых аргументов. Но, если отвлечься от субъективизма, эстетика городских кварталов складывается, в том числе, и из эстетики отдельных зданий. Пропорциональность, «человечность» зданий, построенных до конца 1950-х гг., подталкивает большинство любителей истории к стремлению сохранить их все.

В этом случае возникает другая опасность – в отличие от крупных столичных городов, в Перми и Пермской губернии основным строительным материалом являлось дерево, а застройка велась по-деревенски, по усадебному принципу. Поэтому у нас нет многоэтажных каменных домов XIX – начала XX вв., составляющих красу и гордость Санкт-Петербурга и позволяющих сохранять его лицо при современном функциональном использовании. Придумать новую функцию деревянному дому с анфиладной планировкой невероятно сложно, особенно если учесть, что за 90 лет эксплуатации капитальный ремонт в нём не производился ни разу. И вырванный из контекста квартальной застройки дом рядового мещанина тоже не может претендовать на роль памятника – ему не хватает, с одной стороны, индивидуальности (он такой же, как десятки других), а с другой – ансамблевости (без окружения себе подобными этот дом вызывает лишь недоумение).

Эта особенность приводит нас к еще одному параметру оценки – градостроительной ценности. Например, храмы, создававшиеся в качестве архитектурных доминант, в основном, сохраняют свое назначение, и практически всегда рассматриваются в качестве объектов культурного наследия. Как правило, при строительстве храмов в России применялись самые качественные материалы, приглашались лучшие архитекторы и строители. А вот объекты жилой застройки, не отличающиеся индивидуальными (мемориальными, архитектурными, эстетическими) достоинствами, могут рассматриваться в качестве объектов культурного наследия только в том случае, когда они составляют ансамбли.

Итак, основными критериями для отнесения того или иного здания и сооружения к объектам культурного наследия служат:

– мемориальная ценность, при определении которой следует учитывать значимость личности или события для достаточно большой территории или значительного количества людей, а также подлинность объекта и достоверность приводимой в качестве доводов информации;

– архитектурная ценность – стилевая выразительность, индивидуальность, персонификация авторства, использование тех или иных передовых приемов, методов и материалов;

– градостроительная ценность – влияние здания и сооружения на окружающее пространство, его организующая и доминирующая роль, либо ансамблевость характера застройки той или иной территории;

– художественно-эстетическая ценность – степень эмоционального воздействия на наблюдателя, которая может быть сформулирована с использованием архитектурных, искусствоведческих или медико-психологических терминов (неоформленные эмоциональные восклицания не допускаются);

– наконец, одним из главных критериев объекта культурного наследия является его подлинность. Именно поэтому различного рода «улучшения» и «украшения» рассматриваются как повреждение памятника, снижение его историко-культурного значения.

Таким образом, четкие критерии оценки исторического и культурного значения того или иного объекта позволят нам сохранить наиболее ценную часть из всей массы доставшегося нам в наследство от ушедших поколений достояния, и при этом избежать замораживания жизни на отметке «1913».

Л. В. Баньковский

ПЕРМСКИЙ ДОМ ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ

Кто был родителем первого пермского дома?

Искусствоведы разных стран спорят о том, при каких социально-экономических и историко-культурных обстоятельствах возникло северное деревянное жилище.

В начале XX в. историк русской архитектуры М. В. Красовский в книге «Деревянное зодчество» воссоздал историю деревянного строительства со времени первого появления славян на Восточно-Европейской равнине. Учёный полагал, что восточные славяне спустились на равнину с Карпатских гор и постепенно осваивали степи, лесостепи и, наконец, лесные пространства. С точки зрения этой концепции Красовский изучил историю деревянного строительства в тогдашней Волынской губернии, затем на Дону и далее в центральных и северных российских

губерниях. Получилась строгая непрерывность тысячелетних традиций в возведении крестьянским людом деревянного жилья. Характер его учёный считал неизменным, но не исключал и возможность бытования областных типов домостроительства.

Всё больше и больше внимание историков архитектуры привлекал Русский Север, где деревянное зодчество достигло ранее небывалых достижений. Одним из ведущих центров древнерусского плотницкого искусства исследователи называют Великий Новгород, где сложилось несколько самобытных плотницких школ. В ходе обширной колонизаторской деятельности феодальной Новгородской республики русское население к XI в. освоило земли Северного Поморья почти до Уральского хребта. С XII в. новгородскими данниками оказались и народы-аборигены, живущие за Каменным поясом в низовьях Оби. Со второй половины XIV столетия в освоении поморских и Югорских земель с новгородцами всё сильнее и успешнее конкурирует великий князь московский. В 1383 г. миссионер Стефан Пермский создал Пермскую епархию на Вычегде и Печоре, обратил в православную веру коми-зырян. В 1451 г. Пермь Великая присоединена к Московскому государству вместе с Чердыню – Верхней Землёй – и Соликамском – Землёй Нижней. На территории Верхнекамья в XV-XVII вв. сложился центр солеваренной промышленности общероссийского значения. В XVII в. Соликамск стал важнейшим административным центром нашей земли – столицей Урала.

Очень своеобразна соляная идеология российских солевикулов. От древнерусских княжеств до гораздо более поздних времён дошло «соляное» противостояние Новгородской и Московской цивилизаций. Обе они по-особому относились к своему природному и человеческому «соляному» достоянию. Новгородцы всегда говорили: «Мы – у соли!», а свои широко простиравшиеся северные соляные угодья всегда называли «усольями». Москвичи же упорно обходились без смягчающей приставки «у» и выражали себя так: «Мы – Соль Московская, Галицкая, Илецкая...» и так далее.

Если собрать вместе названия разных старинных русских соляных городов, то в начальной части древней российской истории окажется намного больше новгородского достояния: Усолье Вычегодское (Усольск), Усолье на Камском, Балахонское, Тотемское, Зырянские Усоля, Новое Усолье, Рождественское Усолье...

Внутрироссийское «соляное противостояние» отнюдь не было безобидным. В рождающемся общерусском государстве в нередких вооружённых схватках одна сила побеждала другую силу. В итоге этой борьбы все знакомые с солеварением жители Великого Новгорода и его округи выселялись в те российские города и селения, где давно производилась или только ещё начинала добываться соль. Речевое соляное уп-

рямство новгородцев долго не ведало компромиссов. Многие новые соляные промыслы и населённые места получали название Усолий.

В Вычегодско-Вымской летописи, датируемой 1506 годом, Соликамск назван Усольем на Камском, в 1553 г. его жителей кличут «усольцами». И в 1573 г. Соликамск значится «Усольским городом», а построенные Строгановыми на правобережье Камы новые соляные промыслы называются Новым Усольем. Даже в 1669 г. в Сибири, недалеко от Иркутска, новому селу с соляными промыслами дали имя Усолья Сибирского. Однако неизбежно пришло время, когда Усолье Тотемское переименовалось в Тотьму, Старое Усолье – в Сольвычегодск, Усолье на Камском – в Соль Камскую, а потом – в Соликамск.

Длительное культурное, в том числе и архитектурно-строительное влияние новгородцев на жителей Пермского края является, таким образом, бесспорным. Однако необходимо принять к сведению, что с конца XI в. Урал заселялся основной крестьянской массой – выходцами с берегов Северной Двины, Пинеги, Мезени, Ижмы, Печоры, Вычегды. Несколько позже немалый переселенческий поток на Урал и в Сибирь рождался также и в Среднем Поволжье. Историкам российской архитектуры потребовалось немало времени, чтобы выяснить главные очаги влияния на структуру и функции пермского крестьянского жилища. Для этого нужно было тщательнейшим образом изучить типологию народного жилища на Русском Севере, в Центральной России, на Урале, в Сибири.

В 1938 -1941 гг. ряд историко-архитектурных экспедиций по Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областям провёл сибирский архитектор Е. А. Ащепков. Он привлёк большой литературный материал из истории, этнографии, географии, археологии, искусствоведения. В годы Великой Отечественной войны, выполняя работы на нужды обороны, учёный обследовал сельские районы Алтайского края и Рудного Алтая, в 1945 -1946 гг. изучил Кузбасс, юг Красноярского края, Иркутскую область и Бурятию. И, наконец, в 1969 -1979 гг. Ащепков провёл экспедиции по бассейнам рек Индигирки, Колымы, Анадыря, Амура, Лены, Усури, Илима. По материалам своих экспедиций учёный написал несколько интереснейших книг с обобщающим выводом, что «Сибирь прочно сохранила древние архитектурно-строительные традиции и создала в деревянном зодчестве ряд характерных особенностей».

С 1950 г. на территории Европейской части нашей страны ряд историко-архитектурных экспедиций по народному деревянному зодчеству проводились академическим Институтом истории искусств и Государственным историческим музеем под руководством И. В. Маковецкого. Собранные экспедициями материалы показали существование таких типов жилых построек, как каргопольский, прикамский, вологодский, мезенский, северодвинский, заонежский.

В 1988 г. в московском издательстве вышла книга историка архитектуры Е. Н. Бубнова «Русское деревянное зодчество Урала». Автор создал ряд схем-карт распространения на Северном и Среднем Урале типов народного жилища, а наряду с преобладающим северным направлением распространения народного жилища, отметил влияние поволжского и из центральных районов России.

Сопоставляя схемы экспедиционных маршрутов трёх поколений исследователей деревянного зодчества России, можно очертить общие границы исторического распространения северного русского жилища от Прионежья до Дальнего Востока. Следуя предложениям историков архитектуры из Петрозаводского государственного университета, ареал распространения северной русской избы на Евразийском материке можно назвать российской крестьянской цивилизацией. В начале XVIII в. в рамках этой цивилизации зародилась цивилизация Уральская горнозаводская, состоящая из более чем двух с половиной сотен городов-заводов. Эта цивилизация была выделена в середине двадцатых годов XX в. профессором Пермского университета П. С. Богословским.

Дом-птица и Птица в Доме

Характеризуя начавшийся во втором тысячелетии процесс заселения севера Евразийского материка славянами, историк В. О. Ключевской в своих лекциях говорил: «По условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно [славянское население] распространялось по равнине не постепенно, путём нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносилось птичьими перелётами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые».

В старину, осваивая Урал или любые другие края, человек ни с какой стороны не преувеличивал значения оседлости ни в своей, ни в чужой жизни. Вероятно, поэтому в широком народном обиходе, и тем более у первопоселенцев, были распространены словечки «присаживаться» и «садиться». Эти понятия использовались и по отношению к народам, и к поселениям, а также прилагались к семьям и даже к отдельным людям, облюбовавшим для дальнейшей жизни участок суровой североуральской земли.

На первый взгляд, оказавшись на Северном и Среднем Урале, русский поморский человек не вышел за пределы привычной для его жизни климатической зоны с длинной зимой. Но для русских первопоселенцев здесь совершенно новыми были возвышенные уральские предгорья и гораздо большее годовое количество осадков у подножий Каменного Пояса, поставленного природой как огромный барьер на пути влажных северо-западных атлантических ветров. И по этим обстоятельствам русский поморский человек вынужден был «садиться» на Урале по-особому, создавая местный пермский вариант северного типа крестьянского обиталища.

Первые пермские народные крестьянские жилища можно назвать избами-птенцами, прикрытыми широкими скатами-крыльями крыш. Ещё во времена ломоватовской археологической культуры одним из главных символов защищаемого дома и очага была большая птица с опущенными крыльями с человеческим ликом на груди. Поэтому даже ещё не построенное жилище в замыслах считалось живым организмом, даже заготовленный для избы лес имел «душу». А строители избы в народном понимании именовались не иначе, как строители мира.

Строили, или, как всегда у нас говорят, рубили избы на редкость мастеровитые крестьяне-плотники, безупречно владевшие главным своим инструментом – топором. Для одной простой избы нужно было около ста пятидесяти брёвен, которые в старину называли «деревями». И у слова «деревня» тот же самый корень. Деревни возводили народы, садившиеся в лесной зоне. Строительство избы начиналось с изготовления и установки «стульев» – больших чурбаков из ствола лиственницы, их ставили вертикально в землю по четырём углам избы. На стулья «садились» её величество изба, её сруб, по-старинному называвшийся «стопой» или клетью.

За многие века жизни на севере, в непосредственном соседстве с вечной мерзлотой, русские поморские крестьяне избегали строить низкие «поземные» избы. Незаурядное плотницкое мастерство позволяло рубить достаточно защищённые от холода жилища как бы на некоторой высоте над землёй. Такому надёжному строительству способствовало также и глубокое традиционное убеждение, особенная потребность северного человека жить на свету, не заслоняемом ни высоченными снежными сугробами, ни кустами, ни деревьями, ни соседними избами, ни возвышениями рельефа. Вот почему, приступив рубить избу, плотники садили на стулья не жилое помещение, а подызбицу, или подклеть, место для хранения многих разных продуктов и инвентаря. И только потом, над «мостом» из половых кедровых плах почти метровой ширины рубилась собственно изба – «истопа». Наибольшее пространство в ней отдавалось огромной и универсальной по своим возможностям русской печи, которую называли хозяйкой жилища.

Плотники венец за венцом сплачивали стены избы, а думали уже о том, как стены будут держать огромную тяжесть заваленной сырым снегом крыши, которая укроет дом и его обитателей от всяких возможных напастей, в том числе и бесконечных обильных весенне-осенних дождей и связанной с ними разъедающей дерево сырости. И несколько не трудно было плотникам постепенно наращивать размеры бревенчатых венцов таким образом, чтобы крыша опиралась не сразу на вертикальные стены, а ещё и на продолжавшие их по кривой линии бревенчатые карнизы, которые назывались «повалами». Выпуски же брёвен по фронтонам называли «помочами». Более точное слово «помо-

чи» означало помощь со стороны стен тяжёлой крыше, нижние края да и верх которой, по мысли её создателей, должны выступать за стены или «свешиваться» на расстояние часто больше человеческого роста. Впрочем, слово «помочи» можно расшифровать и несколько иначе – как помощь со стороны крыши стенам, которые не должны сильно намокать. Особенно важно было защитить от влаги нижние части стен, находящиеся у самой земли. Ведь они, подобно древним богам-атлантам, держат на своих плечах всю тяжесть дома.

Над бревенчатым, со специальной засыпкой, потолком по верху стен возводились две большие треугольные опоры для крыши из брёвен-самцов. В самцы врубались слегги, образующие продольный каркас крыши. Поперечные же её каркасы составляли стволы молодых елей, которые заранее заготавливали, отбирая экземпляры с мощными односторонними корнями. Нередко корневые концы обрабатывали в виде птичьих голов. Еловые стволы комлями вниз врубали в слегги. Получались «курицы» – держатели огромных брёвен-желобов, предназначенных для отвода с крыши талых и дождевых вод. Их называют также водотечниками, потоками или водомётами.

На решётчатый каркас слег и куриц укладывались в один или два слоя тесины, нижний конец их опирался на дно водотечника. Верхние обруббы тесин по всей длине крыши прижимались особым массивным бревном-охлупнем, коньком или шеломом. На тяжёлом конце этого бревна издавна вырубалась голова коня, птицы или какого-нибудь покровительствующего дому чудовища, на спине у которого восседал тоже высеченный из дерева человек-всадник. На некоторых охлупнях можно видеть макушки деревянных столбиков, скрепляющих шелом с подкнязевой слеггой. Макушки этих креплений называют сороками.

Русские старожилы земли прикамской, подобно коренному местному населению, видели свою избу неким одушевлённым существом – земным, водным, крылатым. Все земные стихии вбирала в себя изба: огонь и дым в недрах русской печи, дымоволоке, печной трубе и дымоходе; шумящие по водотечникам потоки воды; стихию камня под домом, у завалинки и огромную массу глинобитного очага.

Всё традиционное, символическое, живое вокруг дома и внутри него было в особом почёте, поэтому почти все основные предметы домашнего обихода и бесхитростные украшения – деревянные, глиняные, железные, медные, костяные, кожаные, кузнечные – были выдолблены, вырезаны, отлиты, откованы, разрисованы, расшиты изображениями птиц и зверей, деревьев и трав. Дом, до краёв переполненный разной жизнью, казался и сам живым. У него было неповторимое, непременно обращённое к восходящему или полуденному солнцу лицо, свой лик, своё чело.

У древней пермской избы на фасаде было два окна, как два глаза, как взгляд изнутри дома наружу. Через окна, по народному поверью, душа дома созерцала красоту мира, ей жила, ей лечилась, ей наслаждалась. Окна тогда назывались «окончинами», а делали их часто особые мастера – оконщики. Оттого, что у дома всегда был свой лик, появились и распространённые названия таких деталей избы, как наличники, очелье, причелины, подзоры, шелом и многие другие.

Талант крестьянского зодчего всегда признавался и тогда, когда дом его со всех сторон смотрелся пропорционально сложенным бревенчатым монолитом. Каждый плотник с топором в руках побеждал стихию природного дерева, вырубая из древесной бревенчатой массы привлекательный для всех силуэт, который особенно украшал бы деревню при пасмурной погоде. При солнечном освещении игра света и тени на больших бревенчатых и тесовых плоскостях, причудливые световые и теневые пятна на выступающих повалах, свесах, водотечниках и коньке могли заставить любого прохожего остановиться только для того, чтобы полюбоваться красотой ручной древодельной работы. Ритмы венцов, ритмы изб и хозяйственных построек в поселении не только всегда веселили глаз, но и звучали радующей душу музыкой обихоженого человеческого жилья.

Пермская семейная изба никогда не стояла сама по себе. От самого начала избыного строительства она обрастала необходимейшими в быту хозяйственными постройками, часто весьма крупными и трудоёмкими в изготовлении. Суровые природные условия заставляли подводить двор и помещения для скотины под одну крышу с избой, а иногда двор создавался рядом с избой под отдельной крышей ничуть не меньших размеров по сравнению с крышей избы. В этих случаях говорят о «доме под двумя, тремя», а то и «четырьмя конями». Ко дворам примыкали огородная земля, или усад; удворная земля, то есть пашня; выгоны для скота; сенокосные, лесные, водные угодья.

Основными сферами деятельности крестьян Северного и Среднего Урала были сельское хозяйство с земледелием и скотоводством, лесные, рыбные и другие промыслы, а также множество ремёсел. Иначе говоря, крестьяне Пермского Прикамья вели очень сложное, многоотраслевое хозяйство. И при этом, естественно, дом крестьянина был зеркалом мира, сердцевинной человеческой семейной и общественной жизни. Трудно, конечно, ответить на вопрос о том, были ли по-особому счастливы люди, построившие красивую избу и пытающиеся в ней красиво жить. Пермское народное жилище точно так же, как и в других крестьянских краях, веками прилаживалось к разноотраслевому хозяйству, иногда, казалось бы, даже чересчур многоотраслевому. Но как

известно, всякая множественность потенциально стремится разрушить целостность. Как этому противостоять? Само время показало, что у прикамского народного жилища оказался широкий выбор путей традиционного устойчивого развития. И один из этих многих путей – целенаправленное совершенствование внешнего и внутреннего декоративного убранства дома. Как снаружи, например, с помощью художественных систем оригинальных деревянных резных, металлических и других украшений, так и изнутри.

История взаимоотношений прикамского домашнего человека с птицами нашего региона весьма многообразна, в общем и целом определена обилием и разнообразием характерных представителей птичьего мира. На рис. 1 приведена разработанная автором наглядная картина современного птичьего мира Пермского края. В древности эта картина, по-видимому, была много богаче по причине гораздо меньшего антропогенного давления на естественную природную среду. Об этом же свидетельствует и попытка автора систематизировать богатство функций и символов птицы в народном быту (рис. 2). В древнем мире эти и многие другие функции и символы с наибольшей выразительностью представлены в резьбе по дереву, наскальной графике, керамике, в медной пластике пермского звериного стиля. В дальнейшем, в средние и новые века, всегдашнее внимание человека к птицам достаточно подробно зафиксировано не только в архитектуре дома и его убранстве, но и в народном календаре-месяцеслове, предписывавшем весь распорядок крестьянской жизни.

Пермский дом в условиях Уральской горнозаводской цивилизации

Как известно, традиционная северная крестьянская изба – целиком деревянное и совершенно безгвоздевое сооружение. Не случайно, например, были безукоризненно отработаны безгвоздевые срубы-клетки и кровля «на курицах» и «потоках». Немалую степень сложности представляла задача создать в избе очаг с высоким выведенным на крышу кирпичным дымоходом. Из одной только простой глины многоэтажный дымоход не сделаешь: не хватит у него долговременной прочности. Тут нужны кирпич или металл, которые массовым крестьянским хозяйствам долгое время были недоступны.

На протяжении многих веков крестьянские избы, топившиеся «почёрному», достигли высокого совершенства. В жилом пространстве этих изб дым, выходящий из открытых очагов, как правило, не опускался ниже человеческого роста. Закопченными до высокой степени черноты были только три-четыре верхних венца жилого помещения. Дым обыч-

но выходил в специальное отверстие в сени, а затем по дымоволоку в установленный на крыше деревянный дымник, внешне немного похожий на скворечник. Археологи и историки свидетельствуют, что в 1615–1616 гг. в районе Новгорода «по-чёрному» топились дома даже в крупных помещичьих усадьбах.

В борьбе с опустошительными пожарами началось городское каменное строительство, на первом этапе преимущественно культовое. Оно и потребовало хорошо налаженного кирпичного производства. А при строительстве первых медеплавильных и железоделательных заводов кирпича потребовалось во много раз больше.

В конце концов, кирпича стало хватать и на высокие выходящие на крыши крестьянских изб кирпичные трубы. Глинобитный очаг стал уступать место сложно устроенным высокоэкономичным кирпичным печам. Выдающийся пермский архитектор И. И. Свиязев на века прославился ещё и тем, что открыл и научно обосновал секрет кладки домашних компактных и высокотеплопроизводительных кирпичных печей. Книга с изложением этих секретов разошлась по всей России и произвела на свет целую армию печников-умельцев.

Очень интересно, что зарождавшаяся уральская горнозаводская цивилизация возникла на фундаменте севернорусской крестьянской цивилизации (рис. 3) и вобрала в себя северное народное жилище и обычай жизни в нём именно в их традиционной форме, как свои неперменные составные части. Попросту говоря, пермские крестьянские избы вместе со своим установившимся бытом благополучно переехали в первые прикамские города и образовали первые городские улицы, обусловили усадебный характер застройки не только крупных поселений при соляных промыслах, но и более чем двухсот пятидесяти городов-заводов (рис. 4).

1. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953. – 280 с.: ил.

2. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.: ил.

3. *Ащепков Е.* Русское деревянное зодчество [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 103 с.: ил.

4. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.: ил.

5. *Бубнов Е. Н.* Русское деревянное зодчество Урала [Текст] / Е. Н. Бубнов. – М.: Стройиздат, 1988. – 183 с.: ил.

6. *Будина, О. Р.* Город и народные традиции русских [Текст] / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1989. – 252 с.: ил.

7. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Ч. 1: Приангарье [Текст] / Отв. ред. И. В. Маковецкий, Г. С. Маслова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – 100 с.: ил.

8. *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество / Р. М. Габе. – М., Гос. архит. изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. – 216 с.: ил.

9. *Долнаков А. П.* Сибирский архитектор Е. А. Ащепков [Текст] / А. П. Долнаков. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 119 с.: ил.

10. Дом в культурных традициях Пермского Прикамья: «Строгановские чтения» [Текст]. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Березники; Усолье, 2006. – 114 с.

11. *Каптиков А. Ю.* Архитектура Урала (XVII – первая половина XIX вв.) [Текст] / А. Ю. Каптиков. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 88 с. – (Сер. «Очерки истории Урала». Вып. 5).

12. *Красовский М.* Энциклопедия русской архитектуры: Деревянное зодчество [Текст] / М. В. Красовский. – СПб.: САТИСЪ, 2002. – 384 с.

13. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953. – 280 с.: ил.

14. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.: ил.

15. *Ащепков Е.* Русское деревянное зодчество [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 103 с.: ил.

16. *Ащепков Е.* Русское народное зодчество в Западной Сибири [Текст] / Е. А. Ащепков. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.: ил.

17. *Бубнов Е. Н.* Русское деревянное зодчество Урала [Текст] / Е. Н. Бубнов. – М.: Стройиздат, 1988. – 183 с.: ил.

18. *Будина О. Р.* Город и народные традиции русских [Текст] / О. Р. Будина, М. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1989. – 252 с.: ил.

19. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Ч. 1: Приангарье [Текст] / Отв. ред. И. В. Маковецкий, Г. С. Маслова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – 100 с.: ил.

20. *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество / Р. М. Габе. – Гос. архит. изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. – 216 с.: ил.

21. *Долнаков А. П.* Сибирский архитектор Е. А. Ащепков [Текст] / А. П. Долнаков. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 119 с.: ил.

22. Дом в культурных традициях Пермского Прикамья: «Строгановские чтения» [Текст]. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Березники; Усолье, 2006. – 114 с.

23. *Каптиков А. Ю.* Архитектура Урала (XVII – первая половина XIX вв.) [Текст] / А. Ю. Каптиков. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 88 с. – (Сер. «Очерки истории Урала»: Вып. 5).

24. *Красовский М.* Энциклопедия русской архитектуры: Деревянное зодчество [Текст] / М. В. Красовский. – СПб.: САТИСЪ, 2002. – 384 с.

25. *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья [Текст] / И. В. Маковецкий; Институт истории искусств. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 132 с.: ил.

26. *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера [Текст] / И. В. Маковецкий; Институт истории искусств. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 183 с.: ил.

27. Мильчик М. И. Деревянная архитектура русского Севера: Страницы истории [Текст] / М. И. Мильчик, Ю. С. Ушаков. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – 128 с.: ил.

28. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество [Текст] / А. В. Ополовников. – М.: Искусство, 1983. – 288 с.

29. Ополовников А. В. Бревенчатый Иерусалим: Деревянные церкви и часовни Руси. – Ч. 1: Клетские церкви и часовни [Текст] / А. В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М.: «Ополо», 2007. – 528 с.: ил. – (Сер. «Древнерусское деревянное зодчество»).

30. Ополовников А. В. Древний Обдорск и заполярные города-легенды [Текст] / А. В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М.: «Ополо», 1998. – 400 с.: ил. – (Сер. «Древнерусское деревянное зодчество». Вып. 1).

31. Ополовников А. В. Земля Иркутская, деревянная [Текст] / А. В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М.: «Ополо», 2004. – 536 с.: ил. – (Сер. «Древнерусское деревянное зодчество»).

32. Ополовников А. В. Избьяная литургия: Книга о русской избе [Текст] / А. В. Ополовников, Е. А. Ополовникова. – М.: «Ополо», 2002. – 512 с.: ил. – (Сер. «Древнерусское деревянное зодчество». Вып. 2).

33. Орфинский В. Деревянное зодчество Карелии [Текст] / В. П. Орфинский; Карельская организация Союза архитекторов СССР. – Л.: Изд-во литературы по строительству, 1972. – 120 с.: ил.

34. Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 дек. 2008 г. / МУК ОМБ Центр. город. б-ка им. А. С. Пушкина; Сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2008. – 252 с.

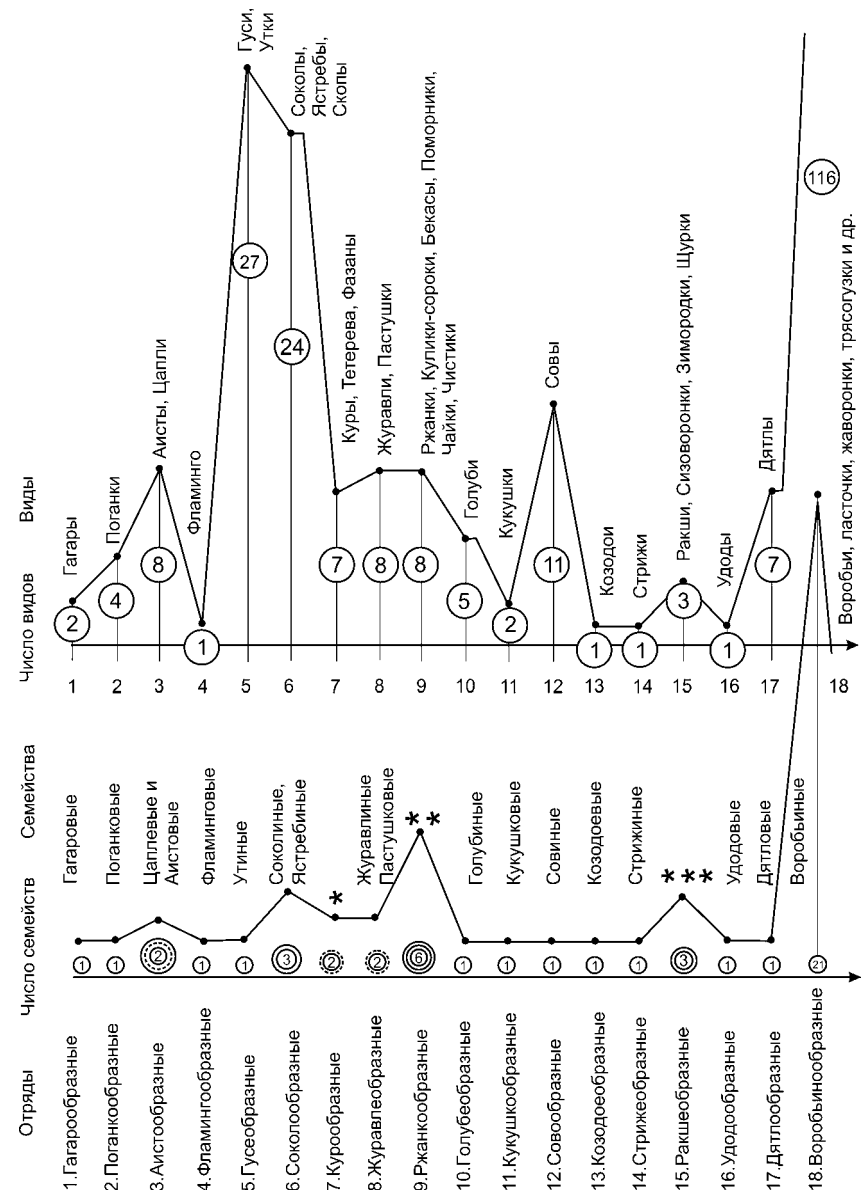
35. Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвуз. сб. [Текст] / Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 1988. – 176 с.: ил.

36. Русская изба [Текст]: Иллюстрированная энциклопедия / Науч. ред. И. И. Шангина. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 376 с.: ил.

37. Соколова З. П. Жилище народов Сибири: (опыт типологии) [Текст] / З. П. Соколова. – М.: ИПА «ТриЛ», 1998. – 288 с.: ил.

38. Сулова А. В. Владимир Сулов [Текст] / А. В. Сулова, Т. А. Славина. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1978. – 88 с.: ил. (Мастера архитектуры).

Рис. 1. Общая характеристика птичьего мира Пермского края. Орнитологические спектры по видам и семействам

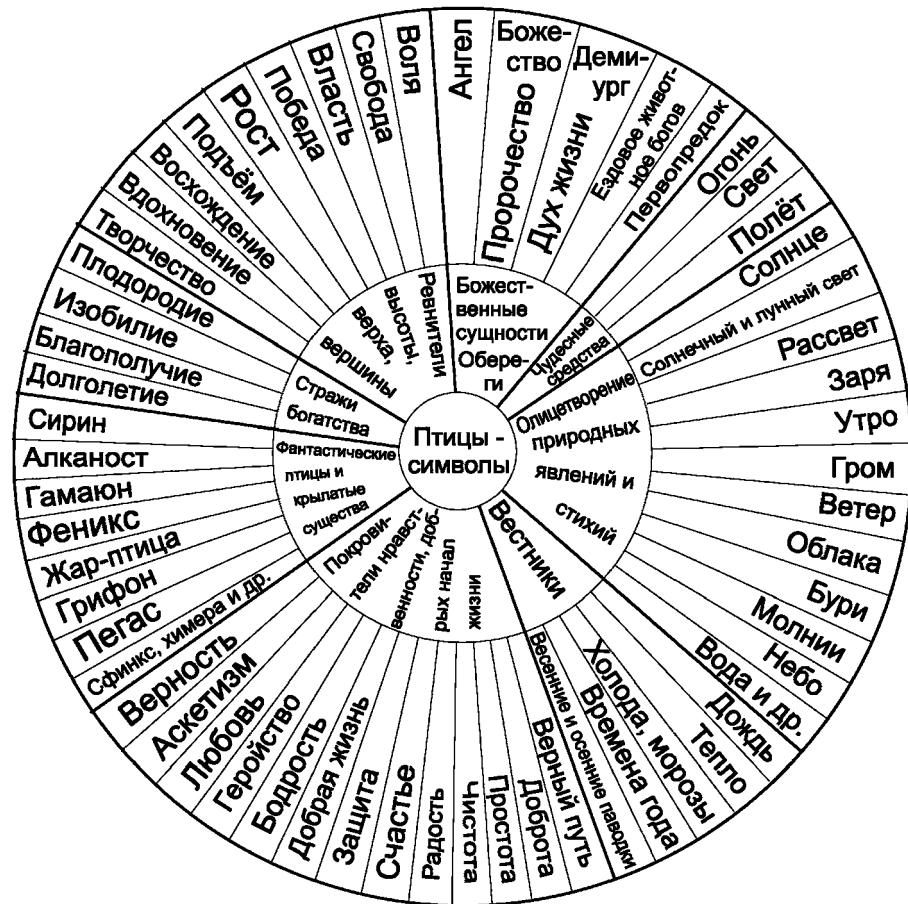

* - Куриные, Тетеревиные, Фазановые

** - Ржанковые, Кулики-сороки, Бекасовые, Поморниковые, Чайковые, Чистиковые

*** - Сизоворонковые, Зимородковые, Щурковые

Рис. 2. Функции и символы Птицы в народном быту (птичьи ипостаси и метаморфозы)

Древо жизни

Мировое древо

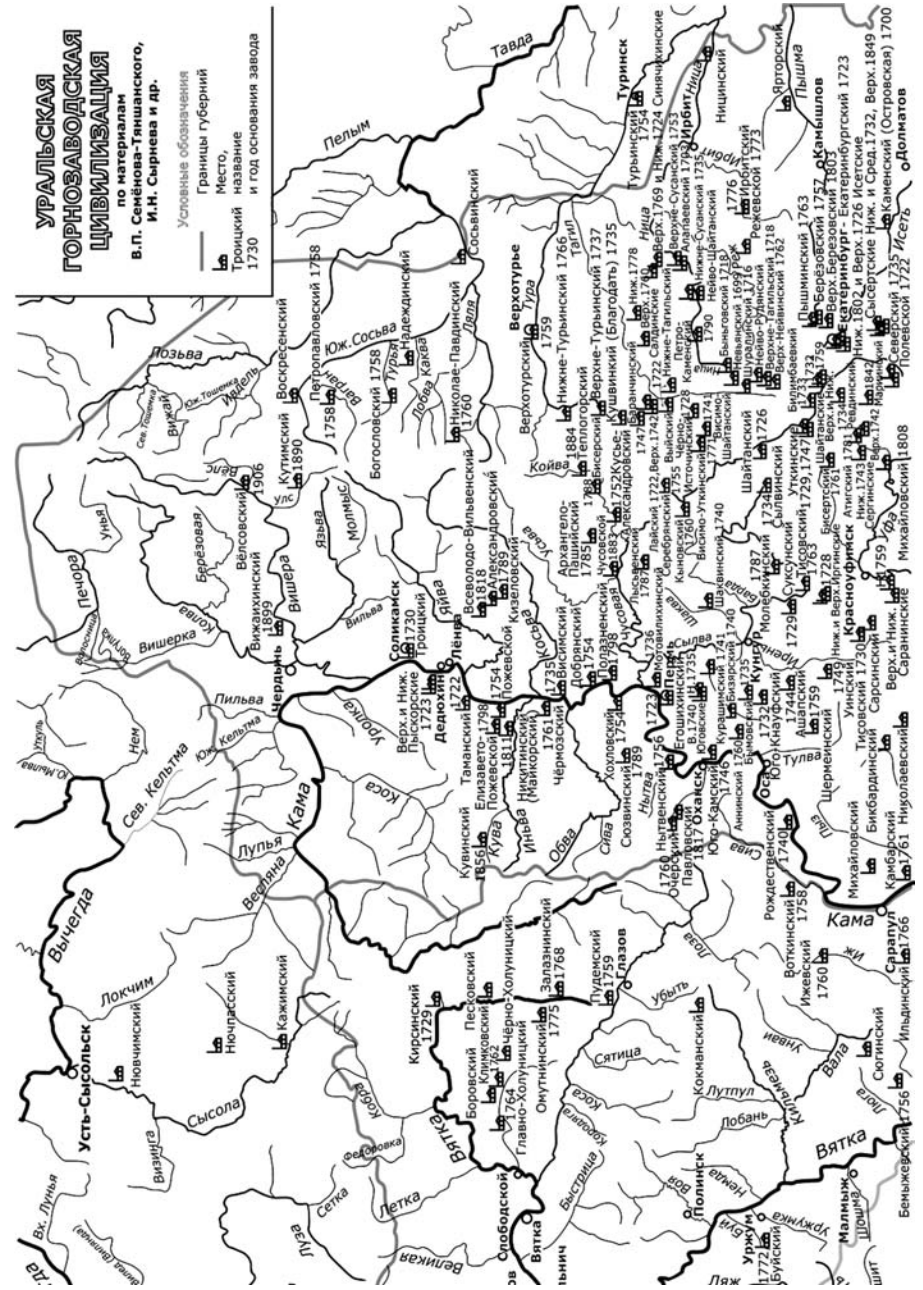
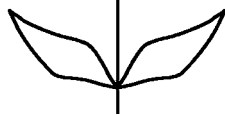

Рис. 3

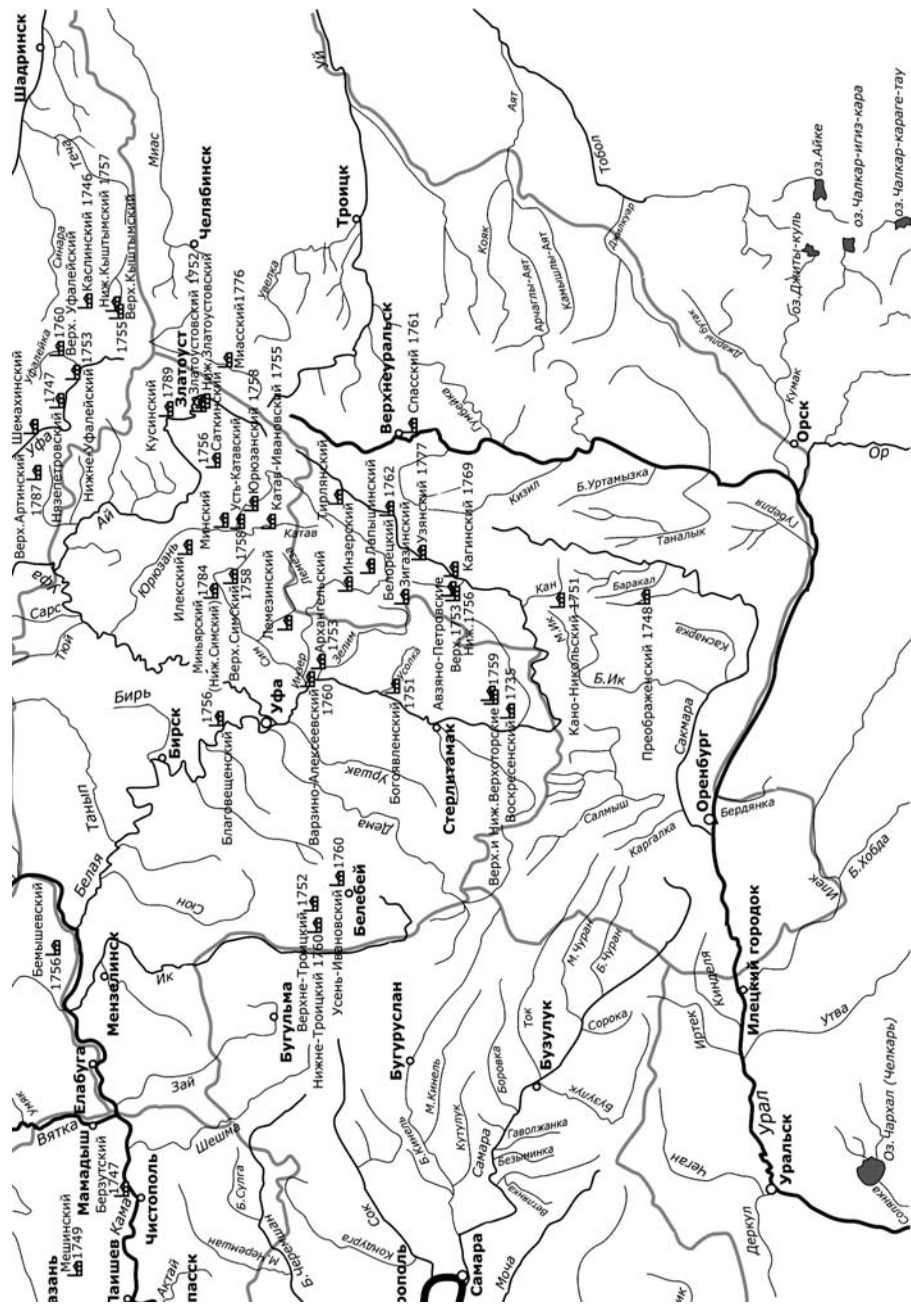

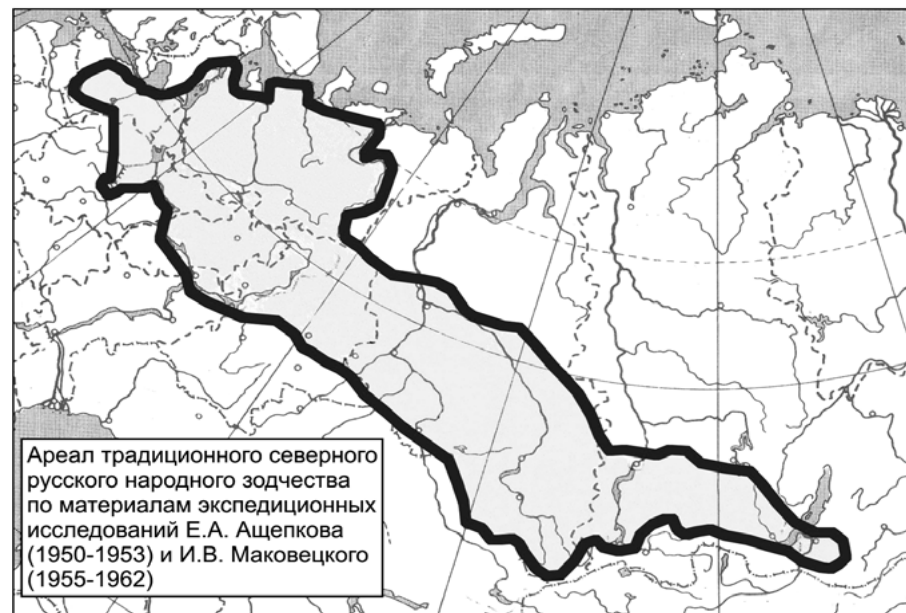

Рис. 4

Орланы-крикуны в восточной части Северного полушария

- Область распространения орланов-крикунов на востоке Северного полушария
- Места зимовок орланов
- Основные места распространения орланов
- Южная граница древней Тимано-Монгольской горноскладчатой системы и прилегающие к ней "тектонические пластины"

Ареал традиционного северного русского народного зодчества по материалам экспедиционных исследований Е.А. Ащепкова (1950-1953) и И.В. Маковецкого (1955-1962)

ПОСУДА В ДОМАХ НА ЕГОШИХЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.¹

На первой конференции, посвященной пермскому дому, мы представили реконструкцию ранних русских жилищ в починке на Егошихе, который был началом будущего города Перми. Реконструкция была произведена на базе лексики тематической группы «Жилые и хозяйственные постройки» по материалам памятников письменности Пермского края XVII – XVIII вв., сохранившихся в архивах и музеях Перми и других городов России.

С момента первого упоминания починка на реке Каме и на речке Егошихе (1647 г.) прошло более трех с половиной столетий, и нигде в Пермском крае не сохранились посуда и утварь XVII – начала XVIII в. Однако памятники письменности того времени донесли до нас сведения о крестьянских домах и предметах хозяйства в Перми Великой (Верхнее Прикамье). Зная о сохранении традиций переселенцами оттуда «на Муллы» (в бассейны Верхней и Нижней Мулянок) и затем на Егошиху, опираясь на имеющуюся в деловых текстах лексику и материалы для сопоставления, мы можем представить себе, какой была домашняя утварь в хозяйстве XVII – начала XVIII в. на Егошихе. Материалами для сопоставления послужили данные историко-лингвистических словарей [СПЛСР; СлРЯ XI-XVII вв. и др.] и исследований лексики Русского Севера XV-XVII вв. [ср.: Судаков 1988], откуда шла русская крестьянская колонизация Верхнего и Среднего Прикамья, а также результаты этнографических исследований Пермского края [Белицер 1958; Чагин 1991; Чагин 2002; Чагин, Черных 2002]. Характеристика посуды осуществлена на основе лексики памятников письменности исследуемого периода, написанных на территории Чердыни, Соли Камской, Кунгура и вотчин Строгановых. В итоге получены результаты, актуальные как для лексикологии, так и для этнографии Пермского края.

В починке, а затем деревне на Егошихе существовало крестьянское хозяйство, для ведения которого требовались определенные предметы посуды. Она была необходима для хранения продуктов, приготовления пищи и питья, их употребления, а также для ряда хозяйственных действий. Характеризовать предметы посуды удобней не по ее предназна-

чению [ср.: Судаков 1988], так как один и тот же предмет мог использоваться с разной целью, а по материалу, из которого она изготовлялась (этнографический подход). Вместе с тем невозможно обойтись без характеристики слов, называвших посуду в целом или отдельные ее предметы, с позиций лексикологии. Поэтому в данном исследовании были учтены оба подхода: лингвистический и этнографический.

Общим названием посуды в пермских памятниках письменности являлись слова *суды* и *посуда*. Но в их значении и употреблении существовала разница. Слово *суды* при характеристике посуды употреблялось только во мн. числе и было общим ее названием: *И корчемное и неявленное питье и суды велел привозить к себе... а суды отдавати на кабак* [Ш 3: 69], *Во всех хоромех и в коробьях и в ларцах и во всяких судех пересмотрити и переискати* [Ар, к. 1, 115]. Иногда с помощью определений уточнялось предназначение посуды: *У тех корчемников вино и пиво и мед и винные суды кубы и котлы и трубы вынимали* [Ар, к. 5, 1319]. Однако словом *суды* называли и речные суда: *На той речке на Насадке на усть делают Строгановых суды соляные* [К: 134]. В этом значении отмечается и форма ед. числа – *судно*: *Имать им... вниз реки судно и гребцов* [Ар, к. 3: 799].

Слово *посуда* было общим названием (*Посуды две кади две сельницы сито квашня ведро* [КЗСИ: 358]), но в живой речи им называли и конкретный предмет: *Я ис посуды допить вина не мог и он Дементей ис той посуды остаток вина вылил на пол* [КЗСИ: 1018]. Жанры памятников, в которых фиксируются общие названия посуды, и время их написания свидетельствуют о том, что старое слово *суды* 'посуда', употреблявшееся еще в «Домострое» XVI в. [Домострой: 165], постепенно уступает место синониму *посуда*, распространившемуся в Прикамье в начале XVIII в. Причинами этого, видимо, послужили многозначность слова *суды* – обозначение им разных понятий (и денотатов) – и стремление избежать этой многозначности.

Лексика посуды обычно отмечается в документах, посвященных купле-продаже, наследству или разделу имущества, в которых упоминали ценные вещи. Вместе с тем встречается упоминание посуды в судебных документах, написанных со слов истцов, ответчиков, свидетелей при описании различных житейских ситуаций, например: *У сенец двери не затворили... и свинья розбила у них в доме корчагу с квасом* [КСАУ: 211].

В Пермском крае в XVII – начале XVIII в. использовали деревянную, берестяную, глиняную и металлическую посуду. Меньше всего сведений в памятниках о деревянной посуде, что обусловлено жанрами текстов. Ее зачастую изготавливали сами, она не была ценной, поэтому ее названия не попадали в имущественные документы, за исключением названий крупных, специально изготовленных предметов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У, № 08-04-82408 а/У, № 08-04-82410 а/У, № 09-04-82402 а/У, № 09-04-82403 а/У.

При описи имущества лишь иногда отмечаются названия предметов, необходимых для выпечки хлеба: *решето, сито, сельница, квашня*, причем посуда могла использоваться и в качестве меры сыпучих тел: *Решето семени ляного* [КЗСИ: 814], *Два решета гороху* [КАУ: 281]. При подготовке пива использовался *русленик* 'деревянное корыто с отверстием для процеживания сусла', отмечаются в памятниках слова *лагун* и *лаговка* 'род боченка с плотно входящей крышкой для хранения жидкостей': *Пожитков отца моего... и кадец и лагунов да два русленика и всякой посуды ценою на 10 алтын* [КЗСИ: 358], *А по переписке явилось... шлея ременная лаговка в полтора ведра топор* [КЗСИ: 910].

Чаще в документах упоминались деревянные сосуды большого объема, используемые для хранения продуктов, – *бадья, бочка, боченок, ведро, кадь, кадца*: *В избе бадья меду-сырцу* [КАУ: 229], *За две бочки мелкия рыбы по рублю 6 алтын* [Ш 2: 163], *Боченок ведрной дубовой* [698], *Имал в работу... кадь елеву цена 10 алтын* [КА: 123], *А за работу ему исцу дал кадь в 11 ведр да другую в 4 ведра* [КА: 124], *Искал судом... за работу за кадцу* [КА: 123]. По некоторым цитатам очевидно, что специальные изготовители (бочкари, кадочники, лаговники) сбивали (сколачивали) кади и бочки из отдельных частей – досочек: *Пошлин... с рыбных бочек збою... не имати* [АПМ: 158]. Такие мастера отмечаются во многих пермских текстах: *С Медянки бочкарь а как зовут того де он Петр не упомнит* [КАУ: 229], *В Чусовском Верхнем городке... Парфенко Леонтъев сын лаговник* [РГАДА 1278: 46]. От названий мастеров возникали прозвища, давшие фамилии Бочкарев, Кадешников, Кадошников, Лаговников, Лагунников, ср.: *В Усолье Камском... Ивашка Онофриев сын Бочкарь* [КС: 156], *Крестьянин деревни Тишкова Григорий Иванов сын Бочкарев* [Даш: 35], *Крестьянин деревни Нижне-Муллинская Ивашко Яковлев сын Кадошник* [Е: 123], *Чердынец Гаврило Кадешников* [РСЧ 4: 77], *В погосте Нижнее Мошево Василей Иванов сын Лагунников* [Ч: 138 об.].

В посуде из бересты хранили сыпучие продукты и напитки. В пермских текстах XVII-XVIII вв. в качестве названий берестяных сосудов зафиксированы слова *бурак* и *туес* (*туесок, туйсок*): *Взяли... сало топленое да круп бурак* [КЗСИ: 843], *Нашел в горнице на печи за трубою в туесе вина... явилось в горнице на печи за трубою в туеске вина... послал для покупки вина на кружечный двор работного своего человека Василья с туйском* [КАУ: 229], *Пришед де он Шайдулко и поставил туес* [КЗСИ: 71].

Упоминаемая деревянная и берестяная посуда использовалась, судя по памятникам, на всей пермской территории; ее названия были принесены в Прикамье жителями Русского Севера, о чем свидетельствует употребление такой же лексики посуды в вологодских, архангельских,

поморских говорах, ср.: *бочка, бурак* [СПЛСР 1: 52], *кадца, кадь, лагун, лаговка* [СПСЛР 2: 63, 148], *квашня, бурак, туес* [Судаков: 43, 46] и т. д. Все названия деревянной и берестяной посуды сохранились в современных пермских говорах. Такая посуда была характерна для хозяйства разного достатка, она была необходима в доме, и поэтому ее должны были использовать в поселении на Егошихе.

О керамической, глиняной посуде в пермских памятниках гораздо меньше упоминаний. Она была покупной, тогда как многие предметы деревянной посуды делали не только специальные мастера, но и сами крестьяне. Изготавливавших глиняную посуду мастеров называли *черепанами*, они упоминаются, начиная с самой ранней переписи Перми Великой (1579 г.), ср.: *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Гриша черепан* [Я: 21 об.]. Именно создатели глиняной посуды явились основателями фамилии Черепанов, распространенной в разных местах Прикамья [СПФ: 415]. Черепаны изготавливали корчаги, кринки, кружки, горшки, латки, фляги: *Свинья розбила у них в доме корчагу с квасом* [КАУ: 211], *Кринка масла коровья* [КЗСИ: 814], *Вино продавать... в кружки по два рубли* [Ш 3: 489], *Взяли из дому моего грабежом... флягу белой глины мурамленую ценою 8 гривен* [КЗСИ: 786].

Металлическая посуда была очень дорогой, она передавалась из поколения в поколение, учитывалась при разделе имущества, поэтому ее названия в картотеке «Словаря пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СПП] составляют более значительную часть, чем названия деревянной, берестяной или глиняной посуды. Металлическая посуда использовалась не только в домашнем хозяйстве, но и в церкви.

В описаниях крестьянского хозяйства отмечаются названия предметов, которые ставили на огонь, – *горшок, котел, котлик, сковорода*: *Два горшка медных один ветхой другой изгарной обожженой* [КАУ: 229], *Покрали у меня неведомые воровские люди... со стану котел красной меди весом в полчетверть фунта* [КЗСИ: 441], *Котлик медной ветхой красной меди* [КЗСИ: 814], *Да мне Семену досталось... котел да таз сокера да ральники* [ЧМ 2561: 4], *Котел красной меди да сковорода* [КЗСИ: 358]; *Сковорода блинная* [КАУ: 123]. От металлических предметов, используемых в хозяйстве, требовалась твердость, ср. *нож, ножик, вилка, ступица*: *Взяли... три ножа простых* [КА: 33], *Пятеры вилки один ножик четыре серпа* [КЗСИ: 121], *Привод Евстафейка Васкецова с личным ступицею да сломанным серпом* [РСЧ 10: 23 об.]. Металлическая посуда использовалась в винокурении: *Винокуренных де казанов и кубов и горшков и кадей у него Кирилла нет* [Ар, к. 5: 1319].

Во второй половине XVII – начале XVIII в. металлическая посуда распространяется в домах богатых крестьян – *ковш, наливка, стакан, чарка*: *Ковш медной с полудой цена 2 алтына ковш релчатой цена 10 алтын* [КА: 33], *В том же дворе ево Яковлеве явилась коробка а в ней*

стокан оловянной наливка медная [КЗСИ: 358], И он Федот взял у него стакан оловянной... и связав де ево Федота отдали и со стаканом десятнику Семену Трофимову [КЗСИ: 352], Ево Ивана он Дементей вином поил ис чарку [КЗСИ: 1018], Взял... чарку серебряную [Ар, к. 1: 106], Взял... чашку релчатую ценою в 2 гривны [КЗСИ: 786]. Такую посуду в этот период могли использовать и на Егошихе.

Церковная посуда (серебряная, медная, железная, оловянная) отмечается в памятниках разных территорий Прикамья – блюдо, блюдец, ковш, лжица, миса, сосуд, чаша: Сосуды один серебрян и один оловянен и к ним блюдца и ковши... и такая ж три блюда [Ш 5;: 115], Сосуды медныя лжица серебряная [Ш 2: 208], Да у Николы же... подсвечники железо немецкое белое миса медня [Ш 2: 194], Чаша медная лужена водоосвященная [Ш 2: 219]. Она могла появиться только в XVIII в. с возникновением церкви на Егошихе.

Этнографы полагали, что на Среднем Урале, включая территорию Прикамья, «металлическая, стеклянная и фаянсовая посуда вошла в обиход только зажиточных крестьян с конца XIX в.» [Чагин 1991: 82]. Однако памятники свидетельствуют о том, что металлическая посуда использовалась в состоятельных крестьянских домах на протяжении всего XVIII в. (выше приведены цитаты из КЗСИ и КСАУ – кунгурских актов 1702-1710 гг.).

Названия предметов посуды были актуальными в речи жителей Прикамья и нередко попадали в антропонимию – прозвища, а затем и фамилии, ср.: Гришка Еуфимьев сын Бочкин, Ивашка Якимов сын Ведров, Никитка Прокопьев сын Горшок, Алешка Бураков, Акулина Нефедьевская жена Кадочкина, Васька Иванов сын Квашнин, Илья Яковлев сын Ковшев, Еремка Остафьев сын Лаговкин, Сергушка Панкратов сын Латкин, Ивашко Чашин и др. [СПФ: 58, 64, 75, 102, 152, 161, 169, 209, 211, 412], Тимошка Алексеев сын Туйс [СПП 6: 184].

Итак, пермские памятники содержат лексику, называвшую различные предметы посуды в крестьянском хозяйстве Прикамья XVII – начала XVIII в., и все они практически могли использоваться в деревне на реке Егошихе. С возникновением в 1723 г. государственного медеплавильного завода здесь меняется состав населения, меняется его социальное положение, что отражается на хозяйстве (и в частности, на употреблении посуды: появляются привозные фаянсовые и стеклянные предметы). Но домашнее хозяйство преобладающей части жителей продолжало в XVIII в. оставаться прежним, и на Егошихе преобладала деревянная, берестяная и глиняная посуда.

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПИИ РАН. Кол. 115. № 388.

Ар., к. – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. / В. Н. Белицер. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Даш – Переписные Осинские книги князя И. Дашкова с пояснениями В. Н. Шишонко. Копия с копии. Рукопись. ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 34.

Домострой по списку Императорского общества истории и древностей российских. – М., 1882.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1893. – Вып. 2. – С. 87-146.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. – Пермь, 1889. – С. 110-194.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). – СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Оп. 1.

КС – Писцовая книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 208.

КСАУ – Кунгурские судебные-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1.

РГАДА 1278 – Фонд Строгановых. Рукопись. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ч. 1.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «Г. Чердынь».

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-2008. – Вып. 1-28.

СПЛСР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003-2005. – Вып. 1-2.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 6 вып. / Сост. Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СПФ – Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книжный мир, 2005.

Судаков Г. В. География старорусского слова: Учеб. пособие по спецкурсу / Волог. пед. ин-т. – Вологда, 1988.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. № 2357.

Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века / Г. Н. Чагин: Учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: Изд-во Томского ун-та. Перм. отд., 1991.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: Учеб. пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений / Г. Н. Чагин. – Екатеринбург: «Сократ», 2002.

Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX-XX вв. / Г. Н. Чагин, А. В. Черных. – Пермь, 2002.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Фонд 2561.

Ш – Шишонко В. Пермская летопись. Периоды 1-5. – Пермь, 1880-1889.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308.

ВИШНЕВЫЙ САД.

(Коллективный сад № 2 в Мотовилихинском районе)

Являвшиеся неперенным атрибутом советских городов так называемые мичуринские сады приходят в упадок и исчезают под натиском современной многоэтажной застройки, либо трансформируются в кварталы элитных коттеджей. Пройдет какое-то время, и людям будет трудно даже представить себе, какую важную роль они играли в жизни. Пермь в этом отношении далеко не исключение. Кто сейчас вспомнит, почему один из микрорайонов города называется Садовым и какое название носила прежде остановка «Авторадио»? (1).

Практически отсутствуют исследования по данной теме, почти не откладывается архивный материал. Предпринимая попытку отчасти восполнить этот пробел, автор досконально изучал документацию типичного на его взгляд сада № 2 Мотовилихинского района Перми, расположенного в логу перед Южной дамбой, читал старую прессу, интервьюировал ветеранов-садоводов.

Исторически Сад уходит корнями в XVIII век, а то и еще более ранние времена. Достоверно известно: у лога, по которому протекает река Егошиха, на месте, где ныне располагается финансовый колледж, стояла деревня Суханки, а чуть поодаль – выселки. Последними искони назывались выделившиеся небольшие поселения, основываемые по тем или иным причинам не ужившимся с прежними соседями, пришлым, «гулящим», «беспашпортным» людом, включая беглых крепостных, дезертиров, «татей». Типичным видом строений суханских выселок являлись беспорядочно разбросанные, то лепящиеся друг к другу, то далеко отстоящие убогие избушки с пристроями, землянки и полуземлянки. Это диктовалось рельефом местности, близостью к речке и впадающим в нее многочисленным ручьям, родникам. Лишним подтверждением малообжитости служит гнездование здесь дичи. Во всяком случае, автор наблюдал высиживающих яйца диких уток еще в 2006 году.

Постепенно разрастаясь, деревня и выселки встретились, сомкнулись. Жители проредили лесные заросли, устроили пастбища, огороды, обиходили родники, места для водопоя скота и купания, сколотили «полоскушки». Мало что изменили в судьбе выселок первые годы Советской власти. Разве что большинство крестьян эволюционизировало в рабочих. Сказалась близость промышленных предприятий. Где-то в начале 1930-х гг. провели электричество; чуть позже – сетевое радио.

Садовница З. М. Клестова: «Я, коренная пермячка, помню, что до войны эта местность являлась излюбленным местом проведения маевки и других загородных гуляний. Взрослые располагались на пригорках – с гармошками, гитарами, патефонами, самоварами, выпивкой-закуской. А мы – детвора – собирали густо растущую землянику и грибы, спускались к речке – чистой, прозрачной, каждый камушек видать. Суханки запомнились протянувшимися в одну улицу; почти перед каждым домом – черемуха».

Положение круто изменила Великая Отечественная война. Возросшее население города Молотова, трудности с продовольственным снабжением обусловили использование под посадку любого свободного клочка земли. В 1944 г. на смену индивидуальным огородникам-«самохватам» пришли организованные. Выполняя постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О развитии продовольственной базы западного Урала», местные власти выделили территорию у Суханок заводу п/я № 210 имени В. М. Молотова (в последующем – им. В. И. Ленина, в настоящее время – холдинг «Мотовилихинские заводы»). Руководство и профком предприятия распределили ее среди своих работников. Ровные участки вспахали конными плугами, неудобцы – лопатами, устроили гряды-террасы. Для сбережения урожая выставили пост. Мера отнюдь не излишняя. Достаточно обратиться к источнику – письму пермяка А. В. Жданова, датированному 2 июля 1943 г. Подробно перечислив посаженное (картошка, лук, салат, шпинат, чеснок, укроп, капуста, репа, огурцы, помидоры, свекла, редька), автор сетует: «Большой надежды нет, что придется самому собирать: уже теперь очень усердно опустошают огороды» (2).

Формально участки предоставлялись на один сезон. Однако пользователи, не менявшиеся на протяжении ряда лет, стали хлопотать перед Молотовским горисполкомом о закреплении за ними земли на постоянной основе. Дирекция и профком завода поддержали ходатайства. И вот 16 октября 1952 г. постановлением Молотовского горисполкома № 667 оформляется положительное решение. В нем и в договоре 10-летней аренды месторасположение сада определено так: «на северо-западной окраине деревни Суханки по склонам Егошихинского лога». А в плане участка: «на южном склоне лога на южной окраине деревни Суханки». Отсюда – вольное толкование и, по существу, снова самозахват: формально было выделено 7,78 гектаров, на деле сад раскинулся на площади до 12 гектаров. Ай да сталинский тоталитаризм, при котором, якобы, все и вся находились «под колпаком».

В списки «членов плодово-ягодного сада» попали в основном рабочие, мастера, ИТР, незначительное число начальников, партийных и профсоюзных функционеров невысокого ранга, а также пенсионеры.

Учитывались стаж, трудовые и боевые заслуги, болезни и увечья. К сожалению, не удалось выяснить ФИО садовода – участника революции 1905-1907 годов. Двое из зачинателей – А. Н. Пищальников (электрик) и А. И. Калинин – ведут хозяйство до сих пор (причем последний продолжает работать на заводе).

Территорию сада огородили забором из досок, заново спланировали. Участки по шесть-восемь соток с прилегающими неудобьями, где крутизна превышала 45 градусов, нарезали длинными «шнурками», между которыми пролегал узкие тропы. Распределяли жеребьевкой. «Начали с вырубki и корчевания деревьев... Дороги в сад не было... Ходили от ул. Уральской по грязи... Не было воды. Её носили на коромыслах из Егошихи...» (3).

Типовой проект домиков отсутствовал. Условия предполагали, что таковые будут не капитальными (дощатыми) и расположены по краям участков. Возводить «жилые и хозяйственные постройки» запрещалось.

Прошло совсем немного времени, и зацвели деревья. Особенно много – вишневых. Воду для полива, противопожарных, бытовых нужд и купания стали обеспечивать не только естественные водоемы, но и мини-атюрное водохранилище (для чего запрудили Егошиху), многочисленные емкости (железные баки, бочки и кубы). К концу 1950-х гг. появились первые насосы, в 1960-е – летний водопровод и подземное овощехранилище. Наряду с дощатыми домиками стояли бревенчатые и даже кирпичные дома. Сарайчики, загоны и клетки населяли свиньи, козы, кролики, куры, утки. На трех участках располагались ульи (один из пчеловодов – П. Л. Руденок). Пчелы переносили пыльцу растений, благодаря чему те распускались пышным цветом. Всех превзошел татарин Замигулла Зингатулин: в соответствии с унаследованными от кочевых предков устоями, держал лошадь и пару овец.

В саду организовывались конкурсы на лучший участок, выставки элитных образцов выращивавшихся культур. Аналогично – при участии в выставках районного и городского масштабов (4). С участием ученых ПГСХИ проводились лекции по агротехнической тематике. Да и свой агроном – А. Г. Гришаев – зарекомендовал себя настолько квалифицированным специалистом, что постоянно публиковался в газете «Вечерняя Пермь». Часть урожая садоводы организованно передавали для воспитанников подшефного детдома № 2 г. Перми; одной клубники – по 60 килограмм за сезон (5).

Для охраны от «страдающих» мальчишек были организованы круглосуточные дежурства; мужчины крепче охраняли сад ночами, кто постарше и женщины – днем. Для острастки – собака и ружье с патронами, снаряженными солью.

С садом связаны судьбы целых поколений. Показательна в этом отношении династия Кузнецовых.

Фронтоник, в последующем начальник цеха и заместитель Главного конструктора ПЗХО Алексей Иванович Кузнецов с супругой Лидией Александровной, педагогом по специальности, приобрели участок в 1961 г. Оба, особенно выйдя на пенсию, с душой работали на нем, заново отстроили домик, возвели баньку, сарайчик, теплицы, насадили яблони, разбили ягодники. Принимали активное участие в общественной жизни сада, неоднократно избирались в его руководяще-ревизионные органы. И так – до последних дней жизни. В буквальном смысле слова. 20 сентября 1991 г. в возрасте 68 лет на садовой дорожке Алексей Иванович упал и умер от сердечного приступа. Овдовев, Лидия Александровна работала в саду до 83 лет из 85 лет своей жизни.

Их старший сын Борис, женившись, заведя собственное хозяйство, отдался и в саду практически не появлялся. Зато младший – Андрей, хоть и не унаследовал любви к земле, вырос здесь, и куда бы в последующем ни бросала его судьба (6), возвращаясь в Пермь, постоянно помогал матери обихаживать участок, по инерции и из сыновнего долга. А. А. Кузнецов оставил интереснейшие воспоминания о своем детстве, отрывок из которых привожу без какой-либо стилистической правки.

«Жили мы тогда на площади Дружбы. Трамваи до сада еще не пустили, и мы добирались автобусом № 4, ходившим по городу с интервалом полчаса – час, или пешком. Магазинов рядом с садом не было. Поэтому снаряжались, как в поход, тащили все на себе. Путь лежал через деревню Суханки и занимал довольно много времени. Деревня была хотя и большая, однако тихо умирающая. Как я сейчас понимаю, жители в чистом виде сельским хозяйством уже не занимались, так как в основном работали на предприятиях Перми, а участки использовали под огороды. Между деревней и садом возник большой пустырь, который частично использовался для посадки картофеля. Делалось это без всякого согласования с властями района (города), но и без всяких обязательств. Когда в 1967-1968 гг. эти участки стали застраиваться, то садоводы были страшно недовольны, но и претензий власти не предъявляли, о какой-либо компенсации не могло быть и речи.

Большинство садоводов были рабочими, вышедшими из деревень в первом поколении. Средних лет, привычные к сельскому укладу, они стали воспроизводить быт деревни, общины. Одновременно воспроизводились и самые дремучие нравы. Помню, мама меня строго-настрого предупреждала, чтобы я не рвал ягод с чужих участков. Как-то летом, когда мне было 9-10 лет, я увидел, что у соседа Зонова на грядке яркая крупная виктория. Не удержался, сорвал и съел пару ягод. На мою беду это увидела соседка Мария Жадюговна. Она стала громко, на весь сад, стыдить меня, что я вор. Я был очень расстроен. Жадюговна на этом не успокоилась и донесла о происшедшем Зонову. Тот был оскорблен до

глубины души. Еще бы! Я покусился на самое святое – на его «священную и неприкосновенную частную собственность». С громкой бранью он прибежал и стал разбираться с моими родителями, оскорбляя их, обвиняя во всех смертных грехах. Мол, воспитали бандита и грабителя. Дело едва не дошло до рукопашной. Свары из-за ягод, раскопанной межи, проходов на участки и т. д. не были редкостью. Собрания садоводов превращались в разборки по самому мелкому поводу и продолжались часами. Помню, был садовод Вяткин, низкорослый, сухощавый, очень подвижный, он постоянно находился в саду, и без него сад представить себе было трудно. Вяткин был очень крикливый, и без скандала с собрания не уходил никогда.

И все же садовый микроклимат определяли не вышеописанные жлобы и скандалисты. Здесь не только работали, но и отмечали дни рождения, играли свадьбы, отмечали юбилеи. Для многих, особенно пожилых, связанных с садом десятилетиями, он превращался в источник жизненной энергии, сохранения здоровья. Одна женщина-садовод как-то поведала мне, что врач прямо написал в её истории болезни: чтобы жить, надо работать в саду. Моя мама – тому подтверждение».

У внучек (то есть третьего поколения) интерес к саду атрофировался почти полностью. Так, заскочить, поесть ягод, устроить пикничок...

По «кузнецовскому» подобию хирели и остальные садоводческие династии. Молодые, если и принимали участие в обработке участков, то с неохотой, «в принудилровку», абы как. Стоило старикам слечь, уйти из жизни, и земля приходила в запустение, нарастали задолженности по платежам, отработкам, дежурствам.

Заговорили даже о скором конце «садовой эры». Выступая на страницах «Звезды», заместитель начальника Главпермархитектуры А. Виноградов (ныне – главный архитектор Перми) обосновывал необходимость их сноса в течение 5-10 лет. Мол, занимаемые ими 900 гектаров (самая большая площадь в СССР) для города – непозволительная роскошь, помеха развитию (7).

Разразившаяся с конца 1980-х гг. великая смута и распад отразилась на Саде самым непосредственным образом. В духе перестроечных веяний попытались создать торгово-сбытовой кооператив для совместной реализации излишков продукции. Увы, не хватило слаженности и коммерческой сметки.

Начались, по выражению «Мотовилихинского рабочего», «многочисленные набеги ночных гостей». Воры – взрослые и дети – полезли косяками, почти не скрываясь. Газета «Звезда» 3 сентября 1989 г. опубликовала вопль души садовода, жалующегося и наивно уповающего на лучшее: «Блудливые руки... шарят в домиках и овощных ямах, отрясают яблони, а не найдя, чем поживиться, ломают и пакостят. Это беда всех

городских садов – нашествие хулиганов и бомжей. Каждый раз вызывать милицию? У неё посерьезней дел невпроворот. Остается надеяться, что с продвижением к правовому государству у населения выработается уважение к частной собственности, повысится общая культура...».

Но и это оказалось цветочками. Вскоре появились грабители: пьяные, одурманенные наркотиками, с дубинами и ножами. Таким сам черт не брат. Их привлекала не столько садово-огородная растительность, сколько металл; сперва – цветной, затем – любой.

Бессчетное количество обращений в милицию и редакции газет давало более чем скромный результат. Начальство кормило обещаниями взять решение проблемы безопасности Сада под личный контроль и предлагало заключить договор с вневедомственной охраной (а это не по карману садоводам). «Досье 02» опубликовало пару заметок, и всё. Документ из садового архива, не нуждающийся в комментариях: «Признаемся, читатель, когда мы писали о себе – «дачниках-неудачниках» Сада № 2 Мотовилихинского района г. Перми, то ошибались. Мол, «по железке, по луковке, глумливо-безнаказанно разоряют нас «металлоискатели». Ан нет, с «мелочевкой» покончено! Недавно среди бела дня приехали туда на оснащенном подъемным краном грузовике, подцепили цистерну весом несколько тонн, газорезными аппаратами порезали водопроводные трубы. Та же судьба постигла сварной мост. Не поленились пройти по домикам. Даже кровельное железо с них посрывали. О садово-огородном инвентаре и хозяйственно-бытовых предметах – всяких там печках, кастрюльках – и говорить не приходится, мели всё, что под руку подворачивалось. При попытке задержания силами садоводов оказали сопротивление. И были таковы».

Навалилась другая беда – поджоги. Счет сгоревшим домикам идет на десятки. Пожары – следствие неосторожного обращения с огнем пьяных «бомжей», забав подростков-пироманов, а в паре случаев – расчета на получение страховки.

Пародия на прокатившийся повсеместно «парад суверенитетов»: сад откололся от завода и реорганизовался в качестве потребительского кооператива. Со своим уставом и печатью, на которой изображалась вишневая кисточка. В свою очередь, владельцы овощных ячеек откололись и образовали самостоятельное юридическое лицо – ККОХ № 15. Тем самым от сада отторглась часть территории, возникли «пограничные» споры, годами (в том числе через суд) выяснялось, кому принадлежит бревенчатое здание, являющееся одновременно и сторожкой, и местом проведения собраний.

Стало приходиться в упадок общесадовское хозяйство. Садоводы перестали подновлять мостки и дорожки между увалами, вырубать заросли, чистить ручьи. Хозяева сами отключали электричество, руши-

ли печи – «чтоб бомжи не селились» (помогло слабо; в отдаленных домиках вконец опустившиеся личности, соорудив примитивные очаги, устраиваются даже на зиму; с ними мирно соседствуют свирепые стаи бродячих собак).

Появилось немало заброшенных, вконец одичавших, за бесценок продававшихся участков. Что представляли собой их покупатели?

Вот прошедший шесть «горячих точек» отставной контуженый (от того почти совершенно глухой) Полковник. Его перу принадлежит гимн Сада «Нас земля позвала»:

*«(...) Это ад, а не рай –
Место нашего бедного сада;
Каждый наш садовод –
Персонаж от маркиза де Сада...
Я из сада иду,
Как солдат из жестокого боя.
Это счастье мое;
Друг – ты знаешь, что это такое?»*

И далее – в том же духе. Горькой иронией проникнуты стихи Полковника:

*«Ах, как взор наш ласкают морковь,
Кабачки, огурцы, помидоры...
Только жаль, что съедим их не мы,
А жуки-плодожорки и воры».*

Или вот еще:

*«Весна. Рыхлю граблями грядку.
Гляжу, сосед мешок несет.
– У вас картошка на посадку?
– Нет, исключительно на взлет».*

Полковник считался не от мира сего. Еще бы! Вооруженный черенком от лопаты, в одиночку кидался на грабителей. Во все горло распевал военные песни. Привечал местных собак, особенно, щенков. На недоуменные вопросы соседей отвечал: «А вдруг они посланцы Аллаха». Мол, по исламскому вероучению Аллах посылает вести и проверяет людей через нуждающихся в помощи посланцев любого облика.

Вот Археолог-самоучка, не пропускавший ни одной окрестной мусорки, чтобы не обшарить ее на предмет сбора историко-краеведческих экспонатов для стихийно возникшего садового музея. Сюрреалистически выглядело «выращенное» им чайниковое дерево. Чайники (подобранные там же) располагались на ветвях в строгой последовательности: внизу зеленые, затем белые, выше – розовые и у верхушки – «самые спелые», красные. По весне археолог ковырялся на оголенных склонах и нет-нет да и пополнял коллекцию то подковой, то чугунком, то

архаичным топором, то полым пушечным ядром-бомбой. Однажды наткнулся даже на остатки лодки-плоскодонки, неоспоримо свидетельствовавшие об Егошихе, как транспортной артерии Первогорода. Из давно заброшенных домиков и сараев вытаскивал крестьянские пузатые кадучки, прялки, вальки и рубели, рубанки, сапожные «лапы» и другой «струмент» мастеровых, мещанско-«купецкие» комоды и буфеты, изящные венские стулья и этажерки – принадлежность быта зажиточных слоев пермского общества XIX – начала XX вв. Реставрировал их – на зависть и загляденье. Представляете, стоило снять наслоения половой краски и грязи, как обнаруживались благородные поверхности мореного дуба, бука, ясеня... Эти вещи некогда украшали дома и квартиры, а составившись и выйдя из моды, доживали свой век здесь. Реставрация позволила им начать третью жизнь.

Вот женщина-профессор медицины, удочерившая годовалую девочку, тем заодно спасшая от пьянства мужа-пенсионера. Любо-дорого посмотреть на эту, дружно копошащуюся у грядок трицу.

Вот хваткий преподаватель права одного из пермских ВУЗов. Став официальным юристом Сада, он разработал изящную схему, благодаря которой участки один за другим стали приобретать новых владельцев. Мол, если нельзя распорядиться муниципальной землей, давайте будем продавать «садовые домики, иные постройки и сооружения, плодовые деревья, кустарники и иные насаждения...» (8). Пошло-поехало. Оптом. Массивами по гектару и более. Покупателей тут же принимали в члены кооператива. Так дополнили его ряды глава фирмы «Инвестиции и строительство» Коровников, его коллега из «Новостроя» Чистяков и другие предприниматели. Плюс «солидняки» с известными в городе фамилиями: Шубина, Серебрянский, Савин, Ранжич...

«Новым русским» наплевать на садоводство-огородничество, их цель – оформить «прихватизацию», застроить приобретенные земли и/или пустить их в спекулятивный оборот. По документам – картина в их владениях идиллическая: аккуратные «одноэтажные жилые строения без права регистрации проживания», возделанные гряды... На деле – по пепелищам только ветер свищет. Чтобы создать видимость хозяйствования, псевдосадоводы поселили нескольких «гастарбайтеров» – таджиков и узбеков.

Бес стязательства вселился и в некоторых коренных обитателей. Того же Острокнутова. Собrania превращались в бранчливые разборки, кто у кого и за сколько перекупил участок...

Ажиотаж был таков, что цены взлетели в десятки раз. Скупку земель и «войну всех против всех» приостановили кризис, понимание, что только сообща можно противостоять рейдерским захватам (а таковые предпринимались дважды), оформить постановку на индивидуальный када-

стровый учет и, в итоге, добиться приватизации. Сплачивал страх лишиться «благоприобретенного». Тем более что СМИ вновь то и дело оглашали самые грандиозные проекты использования территории: под зоосад, аквапарк, небоскребы, автотрассу...

Пока суть да дело, Председатель с Юристом сочли за благо извлечь добро из худа. Подстерегали металлограбителей, конфисковывали их добычу и сдавали ее в приемные пункты. Мобилизовали на сбор металлолома Полковника с Археологом. Невелики доходы, а все же... Попутно выяснилась интересная картина. Подавляющее большинство трофеев – либо индустриальной принадлежности (рельсы, швеллер, трубы, напольные плиты, арматура, цистерны, котлы и баки), либо предметы труда и быта, изготовленные на заводах «левым способом» и из казенного сырья. Снова лыко в строку тем, кто паразитирует на жупеле тоталитаризма. Всяк тащил, что хотел. Только в этом саду накопилось несколько десятков тонн «лишнего» металла!

Когда постановка на кадастровый учет вступила в завершающую фазу, стало на глазах рушиться общинно-советское устройство и внедряться капиталистическо-«прихватизаторское», с соответствующими нравами и психологией: «каждый сам за себя, один бог за всех».

Собрание 20 июня 2009 г. Богатеи дружно проголосовали за отказ от дежурств: «кому надо – те пусть и сторожат». Отрезан водопровод, поскольку не перезаключен договор с Пермводоканалом: «ну и пусть, нам поливать не надо». Беднота попробовала было провести решение о перекачке воды насосом из Егошихи – полный отлуп. Увеличить оплату за пропуск отработок? Ни в какую. Субботники? «Да ну их».

29 августа. У Красного уголка пригорюнились четверо престарелых садоводов во главе с Председателем. Мимо бредет юнец с подернутым дурманом взором. На вопросы – куда? зачем? – бесхитростно отвечает: «Туда. За маком».

Может создаться впечатление, что данный сад – нечто из ряда вон. Отнюдь нет. В других – то же самое, а то и похлеще. Где-то садовод убивает соседа за сдвинутую на 15 сантиметров межу, или, залезая на земли общего пользования, возводит капитальные постройки (9). Где-то старых владельцев вытесняют посредством вполне демократических и законных процедур. Так, в логу между Разгуляем и Мотовилихой скупщики, набрав 51% голосов в бывшем садоводческом кооперативе завода им. Шпагина, постановили: под угрозой исключения собрать с каждого члена по 50 тысяч рублей «на благоустройство сада». Прекрасно понимая, что бедноте это не по карману. Альтернатива одна: продажа по дешевке. Где-то по садам сначала проехали бульдозеры строителей, а затем уж владельцы получили символическую «компенсацию» (например, в логу за улицей Гайдара и у трамплина). Где-то власти официально «раскулачивают», не продлевая аренды. Где-то жгут...

Как видим, в миниатюрном гротесковом виде перед нами предстали исторические парадигмы – в спектре от столыпинского разрушения общины до распада советской социально-экономической системы и построения рыночной. Чехову с его «Вишневым садом» такое и не снилось.

1. Мичуринские сады.
2. Многими скорбями. – Пермь, 2005. – С. 164.
3. 35 лет коллективному саду № 2 Машиностроительного завода им. Ленина: Иллюстрированный альбом. – Пермь, 1988. – С. 8.
4. Это подтверждают сохранившиеся в архиве сада и у отдельных ветеранов почетные грамоты.
5. Мотовилихинский рабочий. 1989. 21 авг.
6. А. А. Кузнецов, в качестве следователя по особо важным делам военной прокуратуры, постоянно находился в разъездах. Побывал в «горячих точках» – Приднестровье и Таджикистане. Ныне в звании полковника юстиции занимает руководящую должность в Генеральной прокуратуре РФ.
7. Звезда. 1989. 6 окт.
8. Текущий архив ПК сада № 2. Дела 2006-2007 гг. Цитируется типовой договор купли-продажи.
9. См.: АИФ-Прикамье. 2009. № 35. С. 1-2. В данной публикации речь идет о саде № 26.

И. П. Стародубцева

ЛЮБИ И ЗНАЙ СВОЙ КРАЙ РОДНОЙ. Опыт проведения областных (краевых) краеведческих радио-уроков и конкурсов

15 лет назад, в октябре 1993 г. одна из передач программы «Большая перемена» Пермской государственной телерадиокомпании «Т7» началась с мелодии Ю. М. Чичкова «Родная сторона», и следом прозвучали первые вопросы радиовикторины по истории, культуре, географии Пермского края. Так началась реализации совместного проекта отдела краеведения Пермского областного центра детского и юношеского туризма (сейчас – Пермский детский центр «Восхождение») и отдела молодежных передач государственной телерадиокомпании «Т7». Авторы проекта ставили перед собой задачи не только пропаганды краеведческих знаний и расширения кругозора учащихся, но и привлечения их к активному изучению родного края, постижению основ краеведения, методики ведения краеведческого поиска.

Широта и важность поставленных задач привели к тому, что от формы простой викторины (вопрос авторов передачи – ответ участников) пришлось постепенно перейти к более подробному освещению каждой темы, к проведению настоящих краеведческих радио-уроков. Переда-

чи звучали раз в неделю, по воскресеньям. Радио-уроки включали в себя освещение определенной краеведческой темы и выполнение участниками домашнего задания, которое высылалось в адрес редакции в течение двух недель со дня выхода передачи в эфир.

Подбор интересного и содержательного материала, отражающего различные стороны истории и культуры Пермского края, творческие задания, своеобразная форма подачи материала – все это вызвало активный интерес у слушателей «Большой перемены». Более 150 участников передачи из различных регионов области, в том числе школьные коллективы, члены краеведческих объединений, целые семьи и просто юные радиослушатели.

Темы радио-уроков, объединенных в блоки, охватывали практически все направления школьной краеведческой деятельности и все области приобщения человека, не связанного профессионально с краеведением, к элементарным краеведческим познаниям.

1 блок. «Память – это преодоление времени»: «Вы узнаете о том, что такое краеведение, вместе с нами вспомните имена наших земляков, замечательных людей земли Пермской, благодаря которым мы сохранили свою историю».

2 блок. «Музей воспитывает юных»: «Наш новый тематический блок посвящен музейному делу. Вы узнаете историю музеев, вспомните основные музейные термины, познакомитесь с работой некоторых музеев нашей области».

3 блок. «Архивы – юным краеведам»: «Любой краевед, будь то совсем юный школьник или умудренный опытом историк, начиная свои исследования, на определенной стадии обращается к архивам, к архивным документам. На наших уроках мы постараемся разобраться с понятием «архив», ответить на вопросы: «Какими бывают архивы?», «Как работать с архивными документами?», «Как создать свой личный архив?».

Вот так, в основном, и начинались передачи каждого из семи блоков радио-уроков, среди которых «Моя родословная», «Что такое геральдика?», «Моя библиотека», «Мы сохраняем историю». Самое интересное – это письма участников радио-уроков.

Проведение областных краеведческих радиовикторин и заочных радио-уроков краеведческих знаний вызвало широкий резонанс в области. Ежегодно в мае проходит встреча самых активных участников передачи «Люби и знай свой край родной» (под таким названием она идет все 15 лет). В 2002 г. такая встреча состоялась в администрации Пермской области с участием вице-губернатора Т. И. Марголиной, в 2003 г. ребят приветствовали депутаты Законодательного собрания Пермской области, в последующие годы – руководители службы радиовещания Пермского края, директор Пермского краевого детского центра «Восхождение», представители Министерства образования Пермского края.

На одной из таких встреч родилась новая идея проведения краеведческих радиовикторин – в форме конкурса юных экскурсоводов, знатоков родного края. И в очередное воскресенье октября 2002 г. в радио-эфире вновь прозвучала знакомая мелодия и слова обращения к юным слушателям. 2003 год был юбилейным для областного центра. 280 лет назад на месте впадения небольшой речки Егошихи в Каму был заложен медеплавильный завод, положивший начало городу. Предметом нашего наблюдения в этом учебном году и стала историческая Пермь. Отдел краеведения Пермского областного центра туризма, краеведения и экскурсий и передача «Большая перемена» предложили совершить своеобразную заочную экскурсию-путешествие по Перми, материал для которой предлагалось подготовить самим слушателям.

Более 200 человек участвовало в этом радио-путешествии, каждое воскресенье в течение 2002/2003 учебного года звучали в эфире голоса юных экскурсоводов, рассказывавших о Перми.

Вообще тема Перми возникает практически в каждой передаче «Люби и знай свой край родной». Идет ли разговор о замечательных людях Прикамья, или об истории образования, или о вкладе земляков в Победу 1945 года, так или иначе мы говорим с радиослушателями о главном городе края, о сердце его. И поэтому еще одна замечательная традиция родилась за эти 15 лет. Практически каждая очная встреча юных радиослушателей завершается экскурсией по городу. При этом очень часто не только гости города, юные радиослушатели из разных населенных пунктов края, но и юные пермяки открывают для себя незнакомую Пермь.

Так, весной 2008 г. радиовикторина проходила под названием «Замечательные семьи Прикамья». Семья, близкие, домашние, дом, родители, род, родина – это все понятия одного круга, родственные между собой. Императрица Александра Федоровна в своем дневнике писала: «Главным центром жизни любого человека должен быть его дом, его семья. Это место, где растут дети – растут физически, укрепляют свое здоровье, впитывают в себя все, что сделает их истинными и благородными мужчинами и женщинами. Великое искусство – жить вместе, нежно любя друг друга. Это должно начинаться с самих родителей. Каждый дом похож на своих создателей. Он должен быть наполнен такой любовью, таким счастьем, что, в каких бы краях человек потом ни странствовал, сколько бы лет ни прошло, сердце его должно все равно тянуться к дому».

Вот об этом – о доме, о семье – и говорили мы с ребятами, вспоминая наших знаменитых соотечественников, тех, кто считается гордостью нашего края. И конечно, вспоминали места в нашем городе, связанные с именами Дягилевых, Смышляевых, Солдатова...

«Как часто мы проходим мимо зданий, не обращая внимания на их внешний вид, не замечая, что на них находится, например, мемориальная доска. Потом что-то заставляет остановиться, прочитать, вспомнить...», – об этом написали нам ребята, отвечая на вопрос: на каком здании в городе Перми расположена мемориальная доска, посвященная Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву?

Тема семьи, родного дома, поднятая в радиопередачах, заставила ребят по-новому взглянуть и на свои собственные дома, на места, где они живут.

Интересно, что передача «Люби и знай свой край родной» за годы существования приобрела своих постоянных слушателей. Некоторые классы и даже семьи участвовали в ней в течение ряда лет. Вот только один пример: в 1995 г. семиклассницей писала свои ответы пермячка Маша Чудакова, а в 2002 г. одним из победителей викторины стал ее младший брат – Иван Чудаков. И это своеобразный показатель необходимости и важности проведения краеведческих радиопередач в плане как образовательном, так и воспитательном.

В. Ф. Гладышев

ЗДЕСЬ БУДЕТ «ГОРОД ТАНЦА»? (О поисках пермского стиля в архитектуре)

Многим гостям нравился город на Каме – не только местоположением, красивой рекой, но и зданиями, и тем, что «Пермь построена правильнее Нью-Йорка». Что, впрочем, неудивительно: к планам регулярной застройки губернской столицы «руку приложил» губернатор Карл Модерах, который до этого хорошо «попрактиковался» в строительстве ряда петербургских объектов и мостов.

При внимательном, любящем или хотя бы заинтересованном взгляде становится явным скромное обаяние провинциального центра, который живет в ранге исторического города.

В разное время в создании лица нашего города участвовали такие известные зодчие России, как М. Казаков, П. Васильев, Н. Львов, академики архитектуры В. Стасов, Ю. Дютель, С. Чернышев и, конечно, И. Свиязев, один из столпов русского классицизма. Это был талантливый человек, выбившийся из крепостных, создавший учебник «Руководство к архитектуре», по которому училось не одно поколение русских мастеров. О наследии Свиязева в Перми обычно говорят: большинство из построенных им зданий не сохранилось. И это так. Но большинство из сохранившихся памятников архитектуры XIX в. – свиязевские, начиная с Благородного собрания и кончая зданием конвойных рот.

После Ивана Ивановича Свиязева более всех порадили для родного города такие зодчие, как В. В. Попатенко и Р. И. Карвовский, чья плодовитость могла соперничать с их одаренностью, в результате чего многие пермские постройки до сих пор служат городу и украшают его. В этом ряду стоят имена архитекторов А. И. Ожегова, автора проектов трех храмов; А. Б. Турчевича-Глумова, актера, ставшего создателем первого в Перми архитектурно-строительного бюро.

Своеобразие уральского города создают и милые сердцу купеческие особняки, и деревянные терема с чудесными резными «окладами»-наличниками. И солидные банковские «присутственные места», по-нынешнему, офисы; и тюремные замки, чье присутствие в городе не позволяет нашей ностальгии иметь только розовую окраску... Как, впрочем, и величественное здание на Комсомольской площади, постройка сталинских времен, которую в народе называют «башней смерти».

Лицо города трудно представить и без таких социальных обобщений на архитектурном языке, как Дом ученых (Комсомольский пр., 49), Дом художника (ул. Горького, 27), Дом Чекиста (ул. Сибирская, 30). Последний из названных был задуман зодчим Н. А. Шварёвым как целый комплекс, «городок чекистов», здания которого в итоге составили бы слово «Сталин». В силу разных причин на свет явилась только первая буква советского конструктивизма – «С». Так «самый престижный» дом для советской элиты, разделившей судьбу жильцов московского «Дома на набережной», и стоит одиноким молчаливым памятником эпохи.

В дооктябрьскую пору строили Дом Трудолюбия, Народный дом. А после победы диктатуры пролетариата в городе появились Дом обороны, Дом колхозника, Дом грузчика. В 1930 г. был сдан первый жилой высотный Дом горсовета (угол улиц 25 Октября и Большевицской), построен по проекту архитектора Ф. Е. Морозова. Высотным тогда называли здание в пять этажей. Все эти дома-«гнезда» – зримые свидетели времени.

Турист запоминает город по самым оригинальным зданиям, ставшим архитектурными символами. Для Перми это в первую очередь памятники культуры федерального значения: Всехсвятская церковь, Петропавловский собор, Спасо-Преображенский собор и архиерейский дом, ротонда.

К разряду особо ценных относится и постройка, которую в обиходе называют по привычке усыпальницей Каменских, – Казанская церковь Успенского женского монастыря (на дворовой территории между улицами Плеханова и Хохрякова). В создании и оформлении этой жемчужины русского искусства начала века участвовали великие мастера: В. Васнецов, Н. Рерих, М. Нестеров. Два майоликовых панно Н. Рериха украшают стены церкви, иконостас его же работы хранится в Пермской га-

лерее, а одна из икон – в музее Екатеринбурга. «Распятие» – потрясающе сильное творение Михаила Нестерова, выполненное им для склепа братьев Каменских, – хранится в запасниках галереи.

Таким образом, в Перми можно легко составить каталог всех архитектурных стилей. Тут вам и классицизм, и провинциальное барокко православных храмов, и готика западных церквей, и «а ля рюс», модерн, и конструктивизм. И разумеется, чудная и причудливая эклектика, в которой, говоря словами поэта, «слился ложный мавританский с непреложным рококо».

В период так называемой социалистической реконструкции в Перми появились «соцгородки» немецкой школы Баухаус, известного зодчего Ганса Майера (в Закамске и Мотовилихе). Уже ставятся на учет как охраняемые объекты культурного наследия строения так называемого «сталинского ренессанса», к которому относится, к примеру, Комсомольский проспект – главная магистраль и городской центр советской поры, несущий на себе отпечаток нового «имперского стиля», победительный пафос. Что касается массовой застройки, «хрущевок», то они, как и в столицах, реконструируются, надстраиваются или приговариваются к сносу.

Современному зодчему М. Футлику удалось создать прекрасный образчик здания в стиле модерн, «дорисовав» портрет заповедной улицы Сибирской, той ее части, что расположена ниже театрального сада. Улицу можно с полным правом назвать музеем архитектуры под открытым небом, как в Москве – Кузнецкий мост, в Питере – Невский... Тому же зодчему принадлежит авторство примечательного офисного строения с куполом-«луковкой» (угол улиц Большевистской и Куйбышева).

Не раз приходилось наблюдать восторги и изумление заезжих людей «со свежим глазом» по поводу пермских контрастов. Сильно меняется лицо города в последние годы, меняется резко, на глазах. Современные пермские архитекторы, получившие, наконец, свободу творчества, создают новый его облик с самыми удивительными «архитектурными излишествами». Своеобразным символом нового лица является здание, возведенное в тихом квартале старого города на улице Советской. Этакий сюр, дом с одним глазом-фронтонem (фантазия архитектора О. Горюнова) словно с изумлением вглядывается в круто меняющуюся жизнь вокруг. Борьба за образ города идет с переменным успехом. Несомненный плюс – движение за признание города первым европейским городом. Свежий взгляд на выгодное географическое положение столицы Западного Урала (отсюда начинается старушка Европа) приносит свои маленькие, пока незаметные дивиденды.

Губернская столица располагает всеми экономическими и социальными ресурсами для развития Перми как современного европейского города. В архитектурных конкурсах, в разработке нового генплана принимают участие видные зарубежные специалисты. Изумление, граничащее с восхищением, вызвала, к примеру, у многих зрителей презентация проекта французского архитектурного бюро. Вдохновившись рисунком «Жар-птица» известного художника Льва Бакста, соратника Сергея Дягилева по «Русским сезонам», французы предложили реализовать застройку правого берега Камы – «Города Танца» – в унисон линиям силуэта танцовщицы, изображенной на рисунке. Насколько идея привлекательна, настолько же и трудно реализуема. Но жизнеспособность идеи как основы пермского бренда не подлежит сомнению.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Ю. А. Кашаева

ПЛАН ДОМА М. М. ГОЛИЦЫНА В Г. ПЕРМИ КОНЦА XVIII ВЕКА

В 1780-е – 1790-е гг. после открытия губернского города активнее идет процесс застройки Перми. Появляются планы на отдельные строения и здания. Сейчас они представляют большой научный интерес по истории застройки г. Перми, истории архитектуры и в других аспектах. Особое внимание следует уделить записям и автографам, которые нанесены на планы и чертежи домов.

В Пермском краевом музее хранится рукописный план конца XVIII в. на предполагаемую постройку в исторической части г. Перми. Его название в характерной для этого времени стилистике: «План. Отведенные места в городе Пермь по конфирмованному Плану в набережной улице возле Монастыря Его Сиятельству Господину генерал порутчику действительному камергеру и разных орденов кавалеру князь Михаил Михайловичу Голицыну по улице девяносто а во дворе по средней пропорций сорок три всего квадратных три тысячи восемьсот семьдесят сажень которой место на сем плане означено внутри желтою оттушевою под литерою А сентября 30-го дня 1787 года».

План представляет собой чертеж, нанесенный с двух сторон, с сильными сгибами, загрязнениями, частичными утратами по сгибам. Края Плана обклеены розовой тканью, которая частично утрачена. Бумага – белая вержированная с водяными знаками. Особенности исполнения, качество бумаги, стиль письма и цвет чернил позволяют достоверно датировать этот план концом 1780-х гг.

На одной стороне плана обозначен участок, отведенный под дом, река Кама, две улицы, место для монастыря. Также здесь мы видим автограф Евгения Кашкина и губернского землемера. В это период времени губернским землемером был Данилов Андрей Данилович.

На другой стороне обозначен фасад деревянного дома, фасад двух флигелей и сделаны многочисленные записи и автографы. «Дан сей план в пермского наместнического правления по отведению учиненному в одно [...утраты] 13 числа 1782 года его [...текст бледный, нечитаемый] генерал порутчику [...текст бледный, нечитаемый] кавалеру [...текст бледный, нечитаемый] князю Михаилу Михайловичу Голицыну для строения против оногo на отведенном ему месте дому по улице девяносто а по двору по средней пропорция сорок три всего квадратных три тысячи восемьсот семьдесят сажень октября 24 дня 1784 года Евгений Кашкин».

Рис. 1. Фрагмент Плана: фасад деревянного дома

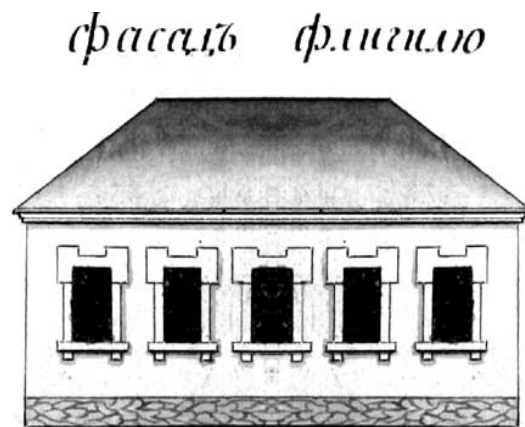

Рис. 2. Фрагмент Плана: фасад одного из двух флигелей дома

На обороте многочисленные записи и автографы, в том числе «Сей план в пермской управе благочиния явлен под №186 записан ноября 1-го дня 1787 года Комендант Иван [...]».

и планъ отведенной участка
к каменному. ноября 1-го дня 1787. года
Евгений Кашкин
Сей планъ явленъ в пермской управе благочиния
под № 186 записанъ ноября 1-го дня 1787 года
Комендантъ Иванъ [...]

Рис. 3. Запись на Плате

**ДОМ ГУБЕРНАТОРА В ПЕРМИ
(ул. Сибирская, 27)**

Рис. 4. Автограф Е. П. Кашкина на Плане

Рис. 5. Автограф Е. П. Кашкина на Плане

Рис. 6. Автограф канцеляриста

Рис. 7. Записи на Плане

Рис. 8. Записи на Плане

Вопрос о постройке дома М. М. Голицына остается пока открытым. Дом, представленный на плане, типичный для города конца XVIII в. Безусловно, хотелось бы больше знать об этой постройке начальной Перми.

Дом на пересечении улиц Сибирской и Большевикской (Екатерининской) является одним из старейших зданий города Перми. В связи с открытием Пермского наместничества и превращением поселка Егошихинского медеплавильного завода в губернский город Пермь для укомплектования штата наместничества приехало много столичных чиновников. Среди них был секретарь второго департамента Правительствующего Сената из Петербурга Иван Данилович Прянишников, литератор и переводчик. В 1781 г. он стал в Перми председателем Верхнего земского суда и поселился на набережной Камы в доме вдовы Татьяны Кузнецовой¹. Перед отъездом из Петербурга он женился на француженке Марии и привез ее в Пермь, где прожил девятнадцать лет. У него было двенадцать детей: четыре сына и восемь дочерей, четыре из которых скончались в Перми в младенческом возрасте². Дети обучались дома «иностранным языкам, арифметике и прочим наукам»³.

Для своего многочисленного семейства И. Д. Прянишников в конце 1780-х – начале 1790-х гг. построил большую городскую усадьбу с просторным одноэтажным господским домом и многочисленными каменными и деревянными хозяйственными постройками, садом и небольшим парком. В большом одноэтажном каменном доме был двухсветный зал, три окна которого на первом и антресольном этажах выходили на ул. Сибирскую. Парадный подъезд тоже был с ул. Сибирской. Часть здания, расположенная вдоль ул. Екатерининской, торцом выходила в сад. Это была одна из лучших усадеб в городе того времени⁴.

И. Д. Прянишников происходил из небогатых дворян. Образование получил благодаря покровительству графа Ф. Г. Орлова. Службу начал в 1765 г. в Сенате, с 1769 г. был там же переводчиком, а с 1777 г. – сенатским секретарем. В Петербурге он опубликовал ряд своих переводов, сделанных для «Собрания, старающегося о переводах иностранных книг», учрежденного императрицей Екатериной II в 1768 г. В 1774 г. он опубликовал «Переводы из творений Жана Батиста Руссо и г. Томаса», «Речь на мир», а в 1776 г. вышли в свет «Человеколюбие или картина бедности. Мещанская трагедия» и «Слово похвальное Максимилиану де Бетюн, герцогу де Сюлли, первому министру Генриха IV, сочиненное г. Томасом»⁵. Он продолжал работать над переводами и в Перми. Однако наиболее крупные работы И. Д. Прянишникова по переводу поэмы Лукана «Фарсальская брань» и «Географического словаря» Вождьена остались неопубликованными⁶.

И. Д. Прянишников был хорошо знаком по совместной службе в Сенате в 1771-1773 гг. с писателем, автором «Путешествия из Петербурга в Москву» Александром Николаевичем Радищевым. Представляются маловероятными сведения о пребывании в 1790 г. по пути следования в Илимск «государственного преступника» А. Н. Радищева в доме И. Д. Прянишникова в Перми, хотя ряд авторов утверждают это, ссылаясь на косвенные доказательства ⁷.

Указом Павла I от 23 ноября 1796 г. А. Н. Радищев был освобожден из ссылки с обязательным проживанием в с. Немцове Калужской губернии под надзором полиции. Возвращаясь из Сибири в мае 1797 г., А. Н. Радищев провел в Перми шесть дней и встретил в доме Прянишникова теплый прием, о чем писал в своих «Записках путешествия из Сибири»: «...пробыв в Перми с немалым удовольствием в дому И. П. и получив письма, согласился плыть по Каме» ⁸. Общие интересы связывали друзей и после возвращения писателя из ссылки. А. Н. Радищев принял деятельное участие в судьбе И. Д. Прянишникова, когда тот был несправедливо обвинен в злоупотреблениях по службе пермским наместником А. А. Волковым, и помог ему добиться оправдания в Сенате. Манифест Александра I от 15 марта 1801 г. об освобождении лиц, пострадавших в царствование Екатерины II и Павла I, коснулся и А. Н. Радищева, который переехал из Калужской губернии в Петербург и вскоре был определен в «Комиссию составления законов», куда был назначен в том же году и И. Д. Прянишников ⁹. В 1803 г. И. Д. Прянишников вышел в отставку и поселился в своем имении в с. Владимирове Подольского уезда Московской губернии, где собрал значительную по тому времени библиотеку ¹⁰.

В доме по ул. Сибирской 2 февраля 1793 г. родился сын И. Д. Прянишникова, Федор Иванович Прянишников ¹¹ – крупный чиновник, библиофил, коллекционер, меценат, основатель частной картинной галереи русских художников. В 1804 г. он окончил Московский университетский пансион и служил в Петербурге. С 1830 г. работал в почтовом ведомстве, а в 1841-1854 гг. был директором Почтового департамента, членом Государственного Совета. В 1863 г. вышел в отставку. Ф. И. Прянишников являлся почетным членом Императорской публичной библиотеки, членом Императорской Академии художеств, Московского художественного общества и Общества поощрения художеств в Петербурге. Он подарил много ценных рукописей и редких книг Публичной библиотеке, Московскому Румянцевскому музею, библиотеке Новороссийского университета и др. Собранная им коллекция картин русских художников была приобретена императором Александром II и подарена Московскому Румянцевскому музею.

После отъезда И. Д. Прянишникова в Петербург дом по Сибирской улице был продан его женой богатому откупщику вольскому купцу В. Злобину. Купчая крепость на каменный дом и две описи, «одна подробная всему при том доме заключаемому каменному и деревянному строению, а другая разным в покоях мебелиам и прочим вещам» были подписаны 15 января 1803 г. Марией Прянишниковой ¹². После смерти В. Злобина в 1816 г. выяснилось, что за ним числится большой долг по откупу, а дом И. Д. Прянишникова был им заложен. В марте 1817 г. дом был продан с публичных торгов на погашение долга. Его приобрел советник губернского правления в отставке Иосиф (Осип) Федорович Арент для своей единственной дочери Евгении Иосифовны Барановой ¹³, муж которой в течение многих лет был губернским прокурором в Перми. И. Ф. Арент (1750-е – после 1828 г.) ничего общего не имел с лейб-медиком Николаем Н. Ф. Арентом, как утверждают некоторые исследователи. Они даже не однофамильцы, так как имеют разное написание фамилий. В архивных документах и у Д. Д. Смышляева дается верное написание фамилии Иосифа Федоровича – Арент (ГАПК, ф. 36, оп. 2, д. 196, л. 2; ф. р-973, оп. 1, д. 697, л. 1).

После большого пожара в Перми 14 сентября 1842 г., когда выгорел старый центр города около Петропавловского собора, где сгорел и деревянный дом губернатора, административный центр города переместился на Сибирскую улицу. Уже в октябре 1842 г. пермский губернатор И. И. Огарев в докладе министру внутренних дел писал: «В оставшейся от пожара части города домов совершенно удобных для помещения гражданского губернатора с канцелярией не имеется, кроме одного каменного дома, состоящего противу здания губернских присутственных мест, принадлежащего статской советнице Барановой, которая изъявила желание на продажу оною, ...а цена, выпрошенная Барановой, умеренна». Дом Е. И. Барановой был приобретен казной под резиденцию губернатора, о чем И. И. Огарев сообщил министру внутренних дел в феврале 1843 г. ¹⁴ Здание было приспособлено для размещения губернатора и произведена внутренняя перепланировка. В доме была устроена также приемная губернатора, а его канцелярия разместилась в деревянном флигеле, который был на территории усадьбы на углу улиц Сибирской и Воскресенской и ныне не сохранился ¹⁵. В 1845 г. губернатор И. И. Огарев поселился в своей резиденции.

В 1848-1850 гг. при губернаторе И. И. Огареве старшим чиновником по особым поручениям служил писатель, поэт и журналист Евграф Алексеевич Вердеревский ¹⁶. В 1845 г. он окончил Царскосельский лицей и служил в Министерстве иностранных дел. В 1848 г. определен в Пермь старшим чиновником по особым поручениям при губернаторе, а в 1851-1853 гг. был заседателем дворян в Пермском совестном суде. В 1847 г.

он выпустил свою первую поэтическую книгу «Октавы» (СПб., 1847). В Перми продолжал писать и опубликовал статьи «Ирбитская ярмарка» (Отечественные записки, 1849, № 8), «Ревизор» на сцене Пермского театра» (Москвитянин, 1851, ч. 6, № 22), одноактную пьесу «Мемуары. Разговор в сценах» (Отечественные записки, 1852, № 9).

В январе 1853 г. Е. А. Вердеревский уволился со службы по болезни, в августе того же года определен в канцелярию наместника Кавказского в Тифлисе. С 1854 г. издавал и редактировал газету «Кавказ». В 1855 г. издал в Тифлисе единственный выпуск альманаха «Зурна» и свой памфлет «Шамиль в Париже и Шамиль поближе». В мае 1855 г. уволился со службы, жил в Москве, затем в своем имении в с. Корыне Подольского уезда Московской губернии. В 1857 г. в Москве опубликовал книгу «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» и сборник «Стихотворения первой молодости». В 1861 г. Е. А. Вердеревский служил мировым посредником в Подольском уезде. С начала 1860-х гг. он страдал тяжелой душевной болезнью¹⁷.

В 1853 г. в этом доме часто бывал сосланный в Пермь прозаик, критик, поэт, переводчик Николай Филиппович Павлов¹⁸, автор сборников «Три повести» (М., 1835), «Новые повести. Маскарад. Демон. Миллион» (М., 1835-1836), получивших одобрение А. С. Пушкина, Н. В. Голя, А. И. Герцена и др.

В апреле 1853 г. Н. Ф. Павлов прибыл в Пермь. Он был сослан по обвинению своего тестя К. Яниша в разорении из-за карточной игры имения его жены, поэтессы, переводчицы К. П. Павловой. При обыске у Н. Ф. Павлова были найдены запрещенные книги и статьи А. И. Герцена, отчего наказание было столь суровым. Н. Ф. Павлов тяжело переживал свое изгнание, хотя отношение к нему в Перми было добрым. Он писал из Перми своему другу, критику, поэту, академику Петербургской Академии наук С. П. Шевырёву: «Со мной обходятся чрезвычайно хорошо. Губернатор – славный старик. Я у него часто обедаю... Но мне грустно, глубоко грустно: так сильно, так сильно оскорблена душа»¹⁹. Пермский губернатор Илья Иванович Огарёв действительно помог ему: вследствие его заступничества и хлопот друзей И. Ф. Павлов был прощен в декабре 1853 г. и вернулся в Москву.

В 1855 г. по распоряжению губернатора П. Н. Клушина в губернаторском доме производился ремонт. Со стороны двора две капитальные стены были снесены и построена терраса. Сменивший его губернатор К. И. Огарёв в 1858 г. уведомил строительно-дорожную комиссию, что после переделок 1855 года дом стал холодным и поставил вопрос о строительстве нового дома для губернатора. К. И. Огарёв поручил губернаторскому архитектору Г. П. Летучему составить проект на постройку

нового губернаторского дома на площади против гостиного двора. Проект Г. П. Летучего был представлен в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, однако новый губернатор А. Г. Лашкарев отказался от реализации проекта и ограничился в целях экономии средств казны ремонтом старого здания, произведенном в 1862 г.²⁰.

До начала XX века дом губернатора выглядел скромно. Это одноэтажное здание с антресольным этажом сохранило оформление фасадов в духе классицизма: прямоугольные окна были обрамлены наличниками с сандриками. На фасаде, обращенном на Екатерининскую улицу, прямые сандрики чередовались с треугольными. Здание было опоясано широким завершающим карнизом с сухариками. На фасаде, обращенном на ул. Сибирскую, гладкий фриз прерывался тремя окнами антресольного этажа.

В этом доме с 1865 по 1870 гг. жил пермский губернатор Бернгард Васильевич Струве²¹, публицист, автор мемуаров, почетный гражданин города Перми. Пермским губернатором Б. В. Струве был назначен в апреле 1865 г. Ознакомившись с положением дел в Пермской губернии, он начал изучать и собирать материалы для расширения ее экономического потенциала. Летом 1867 г. он отправился вдоль берега реки Туры к ее истокам, чтобы найти удобный путь внутреннего сообщения между Турой и р. Колвой, впадающей в Чусовую, а затем в Каму. Убедившись, что проведение такого пути, соединяющего Европейскую Россию с Сибирью, пока не представляется возможным, он обратился к изучению проектов постройки Уральской горнозаводской железной дороги. 5 декабря 1867 г. он обратился к министру путей сообщения с просьбой разрешить открыть в Перми Комитет по обсуждению вопроса о направлении и строительстве этой дороги. Комитет был открыт 10 апреля 1868 г.²².

Деятельность Б. В. Струве как губернатора была связана с введением земства в Пермской губернии. В июле 1869 г. в Перми была учреждена временная комиссия для обсуждения вопроса о введении «Положения о земских учреждениях» на Урале, а в 1870 г. состоялись выборы. 21 июня 1870 г. в зале Благородного собрания открылось заседание первого Пермского губернского земского собрания, на котором губернатор произнес речь.

В Перми Б. В. Струве собирал материалы по истории раскола. Уже после отставки он опубликовал в Петербурге работу «К истории раскола и упразднение крепостного права в Пермской губернии. Адриан Пушкин и его учение» (1884). 2 октября 1870 г. Б. В. Струве подал прошение об отставке, поводом для которой послужила ревизия сенатора П. Н. Клушина.

Из шести сыновей Б. В. Струве трое младших родились в доме губернатора по Сибирской улице. Среди них: Александр (21 марта 1866 г.) – магистр политической экономии Петроградского университета, член УОПЕ; Михаил (23 октября 1867 г.) – поэт, долгое время служил в Перми, и Петр (26 января 1870 г.) – известный экономист, философ, публицист, один из видных представителей русского зарубежья. В 1921 г. П. Б. Струве эмигрировал из России, преподавал в университетах Софии и Праги. Скончался в Париже и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа²³. В 1995 г. в связи со 125-летием со дня рождения П. Б. Струве на здании установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме 26 января 1870 г. родился Петр Бернгардович Струве, экономист, философ, выдающийся деятель либерально-демократического движения России»²⁴.

В 1876 г., когда пермским губернатором был Николай Ефимович Андреевский, в Пермь прибыла Бременская научная экспедиция, организованная в Западную Сибирь на средства сибирского мецената А. М. Сибирякова. Среди ее участников был известный немецкий ученый-зоолог Альфред Эдмунд Брем, автор шести томного труда «Жизнь животных». А.-Э. Брем побывал в доме губернатора с визитом благодарности, выразив Н. Е. Андреевскому свою признательность за помощь в организации экспедиции²⁵.

Воспоминания о пребывании в доме губернатора оставил писатель, публицист и общественный деятель Владимир Галактионович Короленко²⁶, отбывавший в Перми ссылку за политическую деятельность. Свои впечатления о жизни в Перми и знакомстве с губернатором В. А. Енакиевым Короленко описал в автобиографической книге «История моего современника».

19 июня 1899 г. в доме губернатора побывал Дмитрий Иванович Менделеев, великий русский ученый-химик, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, прогрессивный общественный деятель²⁷. По заданию Министра финансов он возглавил экспедицию на Урал для исследования причин отсталости металлургической промышленности края. В работе «Уральская железная промышленность в 1899 году» Д. И. Менделеев описал посещение дома губернатора Д. Г. Арсеньева: «Следующий день (19 июня) утром я отправился сперва к губернатору не только с визитом, но и с желанием получить разные разъяснения об отношениях края, имеющих значение для железной его промышленности, особенно о крестьянских наделах, о размерах всяких налогов на заводское население, о правах посессионных владельцев, об отношении хозяев к рабочим и т. п. То, что я узнал от многоуважаемого Дмитрия Гавриловича, просветило меня во многом... Здесь выяснились мне и многие факты, показывающие недостаточность в крае учебных заведений... и назревшая потребность в местном высшем политехническом институте с особым развитием металлургии»²⁸.

В 1908 г. дом губернатора был реконструирован и внешний облик его значительно изменен. Утрачен тамбур, через который осуществлялся вход с улицы Сибирской. По восточному фасаду сделана каменная пристройка, куда перенесен главный вход, оформленный порталом с сандриком. Расширен двухсветный зал, где на первом и антресольном этажах было пробито четвертое окно. Фасады пристройки и основного здания получили пышный декор в духе эклектики. Они расчленены небольшими выступами, завершенными аттиками. Между аттиками и угловыми тумбами были установлены мощные парапеты, прорезанные арочками. Стены рустованы. Окна обрамлены рамочными наличниками. Архитектурные акценты сосредоточены на выступах уличных фасадов. В 1978 г. во время ремонта здания украшавшие его парапеты были разобраны²⁹.

После Октябрьского переворота 1917 года в доме губернатора разместился Пермский городской Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Здесь же размещалась редакция первой местной большевистской газеты «Пролетарское знамя», первый номер которой вышел 29 октября 1917 г.³⁰. С 1920 по 1980 гг. в здании размещался туберкулезный диспансер.

¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 31. Л. 35.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 41. Л. 1об.-2; ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 46. Л. 84 об.; Ф. р-973. Оп. 1. Д. 696. Л. 57.

³ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1011. Л. 28об.-29.

⁴ *Кашихин Л. С.* Дом для музеев // *Вечерняя Пермь.* 1989. 13-15 июня; *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 296-298.

⁵ *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. – Пг., 1915. – С. 83-85.

⁶ *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768-1783. – СПб., 1913. – С. 72-73.

⁷ *Татаринцев А. Г.* Радищев в Сибири. – М., 1977. – С. 77; *Кашихин Л. С.* Дом для музеев // *Вечерняя Пермь.* 1989. 13 июня.

⁸ *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. – М.; Л., 1952. – Т. 2. – С. 287.

⁹ *Татаринцев А. Г.* Указ. соч. С. 79.

¹⁰ *Ивановский А. Ф. И.* Прянишников и его картинная русская галерея. – СПб., 1870. – С. 14-15.

¹¹ *Ивановский А.* Указ. соч. С. 31-32, 40-41, 47, 58; *Прянишников Ф. И., Аничков И.* Описание картинной галереи тайного советника Ф. И. Прянишникова. – СПб., 1853; *Русский биографический словарь.* – Т.: Привитц-Рейс. – СПб., 1910. – С. 108-111.

¹² ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 28. Л. 8-8об.

¹³ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 151. Л. 75-88; *Смышляев Д. Д.* Из прошлого. О старых временах и людях // *Смышляев Д. Д.* Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С. 137.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 230. Л. 1-2, 19.

¹⁵ *Кашихин Л. С.* Дом для музеев // *Вечерняя Пермь*. 1989. 14 июня; *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 298.

¹⁶ ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 109. Л. 1-2; *Краснопёров Д. А.* Я увез из Перми воспоминанье...: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанных с Пермским краем. – Пермь, 1989. – С. 112; *Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь.* – М., 1992. – Т. 1. – С. 421-422.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 308. Л. 2-Зоб., 7, 18, 22.

¹⁸ *Зайцева И. А.* К истории ареста и ссылки Н. Ф. Павлова // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 8; *Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь.* – М., 1992. – Т. 4. – С. 489-493.

¹⁹ *Красноперов Д. А.* Указ. соч. С. 89.

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 801. Л. 4-7.

²¹ *Рафиенко Л. С. Б. В. Струве в Перми* // *Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми.* – Пермь, 1995. – С. 194-198; *Рафиенко Л. С.* Почетный гражданин города Перми // *Уральский следопыт*. 1997. № 8-9; *Онянова С. Г. Б. В. Струве* // *Пермские губернаторы: традиции и современность.* – Пермь, 1997. – С. 108-114; *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. – М., 1905. – Вып. 9. – С. 75; *Зотова З. М.* Петр Бернгардович Струве // *Вопросы истории*. 1993. № 1. С. 55-56.

²² *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи г. Перми с 1845 по 1890 гг. – Пермь, 1889. – С. 274; *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 162.

²³ *Грезин И.* Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. – Париж, 1995. – С. 370; *Полторацкий Н. П. П. Б. Струве* как политический мыслитель. – Лондон, 1981. – С. 7-10.

²⁴ *Панин А.* «Отцу» российских демократов от благодарных потомков // *Местное время*. 1995. 3 февр.

²⁵ *Финш О., Брем А.* Путешествие в Западную Сибирь. – М., 1882. – С. 26-27.

²⁶ *Краснопёров Д. А.* Указ. соч. С. 210-238; *Рабинович Я. Б. В. Г. Короленко в Перми (1880-1881)* // *Календарь-справочник Пермской области*. 1963. – Пермь, 1962. – С. 85-87; *Южаков В.* К пребыванию В. Г. Короленко в Перми (1880-1881) // *Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства.* – Пермь, 1916. – Вып. 2. – С. 178-182; *Короленко В. Г.* История моего современника. – М., 1965. – С. 644.

²⁷ *Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева.* – Л., 1984. – С. 404-411, 413-416, 492-495.

²⁸ *Менделеев Д. И.* Сочинения. – М.; Л., 1949. – Т. 12. – С. 536-537.

²⁹ *Рафиенко Л. С.* Дом губернатора в Перми как памятник истории и культуры // *Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе.* – Пермь, 1994. – С. 157-162.

³⁰ *Революционеры Прикамья.* – Пермь, 1966. – С. 554.

ЗДАНИЕ УЧИЛИЩА ДЕТЕЙ КАНЦЕЛЯРСКИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ И ПЕРМСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ (ул. Сибирская, 26)

Указом Правительствующего Сената от 18 февраля 1828 г. решено было открыть в Перми училище детей канцелярских служащих¹ для подготовки грамотных чиновников. За счет казны в училище содержались 50 воспитанников, из которых половину должны были составлять уроженцы Пермской, а другую половину – Оренбургской губерний². Наряду с «казенными воспитанниками» в училище могли поступать дети «благородного и свободного звания»³. Проект здания училища, сделанный архитектором И. И. Свяязевым, пермский губернатор К. Я. Тюфяев отослал в июле 1828 г. в Петербург для утверждения⁴. Министр внутренних дел одобрил проект, но императору Николаю I не понравился фасад здания, и он вернул его «дабы фасад оногo дома был переделан в Строительном комитете так, чтобы оный не имел ни колонн, ни излишних украшений»⁵. После исправления проект был утвержден.

Место для строительства здания училища было отведено на ул. Сибирской, недалеко от Сибирской заставы. Был выделен большой участок земли, почти с квартал. К. Я. Тюфяев скупил здесь ветхие деревянные домики и уговорил владельца незастроенного участка Николаева пожертвовать свою землю в пользу училища⁶. В 1828-1829 гг. было возведено просторное деревянное здание в стиле русского классицизма с флигелями и хозяйственными постройками. Вся территория вокруг училища с небольшой липовой рощей была обнесена чугунной оградой. Здание училища отличалось четкостью линий и изяществом пропорций. Треугольный фронтон в центральной повышенной части здания, где размещался двухсветный зал, используемый для торжественных актов и балов, дощатая обшивка здания, имитирующая каменные формы, привлекали к себе внимание, и вскоре здание училища для детей канцелярских служащих стало городской примечательностью. По словам писателя П. И. Мельникова-Печерского, «здание Александровской больницы ... как и здание училища детей канцелярских служащих, находящееся у Сибирской заставы, были ... выстроены... у заставы для того, чтоб с первого взгляда поразить приезжего красотой и отвлечь внимание его от прочего строения, весьма незатейливого»⁷.

21 апреля 1829 г. Пермь торжественно праздновала открытие нового, пятого в городе учебного заведения – училища детей канцелярских служащих. Перед учениками и многочисленными гостями был зачи-

тан указ Сената об учреждении училища, прочитана проповедь учителем закона Божия. Учитель истории, поэт и публицист Павел Емельянович Размахнин прочитал лекцию «О сущности, пределах и пользе истории вообще и в особенности российской». Он обратил внимание на то, что главная цель истории «состоит в благотворном влиянии на умы и сердца людей», и подчеркнул значение победы над Наполеоном, которая освободила целую Европу от порабощения»⁸.

В заключение праздника учитель словесности, поэт-сатирик Василий Тихонович Феонов прочел свои стихи по поводу открытия училища⁹.

В 1837 г. наследник русского престола, великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II предпринял путешествие в Сибирь в сопровождении своего наставника, поэта В. А. Жуковского и свиты. 23 мая они прибыли в Пермь и на следующий день великий князь посетил училище детей канцелярских служащих, Александровскую больницу и гимназию¹⁰. В. А. Жуковский, по-видимому, в училище не был, в его дневнике нет такой записи.

Во время пожара в Перми 14 сентября 1842 г. выгорел старый административный центр у площади Петропавловского собора. Центр города переместился на Сибирскую улицу. Пострадало от пожара и здание мужской гимназии, которая временно разместилась в здании училища детей канцелярских служащих, и лишь в январе 1843 г. перешла на той же ул. Сибирской в здание Благородного собрания¹¹.

В 1852 г. училище детей канцелярских служащих было закрыто, и здание переходило разным присутственным местам, а потом было занято солдатами местного батальона¹². Возрождение его началось в 1870-х гг. и было связано с рождением губернского земства.

На чрезвычайном Пермском губернном земском собрании 25 июня 1870 г. первым председателем губернской земской управы был избран разносторонний и энергичный человек, краевед, библиограф, общественный деятель Дмитрий Дмитриевич Смышляев. Уже 2 декабря 1870 г. на губернном земском собрании Д. Д. Смышляев поднял вопрос о приспособлении «здания упраздненного училища детей канцелярских служащих ... для помещения в нем зала для губернских собраний, губернской управы, учительской школы и губернского музеума»¹³. Была составлена смета на ремонт здания «по наружному осмотру», но она не удовлетворила губернскую управу. На следующем губернном земском собрании этот вопрос снова обсуждался: «Огромный деревянный дом бывшего канцелярского училища принят в ведение земства в запущенном состоянии... Здание это во многих частях требует значительно больших исправлений против первой сметы. Управа пригласила нового архитектора г. Карвовского составить новую подробную смету»¹⁴.

Приспособление здания бывшего училища под губернскую земскую управу осуществлял гражданский инженер Рудольф Иосифович Карвовский. С его помощью «Смышляев исправил дом заново, устроив прекрасное помещение для губернской управы с кабинетами для общего присутствия, председателя, библиотеки и, конечно, канцелярские комнаты. Большая высокая комната в два света была уставлена простыми, но красивыми дубовыми скамьями со спинками и с плетеными сидениями на три человека в прочной связи со столиками (пюпитры к ним). Скамьи эти были расположены полукругом и амфитеатром, как в парламентах. Места были рассчитаны по числу гласных. Впереди большой стол для председателя собраний и секретарей, а рядом кафедра для чтения докладов. Сзади шла загородка, за которой помещалась публика. По вечерам зал освещался висевшей посреди потолка большой деревянной, дубовой же, затейливой столярной работы люстрой в 30-40 свечей. Зал выглядел очень парадно и был ... едва ли не единственным по обстановке земским помещением в России»¹⁵.

В зале губернской земской управы в 1891-1894 гг. проходили заседания созданной в 1890 г. Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания¹⁶, которая объединила представителей передовой интеллигенции города и поставила задачу создания в Перми научно-промышленного музея. Председателем комиссии был инженер-технолог, краевед, археолог Н. Н. Новокрещенных.

В 1909 г. здание губернской земской управы перестраивалось губернским инженером Е. И. Артёмовым¹⁷.

После Октябрьского переворота 1917 года, когда губернное земство было ликвидировано, здание бывшей губернской земской управы было передано Пермскому университету. Здесь помещалось правление университета, все канцелярии факультетов и студенческие организации¹⁸. После реорганизации системы высшего образования в стране по отраслевому принципу в 1930 г. из университета выделился самостоятельный Педагогический институт, которому были переданы бывшие здания земства. В здании бывшего училища детей канцелярских служащих размещался факультет иностранных языков.

¹ Из Перми. 21 апреля // Московские ведомости. 1829. 21 сент.

² *Прядильщиков Ф. А.* Летопись губернского города Перми. 1781-1844 // Календарь Пермской губернии на 1884 год. – Пермь, 1883. – С. 29, 31.

³ РНБ. Рукописный отдел. QIV. Д. 419. Л. 61-62.

⁴ *Терёхин А. С.* Жизнь и творчество архитектора И. И. Свйазева. – Пермь, 1970. – С. 173; РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 2920. Л. 1-1об., 5-5об., 7-7об.; Ф. 1293. Оп. 168, Пермская губерния. Д. 71. Л. 1-3.

⁵ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 2920. Л. 5-5об.; ГАПК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 8-8об.

⁶ ГАПК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 68. Л. 8об.-9об.

⁷ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Мельников-Печерский П. И. Полное собрание соч. – СПб., 1909. – Т. 7. – С. 535.

⁸ Из Перми. 21 апреля // Московские ведомости. 1829. 21 сент.

⁹ Там же.

¹⁰ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 по 1890 год. – Пермь, 1889. – С. 202; Кашин А. Материалы для истории Пермского края // ПГВ. 1869. № 22.

¹¹ Зверев А. В. Старейшее учебное заведение г. Перми: К столетию Пермской мужской гимназии. 1808-1908. – Пермь, 1908. – С. 39.

¹² Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 220.

¹³ Журналы первого очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года. – Пермь, 1871. – С. 112.

¹⁴ Журналы второго очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года. – Пермь, 1871. – С. 257-259.

¹⁵ Моллесон И. И. Из первых лет жизни Пермского земства: (Воспоминания доктора Моллесона) // Пермская земская неделя. 1914. 15 мая. Стб. 19.

¹⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-9об., 16.

¹⁷ Терехин А. С. Жизнь и творчество архитектора И. И. Связева. – Пермь, 1970. – С. 173.

¹⁸ Чижов В. Е. Пермь в экскурсиях. – Пермь, 1926. – С. 34.

Н. Ф. Захарова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗДАНИЯ ДОМА СМЫШЛЯЕВА.

Перечень архивных документов

Сотрудники Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина, находящейся в бывшем доме Д. Д. Смышляева, в течение многих лет восстанавливают хронологию этого дома – одного из самых интересных памятников истории и культуры в Перми. В 2008 г. предварительные результаты исследований были изданы отдельной книгой: Свидетель века: Дом Смышляева в Перми: К 180-летию Д. Д. Смышляева. – Пермь, 2008.

В настоящее время основные усилия в исследовательской работе направлены на выявление сведений о строительстве здания, последующих перестройках и капитальных ремонтах. Собирается иллюстративный материал: как опубликованный, так и в виде архивных документов.

Так, открытки и фотографии с изображением Дома Смышляева представлены в изданиях А. И. Овсянникова ¹.

Дом принадлежал многим хозяевам и дважды кардинально перестраивался. Стремление составить полную картину последовательных перемен в структуре здания продиктовано не только интересом к его истории, но и практическими соображениями. Так, пришлось обратиться

в Государственный архив Пермского края при замене входной двери и по поводу несущих стен в одном из помещений. Нужные чертежи нашлись в фонде № 716 «Коллекция картографических документов».

В связи с ремонтом здания появилась необходимость дальнейшего изучения этого фонда и поиска пакета картографических документов по зданию Дома Смышляева.

Фонд № 716 ГАПК был образован при научно-технической обработке россыпи неописанных карт в качестве фонда-коллекции. Документы, составляющие эту коллекцию, отложились в процессе деятельности Пермской губернской чертежной при Губернском правлении ².

Несколько слов о том, почему чертежи городских зданий находились при губернском правлении. До 1917 г. во всех губерниях при губернском правлении существовало строительное отделение, которое ведало строительной частью в губернии и подчинялось техническо-строительному комитету Министерства внутренних дел. В состав этих строительных отделений входили губернский инженер и губернский архитектор, а также младший инженер и младший архитектор. Архитектор составлял чертежи и рисунки будущих строений и сооружений, он же руководил производством работ.

Архитекторы также входили в состав местных земских органов управления и городских управ. Земства по реформе 1864 г. руководили строительством, а городские управы отвечали за благоустройство города. Каким бы ведомствам не подчинялись архитекторы, при составлении планов они руководствовались Строительным уставом и Урочным положением о сметах на строительство ³.

Особенный интерес вызвала опись № 1 фонда № 716, где представлены картографические документы (чертежи, планы, рисунки, эскизы), отражающие особенности развития архитектуры, планировки и застройки населенных пунктов Пермской губернии в период с 1785 по 1917 гг. Авторство документов удалось установить не во всех случаях. В описи имеются чертежи и планы, составленные как архитекторами губернских и земских учреждений (пермские городские архитекторы В. В. Попатенко, И. И. Бенда, землемер И. Ткаль, архитектор губернского земства Е. Волошинов), так и служащими частных компаний (например, «Строительно-техническое бюро А. Б. Турчевича в Перми»). Классификация дел в описи проведена с учетом деления зданий на административные (нежилые) и здания жилого фонда. В каждой группе – в соответствии с административно-территориальным делением того времени – вначале идут картографические документы по городу Перми, затем по уездам Пермской губернии, расположенным в алфавитном порядке. Чертежи административных зданий и нежилых сооружений при систематизации распределены по небольшим подгруппам ⁴. Чертежи и планы по Дому Смышляева найдены в трех разделах: здания органов власти, полиции и учреждений культуры.

Перечень выявленных документов:

ГАПК. Ф. 716. Оп. 1.

Д. 4. Без даты.

Чертеж дома для Городской управы, Общественного собрания и городской общественной библиотеки (фасады по улицам Сибирской и Петропавловской). (Синька).

Д. 5. 1912 г.

План главного дома Городской управы (фасады по ул. Петропавловской и Сибирской). (Рукописный).

Д. 7. Без даты.

Чертеж лестницы на 3-й этаж в здании Городской управы. (Рукописный).

Д. 8. Без даты.

Фрагмент плана подвала здания, занятого Городской управой и общественным собранием. (Рукописный).

Д. 9. 1915 г.

Чертеж переустройства клозетов в здании Городской управы. Составитель – городской архитектор И. Бенда. (Рукописный подлинник).

Д. 10. Без даты.

Проект выгребной ямы во дворе здания Пермской городской управы. (Рукописный).

Д. 12. До 1911 г.

Чертеж главного дома Пермского городского общества на углу Сибирской и Петропавловской улиц (фасады здания). (Синька).

Д. 13. До 1911 г.

Чертеж главного дома Городского общества в 1-й части г. Перми (на углу Петропавловской и Сибирской улиц) рядом с домом Полицейского управления. (Рукописная копия).

Д. 14. По описи – 1911 г.

План главного дома Городского общества. (Рукописный).

Д. 15. До 1911 г.

Планы, фасады и разрезы существующего дома Городского общества (бывшего Евреинова (?)) (Рукописная копия).

Д. 16. До 1911 г.

План подвального, среднего и верхнего этажей главного дома Городского общества. (Рукописная копия).

Д. 17. Без даты.

План 1-го этажа здания главного дома Городского общества. (Рукописный).

Д. 18. Без даты.

План угловой части 2-го этажа (библиотека) главного дома Городского общества. (Рукописный).

Д. 19. Без даты.

Фрагмент плана [главного дома Городского общества] с указанием назначения помещений. (Рукописный).

Д. 20. Без даты.

Фрагмент плана главного дома Городского общества (столовая, буфет, бильярдная). (Рукописный).

Д. 21. До 1911 г.

Чертеж строений на деревянном дворе Городского общества, во 2-й части г. Перми (в квартале 135). (Рукописный).

Д. 90. До 1912 г.

Чертеж Полицейского управления с домом на углу Петропавловской и Сибирской улиц г. Перми на месте Городского общества. (Рукописный).

Д. 92. До 1911 г.

Проектные ремонтные исправления городского здания, находящегося в 1-й части г. Перми, по Сибирской улице, с приспособлением верхнего этажа под квартиру полицмейстера и нижнего под полицейское управление, квартиру для четырех нижних чинов полиции и старшего городского. Составитель городской архитектор Попатенко. (Рукописный подлинник и синька).

Д. 93. По описи – 1911 г.

Чертеж каменного двухэтажного дома с приспособлением под помещение квартиры полицмейстера и полицейского управления во 2-й части города Перми, на углу Сибирской и Петропавловской улиц, принадлежащего Пермскому городскому обществу. (Рукописная копия).

Д. 251. 27 декабря 1910 г.

Проект пристроя к общественной городской библиотеке. Составитель – городской архитектор Попатенко. (Рукописный подлинник).

Д. 252. 11 марта 1911 г.

Проект на переустройство здания, занимаемого Городской общественной библиотекой с расширением его по Сибирской улице каменным двухэтажным пристроем и во дворе надстроем второго этажа на флигель, примыкающий к зданию библиотеки, с приспособлением нижнего этажа флигеля под 1-ю полицейскую часть и для арестуемых. Составитель городской архитектор Попатенко. (Рукописный подлинник).

Д. 252. 16 марта 1911 г.

Проект на переустройство здания Городской общественной библиотеки с расширением его по Сибирской улице каменным двухэтажным пристроем и во дворе надстроем второго этажа на флигеле, примыкающем к зданию библиотеки, с приспособлением нижнего этажа флигеля под 1-ю полицейскую часть и для арестуемых. Составитель городской архитектор Попатенко. (Рукописный подлинник).

В каждом деле содержится по одному документу (кроме дел 92 и 251, где по два документа). Документы, в основном, выполнены вручную тушью на ватмане, бумаге-миллиметровке и кальке. Из найденных документов четыре авторских: один подписан городским архитектором И. И. Бендой (д. 9) и три городским архитектором В. В. Попатенко (д. 92, 251, 252).

Поиски нужно продолжить, чтобы воссоздать облик одноэтажного дома, построенного купцом Жмаевым в конце XVIII в.; уточнить архитектурные детали и расположение всех помещений в доме впоследствии, от подвала до верхнего этажа.

Изучение чертежей позволит также определить размещение учреждений, в разное время занимавших здание Дома Смышляева.

Попатенко Василий Васильевич (1841-1920), родился в г. Керчи. С 1873 г. работал в Перми. В 1902-1912 гг. был городским архитектором в чине коллежского советника при Пермской городской управе, находившейся в здании Дома Смышляева. В 1911 г. являлся членом Пермского городского по налогу с недвижимых имуществ присутствия от духовного ведомства. Занимался общественной деятельностью, был пожизненно почетным членом Губернского попечительства детских приютов.

При нем были впервые замощены центральные улицы Перми, устроен водопровод, проведена канализация, построена электростанция. В. В. Попатенко считается одним из авторов проекта здания Пермского

городского театра (ныне театр оперы и балета). В Перми по его проектам построены: учительская семинария (ул. Советская, 56), Екатерино-Петровское городское училище (ул. Большевикская, 71), первое городское училище (ул. Ленина, 7), Ольгинское училище (ул. Сибирская, 80), Алексеевское (Насоновское) училище (ул. 25 Октября, 42), народное училище (ул. Свердловская, 7), женское начальное училище (ул. Луначарского, 74б), особняк купца Жирнова (ул. Кирова, 57), пожарное депо (ул. Большевикская, 53) и др.⁵

Найденные чертежи свидетельствуют о непосредственном участии В. В. Попатенко в реконструкциях здания Дома Смышляева. Два проекта имеют точные даты: 27 декабря 1910 г. и 16 марта 1911 г., тогда как на большинстве документов не установлен даже год, а стоит штамп «по описи 1911 года».

См., например, в «Журналах Пермской городской думы за 1911 год» дебаты по поводу расширения помещений управы и верхнего этажа здания, занятого общественным собранием. До этого вопрос обсуждался в думе в течение многих лет. В 1911 г. был принят к исполнению проект В. В. Попатенко, в соответствии с которым зал для благотворительных мероприятий общественного собрания стал двухсветным, просторным, появилось помещение для музыкантов и пр.

Вопросами гигиены и безопасности здания занимался архитектор И. И. Бенда

Бенда Иван Иванович (1879-1938), чех, родился в Польше, в м. Дроздово Ломжинской губернии. В 1909 г. окончил курс Рижского политехнического института.

С 1910 г. работал в управлении Пермской железной дороги архитектором службы пути. В 1912 г. сменил в городской управе В. В. Попатенко и работал в должности городского архитектора в звании гражданско-инженера с 1912 по 1919 гг.

В 1916 г. Иван Иванович Бенда проживал в Перми по ул. Вознесенской, дом 49⁶.

С 1920 г. по август 1922 г. был заведующим Пермским губернским комитетом государственных сооружений. В то же время был преподавателем по гражданской архитектуре на курсах строительных десятников и на техническом факультете Пермского государственного университета.

В фонде Пермского государственного университета ГАПК сохранилось личное дело И. И. Бенды⁷, в котором обнаружено его «жизнеописание», полностью приведенное в приложении к статье. Публикуется впервые.

Из документов следует, что И. И. Бенда преподавал на техническом факультете ПГУ до его закрытия, затем был трудоустроен на агрономический факультет, на курс по сельскохозяйственной архитектуре.

В 1923-1926 гг. он был преподавателем на кафедре строительных искусств агрономического факультета ПГУ. 14 апреля 1926 г. отчислен от должности сверхштатного преподавателя агрофакультета по мелиорации.

Под руководством И. И. Бенды построены: здание ночлежного дома, занятое университетом, корпус городской электростанции, все здания 2-й клинической больницы (угол улиц Плеханова и Ленина, планировка по проекту архитектора В. В. Попатенко); жилые дома в рабочем поселке; пристрой к клубу им. Ф. Э. Дзержинского и др. Он же является автором планировки поселка Светлый.

В 1930-е гг. И. И. Бенда работал архитектором на Нижнетагильском металлургическом заводе в Свердловской области.

22 ноября 1937 г. он был арестован, 12 января 1938 г. осужден и 31 января 1938 г. расстрелян⁸.

¹ Дом Городского Общества. Городская Управа // Овсянников А. И. Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке 1899-1917 гг. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005. – С. 33-37; Дом Городской Управы – ЦГБ им. А. С. Пушкина // Овсянников А. И. Пермь – 285 лет: Из века в век переходя. 1723-2008 гг. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2008. – С. 94-97.

² ГАПК. Ф. 716. Предисловие к фонду.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Сведения о В. В. Попатенко взяты из источников: Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Н. В. Казаринова, Г. Д. Канторович. – Пермь: Книжный мир, 2003. – С. 103; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1902 год. – Пермь, 1902. – Отд. 2. – С. 6, 24; То же на 1907 год. – Пермь, 1907. – Ч. 2. – С. 225, 234; То же на 1912 год. – Пермь, 1911. – Отд. 3. – С. 9, 10, 21; То же на 1914 год. – Пермь, 1914. – Отд. 3. – С. 22; То же на 1917 год. – Пермь, 1916. – Отд. 3. – С. 8; Журналы Пермской городской думы за 1904 год. – Пермь, 1905. – С. 181; Смета доходов и расходов г. Перми на 1910 год. – Пермь, 1909. – С. 300-301, 304, 308, 310-311, 315, 317, 319, 323, 324.

⁶ Сведения о И. И. Бенде взяты также из источников: Краткий именной указатель архитекторов и строителей Перми // Терехин А. С. Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь: Кн. изд-во, 1980. – С. 105; Субботин Е. П., Серов М. И. Пермь: Жители и гости. 1723-1924: Словник. Кн. 1. А-Л. – Пермь: Арабеск, 2006. – С. 46; Список абонентов Пермской телефонной сети. 1916-1917 гг. – Пермь, 1916. – С. 54; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. – Пермь, 1912. – Отд. 3. – С. 11; То же на 1914 год. – Отд. 3. – С. 12; То же на 1917 год. – Пермь, 1916. – Отд. 3. – С. 15.

⁷ ГАПК. Ф. 180. Оп. 2. Д. 37.

⁸ Провокационные «игры» НКВД: (Судьба архитектора Тагилстроя Ивана Ивановича Бенды) // Низвергнутый мир. Книга памяти: [В 2 ч.] / Авт.-сост. В. В. Чевардин. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 101-106.

www.memo.ru

www.katalog.shpl.ru

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

*б. преподавателя Технического Факультета
Пермского Государственного Университета
Ивана Ивановича Бенды*

В 1909 году окончил курс Рижского Политехнического института с отличием и званием инженер-архитектора.

Один год работал в сотрудничестве с архитектором Э. Купффер при составлении его научного труда «Жилой дом» и руководил стройкой частной гимназии.

С 1910 по 1912 год состоял архитектором Службы Пути Пермской железной дороги и работал по составлению проектов гражданских сооружений самого разнообразного характера: вокзалы, жилые дома, конторы, школы и прочее. В числе более крупных работ следует указать на новый вокзал в г. Екатеринбурге, построенный по моему проекту и чертежам.

С 1912 года в течение семи лет состоял Пермским Городским Архитектором: в моем ведении, кроме существующих городских зданий, находились все новые постройки, из последних следует указать на двухэтажные здания Городских училищ, оборудованных центральным отоплением и вентиляцией. Под моим непосредственным наблюдением и за моей ответственностью построены: здание «Ночлежного дома», занятого ныне Университетом, деревообрабатывающего завода Товарищества «Постройка», железобетонные здания б. Механического завода «Лесснер», новый корпус Городской электростанции и др.

С 1920 года по август 1922 года состоял заведующим Пермского Губернского Комитета Государственных Сооружений, причем в то же время был преподавателем по «Гражданской архитектуре» на курсах Строительных десятников и на Техническом Факультете Пермского Государственного Университета до его закрытия.

19 октября 1922 г.

Подписано: Инженер-архитектор И. И. Бенда.

Заверено печатью канцелярии Университета.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ДОМА В ПЕРМИ, В ЗДАНИИ КОТОРОГО В 1934-1964 ГГ. РАЗМЕЩАЛСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный архив Пермского края размещается сейчас в специально отстроенных и современно оборудованных зданиях на Студенческой улице, 36. И уже мало кто помнит, где находился архив до 1964 г., до переезда его на Городские Горки. Между тем в течение долгих тридцати лет (с 1934 г.) архив занимал неприметное здание на задворках Комсомольского проспекта (Комсомольский пр., д. 43а).

Мое первое знакомство с Государственным архивом Молотовской (Пермской) области состоялось летом 1953 года. Старейшие работники архива Л. П. Шардина и В. Г. Щербаков, вводя меня в курс дела, рассказали, что здание архива представляет собой цокольный этаж недостроенного купцом Мешковым здания Народного дома. Имя Н. В. Мешкова тогда ни о чем мне не говорило, но информация отложилась в памяти. Минули десятилетия, я много лет занималась историей открытия Пермского университета, целиком и полностью обязанного своим появлением подвижнической деятельности Николая Васильевича Мешкова, но документы об участии его в строительстве Народного дома мне не попадались. Поэтому, когда Т. И. Быстрых предложила мне заняться историей бывшего здания Государственного архива, я с интересом принялась разыскивать материалы по этой теме. Поиски велись в фондах Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького, Пермского краевого краеведческого музея и Государственного архива Пермского края.

Вопрос о строительстве здания Народного дома был поднят перед пермской городской думой в год празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Впервые идея была озвучена 15 марта 1899 г. в заседании городской комиссии по разработке программы чествования поэта. Идею подхватил пермский любительский драматический кружок, направивший в начале мая 1899 г. письмо в адрес городской думы¹. «Общее собрание членов драматического кружка, – говорилось в письме, – по докладу кружковской театральной комиссии в заседании 6 текущего апреля, единогласно постановило: употребить все зависящие от кружка меры для осуществления мысли устройства в Перми народного дворца, для чего ассигновать в сказанный выше фонд 700 рублей из средств кружка одновременно и, кроме того, вносить на пополнение фонда 20% из чистой выручки от каждого очередного спектакля, даваемого кружком, начав отчисления с первого же предстоящего спектакля; деньги вносить в распоряжение Городской Думы...»².

Письмо кружковцев сопровождалось «Заключением городской управы», в котором идея кружка признавалась «как нельзя более своевременной» и осуществление ее в Перми крайне желательным. Однако от субсидирования этой идеи управа уклонилась, «рассчитывая на поступления в особо образованный для этой цели фонд средств из разных источников». В первую очередь здесь упоминалось Пермское губернское попечительство о народной трезвости, «так как предоставление народу разумных развлечений, в целях отвлечения его от пьянства, составляет прямую задачу этого попечительства... Со своей же стороны город прежде всего может предложить усадебное место для постройки дома...». Управа также сочла предложенное кружком наименование будущего строения («Народный дворец») слишком ко многому обязывающим и предложила придать ему более скромное наименование – «дом для просветительных нужд народа в память поэта Пушкина»³.

5 мая 1899 г. вопрос обсуждался на заседании думы. Письмо кружковцев было воспринято думцами прохладно. «Постройка народного дома повлечет за собой затрату больших средств, а между тем у города есть свои неудовлетворенные нужды», – говорил член управы Романов. «...Дело образования народа также одна из главных нужд города», – возражал ему Н. В. Мешков⁴. В конечном итоге дума единогласно утвердила «Заключение» городской управы, «поручив управе предложенный драматическим кружком капитал принять и выразить кружку благодарность»⁵. В середине июня 1899 г. городская комиссия по вопросу о чествовании памяти А. С. Пушкина постановила образовать специальный фонд для постройки Народного дома в Перми⁶. Пермское попечительство о народной трезвости хранило молчание. Прошел пушкинский юбилей, и вопрос о строительстве Народного дома исчез со страниц губернских ведомостей. Не обсуждался он больше и на заседаниях пермской городской думы.

Вторично вопрос о строительстве Народного дома возник в 1901 г. в связи с празднованием 40-летней годовщины отмены в России крепостного права. На этот раз инициатором выступило библиотечное общество пермской бесплатной библиотеки-читальни. Оно поставило перед городской думой вопрос о постройке в честь юбилейной даты собственного здания для бесплатной библиотеки. Председателем библиотечного общества был Н. В. Мешков.

8 февраля 1901 г. состоялось чрезвычайное собрание Пермской городской думы, посвященное организации чествования 40-летней годовщины освобождения крестьян от крепостной зависимости⁷. По предложению управы дума «изъявила свое согласие на оказание содействия обществу бесплатной народной библиотеки-читальни предоставлением ему *усадебного места* и выдачею *пособия* для постройки

собственного дома». Размер пособия был определен в 3000 руб. Эта сумма должна была войти в сметы думы на 1902 и 1903 гг. Еще 2000 руб. выделяла городская управа. Тогда же Н. В. Мешков «просил внести в журнал, что он жертвует на постройку дома из собственных средств 3000 руб.». Кроме этого, он открыл частную подписку на постройку библиотеки, которая вместе с думским ассигнованием к концу 1901 г. составила сумму в 25 тысяч рублей ⁸.

Вскоре был создан строительный комитет пермской бесплатной библиотеки во главе с Н. В. Мешковым. На заседании городской думы 16 мая 1901 г. строительный комитет выступил с просьбой о выборе в его состав представителей от думы – «для выработки проекта и сметы на постройку Народного дома в ознаменование 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости с тем, чтобы упомянутый комитет выработал также проект условий по заведыванию и содержанию Народного дома» ⁹.

Тогда же городская управа предложила обществу бесплатной библиотеки «имеющиеся у него средства предоставить на постройку предполагаемого Народного дома в память поэта А. С. Пушкина с тем, чтобы в этом доме было отведено помещение для народной библиотеки-читальни, каковое и может именоваться: «В ознаменование 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости». От имени собрания членов библиотеки-читальни Н. В. Мешков согласился с предложением управы, «рассчитывая в данном случае на возможность скорейшего удовлетворения потребности в доме для просветительных нужд народа». Дума единогласно проголосовала за предложение управы ¹⁰.

В строительный комитет вместе с Н. В. Мешковым от думы было избрано семь человек и оговорено, что в заседаниях комитета должны участвовать городской голова, члены управы и городской архитектор (последний – лишь с правом совещательного голоса). Совместными силами и средствами комитет должен был выработать план Народного дома и, исходатайствовав субсидию у попечительства о народной трезвости в размере 60 тыс. руб., «приступить к осуществлению давно лелеемой мысли».

В то же время члены строительного комитета во главе с Н. В. Мешковым обратились с просьбой к проезжавшему через Пермь директору департамента неокладных сборов Маркову с просьбой об оказании пособия со стороны министерства финансов и попечительства о народной трезвости в размере 60 тыс. рублей для реализации идеи строительства. Марков пообещал содействие в отчислении 20-30 тыс. рублей из средств Пермского попечительства о народной трезвости. За остальной суммой посоветовал обратиться непосредственно в министерство финансов ¹¹.

В сентябре 1901 г. пермская городская управа направила письмо в губернский комитет попечительства о народной трезвости с обоснованием необходимости строительства Народного дома в Перми и просьбой о выделении средств для осуществления этого проекта. В письме, в частности, говорилось: «...устраиваемые в настоящее время в Богородицкой школе на средства Попечительства о народной трезвости народные чтения обыкновенно посещают до 400 человек, и больше этого количества зал вместить не может... Бесплатная народная библиотека-читальня имеет около 2500 подписчиков, а зал для чтения при ней посещают ежедневно от 150 до 300 человек, помещение занимает в частном доме – неудобно и тесно. Воскресные классы для взрослых имеют более 100 слушателей, но помещением совсем не обеспечены и существуют при одной из городских начальных школ (на Торговой улице)...» ¹². Попечительство отказало в субсидии, о чем строительный комитет был извещен 3 января 1902 г. ¹³

Через 10 месяцев(!), в ноябре 1902 г. в городскую управу поступило прошение строительного комитета о необходимости составления плана и сметы будущего строительства и выделении под застройку 1,5 десятин земли, которая может быть отведена из пустыря на углу Кунгурской и Ямской улиц, «где помещается ныне цирк».

19 ноября 1902 г. городская дума приняла решение об отводе просимого участка ¹⁴.

В 1902 г. основной «двигатель» постройки Народного дома в Перми Н. В. Мешков был арестован по обвинению в пособничестве революционному движению и в 1903 г. выслан под гласный надзор полиции в Самару на год. Вскоре началась русско-японская война, а затем революция 1905-1907 гг. Строительный комитет распался. На долгие годы вопрос о Народном доме в Перми исчез из поля зрения городской думы.

Только в 1907 г. неугомонным Н. В. Мешковым вновь был возбужден вопрос о постройке дома для бесплатной библиотеки: «...Причем, ввиду недостатка средств, устроить его с таким расчетом, чтобы здание явилось крылом Народного дома и, следовательно, могло бы впоследствии быть расширено новым пристроем до размеров последнего. С этим проектом согласилось общее собрание» ¹⁵. Тогда же возник вопрос о расширении деятельности общества бесплатной библиотеки, об изменении его устава и о превращении его в общество «Народный дом». Устав нового общества был принят общим собранием в заседании 14 сентября 1908 г., а 31 декабря 1909 г. зарегистрирован Пермским губернским по делам об обществах присутствием ¹⁶. Общество приобрело официальный статус юридического лица с соответствующими атрибутами.

Согласно устава¹⁷, деятельность общества распространялась не только на город Пермь, но и на всю губернию, и имела целью «содействовать развитию и удовлетворению образовательных потребностей местного населения, равно доставить ему возможность разумно и здраво проводить свободное время». Уставом определялись и средства к достижению поставленной цели. Общество было призвано объединить под одной крышей и упорядочить работу уже давно действующих в городе общественных учреждений и начинаний. Помимо библиотеки-читальни и драматического кружка, существовала еще воскресная школа для взрослых, публичные чтения литературы с демонстрацией диапозитивов, чтение познавательных лекций. Все они вынуждены были арендовать помещения для своих мероприятий. Строительство «общей крыши» и стало одной из важнейших задач общества.

3 апреля 1910 г. был подписан «Акт об открытии Пермского общества «Народный дом» и передаче последнему имущества Общества бесплатной детской библиотеки-читальни с перечислением всех вкладов, сделанных в кассу общества»¹⁸. 4 апреля 1910 г. состоялось первое заседание общества «Народный дом», на котором председателем был избран В. П. Иванов. По просьбе общества в заседании 27 апреля 1910 г. уполномоченным в его совет от городской управы был избран А. П. Гаврилов¹⁹.

Пермские губернские ведомости писали: «Основная задача совета общества в настоящее время – это усиление средств на постройку здания. Необходимы деньги, без которых все благие начинания все равно не двинутся с места»²⁰. В мае 1910 г. чрезвычайное губернское земское собрание вынесло решение о выделении 5000 руб. на строительство, «при условии выдачи их тогда, когда уже будет приступлено к сооружению здания»²¹. В феврале 1911 г. городская управа сообщила совету «Народного дома» об отводе под строительство участка на углу ул. Кунгурской и Малой Ямской (т. е. там, где намечалось в 1902 г.), размером 2100,25 кв. сажен. Стоимость участка была определена в 42005 руб. и считалась вкладом управы в дело строительства. Прилагался план участка²².

16 февраля 1911 г. экстренное собрание членов общества вынесло постановление об учреждении конкурса на проект строительства дома через общество архитекторов-художников в Санкт-Петербурге стоимостью 1500 рублей и просило управу «открыть выдачу по мере надобности» из сумм, собранных ранее²³.

6 марта 1911 г. этот вопрос обсудила городская дума. По заключению городского юрисконсульта, поскольку суммы, собранные на строительство, были внесены на хранение в городскую управу «в силу специального о том распоряжения губернатора, причем, ни условий хране-

ния этих сумм, ни порядка их выдачи указано не было, то... и выдача этих сумм может последовать только с разрешения г. губернатора». В результате дебатов дума единогласно признала сохраняемые капиталы принадлежащими обществу «Народный дом» и приняла решение выдавать их обществу «по мере надобности»²⁴.

Собранных средств явно не хватало: на 1 марта 1911 г. общий капитал драмкружковцев и бесплатной библиотеки составлял 36163 рублей 13 копеек, а по самым скромным подсчетам на строительство требовалось не менее 120000 рублей.

Однако к октябрю 1911 г., судя по прошению, адресованному обществом в адрес министра финансов и поддержанного городской думой, сумма уже составляла около 55000 руб. Общество просило министерство финансов субсидировать такую же сумму из средств Пермского попечительства о народной трезвости. К прошению прилагались устав общества, программа конкурса архитекторов, чертеж фасада здания, общий план места и расположения построек²⁵. Пособие в таком размере требовалось, чтобы иметь возможность немедленно осуществить первую очередь постройки стоимостью в 105000 руб.; постройка же второй очереди – театра, по соображениям общества, могла быть отложена на неопределенное время²⁶. (К сожалению, в ГАПК этих приложений нет).

К этому времени уже состоялся конкурс архитекторов, и первую премию получил проект под девизом «Две арки» архитектора Белогруда. Стоимость строительства первой очереди (лекционного зала, библиотеки, читальни, помещения для воскресной школы и квартиры для служащих) по этому проекту определялась суммой в 115000 руб.²⁷

Общество, уверенное в получении министерской субсидии, наметило покупку некоторых строительных материалов и привлекло архитекторов И. И. Бенду и Е. А. Волошина для детальной разработки проекта и составления сметы. Выяснилось, что проектная цена сильно занижена. Совет общества решил вынести на общее собрание предложение «отказаться от постройки грандиозного здания» и остановиться на постройке более скромного строения, соответственно имеющимся средствам²⁸. В феврале 1912 г. пришел ответ из министерства финансов: ходатайство общества было «оставлено без удовлетворения»²⁹.

Весь 1912 год прошел в разговорах о том, какое строить здание, что строить в первую очередь, сколько это будет стоить и как побудить общество к новому потоку пожертвований. В конце отчетного доклада совет общества предлагал создать специальный строительный комитет, «чтобы начать заготавливать материалы и проч., ...принять в свое ведение всю хозяйственно-техническую часть дела»³⁰. На выделенной городом территории была построена только сторожка³¹. В этом же году Н. В. Мешков, разочаровавшись в способности общества добиться суб-

сидирования и перейти от слов к делу, начал строить на свои деньги ночлежный дом на Заимке, о необходимости которого велись разговоры еще с 1904 г., заранее оговорив, что принесет его в дар городу. Фактически он отошел от дел общества.

1913 год ознаменовался тем, что для строительства был закуплен бутовый камень и кирпич. В 1914 г. городская дума добавила к капиталу на строительство здания Народного дома 16000 руб., однако выплата этой суммы «рассрочивалась» на 10 лет. В текущем году общество получало только 1000 руб.³² Строительство продолжало топтаться на месте.

Не удалось разыскать материалы о том, как продвинулось строительство в последующие годы. Однако цокольный этаж одного крыла Народного дома накануне революции 1917 года был все-таки построен. Когда его подвели под крышу, и что здесь находилось до предоставления здания государственному архиву – предстоит выяснить. Скучность документов, сохранившихся от первых послереволюционных лет, не позволяет восстановить картину самого строительства. Отсутствие чертежей и эскизов мешает представить, как должно было выглядеть здание Народного дома. Эти материалы наверняка ждут нас в архиве до революционного министерства финансов в Петербурге.

До революции 1917 г. в России не было единого органа, занимавшегося сохранностью документальных богатств Российской империи. Каждое ведомство и в центре, и на местах имело свой собственный архив. Наиболее ценными, включавшими разносторонние сведения по истории страны, были архив Министерства юстиции, Государственные исторические архивы в Москве и Петербурге. Но у них не было единого руководства. Государство не регламентировало деятельность архивов. Положение изменилось с установлением советской власти.

1 июня 1918 г. В. И. Лениным был подписан декрет о национализации архивов и передаче всех ведомственных архивов и частных документальных собраний в руки государства. Для реализации положений декрета было создано Главное архивное управление («Главархив»), которое находилось в непосредственном подчинении Народного комиссариата просвещения. Декрет вступал в силу по мере освобождения отдельных территорий от войск противников советской власти. Пермь была освобождена от колчаковцев 1 июля 1919 г., а уже в августе Главархив командировал сюда инспектора для организации архивного дела в Пермской губернии.

23 августа 1919 г. состоялось заседание коллегии Пермского губернского отдела народного образования по вопросу об организации архивного дела в губернии. На заседании с докладом о положениях декрета от 1 июня 1918 г. выступил инспектор Главархива А. В. Сомов. Коллегия

приняла постановление о создании Пермского губернского архивного управления (Губархива). При уполномоченном создавался Совет из представителей университета, губернской ученой архивной комиссии, музея и губернской библиотеки³³. Первым уполномоченным Губархива стал ученый-филолог Николай Петрович Обнорский, совмещавший работу в Губархиве с заведыванием библиотекой Пермского университета. Его первый помощник – уполномоченный Главархива Вениамин Павлович Федоров был направлен в Пермь из Саратова, где уже имел опыт работы по собиранию архивов. Вскоре Федоров возглавил архивное дело в губернии, сменив заболевшего Обнорского³⁴.

На первых порах Губархиву было предоставлено здание по ул. Пермской (Кирова), д. 42³⁵. В 1919 г. к этому хранилищу добавились пять комнат в доме бывшего губернского правления на углу Сибирской и Екатерининской улиц, позднее – «весь верх» дома по ул. Торговой, 51, и дом по ул. Пермской, 54³⁶. В начале 1920 г. под архивохранилище было выделено помещение бывшего ломбарда в Гостином ряду³⁷. Скоро и это хранилище было переполнено.

В 1922 г. все архивы страны были переданы из ведения Наркомпроса в ведение Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Губархив стал именоваться Губернским архивным бюро. Непосредственное руководство им было передано от Пермского губнаробраза президиуму Пермского губисполкома. Это значительно изменило отношение губернских органов к архивам.

Лишь в 1934 г. Пермскому окрисполкому удалось найти подходящее по объему здание, которое позволяло объединить все собранные документальные богатства в одном месте. Им и стал цокольный этаж недостроенного крыла Народного дома (современный адрес – ул. Краснова, 23).

В смете, приложенной к докладной записке в Главное архивное управление от 31 августа 1939 г. о необходимости капитального ремонта здания архива и достройки второго этажа, приведена его характеристика с экскурсом в прошлое: «Под помещение архива приспособлено (примитивно) часть цокольного этажа начатого строительством в 1913-1914 гг. здания б. народного дома. Согласно имеющегося проекта, здание в данной части предполагалось в три этажа с расположением в верхних этажах зрительного зала со сценой и вспомогательными помещениями. В настоящее время это одноэтажное кирпичное здание с наибольшей высотой, равной 5 метрам от уровня земли... Кирпичные стены, выложенные на сложном растворе с частичной облицовкой естественным камнем, имеют среднюю толщину свыше метра. Фундаменты здания – бутовые, перекрытия – железобетонные ребристые и по металлическим балкам. В части помещения, где предполагался ход в оркестр, перекрытие деревянное, временное. При наружном осмотре здания

деформаций стен, фундаментов, перекрытий – не обнаружено. Кровля железная по деревянным стропилам. Пол деревянный, временного характера. Водопроводом, канализацией – здание не оборудовано, отопление печное. По своему техническому состоянию здание допускает надстройку до запроектированной высоты...»³⁸.

Таким образом наконец-то нашелся документ, который дает представление о предполагавшемся облике Народного дома. Помимо прочего, этот документ свидетельствует о том, что в руках его составителей был подлинный проект будущего здания Народного дома, который так и не удалось пока отыскать.

Дополнением к этому документу служат данные паспорта архива на 1941 г.: «Краткая характеристика помещений. Бывший цокольный этаж недостроенного Народного дома, превращенный в овощехранилище, а в августе 1934 г. наскоро переоборудованного в архив. Здание холодное, сырое, в него проникают дождевые воды. Хранилище отопления не имеет»⁵².

Как видим, никаких положительных последствий докладная записка 1939 года не имела.

В это здание в 1934 г. были свезены все документальные фонды из разных хранилищ. Здесь же разместились уникальная библиотека и немногочисленный штат архива. На тридцать лет цокольный этаж недостроенного Народного дома стал хранилищем бесценных исторических документов нашего края и одним из центров исследовательской работы учёных-историков. А в годы Великой Отечественной войны здание архива было прибежищем для эвакуированного в Пермь (Молотов) Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР).

В 1938 г., после передачи всей системы архивов страны в ведение НКВД (Народного комиссариата внутренних дел), здание архива приняло на двадцать последующих лет еще одного поселенца – архивный отдел Пермского (тогда Молотовского) областного управления внутренних дел (УВД). Только в начале 1950-х гг. он переехал во вновь отстроенное и ныне существующее здание областного УВД.

Все архивы страны имели статус научно-исследовательских учреждений, а работавшие в них архивисты делились на старших и младших научных сотрудников. Я была направлена в Государственный архив Молотовской области в 1953 г. после окончания историко-архивного института в Москве на должность младшего научного сотрудника. Архивный отдел УВД Молотовской области возглавлял в то время «старый большевик» В. Г. Романов. Он сообщил, что в архиве уже работают три выпускницы историко-архивного института – Е. Н. Лукьянова, Л. А. Трефилова и М. Н. Фирсова (Царт), и объяснил, как найти архив.

Здание архива произвело на меня угнетающее впечатление: низкое, мрачное, длинное приземистое строение мало походило на хранилище исторических документов. Со стороны улицы Краснова, вдоль дощатого забора больницы, к нему вела утрамбованная шлаковая дорожка. Несколько ступенек деревянного крыльца приводили к обшарпанной двери, обитой дерматином. За дверью был мрачный коридор, по правую сторону которого располагались четыре небольших кабинета. В первом находились секретарь и справочный работник, здесь же стоял стол старшего научного сотрудника, занимавшегося работой по использованию (тогда – Е. Н. Лукьяновой). Второй кабинет исполнял роль читального зала, в нем могло работать не более четырех исследователей. (Через год здесь разместилась маленькая группа использования, а читальному залу была отведена большая часть «разборочной» комнаты). За читальным залом следовал кабинет начальника архива (в то время – Л. П. Шардиной). Последним был кабинет начальника отдела секретных фондов (Л. А. Трефиловой) и закрепленного за отделом архивно-технического работника.

Единственная дверь на левой стороне коридора вела в так называемую «разборочную» комнату. Рядом с этой дверью стоял допотопный дерматиновый диван, предназначенный для посетителей. За ним, поперек коридора возвышался огромный старинный шкаф, используемый для хранения всякой хозяйственной утвари. За шкафом был закуток с рукомойником и кухонным столом. Помнится, что там стоял огромный двухведерный самовар, но им в то время уже не пользовались. Здесь же была топка голландской печи, обогревавшей кабинеты.

Разборочная комната, в которую нужно было спускаться по нескольким деревянным ступеням, представляла собой большой зал с высоченным четырехметровым потолком и двумя огромными, круглыми голландскими печами, обитыми черной жстью. В зимнее время вахтер (он же – истопник) по вечерам протапливал обе печи, чтобы к началу рабочего дня они более или менее прогрелись. Метраж этого помещения мне сейчас трудно определить, но 50 квадратных метров там, несомненно, было.

Половину пространства разборочной комнаты занимали два огромных старинных деревянных стола, на которых грудились дела, подлежащие обработке. Вдоль правой стены упирался в потолок сработанный на века деревянный стеллаж с делами неопределенной фондовой принадлежности.

Вторая половина разборочной была поделена (с помощью книжных шкафов, в которых находилась справочная литература) на три неравные части, большую из которых (среднюю) занимал отдел фондов Октябрьской революции и социалистического строительства (АОР), возглавляемый тогда старшим научным сотрудником М. Г. Щербаковым. В штат его отдела входил один младший научный сотрудник (до меня – З. В. Лобовикова) и два архивно-технических работника.

Слева от АОРа находилась резиденция отдела дореволюционных фондов (ИСТАРХа). Его возглавляла старший научный сотрудник М. Н. Фирсова (Царт). Отделу полагался один архивно-технический работник.

Непосредственно перед входом в хранилище было отведено место для справочной работы. Исполнением справок занималась архивно-технический работник И. Д. Кожевникова (Мерзлякова).

Четыре пятых здания архива занимало огромное хранилище. Оно было оборудовано грубыми деревянными стеллажами, не отапливалось и даже летом в него входили только в специальных стеганых телогрейках. Последняя часть его была отведена для уникальной краеведческой библиотеки. За библиотекой была так называемая «макулатурная комната», служившая накопителем для дел, подлежащих утилизации. Из «макулатурной» был выход на большой двор архива. Все «удобства» были во дворе. Здесь же находился огромный сарай, в который были свалены «лишние» экземпляры дореволюционных периодических изданий. По чьему распоряжению это было сделано, трудно сказать. Периодически на этот развал приходили преподаватели и аспиранты университета, чтобы пополнить свои краеведческие библиотеки.

Архив только-только оправлялся после реэвакуации ЦГАОРа. В АОРе трудились над обработкой фонда Пермского губисполкома. В ИСТАРХе шла кропотливая работа над фондом Пермского губернатора. Приводились в порядок материалы секретного отдела.

Условия были трудными. Зимой сотрудники не только мерзли, но порой и угорали от плохо протопленных печей (центральное отопление было проведено в конце 1950-х гг.) Но коллектив трудился с полной отдачей.

Большая, кропотливая и очень ответственная работа велась по запросам граждан о подтверждении трудового стажа; по консульским запросам о перемещенных лицах, выехавших из СССР; по запросам учреждений и организаций, связанным с их историей.

С полной загрузкой работал читальный зал архива. Из фондов архива черпали сведения для своих научных исследований ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Казани, Кирова, Глазова, Омска и других городов. И конечно, ни одна диссертация пермских кандидатов и докторов наук, профессоров и доцентов не обошлась без использования документов нашего архива. Здесь работали будущие профессора Ф. С. Горовой, В. А. Оборин, Я. Р. Волин, И. С. Капцугович, Ф. А. Александров, В. Ф. Попов, В. Т. Селезнёва; будущие доценты К. С. Маханёк, В. В. Мухин, П. И. Хитров, Я. Б. Рабинович, А. В. Шилов, М. А. Иванова и многие, многие другие. Будущий ректор ПГУ, Федор Семенович Горовой называл архив «лабораторией исторического факультета». Именно по его инициативе на факультете была введена обязательная архивная практика для студентов старших курсов. Руководили практикой

научные сотрудники архива, штат которого пополнился еще двумя выпускниками Московского историко-архивного института – Л. С. Кашиным и М. И. Плясовой.

С начала 1950-х гг. под руководством Ф. С. Горового и Ф. А. Александрова велась работа по выявлению и подготовке материалов для документальных сборников. Были задействованы все научные сотрудники архива. Практические и научные интересы прочно связали архив с историческим факультетом университета и областным книжным издательством в лице его главного редактора Б. Н. Назаровского. С середины 1950-х гг. активизировалась работа по популяризации документальных материалов архива в средствах массовой информации. Начали появляться публикации сотрудников в местной периодической печати, посвященные отдельным событиям истории Пермского края. С 1954 г. появились радиорепортажи об архиве и его документах.

В 1964 г. архив переехал в новое, специально для него построенное здание на Городских Горках. Начался новый период в его развитии.

А построенный на века цокольный этаж недостроенного крыла Народного дома, претерпевший большие изменения во внутренней планировке, помолодевший, похорошевший и вполне благоустроенный продолжает свою службу: сейчас в нем уютно расположилась муниципальная детская спортивная школа.

¹ ПГВ. 1899. 8 мая.

² Журналы Пермской городской думы за 1899 год. – Пермь, 1900. – Прилож. к с. 196-197.

³ Там же.

⁴ ПГВ. 1899. 8 мая.

⁵ Журналы Пермской городской думы за 1899 год. – Пермь, 1900. – С. 197.

⁶ ПГВ. 1899. 16 июня.

⁷ Журналы Пермской городской думы за 1901 год. – Пермь, 1902. – С. 32-34.

⁸ Голубев П. К вопросу о постройке народного дворца в Перми. – М., 1901. – С. 1.

⁹ Журналы Пермской городской думы за 1901 год. – Пермь, 1902. – С. 112-113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Голубев П. Указ. соч. – С. 2.

¹² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 18-19.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 22.

¹⁵ ПГВ. 1910. 25 мая.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ПКМ. № 17233/5.

¹⁸ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 111.

¹⁹ Там же. Л. 41.

²⁰ ПГВ. 1910. 25 мая.

²¹ Там же.

²² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 44, 48, 122.

²³ Там же. Л. 108.

²⁴ Журналы Пермской городской думы за 1911 год. – Пермь, 1912. – С. 88-90.

²⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126. Л. 125-129.

²⁶ Там же. Л. 131.

²⁷ ПКМ. № 16907/56. Отчет о деятельности общества «Народный дом» за 1911 год. – Пермь, 1912. – С. 80.

²⁸ Там же. С. 81-83.

²⁹ ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 595. Л. 6 об.

³⁰ ПКМ. № 16907/792. С. 50-54.

³¹ Там же. С. 40.

³² ПКМ. № 16912/185. С. 22.

³³ ГАПК. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 20. Л. 7-7 об.

³⁴ Там же. Л. 15-16.

³⁵ ГАПК. Ф. р-344. Оп. 1. Д. 8. Л. 8-12, 40.

³⁶ Там же. Д. 17. Л. 5, 27.

³⁷ Там же. Л. 60.

³⁸ ГАПК. Ф. р-121. Оп. 5. Д. 15. Л. 7.

Т. И. Силина

ПЕРМСКИЕ РЕМЕСЛЕННО-УЧЕБНЫЕ МАСТЕРСКИЕ – ПЕРВОЕ В ПЕРМИ НАЧАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ (ул. Свердловская, 7)

В 1790 г. проезжавший в ссылку А. Н. Радищев увидел Пермь такой: «Улицы прямы, строение деревянное, ряды (торговые) тоже. По воскресеньям базар. Мастерских мало. Горшки в приказе делают, разваливаются. Кирпичи также. В Перми промыслов мало. Плотничное искусство невелико. Доставлять бревна не умеют. Столярное выписывают из Казани»¹.

Первый пермский губернатор Карл Модерах, оценив экономическую ситуацию на подведомственной территории как экономист, строитель и администратор, «обратил на пользу краю» тех мастерских, что шли через Пермь по Сибирскому тракту в ссылку – выпросил у государя разрешение использовать их в городе. Александр I в личном рескрипте на имя Модераха не только разрешил оставлять в Перми до 50 человек ссыльных, но особо отличившимся в ремесле и поведении разрешил обзаводиться семьей и хозяйством².

Пермь росла быстро. Появились свои мастера, возникла потребность в подготовке учеников. До конца XIX в. такая подготовка велась непосредственно в мастерских или на заводах, куда молодежь нанималась в ученики. Условия, в каких будущим рабочим приходилось жить и учиться, простыми не назовешь.

Отношение к ученикам и к образованию ярко выразил один из старейших пермских ремесленников – кузнец Безукладников: «Нам не надо, чтобы у нас ученики много учились образованию. А то он цилиндр наденет, пойдет, скажет: «Я сам учитель, сам анжинер». А нам надо, чтобы ученики были нам подданные»³.

Для молодой пермской буржуазии ученики были лишь даровой рабочей силой. Результаты их труда хозяином присваивались полностью. По статистическим данным, рабочий день для учеников длился по 15 часов. За это они получали кров и обед, за которые хозяин непременно еще и попрекал. А иные хозяева мастерских ставили в известность городскую управу, что «каждый ученик, которого они берут, всегда в убыток хозяину, потому что он не может даже оправдать содержания, а не только приносить какую-либо пользу; кроме того, хозяину же приходится давать одежду и обувь».

Незаинтересованность мастеров в обучении подмастерьев и учеников объяснялась просто: мастер не получал никакой материальной компенсации за это от государства или города. Наоборот, мастеров облагали дополнительным налогом, рассматривая учеников как дополнительную рабочую силу и не считаясь с тем, что мастерам приходилось иногда несколько лет обучать их, прежде чем получить какую-то прибыль. В результате в городе с каждым годом становилось все меньше тех, кто брал учеников в обучение своему ремеслу.

Из-за создавшегося противоречия на каждого мастера в Перми приходилось в конце 1890-х гг. по одной десятой части ученика, что приводило к вырождению ряда ремесел, необходимых для города и его жителей. Сложилась ситуация, «когда производителей товаров становилось все меньше, а потребителей больше»⁴. 19 марта 1897 г. пермские ремесленники подали заявление в городскую думу с требованием разобрататься с вопросом о ремесленном ученичестве.

«За последнее время, – писали ремесленники, – у нас в городе Перми стал чувствоваться ужасный недостаток в хороших опытных подмастерьях, так что мы, бывает, вынуждены в силу необходимости заимствоваться и привозить из других городов, что конечно сопряжено с расходами на невыгодных для нас условиях. У нас же в Перми подмастерьев не прибавляется, а наоборот год от года убавляется. Недостаток этот объясняется тем, что наши городские учреждения, заботящиеся о делах благотворительности, не хотят иметь никакого участия в делах развития ремесленного ученичества. Очевидно, настало время, принять какие-либо меры к поддержанию ремесленного ученичества. Вследствие чего мы и вынуждены просить ремесленную Управу выставить эти нужды на обсуждение ремесленного схода»⁵.

Состоявшееся в конце того же 1897 г. общее собрание ремесленников для всестороннего изучения вопроса избрало комиссию из 12 человек, поручив ей подготовить специальный доклад.

Факты, приведенные в докладе, подготовленном членом ремесленной управы Шалаевским, изучавшим жизнь молодых рабочих в составе комиссии, потрясли пермяков: «Если учесть, что в году 285 рабочих дней, то пермские малолетние рабочие (их зарегистрировано 228 человек) отдают хозяевам в год 974.700 даровых рабочих часов. Что касается содержания, то оказывается, что оно стоит хозяевам в большинстве случаев – ничего»⁶.

Доклад указывал на отсутствие у хозяев мастерских грамотности, на их самодурство. И делал вывод: «Нужно дать ученикам возможность почувствовать себя людьми, нужно дать им средства прийти к поднятию своей личности и своего положения. Когда они поймут это, тогда будут дорожить своей личностью и перестанут топить ее в каждой колушке, в каждой грязной луже».

Но одного желания ремесленников, пермских мещан и земцев, для открытия профессионального учебного заведения и строительства специального здания было недостаточно.

Проблема была в том, что опыта создания столь необычного, специального учебного заведения не было, и не только в Перми. Во всей России их были единицы. Необходимо было решить массу вопросов: обучать детей только ремеслам или давать общеобразовательные предметы; каким ремеслам обучать; сколько набрать учеников; принимать только грамотных или нет; жителей только города или пригородных сёл тоже; на какие средства обучать, ведь в школу могут придти дети из малообеспеченных семей? С каждым вопросом разбирались обстоятельно. Проводили опросы среди родителей – какой они представляют будущность своих детей? И среди ремесленников – какие профессии нужнее всего городу?

Особенно активно пошла работа, когда в работу комиссии включился купец второй гильдии Александр Павлович Гаврилов, выходец из семьи весьма состоятельной – его отец Павел Гаврилович был владельцем магазина и мастерской, входивших в состав Торгового дома. Александр Павлович, вероятно, большее удовлетворение получал не от коммерческой, а от общественной деятельности: все свое время и свой капитал тратил на нужды пермского образования.

Он возглавлял попечительские советы, участвовал в комиссиях, энергично искал и находил средства в государственной казне и у частных лиц, сам выбирал проекты зданий, следил за ходом строительства, добивался поступления пожертвований от купцов и промышленников. Он писал запросы в министерство торговли и промышленности; доклады о постановке профессионального образования в России и за границей, в

которых знакомил пермскую общественность и городскую думу со всеми типами существующих школ, с их «достатками и недостатками». И наконец, он выбрал тот тип учебно-ремесленной мастерской, который должен был принести «наибольшую пользу Пермскому краю».

Но недостаток свободных средств и некоторые другие причины на время отложили радостный миг открытия в Перми профессиональной школы⁷. На постройку здания требовалось 34 тысячи рублей! На оборудование – из расчета 100 рублей на каждого ученика. На содержание – 4670 рублей в год.

В пущенную по кругу «шапку» свои взносы внесли: ремесленное общество – 3 тысячи рублей, город – 8 240 рублей, министерство образования – 14 тысяч, уездное земство – 5 тысяч, мещанское общество – 5 тысяч. На содержание школы ремесленное и мещанское сословия обязались вносить по 600 рублей ежегодно. Появились частные пожертвования. Елизавета Ивановна Любимова, вдова Ивана Ивановича Любимова, пошла навстречу депутации от мещанского общества. Зная теплое отношение местной благотворительницы ко всем просветительским начинаниям, возглавивший депутацию Иван Михайлович Цветков попросил ее материально поддержать идею строительства. Елизавета Ивановна дала свое согласие, поставив единственное условие, чтобы строительство было начато в этом же году, и передала на постройку здания 4 тысячи рублей⁸. Именно ее взнос стал решающим, накопленная сумма позволила ходатайствовать об отводе участка земли и безвозмездном отпуске кирпича из городского запаса. За этот благородный поступок Е. И. Любимовой было определено звание «почетного зрителя ремесленно-учебной мастерской».

Получив перечисленные средства, городское общественное управление обратилось в 1907 г. в министерство торговли и промышленности за дополнительным пособием на постройку здания. Кроме того, на содержание школы требовалось, согласно прилагаемой сметы, 3100 рублей ежегодно⁹.

Заручившись со стороны министерства обещанием на внесение необходимого кредита в смету, городское управление, чтобы не терять времени, в том же году приступило к закладке здания по проекту городского архитектора Василия Васильевича Попатенко, взявшего за основу проект академика архитектуры Р. Р. Марфельда, присланный в Пермь отделением промышленных училищ министерства народного просвещения.

Городская управа постановила отвести участок земли для постройки здания на Слудской площади в усадьбе Александровского училища со стороны Монастырской улицы площадью 900 квадратных саженьей¹⁰. Оставалось разработать и утвердить положение и устав создаваемого учебного заведения, и здесь вновь возникли препятствия.

А. П. Гаврилов, изучив, как в России поставлено дело профессионального образования, указывал на то, что существует большое разнообразие в типах учебных заведений. Но независимо от того, кому школа принадлежала и сколько времени в ней находились ученики, ни в одной из низших ремесленных школ не давали детям наравне с профессией общего образования, позволявшего им учиться дальше. Кроме этого, учебные заведения в России не могли работать самостоятельно – организовывать собственное производство, имеющее промышленный характер, и получать доход, который можно было направить на собственные нужды. Школы не были заинтересованы в доходности своих учебных занятий, не стремились извлекать из них должной прибыли, не учили работать продуктивно.

Идеалом А. П. Гаврилова был молодой человек, образованный в такой степени, которая позволяла ему иметь широкий выбор – от возможности учиться на техника и далее на инженера до организации своего собственного бизнеса.

Свои выводы о типе необходимого Перми учебного заведения Александр Павлович сформулировал в докладе, с которым выступил в городской думе в октябре 1906 г.

Но устав и положение, присланные пермяками на утверждение в столицу, настолько выбивались из ряда всех существовавших до сих пор, что потребовали специального рассмотрения. Столичных чиновников не устраивало, что профессиональное учебное заведение будет еще и школой. Гаврилову пришлось отступить, чтобы сохранить главное – право брать заказы, обучать детей бесплатно, иметь попечительный совет и др. Он полагал – главное, школу открыть (даже если в её названии не будет слова школа), а позднее, когда появятся материальные средства, нанять преподавателей специальных дисциплин и довести задуманное до конца.

25 сентября 1907 г. наступил день, которого с таким волнением ждали десять лет. В присутствии пермского городского головы П. А. Рябина, министра торговли и промышленности, действительного статского советника Д. А. Философова (это торжество было приурочено к его проезду через Пермь), гласных городской думы, директора горного департамента господина Коновалова и других официальных лиц состоялась закладка здания¹¹.

В течение 1907-1908 гг. здание мастерской вчерне было построено, но из-за отсутствия средств внутренняя отделка не была закончена. Прошел еще год, и «колесо государственной машины», наконец, повернулось к нуждам образования. Откликнулось губернское земство – ассигновав 6050 рублей, и министерство – дав беспроцентную ссуду. Таким образом, строительство завершилось 1 сентября 1910 г. окончанием всех работ и открытием «нового рассадника ремесленных знаний».

10 октября 1910 г. около часа дня на углу Монастырской улицы и Екатеринбургского переулка состоялось торжественное открытие мастерской. Праздник начался, как только на площади появился вице-губернатор В. И. Европеус. Причт церкви совершил молебен с водосвятием, протоиерей отец Евгений Будрин сказал прочувствованную речь. После окропления святой водой помещений ремесленной мастерской к присутствующим обратился городской голова П. А. Рябинин: «Приветствую вас с настоящим торжеством и объявляю ремесленно-учебную мастерскую открытой!»

Новое здание, двухэтажное, кирпичное, с большими окнами, было обеспечено электрическим освещением, канализацией, водопроводом. Площадь здания была рассчитана на 80 учеников. На первом этаже находились: слесарная мастерская, столярная, кузница с тремя горнами, литейная; на втором – классные комнаты для преподавания технологии металлов и дерева (на их изучение отводилось три часа в неделю в первом классе и четыре часа во втором); классы для черчения и рисования (восемь часов в неделю). Во втором классе ученикам предстояло понять и премудрость бухгалтерии, для чего выделялся один час в неделю.

Все мастерские были оборудованы станками, с помощью которых можно было не только выполнять учебные работы, но и производить мебель на продажу, части сельскохозяйственных машин и прочие вещи на заказ. Кроме того, мастерские были снабжены чертежами, «рисовальными и учебными» атласами, различными таблицами, учебниками и справочниками. Для каждого ученика имелись готовальня и другие чертежные принадлежности. Был даже музей – с образцами произведений по изучаемым ремеслам, специально приобретенными для наглядного ознакомления учащихся с изделиями и машинами.

Наибольшее количество учебных часов программой отводилось практической работе в мастерских – 33 часа в неделю. Слесарное дело мальчикам преподавал пермский мещанин С. Т. Курочкин, до этого служивший инструментальным мастером на заводе братьев Каменских (известных пермских паромщиков). Столярному искусству учили обыватель Юговского казенного завода Константин Харитонович Самойловских, до того более 23 лет потрудившийся над украшением паромов братьев Каменских, и Виктор Егорович Андрианов с десятилетним опытом работы по модельному делу. Мастером механической обработки металлов стал пермский мещанин Николай Игнатьевич Куликов, проработавший 25 лет на механическом заводе И. И. Любимова. В кузнице священнодействовал П. Ф. Шипигусев, ранее работавший на заводе купца Калинина.

Открытие пермской ремесленно-учебной мастерской вскоре оценили пермские обыватели. Заказчики благодарили школу за отремонтированный мотор и исправленный зонтик, красивые полочки и арматуру для локомотива, исправленный комод и моторную лодку. С какими только просьбами не обращались горожане: поставить клеймо на топоре, приготовить

**ПЕРМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА
(ул. Ленина, 32)**

прибор для сокольской гимнастики, раму для портрета, кресло и чертежный стол, вал для мельницы, уют, партию болтов... Благо, цены в школе были гораздо ниже, чем в специализированной мастерской, а качество – ничуть не хуже. Более 100 заказов выполнили ученики под руководством наставников уже на второй год существования школы, на сумму более полутора тысяч рублей, получая при этом еще и важный жизненный урок: мастерство в руках это не только кусок хлеба, но и уважение людей.

Быстро пролетели первые три года существования ПРУМ, и первым выпускникам ее пришла пора показать все, чему они научились за это время. Председатель попечительного совета А. П. Гаврилов, поздравляя первых выпускников, призывал благополучно начать самостоятельную жизнь и быть полезным членом общества: «Создавая себе доброе имя, вы в тоже время будете создавать и охранять доброе имя школы, вас воспитавшей, протаптывая дорогу в жизнь для своих товарищей – питомцев мастерской следующих выпусков».

Позднее воспитанники ПРУМ, ее преподаватели и мастера были среди тех, кто учил молодую смену рабочего класса в школах ФЗУ, кто создавал гиганты пермской промышленности в индустриальные 1930-е годы. В 1930 г. по просьбе начальника строительства и директора завода «М» П. И. Чубукова Пермская профтехшкола была передана в распоряжение Авиаобъединения, здесь стали готовить кадры моторостроителей. С открытием рядом с заводом здания школы ФЗУ преподаватели и ученики школы перешли в новое здание¹². В доме на улице Трудовой (сейчас Орджоникидзе) – Свердловской, 7, некоторое время (1932-1934 гг.) располагался индустриальный техникум, затем детский дом. В последние 70 лет здесь – городская детская инфекционная больница.

¹ Красноперов Д. Я увез из Перми воспоминанье...: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским краем. – Пермь, 1989. – С. 8.

² Чернев Б. Издано в Санкт-Петербурге. – Пермь: Арабеск, 1995. – (Именные граждане Перми. Вып. 4).

³ ПГВ. 1899. 22 июля. № 156.

⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 106. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ ПГВ. 1899. 22 июля. № 156.

⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 106. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 95.

⁹ Там же. Л. 102.

¹⁰ Там же. Л. 95.

¹¹ ГАПК. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 241. Л. 32; ПГВ. 1907. 25 сент. № 208.

¹² Силина Т. И. Послужить Отечеству!...: Урок длиной в столетие. Ч. 1: Из истории лица. 1897-1917. – Пермь, 1998. – 107 с.

Волжско-Камский коммерческий банк был основан в 1870 г. двумя богатейшими российскими купцами Василием Кокоревым и Петром Губониным. Правление банка располагалось в Петербурге. Банк являлся акционерным обществом с уставным капиталом 6 млн руб. (6 тыс. акций по 1 тыс. руб.). В числе главных акционеров были петербургские хлеботорговцы Полежаевы; московские купцы Морозовы, Малютины, Солдатенковы.

Пермское отделение Волжско-Камского Коммерческого банка было открыто в октябре 1873 г. Первоначально оно располагалось в небольшом двухэтажном каменном доме по ул. Петропавловской, 25а, рядом со зданием Городской думы. В начале 1880-х гг. банк переехал в специально построенное для него двухэтажное каменное здание по ул. Покровской (Ленина), 32, с большим полуподвальным помещением. На фасаде здания выделялся ажурный балкон; парадный вход, согласно моде того времени, был снабжен навесом в ширину тротуара.

Первоначально обороты банка были сравнительно небольшими. Общая сумма всех капиталов, находящихся в обороте Пермского отделения Волжско-Камского Коммерческого банка на начало 1874 г. составляла 438 220 рублей¹. Для сравнения: на 1 октября 1873 г. по общим счетам Волжско-Камского Коммерческого банка значилось всех капиталов на сумму 76,3 млн. рублей, в том числе 30, 6 млн. – в Петербурге и 17,6 млн. – Москве².

Первым управляющим Пермского отделения был пермский купец 1-й гильдии Николай Дмитриевич Базанов. Н. Д. Базанов (1834-1895) был представителем известного купеческого рода, его дядя, Иван Иванович Базанов известен своим богатством и благотворительностью. В 1863 г. он купил у Д. Д. Смышляева канатно-прядильную фабрику, которую ему удалось превратить в современное и высокодоходное предприятие. Кроме должности управляющего Пермского отделения Волжско-Камского банка, он в разные годы занимал ряд выборных должностей: гласного (т. е. депутата) Пермского уездного и губернского земского собраний, Пермской городской думы, был членом учетных комитетов Пермского отделения Госбанка и городского общественного Марьянского банка³.

В документах Пермского отделения Государственного банка сохранилось одно из дел по специальному текущему счету, открытому в Госбанке Пермским отделением Волжско-Камского банка в 1876 г. Счет обеспечивался векселями, поступавшими от разных лиц. Из реестров этих векселей за 1876-1877 гг. мы можем узнать фамилии пермских деловых людей, пользовавшихся услугами Волжско-Камского банка в этот

период. Среди них многие представители деловой элиты Прикамья того времени: сам управляющий Николай Дмитриевич Базанов, Владимир Александрович Евреинов, Павел Федорович Камчатов, Афанасий Павлович Эскин, братья Каменские.

Среди фигурирующих в деле персонажей есть и известные в нашем крае и за его пределами фамилии. Это граф Петр Павлович Шувалов, владелец огромных имений, расположенных на территории Пермской губернии: лесных дач, металлургических и других заводов. В реестре от 3 декабря 1876 г. упомянут вексель на 5 тысяч рублей, полученный от деда знаменитого импресарио С. П. Дягилева – Павла Дмитриевича Дягилева. В той же ведомости фигурирует вексель на 3 тысячи рублей от купца 2-й гильдии Николая Николаевича Трапезникова, отца известного в Перми краеведа и общественного деятеля начала XX в. социал-демократа Владимира Николаевича Трапезникова. Упоминается также и подданная Великобритании Екатерина Эдуардовна Гакс – очевидно, супруга англичанина, основавшего в Перми судостроительный завод⁴.

В начале XX в. Волжско-Камский банк превратился в один из крупнейших банков Российской империи, его обороты и прибыль увеличились на несколько порядков. В 1907 г. общий оборот сумм Волжско-Камского банка составил 12,7 млрд. рублей, из них 3,65 млрд. приходилось на Санкт-Петербург. Чистая прибыль банка за этот год составила 3 988 562 руб. – без малого четыре миллиона рублей! (Для сравнения: двухэтажный каменный особняк в центре Перми стоил тогда 20-30 тыс. рублей). Только за этот год банк заплатил в казну 661 тыс. рублей государственного промыслового налога⁵. Банк имел отделения в Москве, Астрахани, Баку, Вятке, Екатеринбурге, Казани, Коканде, Кургане, Лодзи, Нижнем Новгороде, Омске, Оренбурге, Перми, Ростове на Дону, Рыбинске, Самаре, Саратове, Семипалатинске, Симбирске, Сызрани, Ташкенте, Уфе, Харькове и Царицыне.

Штат Пермского отделения Волжско-Камского банка в 1908 г. состоял из управляющего, бухгалтера, кассира, 11-ти конторщиков и трех артельщиков (т. е. кассиров-инкассаторов). Управляющими отделением в разные годы служили Н. Д. Базанов, Н. А. Нертовский, Н. А. Толмачев, А. И. Прейсфрейнд, А. И. Косцов.

В фонде Пермского окружного суда сохранилось дело по иску Пермского отделения Волжско-Камского Коммерческого банка о взыскании с внука пермского купца Павла Григорьевича Миронычева по опротестованным векселям 6 тысяч рублей с процентами и расходами по протесту векселей всего на 6030 рублей 30 коп. В качестве поверенного Пермского отделения Волжско-Камского банка в деле выступал пермский адвокат Николай Петрович Падалка.

Из имеющихся в деле документов интересна доверенность, выданная поверенному Н. П. Падалке управляющим Пермского отделения банка Александром Ивановичем Косцовым, значащимся в

документе как «отставной канцелярский служащий». Это означает, что Косцов начинал свою карьеру на государственной службе, но до перехода в коммерческую организацию не выслужил даже первого классного чина. В качестве домашнего адреса Александра Ивановича Косцова указан дом Волжско-Камского Коммерческого банка в Перми – очевидно, он проживал в предоставленной ему банком квартире, расположенной в самом здании, что в то время было достаточно распространено⁶. Кроме квартир, банк обеспечивал своих сотрудников и другими льготами, включая специальные награды за 25-летие службы, пособия семьям в случае смерти и т. д. Но главным стимулом было, конечно, довольно высокое жалование.

Интересно, что в начале XX в. в Пермском отделении Волжско-Камского Коммерческого банка имелся специальный счет, открытый на имя пермского губернатора. В 1914 г. на счете находилось более 6 тысяч рублей, предназначенных для увековечивания памяти боярина Романова – строительства и украшения Ныробской часовни-памятника. Именно с этого счета оплачивались расходы художника А. Н. Зеленина, занимавшегося ныробскими памятниками⁷.

В государственном архиве сохранился еще один любопытный документ – солидная, в толстом коричневом переплете, кассовая книга Пермского отделения Волжско-Камского коммерческого банка за 1907 год. Книга, если верить заверительной надписи в ее конце, должна была включать 241 двойную пронумерованную и прошнурованную страницу. Однако первые сто семьдесят страниц в книге отсутствуют: записи в ней начинаются со страницы 171-й и датируются 1923-1924 годами. Сами записи относятся к деятельности уже совсем другого, советского учреждения – Центральной государственной кассы, унаследовавшей здание банка и часть его инвентаря. Подобная практика использования бумаги из старых дел дореволюционных учреждений была распространена в первые годы советской власти. Особенность данной книги в том, что здесь использовали и дореволюционную форму ведомости – революция оказалась не в силах поколебать принципы ведения бухгалтерии и кассового учета.

¹ Состояние счетов Пермского отделения на 1 января 1874 г. ГАПК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 80. Л. 4-5.

² Состояние счетов Волжско-Камского Коммерческого банка к 1-му октября 1873 г. ГАПК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 80. Л. 4 об.

³ Баяндина Н. П. Пермь купеческая. – Пермь, 2002. – С. 52-54.

⁴ ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 385.

⁵ Отчет Волжско-Камского коммерческого банка за тридцать седьмой отчетный 1907 год. – СПб., 1908. – С. 4-5.

⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1415. Л. 1-2 об.

⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 698. Л. 76-77, 101.

**ЧАСОВНЯ И БРАТСТВО ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ СТЕФАНА,
ЕПИСКОПА ПЕРМСКОГО, И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ
ГЕРАСИМА, ПИТИРИМА И ИОНЫ
(по материалам исторической записки Л. С. Кашихина)**

Решением Пермского облисполкома от 22 марта 1988 г. за № 70 здание бывшей часовни и братства во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы взято под охрану государства как памятник градостроительства и архитектуры местного (областного) значения. Этот статус памятника был подтверждён распоряжением губернатора Пермской области от 5 декабря 2000 г. № 713-р¹.

Часовня находится в самом центре Перми, на перекрёстке Комсомольского проспекта, 18 (бывшая ул. Кунгурская, 14), и улицы Коммунистической (Петропавловской), 49. Здание часовни – кирпичное, двухэтажное, имеет шатровое завершение, высотой 12 метров; занимает земельный участок в 0,1 га².

В 1995 г. известным пермским архивистом и искусствоведом Леоном Сергеевичем Кашихиным (1932-1997)³ была составлена историческая записка «Часовня и братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы»⁴. 90-страничный труд напечатан на пишущей машинке. Историческая записка начинается с краткой аннотации: «Комплекс из трёх зданий... построенных одно за другим и дополняющих друг друга по их социальному и религиозно-нравственному назначению, состоящий из бывшей часовни св. Стефана Пермского, зала заседаний церковно-православного братства и церковно-приходской школы его имени, заслуженно внесён в реестр памятников истории и архитектуры города Перми. ...К сожалению, советские власти, лишившие её (часовню. – В. К.) главных функций, сильно обезобразили здание и внешне и внутренне». Цель составления исторической записки – осветить «биографию» этого памятника и тем самым «способствовать возрождению памяти св. Стефана и учреждений его имени».

В записке четыре главы. В первой главе анализируются печатные и архивные источники. Во второй – представлены жизнь, деятельность и духовные подвиги святителя Стефана и его последователей. В третьей – история строительства комплекса и его эксплуатации до июля 1919 г., то есть до освобождения Перми от колчаковских войск. В четвёртой описывается эксплуатация памятника в советское время.

Завершает историческую записку библиография, более 30 литературных источников. Документальные материалы выявлены Л. С. Кашихиным в Государственном архиве Пермской области (ГАПО, ныне ГАПК). В приложении – фотокопии икон и посоха св. Стефана, часовни его имени и другие иллюстративные материалы. Приложены также статья Я. В. Шестакова об инициаторе возведения часовни во имя св. Стефана Пермского, протоиерее Е. А. Попове, и справка об авторе проекта часовни архитекторе Василии Васильевиче Попатенко, составленная дочерью архитектора Эмилией Васильевной Попатенко (ГАПК, ф. р-790, оп. 1, д. 3360, л. 1-2).

12 ноября 1879 г. в доме протоиерея Воскресенской церкви Евгения Алексеевича Попова отмечали 35-летие служения о. Евгения в священническом сане. Присутствовали: архипастырь Вассиан, губернатор В. А. Енакиев, директор мужской гимназии И. Ф. Грацинский, губернский землемер А. К. Будрин, купцы Камчатовы и др. Протоиерей изложил план создания религиозно-просветительского общества и постройки часовни имени святителя Стефана Пермского в память о 500-летию начала его апостольской деятельности среди зырян. Был составлен подписной лист для сбора пожертвований на возведение часовни. Губернатор В. А. Енакиев и И. Ф. Грацинский дали по десять рублей, купцы П. Ф. Камчатов и К. Щелкунов – по 25 рублей. Всего по подписному листу было собрано 117 рублей. Так замысел Е. А. Попова начал претворяться в жизнь.

Отца Евгения поддержали и верующие из простонародья, о чём свидетельствуют письма протоиерея о. Евгения епископу Вассиану. Е. А. Попов считал, что памятник должен стать «общим духовным владением граждан» и находиться в центре города, в таком месте, «мимо которого следуют и пути выездные (у нас – пароходная пристань, вокзал железной дороги), и дорога в главные городские учреждения (дума, почта, учебные заведения, пункты торговли)». Инициативе А. Е. Попова требовалось придать законное направление, о чём он уведомил епископа Пермского и Верхотурского Вассиана. Е. А. Попов переслал владыке переписку по поводу строительства часовни и деньги в количестве 227 рублей, и просил открыть комиссию под председательством преосвященного Вассиана для претворения проекта в жизнь.

Поначалу возникли трудности с приобретением селитебного места, но вскоре проблема была решена: участок длиной 20 сажень по Кунгурской улице и 8 сажень по Петропавловской улице был куплен за 2500 рублей, и буквально за две недели на этом месте была построена временная деревянная часовня. Её размеры: длина – три сажени, ширина – 5 сажень и 1/2 аршина. За стеной её со стороны двора находилось тёплое помещение для сторожа. Верх часовни был восьми-

угольным. Высота часовни с крестом равнялась около 4 сажень. Над дверью часовни св. Стефана по белому фону была выведена крупная надпись красными буквами: «Изыде сеяя сеяти семене» и затем голубым: «В память 500-летия выхода на проповедь Св. Стефана Пермского». Торжество освящения проходило 18 октября 1881 г. в праздничный день столетия Перми.

26 апреля 1882 г., в день св. Стефана Пермского, рядом с деревянной часовней совершилась закладка каменной часовни и при ней помещения для духовно-назидательных собраний. Сооружением часовни руководил комитет, председателем которого состоял Е. А. Попов. В предельно сжатые сроки, всего за два года, здание каменной часовни было построено. А вот освящена она была из-за натянутых отношений о. Евгения с архиепископом Ефремом только в 1887 г. Кириллом, епископом Чебоксарским, который временно замещал Ефрема. Часовня состояла из паперти, келейной и певческой комнат и большим залом при ней. Зал заседания часовни св. Стефана Пермского, предназначенный для внебогослужебных чтений, был просторным и светлым. Его длина составляла 6 сажень с аршином, ширина – 5 сажень с аршином, высота – 3 сажени и 2 аршина. Потолок зала был зеркальным. Свет в зал поступал через восемь больших окон с полуциркульным завершением. В зале построены специальные хоры для певчих, на которых можно было поместить до 70 человек. Резонанс в зале был превосходным. Автором проекта здания являлся известный пермский городской архитектор В. В. Попатенко (1841-1920)⁵.

Л. С. Кашихин подробно описывает хлопоты, связанные с оснащением часовни утварью и инвентарём, приводит переписку о. Евгения по поводу написания святых икон с уроженцем Перми, живописцем, профессором Академии художеств в Петербурге Василием Петровичем Верещагиным, который предложил привлечь к работе и своего родного брата, художника-академиста Митрофана Петровича Верещагина⁶. Приглашая принять участие в этом богоугодном деле, о. Евгений 19 февраля 1881 г. писал В. П. Верещагину: «Василий Петрович! Бог благословил Вас после сиротства и бедной жизни в Перми, которых я был очевидцем, как сосед вашего родного дома, доселе существующего, взойти на высоту науки по живописи, а отсюда и на высокую ступень службы и внимания к вашему таланту даже царственных лиц. Но Пермь – колыбель Ваша и св. Стефан Пермский, именем которого она окрещена, без сомнения, составляет для Вас глубоко почитаемую святыню...»

В конце 1881 г. В. П. Верещагин изготовил картон для образа св. Стефана. 27 марта 1882 г. художник уведомил о. Евгения, что готов переслать образ в Москву для освящения на усыпальнице святите-

ля. 23 апреля икона была уже в Москве, в Спасском соборе Кремля, где хранились мощи св. Стефана. У гробницы его образ простоял целый месяц. 30 мая 1882 г. образ св. Стефана и другие иконы прибыли в Пермь и были встречены крестным ходом во главе с архиепископом Вассианом и губернатором. Поскольку о. Евгений обращался за помощью не только к профессору живописи В. П. Верещагину в Петербург, но и к другим людям, позже стали поступать иконы из других городов России, чтобы занять подобающее им место в иконостасе часовни.

Реализуя вторую часть своего замысла, – создание церковно-просветительного общества, – о. Евгений представил в 1881 г. епархиальному начальству прошение об открытии «Общества св. Стефана к поддержанию чистоты нравов в народе по духу православной церкви», подписанное 150 «лицами разных званий». 1 августа 1882 г. задуманное Е. А. Поповым общество было открыто, и он был единогласно избран председателем совета общества. В 1888 г. по инициативе епископа Ефрема общество было реорганизовано в Пермское православное церковное братство, с 1908 г. название братства расширилось за счёт приставления имён последователей св. Стефана: оно стало называться «Пермское епархиальное братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и святых его преемников – Герасима, Питирима и Ионы».

Общество (позже – братство) занималось активным религиозно-нравственным просвещением народонаселения Пермской епархии. Так, регулярно проводились внебогослужебные беседы о. Евгения и его последователей, пользовавшиеся большой популярностью у верующих, в специально для этого построенном зале. Л. С. Кашихин пишет: «Кафедра для беседователя (вышиной 1^{3/4} арш.) помещалась у северной стороны зала, почти против входных дверей. Для слушателей были устроены скамьи, следовавшие одна за другой с постепенным возвышением, а посередине зала стояли стулья. Многие из слушателей заранее приходили в зал, чтобы сесть поближе к кафедре. Хотя зал по величине во времена Е. А. Попова не имел себе равных, вмещая более 1000 человек, но часто был переполнен». В 1911 г. в зале часовни велись так называемые «Палестинские чтения». Они проводились по особой программе и касались вопросов древнерусского паломничества, деятельности Императорского православного палестинского общества, значения святой земли для христианского мира и т. д. Каждое собеседование сопровождалось духовным пением: хор братства был создан уже на следующий год после его образования.

В начале 1900-х гг. на братство св. Стефана было возложено руководство изданием «Пермских епархиальных ведомостей».

Особая страница истории часовни св. Стефана – деятельность бесплатной библиотеки с читальней духовной литературы. Библиотека ведёт начало с 1885 г. Книгами библиотеки были «наделяемы» и пересыльная тюрьма, «в которой на зимовку скапливалось очень много арестантов и семей, следующих за ними», и солдаты местного гарнизона.

Другая страница деятельности Е. А. Попова и его «Братчиков» (так называли членов братства) – создание и упрочение деятельности в Перми «Комитета по разбору и призрению нищих». Комитет возник в 1880 г., но работа его заглохла, пока он не перешёл в 1886 г. под председательство о. Евгения. Начав с устройства кружек для сбора пожертвований и собирания для нищих старой одежды, братчики пришли к более серьёзным делам: например, устройству особого помещения для нищих.

14 ноября 1888 г. при братстве открылась двухклассная церковно-приходская школа в доме, принадлежащем Рождество-Богородицкой церкви. В 1891 г., когда появился второй класс, школа была переведена во вновь выстроенное двухэтажное здание при часовне св. Стефана.

15 сентября 1894 г. в том же здании, в нижнем этаже, открылась церковно-учительская двухклассная школа, куда принимались лица не моложе 16-ти и не старше 21 года. Им преподавались такие предметы, как церковный устав, священная история, катехизис, церковная история и история раскола, дидактика, география, русская история, русский и церковно-славянский языки, музыка и пение. Председателем совета школы состоял протоиерей Г. И. Остроумов.

При часовне св. Стефана существовала ещё одна, третья, мужская воскресная школа для взрослых, открытая 11 октября 1892 г. В ней изучали закон Божий, русский язык и арифметику. Школа содержалась на добровольные пожертвования, обучение в ней было бесплатным. В воскресной школе велись народные чтения с помощью «волшебного фонаря» и световых картин, которые с большой охотой посещались не только учащимися, но и пермскими обывателями. При воскресной школе имелась небольшая библиотека с абонементом.

Заканчивая рассмотрение дореволюционного периода истории братства и часовни св. Стефана, Л. С. Кашихин упоминает об открытии 17 октября 1912 г. в зале братства епархиального церковно-археологического общества, организовавшего свой музей и учредившего печатный орган – «Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества».

В сентябре 1918 г. здание церковно-приходской школы при часовне св. Стефана было реквизировано новой властью для канцелярии Губнарсовета школ. Приход белых войск вернул прежнее состояние дел, но ненадолго. В июле 1919 г. здания часовни и братства вторично были

муниципализированы. Л. С. Кашихин приводит список организаций и учреждений, которые хозяйничали в помещениях часовни и братства св. Стефана, составленный им на основании объявлений, публиковавшихся в пермской газете «Звезда».

Так, в 1920 г. одно из помещений часовни занимал клуб пермских эсперантистов. 8 октября этого же года в бывшей Стефановской часовне открылся советско-партийный университет. С 1 апреля 1921 г. в одном из помещений часовни начали работать шестимесячные курсы Высшей партийной школы, с 22 апреля 1922 г. – располагалась канцелярия партийно-советской школы. В конце 1920-х гг. «успело погостить» одно из отделений Осоавиахима. С начала 1930-х гг. помещениями часовни владевают детские учебно-воспитательные учреждения. 25 февраля 1934 г. был подписан акт о сдаче в эксплуатацию детского сада № 21, для нужд которого приспособили Стефановскую часовню. В акте упомянуты два учреждения, размещавшиеся здесь же, в помещениях бывшей часовни: речь идёт о начальной школе № 25, преобразованной в 1935 г. в неполную среднюю школу и разместившуюся после этого по улице Оханской (Газеты «Звезда»); 18, и об учреждении, скрытом под аббревиатурой УБГ, значение которого историку-архивисту разгадать не удалось. Возможно, речь идёт об управлении благоустройства города. В 1938 г. в здании бывшей часовни находилась музыкальная школа. В 1930-х – 1990-х гг. помещения бывшей часовни принадлежали детским садам Пермского горно (№ 10, 22, 28, 112, 72).

Историческая записка Л. С. Кашихина была составлена в 1995 г.

7 мая 1996 г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память о Стефане Пермском (автор – А. Ю. Екубенко), освященной епископом Пермским и Соликамским Афанасием⁷: «Часовня и братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы заложена 9 мая 1882 [г.] в память 500-летия со дня первой проповеди св. Стефана в земле Пермской, построена на всенародное пожертвование по проекту губернского архитектора В. В. Попатенко»⁸. Через некоторое время мемориальная доска была снята, её заменил деревянный щит с такой же надписью, который в 2009 г. демонтирован. 3 июня 1996 г. в возвращённой Пермской епархии часовне состоялось первое общественное богослужение, посвящённое памяти протоиерея Е. А. Попова, по инициативе которого строилась часовня⁹.

В настоящее время в здании на углу Комсомольского проспекта и улицы Петропавловской воссоздан храм-часовня святителя Стефана Великопермского, здесь же находится, сохраняя традиции, православная церковная лавка. Некоторое время в храме-часовне размещалась редакция газеты «Православная Пермь».

У храма-часовни св. Стефана началась новая жизнь. Хорошо, что его удалось сохранить в годы советского лихолетья.

¹ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – С. 44; Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области: Изд. официальное. – Пермь, 2001. – С. 138 (№ 45).

² Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1993. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – С. 44.

³ См. о Л. С. Кашихине.: Наш Леон: Сб. документов и материалов, посвящённых памяти Л. С. Кашихина. – Пермь, 1998; *Колбас В. С.* Кашихин Леон Сергеевич // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник. – Пермь, 2000. – С. 145-146; *Колбас В. С.* Вклад Л. С. Кашихина в изучение архитектурных памятников Прикамья (гостиница «Королёвские номера» в Перми) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / Сост. и ред. Т. И. Быстрых. – Пермь, 2008. – С. 119-123; и др.

⁴ Историческая записка Л. С. Кашихина хранится в личном архиве автора, В. С. Колбаса.

⁵ О В. В. Попатенко см.: *Звангельская В. Е.* Попатенко Василий Васильевич // Уральская историческая энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Екатеринбург, 2000. – С.431; *Кашихин Л. С.* Наследство зодчего // Вечерняя Пермь. 1987. 18 нояб.; *Колбас В. С.* Пермский архитектор В. В. Попатенко // Страницы прошлого. – Пермь, 2003. – Вып. 4. – С. 172-176.

⁶ О художниках В. П. и М. П. Верещагиных см.: Верещагин Пётр Петрович (1834-1886). Верещагин Василий Петрович (1835-1909): К 150-летию со дня рождения: Каталог (из фондов музеев СССР). – Пермь, 1984.

⁷ См.: *Рудакова В., Воронкова Н., Семянников В. В.* История Комсомольского проспекта // Страницы пермской архитектуры: Сб. статей. – Пермь, 1999. – С. 46-47; *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 170.

⁸ Благодарю пермского журналиста и краеведа В. Ф. Гладышева за предоставленную мне фотографию этой мемориальной доски. Странно, что об этой доске нет упоминания в разделе утерянных и демонтированных мемориальных досок в книге: *Субботин Е. П., Семянников В. В., Серов М. И.* Мемориальные доски Перми – Пермь, 2008.

⁹ См.: *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 170.

РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ И РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКАЯ ЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

В 2010 г. исполнится 220 лет со дня первого освящения Рождество-Богородицкой церкви, здание которой на углу улиц Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда»), ранее принадлежавшее Пермской фармацевтической академии, возвращается Пермской Епархии. Уже возвращено здание Рождество-Богородицкой женской церковно-приходской школы на углу улиц Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда»), в которой ныне занимается Пермская православная классическая гимназия.

В фондах Государственного архива Пермского края хранится значительное количество документов по истории этих двух зданий (ф. 65 «Канцелярия Пермского губернатора», ф. 108 «Благочинный градо-Пермских церквей», ф. 147 «Пермский Епархиальный Училищный Совет», ф. 152 «Пермское уездное отделение Пермского Епархиального Училищного Совета», ф. 195 «Благочинные 1, 2, 3 округов Пермского уезда», ф. 271 «Рождество-Богородицкая церковь г. Перми», ф. 505 «Болотовы», ф. 598 «Серебренников Павел Николаевич», ф. 716 «Архивная коллекция картографических документов», ф. р-1 «Пермское Епархиальное Управление»).

Строительство Рождество-Богородицкой церкви в XVIII в. связано с именами пермского наместника Евгения Петровича Кашкина и купца Василия Герасимовича Лапина, бывшего в 1787-1790 гг. городским головой Перми и пожелавшего выделить на это собственные средства.

6 октября 1787 г. Епископ Вятский и Великопермский Лаврентий (Баранович), с благословения Святейшего Синода, выдал «храмозданную грамоту» на строительство каменной церкви, план и фасад которой составил губернский архитектор Пётр Тимофеевич Васильев. В том же году по ул. Покровской, напротив дома Лапина, был заложен нижний этаж храма. 23 декабря 1789 г. состоялось освящение храма во имя Владимирской иконы Божией Матери.

До учреждения Пермской Епархии церковь именовалась Владимирской. Преосвященным Иоанном (Островским), первым Епископом Пермским, 8 сентября 1800 г. церковь была переименована в Рождество-Богородицкую. В 1816 г. закончилось возведение верхнего этажа храма, и 1 октября того же года верхняя церковь была освящена Епископом Иустином (Вишневым) во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1827 г. по проекту губернского архитектора П. Т. Васильева Рождество-Богородицкая церковь была обнесена с восточной и северной сторон каменной оградой с железной решёткой и с двумя воротами. В 1837 г. в нижнем храме с южной и северной сторон усердием прихожан было начато строительство двух боковых приделов.

30 января 1839 г. состоялось освящение нижнего северного придела во имя Святителя и Чудотворца Николая, а 30 июля 1840 г. – освящение нижнего южного придела во имя трёх святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. 25 марта 1842 г. состоялось освящение нижнего главного придела в честь Владимирской иконы Божией Матери архиепископом Аркадием (Фёдоровым).

В 1843 г. к колокольне пристроили каменную галерею для входа в церковь. На левой стороне, при входе в галерею с дозволения архиепископа Аркадия возвели каменную часовню, покрытую железом, выкрашенным малахитом. В 1845 г. с западной и в 1846 г. с южной сторон церковь была обнесена каменной стеной. 8 июля 1847 г. состоялось освящение верхнего северного придела во имя св. мученицы Агриппины, а 11 июня 1848 г. – освящение верхнего южного придела во славу Воздвижения Животворящего Креста Господня.

Таким образом, в Рождество-Богородицкой церкви было шесть приделов. Всего пространства церковь и церковный двор занимали в длину 40 саженей, а в ширину 24 сажени. В архивных документах сохранились подробные описания первоначального внешнего вида и внутреннего убранства Рождество-Богородицкой церкви, описание придельных алтарей и иконостасов.

Здание церкви было прямоугольным, с боковыми приделами и трапезной. Она имела длину по Покровской улице 16 сажен с аршином, ширины 5 сажен и 2 аршина. Высота нижнего этажа равнялась 2 саженим и 5 четвертям, верхнего этажа – 10 саженим и 2 аршинам.

Каждый из приделов имел в длину 10 сажен и 2 аршина, в ширину 3,5 сажени; в высоту в нижней и верхней церкви по 2 сажени.

В нижней церкви было 18 окон и стеклянные двери, во всех окнах имелись железные решетки. В верхней церкви окна размещались в два яруса. Над вторым этажом были возведены купол с окнами и колокольня на восьмерике. Крыша на церкви, трапезной и колокольне была покрыта железом, а кресты и главы – вызолочены. Над круглыми окнами на куполе находились сделанные из железа и вызолоченные изображение четырёх трубящих ангелов.

Церкви принадлежала часовня с позолоченным куполом во имя святителя Николая внутри Гостиного двора, построенная, по преданию, в память Отечественной войны 1812 года. В эту часовню ежегодно 9 мая совершался крестный ход.

До 1891 г. в Перми не было обозначено точных границ каждого из церковных приходов, которых было тогда четыре: Петро-Павловский собор, Рождество-Богородицкая, Свято-Троицкая на Слудке и Всесвятская кладбищенская церкви. В 1891 г. были определены следующие границы Рождество-Богородицкого прихода: все улицы, расположенные по левую сторону к реке Каме от Сибирской заставы по Сибирскому переулку, за исключением улиц Торговой и Монастырской, до Кунгурского переулка, выделенных в приход Петро-Павловского Собора. Кроме этих улиц, к Рождество-Богородицкому приходу была выделена улица Петропавловская в количестве двух кварталов, расположенных по левую сторону от Сибирской улицы. Улица Покровская, на которой находилась церковь, по левую сторону от Сибирской была включена в состав прихода до Екатеринбургского переулка.

Очень много для благолепия церкви сделал купец 2-й гильдии Кондрат Адрианович Сорокин. Он родился в 1821 г. в семье крепостных крестьян. В 1863 г. открыл своё торговое дело. 14 октября 1864 г. был избран в церковные старосты Рождество-Богородицкой церкви.

До 1864 г. Рождество-Богородицкий храм производил впечатление обыкновенного сельского храма, в котором не было ни серебропозлащённых икон в иконостасе, ни стенной живописи, ни богатства церковной утвари и ризницы. При церковном старосте Кондратии Сорокине церковь стала по своему убранству и обилию церковной утвари и ризницы одним из богатейших храмов г. Перми.

В первый год своего служения Кондратий Адрианович приступил к капитальному обновлению верхнего храма, в котором он устроил величественный пятирусный иконостас в главном приделе храма и два боковые; стены храма украсил живописью. В 1872 г. Сорокин приступил к обновлению нижнего храма. В 1885 г. он капитально отремонтировал его, причём вновь устроено было два иконостаса в боковых приделах и поставлен особый иконостас в трапезной части храма.

В 1895 г. праздновалось 30-летие служения в должности церковного старосты при Рождество-Богородицкой церкви Кондратия Адриановича Сорокина. За время его службы все храмовые иконы были украшены дорогими серебряными ризами, храм обогатился новой священной утварью, дорогими священными облачениями, Святой престол в главном приделе храма был украшен серебряной (кованной) позлащённой ризой, с наружной стороны храм был украшен золотыми главами.

Старостинская деятельность Кондратия Сорокина не ограничивалась кругом обязанностей в отношении только одного храма. 27 декабря 1889 г. праздновался столетний юбилей Рождество-Богородицкой церкви. Тогда же состоялось открытие Рождество-Богородицкого церковно-приходского попечительства, поставившего своей задачей

помогать бедным, по преимуществу своего прихода, при разных тяжёлых обстоятельствах их жизни и содержать, совместно с церковью, церковно-приходскую школу.

30 января 1899 г. К. А. Сорокин, в уважение к его более чем 34-летним трудам в должности церковного старосты, был посвящён Преосвященным Петром, Епископом Пермским и Соликамским, в стихарь. Стихарь – это церковная одежда, знаменующая собою чистоту и непорочность сердца того лица, которое призвано её носить. Сорокин являлся истинным служителем храма Божия. Он ежедневно ходил в храм и участвовал в богослужениях не только как молящийся, но и как чтец.

Первая церковно-приходская школа при Рождество-Богородицкой церкви была открыта 14 ноября 1888 г. в память чудесного спасения царской семьи при крушении 17 октября поезда на Курско-Азовской железной дороге. Школа была сначала одноклассной мужской и ютилась в наёмном помещении. В 1890 г. школа была переведена в новое каменное здание при часовне свт. Стефана Великопермского и преобразована в двухклассную.

20 августа 1890 г. при Рождество-Богородицкой церкви была открыта женская одноклассная школа, которая помещалась в каменном церковном доме. В 1894-1895 гг. школа из церковного дома была переведена на квартиру в дом купца С. А. Савина. С. А. Савин помогал школе с материальной стороны, но помещение в его доме не было приспособлено к школьным требованиям. 27 октября 1896 г. состоялось освящение и открытие нового здания для школы. Оно было построено в ознаменование 30-летия службы К. А. Сорокина в должности церковного старосты, вблизи церкви, на углу улиц Пермской (Кирова, 55), и Оханской (Газеты «Звезда», 19). Место было пожертвовано самим К. А. Сорокиным, в пользу церкви. Двухэтажное здание из красного кирпича построено по проекту архитектора А. Б. Турчевича. Это была самая лучшая из церковно-приходских школ города.

Школа состояла из трёх отделений (классов). Учение в школе было бесплатным, учебники и учебные принадлежности выдавались также бесплатно. Большинство детей принадлежали к бедным классам общества. Школа получала денежные средства частью от попечителя её К. А. Сорокина, частью – от Рождество-Богородицкого церковно-приходского попечительства, а главным образом от церкви.

К. А. Сорокин по-отечески относился к церковно-приходской школе, с самого открытия приняв её под особое попечение. В качестве попечителя он помогал ей значительными пожертвованиями и старался всячески содействовать её благосостоянию. Одной из самых симпатичных сторон в отношении его к школе являлась любовь к детям, сострадание к их бедности. Он был готов во всякую минуту подать им руку помощи.

К. А. Сорокин скончался в 1903 г. С 1904 г. попечителем школы был его сын, пермский купец Василий Кондратович Сорокин. С 1908 г. попечителя в школе не было.

Председателем Рождество-Богородицкого церковно-приходского попечительства был Павел Николаевич Серебренников – выдающийся организатор и неутомимый общественный деятель в области народного просвещения и филантропии, доктор медицины. П. Н. Серебренников родился в 1849 г. в с. Архангельске Соликамского уезда, в священнической семье. Окончив в 1870 г. Пермскую духовную семинарию, обучался до 1876 г. в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Во время русско-турецкой войны (1877-1878) служил полевым военным врачом. С 1880 г. работал врачом в Нижне-Салдинском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии, до сентября 1883 г. замещал должность Ирбитского городского врача. С 1885 до 1917 гг. состоял врачом в Пермской духовной семинарии и духовном училище, епархиальном женском училище и других учебных заведениях; одновременно преподавал медицину, физиологию и гигиену, имел частную врачебную практику. Дослужился до чина коллежского советника. Доктор медицины с 1885 г. П. Н. Серебренников активно занимался общественной деятельностью: являлся членом Пермского общества врачей, Пермского уездного отделения епархиального училищного совета, председателем совета Пермского научно-промышленного музея (1899-1910 гг.), членом губернского статистического комитета, общества попечения об освобождаемых из мест заключения округа Пермского окружного суда, почетным членом губернского комитета попечительства о народной трезвости и др. Награжден орденом св. Анны 3-й степени. Умер 20 марта 1917 г.

В 1903 г. по ходатайству П. Н. Серебренникова Училищный Совет при Святейшем Синоде выделил на расширение и ремонт здания школы 5000 рублей и на содержание школы по 1000 рублей в год. Проект плана расширения здания Рождество-Богородицкой церковно-приходской школы был составлен почетным членом Епархиального Училищного Совета, архитектором А. Б. Турчевичем.

Заведующим и законоучителем школы долгое время был протоиерей Евграф Матвеевич Кудрявцев. Законоучителями служили: священник Никанор Пономарёв, священник Александр Меркурьев, диакон Иоанн Михайлович Лебедев.

С 1894 г. старшей учительницей служила Лариса Георгиевна Семёнова, дочь священника, она окончила курс в Екатеринбургском епархиальном женском училище.

С 1908 г. старшей учительницей служила Анфиса Георгиевна Семёнова, дочь священника, окончившая курс в Епархиальном училище.

Учителем пения в школе долгое время служил диакон Константин Затопляев, которому школа была обязана блестящей постановкой пе-

ния. С 1903 г. учителем пения служил диакон Иоанн Лебедев из IV класса Рязанской духовной семинарии, с 1909 года – сын диакона Павел Затопляев, из 2-го класса духовной семинарии.

В сентябре 1898 г. при Рождество-Богородицкой церковно-приходской школе был открыт профессиональный ремесленно-рукодельный класс. Инициатива его открытия принадлежала доктору медицины П. Н. Серебренникову. Задачей профессионального класса была теоретическая и практическая подготовка девушек по всем необходимым знаниям и навыкам кройки и шитья отдельных частей дамского туалета, от простейших до наиболее сложных. В профессиональном рукодельном классе девочки обучались шитью, вязанию чулок и вышиванию по канве нитками. Окончившие курс выпускались со званием подмастериц и получали возможность, при дополнительных практических занятиях ремеслом при мастерской профессионального класса или частных мастерских, получить звание мастериц. Курс обучения в профессиональном классе был четырёхлетним, возраст поступающих – от 12 до 14 лет.

Профессиональный класс содержался на средства Рождество-Богородицкого попечительства и на субсидии Училищного Совета при Св. Синоде. Поскольку учащиеся в профессиональном классе приходили, по преимуществу, из семей малообеспеченных, было введено в их пользу процентное отчисление из сумм, выручаемых от исполняемых классом работ. Каждый год проводились выставки рукодельных работ учениц школы.

Учительницей рукоделия в классе служила с 1898 г. жена чиновника Мария Семеновна Удинцева, она имела звание учительницы сельского начального училища. По мнению протоиерея Евграфа Кудрявцева, М. С. Удинцева показала значительные успехи в преподавании рукоделия, о чём свидетельствовали исполненные ученицами рукодельные работы. С 1913 г. учительницей рукоделия была дочь мещанина Александра Ивановна Голубева из ремесленного класса Богородицкой школы. С 1914 г. – жена пермского мещанина Александра Ивановна Кубасова, она имела свидетельство на звание учительницы рукоделия.

В 1909 г., в год 25-летия существования церковно-приходских школ, Рождество-Богородицкая школа принимала у себя педагогические курсы учащихся церковно-приходских школ.

На верхнем этаже здания помещалась школа, а на нижнем этаже был устроен народный зал с библиотекой-читальней. Народные чтения в народном зале начались 3 ноября 1896 г., они проводились по воскресным и праздничным дням. Нередко народные чтения сопровождались демонстрацией световых картин, пением и музыкой, которые всегда привлекали много публики. Почти ежегодно в стенах школы знаменитый оперный певец А. Д. Городцов вел курсы певческой грамоты.

Зал на втором этаже носил имя П. Н. Серебренникова – так велико было уважение к нему пермяков.

У Рождество-Богородицкой церковно-приходской школы была загородная детская колония, куда для восстановления сил отправлялись на летние каникулы дети бедных родителей. Для этой цели школе был выделен участок казенной земли площадью в пять десятин, находившийся в Закамске. В колонии были теплые бараки, купальня, гимнастика, сад с цветниками, овощной огород, пасека.

Пермяки хорошо относились к школе, охотно отдавали учиться своих дочерей; нередко посещали школу во время учебных занятий, бывали на выпускных экзаменах. 17 октября – на традиционном торжественном акте, посвящённом годовщине открытия школы – народный зал всегда был переполнен публикой.

Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. здание Рождество-Богородицкой школы было муниципализировано, школа переименована в начальное женское училище и передана земству. В советское время в ней размещалась вечерняя общеобразовательная школа № 7.

Рождество-Богородицкая церковь в советские годы переживала трудные времена реквизиции имущества, преследования верующих и священнослужителей. В 1926 г. храм был передан обновленческой общине. В Рождество-Богородицкой церкви находилось обновленческое Епархиальное Управление. В связи с этим в 1927 г. появилась идея объявить Рождество-Богородицкую церковь Кафедральным собором для сосредоточения всех обновленческих сил в городе в одном месте, а также для облегчения епархиального бюджета от расходов на содержание старого кафедрального собора.

До 1928 г. церковь оставалась действующей. В октябре 1928 г. Пермский окрисполком принял решение расторгнуть договор с общиной верующих Рождество-Богородицкой церкви, изъять здание и передать его горсовету. В здании разместилось общежитие. С 1933 по 1941 гг. здание церкви занимал стоматологический институт. С 1941 г. здесь располагался главный корпус Пермского фармацевтического института (затем академии). Здание подвергалось значительной перестройке, в ходе которой были разобраны купол и колокольня. Колокольня сломана в декабре 1928 г., купола снесены в 1933 г.

26 мая 2009 г. Пермская городская дума приняла решение о безвозмездном возвращении здания на углу улиц Кирова и Газеты «Звезда» Пермской Епархии для нужд Пермской православной классической гимназии. Начался процесс возвращения здания Рождество-Богородицкой церкви, в котором планируется проведение реставрационных работ. Храму должен быть возвращен исторический облик, внешний и внутренний. По указу Преосвященного Иринарха, Епископа Пермского и

Соликамского, создано Архиерейское Подворье храма Рождества Пресвятой Богородицы в Перми, деятельность которого направлена на церковно-социальное и духовно-просветительское служение.

Русская Православная Церковь всегда осуществляла свое служение в интересах всего общества, культивируя вечные, непреходящие ценности. Надеемся, что восстановление этих двух зданий поможет Пермской епархии и пермскому обществу в продолжении великих традиций миссионерства, просветительства и образования, благотворительности.

ГАПК:

Ф. 65. Оп. 4. Д. 111.

Ф. 108. Оп. 1. Д. 13-14, 22, 29, 43.

Ф. 147. Оп. 1. Д. 20, 71, 563.

Ф. 152. Оп. 1. Д. 19-22, 24-26, 35, 61.

Ф. 195. Оп. 1. Д. 102.

Ф. 197. Оп. 1. Д. 59.

Ф. 271. Оп. 1. Д. 8, 15.

Ф. 276. Оп. 1. Д. 39.

Ф. 505. Оп. 1. Д. 182.

Ф. 598. Оп. 1.

Ф. 716. Оп. 1.

Ф. р-1. Оп. 1. Д. 46, 100, 241, 278, 309.

Ф. р-8. Оп. 1. Д. 128.

Ф. р-1725. Оп. 1. Д. 83.

Л. В. Мамаева, Е. В. Шварёва

ДОМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬСТВА.

Из истории Богородицкой церковно-приходской школы

В 2008/2009 учебном году гимназисты Пермской православной гимназии получали знания в здании Богородицкой школы. Это не просто архитектурный памятник, это ДОМ, построенный для первой в городе Перми церковно-приходской школы¹. ДОМ, сохранивший свою неповторимую атмосферу, несмотря на период забвения, равный почти столетию; и свой уют, несмотря на неоднократные реконструкции.

История строительства ДОМА свидетельствует о том, что выстроен он на фундаменте милосердия и сострадания к ближним. Это результат активной деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства о бедных под председательством П. Н. Серебренникова. Попечительство открыто 27 декабря 1889 г. «в память вековой годовщины» Рождество-Богородицкой церкви². В отчёте П. Н. Серебренникова о деятельности попечительства сформулирована главная задача: «направить дело благотворительности на истинный путь»³. Попечитель-

ство призывало помогать не «профессиональным нищим», а тем, «кто, находясь в бедственном положении, ищет работы, стыдясь в тоже время надеть на себя кошель и протянуть руку во имя Христа». Поэтому *истинная христианская разумная благотворительность* представлялась совету как возможность дать бедным людям трудиться и, особенно, как «забота об образовании и нравственном воспитании детей бедных родителей»⁴. Заботой приходского попечительства стало устройство и организация школы для девочек.

Организация Богородицкой школы зиждется на идее благотворительности. П. Н. Серебренников сказал в день открытия здания 27 октября 1896 г.: «ДОМ был построен только благодаря добрым и отзывчивым на чужие нужды людям»⁵. Действительно, пермяки щедро жертвовали на благое дело: деньгами, строительными материалами, земельными участками (Кондратий Андриянович Сорокин), своим бескорыстным трудом (архитектор Александр Бонавентурович Турчевич) и т. п. Всего в списке жертвователей на постройку школы Градо-Пермского Рождество-Богородицкого попечительства указано более 100 фамилий. Следует отметить, что жертвовали на благо Православной Церкви люди разного вероисповедания, например, А. Б. Турчевич по вероисповеданию принадлежал к католикам.

Таким образом ДОМ для Богородицкой школы с момента своего основания стал памятником БЛАГОТВОРИТЕЛЬСТВА⁶. Первым именем в списке благотворителей стояло имя почётного попечителя школы и бесменного старосты Рождества-Богородицкой церкви в течение 35 лет, купца 2-ой гильдии К. А. Сорокина.

Но история БЛАГОТВОРИТЕЛЬСТВА не закончилась строительством ДОМА, оцененного в 20000 рублей. Она только начиналась. ДОМ стал центром благотворительной деятельности Рождество-Богородицкого попечительства, которое частным одновременным пожертвованиям предпочло постоянное и регулярное вспоможение нуждающимся в виде оказания помощи в приобретении знаний и необходимых профессиональных навыков. Для этого попечительство взяло на себя полное обеспечение учебного процесса в церковно-приходской школе, где обучение и учебные пособия были бесплатными, а особо нуждающиеся получали бесплатно завтрак, обед, ужин и необходимую одежду. Бесплатным было обучение в рукодельно-ремесленном и певческом классах.

Благотворительные задумки успешно реализовывались попечительством, формулировались новые цели, но помещение Богородицкой школы стало тесным для их осуществления. В 1903 г. попечительство решилось на расширение здания школы. Ещё в первом проекте здания архитектор А. Б. Турчевич учёл все предложения Рождество-Богородицкого

попечительства, и здание было спроектировано таким образом, что позволяло вести учебный процесс и просветительскую деятельность одновременно, без ущерба одному другому. Просторные учебные классы были спланированы на втором этаже, а первый этаж предусмотрен для проведения народных просветительских чтений и благотворительных праздников: *Рождественских ёлок* и *Пасхальных розговин*.

В результате реконструкции под руководством А. Б. Турчевича ДОМ обогатился тремя классами для профессиональных занятий на первом этаже и концертным залом на втором, что позволило активизировать и расширить благотворительную деятельность Рождество-Богородицкого попечительства в ДОМЕ Богородицкой школы.

После открытия нового здания началась богатая событиями просветительская деятельность: 27 октября – день открытия, а уже 3 ноября в обновленном ДОМЕ проведены первые *народные чтения*⁷, которые впоследствии проходили регулярно. Народные чтения предназначались не только для взрослой аудитории (носили религиозно-нравственный и просветительский характер), но и для детей: по Царским дням для мальчиков⁸, а по Богородицким праздникам для девочек⁹. В программу народных чтений наряду с лекциями регулярно включались музыкальные номера, которые впоследствии стали отдельной концертной частью чтений. Именно на одном из таких вечеров в ДОМЕ дебютировал Александр Дмитриевич Городцов¹⁰. В концертной программе принимали участие музыканты-любители из Пермского музыкального кружка, профессионалы со своими учениками, церковные хоровые коллективы и народные певческие хоры. Народные чтения проводились бесплатно, спрос на них был исключительно высок. Для регулирования наполняемости аудитории организаторы чтений заблаговременно распространяли входные билеты¹¹.

С целью согласования предложений лекторов – священников и преподавателей разных учебных заведений Перми – и спроса аудитории в 1899 г. в ДОМЕ было организовано Пушкинское общество содействия народному образованию¹².

В первый год открытия Богородицкой школы была организована и 29 декабря проведена *благотворительная ёлка* с подарками и праздничным столом для «беднейших из бедных» детей¹³. К празднику готовились «всем миром»: девочки – ученицы Богородицкой школы – в «дни благотворительности» мастерили своими руками подарки для гостей (шили рубашки, вязали носки и рукавицы). Материалами их обеспечивали попечительство и жертвователи, прочитавшие объявления о предстоящей подготовке к празднику. Объявления регулярно размещались на страницах «Пермских губернских ведомостей», там же публиковались списки жертвователей и их даров.

29 декабря двери ДОМА широко растворились для детей, которых с улицы приводили постовые; другие нуждающиеся приходили по приглашению билетам, заранее доставленным им по указанию Рождество-Богородицкого попечительства. Гости Богородицкого ДОМА преобразались: из рваной одежды их переодевали в новое благословленное платье, и уходили они в добротных пальто и валенках. Для гостей были приготовлены лакомства, и приглашённые могли угощаться без ограничений, им даже позволялось уносить гостинцы с собой. В ДОМЕ было проведено три благотворительных ёлки, количество гостей превышало 250 человек. Позже Рождественские ёлки проводились не так пышно. Совет попечительства принял решение об организации столовой для бедных, так как счёл приоритетным накормить большее число голодающих вместо развлечения ограниченного количества детей¹⁴. Но традиция Рождественских ёлок продолжилась в Богородицком ДОМЕ для учениц и выпускниц церковно-приходской школы и их гостей.

Великий пост в Богородицкой школе был также озаглавлен днями благотворительности и сбором пожертвований на *Пасхальные розговины*¹⁵. Заметим, это был *первый опыт детской благотворительности*. В день Святого Воскресения в ДОМЕ с 8 часов утра принимались гости и угощались различными яствами.

Молва о праздниках в пермской Богородицкой школе разлетелась за пределы Пермской губернии. Согласно данным статистики в 1898 и 1899 г. на Рождественские и Пасхальные праздники приезжали гости из Казани, Поволжья и прочих неурожайных мест¹⁶.

ДОМ Богородицкой школы является, несомненно, памятником БЛАГОТВОРИТЕЛЬСТВА и заслуга П. Н. Серебренникова и его сторонников в организации этого БОЛЬШОГО ДЕЛА огромна. Во время одного из юбилеев П. Н. Серебренникова в приветственной речи было сказано: «Богородицкая школа – ваше детище. Вы часто посещаете её, следите за здоровьем, образованием, воспитанием детей. Ваше желание, Ваше стремление дать детям образование и воспитание истинно христианское. <...>

Заботясь об образовании детей, Вы стараетесь дать посильное духовное просвещение и взрослым, для чего устраиваете в школе чтения, пение, курсы...»¹⁷. «Эта школа <...> была единственной образцовой школой во всей Пермской губернии. Даже в путеводителях по городу экскурсантам рекомендовалось посетить ее, как достопримечательность Перми»¹⁸.

Традиции Богородицкой школы не остались в прошлом, они возрождаются и существуют благодаря стараниям гимназистов и педагогов Пермской православной классической гимназии. Усилиями педагогов, учеников и их родителей воссоздаётся история школы и организуется школьный мемориальный музей, воспринимаемый как ДОМ широких

культурно-социальных контактов и творческой деятельности, как центр и средоточие духовного обогащения, непосредственного соприкосновения с ценностями прошлого и настоящего.

¹ ПГВ. 1888. № 93.

² Краткий очерк развития деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства с основания его по настоящий 1896 год (первое пятилетие) и отчёт за прошлый 1895 год / Сост. П. Н. Серебренников. – Пермь: Типо-литография губ. правления, 1896. – С. I.

³ Там же. С. II.

⁴ Там же.

⁵ ПГВ. 1896. 29 окт.

⁶ ПГВ. 1899. 23 дек.

⁷ ПГВ. 1896. 5 нояб.

⁸ ПГВ. 1896. 28 нояб.; 1898. 25 нояб.

⁹ ПГВ. 1896. 17 нояб.; 1898. 14 нояб.

¹⁰ ПГВ. 1896. 19, 26 нояб.

¹¹ ПГВ. 1896. 5 нояб.

¹² ПГВ. 1899. 20 февр., 5, 19, 30 марта.

¹³ ПГВ. 1896. 31 дек.; 1898. 6 дек.

¹⁴ ПГВ. 1899. 16 дек.

¹⁵ ПГВ. 1898. № 64, 68, 69, 74, 76.

¹⁶ ПГВ. 1898. 10 апр., 6 дек.; 1899. 25 апр.

¹⁷ Цит. по: *Кашихин Л. С.* Школа – памятник. 1991. 11 окт. Рукопись.

¹⁸ Там же.

А. В. Шилов

НАРОДНЫЙ ДОМ В МОТОВИЛИХЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (ул. Мостовая, 6)

В старой части Мотовилихи, рядом с площадью Восстания находится примечательное в архитектурном отношении здание. Это двухэтажное каменное строение, «Т»-образное в плане, с богатым кирпичным декором и двумя щипцевыми фронтонами со стороны главного, западного фасада. Здание поставлено на государственную охрану как объект культурного наследия (памятник градостроительства и архитектуры) регионального значения решением Малого Совета Пермского облсовета от 20 мая 1993 г. № 683 и подтверждено распоряжением губернатора Пермской области от 5 декабря 2000 г. № 713-р. В литературе и источниках оно упоминается как Народный дом в Мотовилихе.

Народные дома возникли в России в связи с проведением инициированной министром финансов С. Ю. Витте питейной реформы и организацией в конце XIX – начале XX вв. попечительств о народной трезвости.

Целью попечительств являлась разъяснительная работа о вреде неумеренного потребления крепких спиртных напитков, а также «изыскание средств» для предоставления населению возможности проводить свободное время вне питейных заведений. Отсюда в их функции входило осуществление комплекса культурно-просветительных мероприятий: устройство библиотек, чайных-читален, организация публичных чтений, театральные представления, народных гуляний с тем, чтобы «приучить» представителей трудовых слоев общества «к более облагораживающему пользованию своим досугом». В решении поставленных задач особые надежды со стороны попечительств, а затем и земских учреждений, возлагались на Народные дома, которые рассматривались в качестве центров культурной и общественной жизни местного населения.

Созданный в 1895 г. одним из первых в России Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости уже вскоре стал будировать вопрос о строительстве в губернии двух Народных домов – в Верх-Исетском заводе близ Екатеринбурга и в Мотовилихе ¹. В пользу их устройства звучали убедительные аргументы. Во-первых, отмечалось, что эти заводские селения относятся к числу крупнейших в крае, к тому же находятся в непосредственной близости от ведущих городов губернии; во-вторых, подчеркивалось их явное неблагополучие «в силу чрезмерного употребления питей рабочим людом и отсутствия в них сколько-нибудь сносных условий для полезного времяпровождения».

И все же основной побудительный толчок к организации Народного дома в заводском поселке, примыкавшем к Перми, был дан самими мотовилихинцами. В 1894 г. было образовано Мотовилихинское общество борьбы с пьянством, которое, получив материальную поддержку со стороны губернского попечительства о народной трезвости, открыло в Мотовилихе бесплатную народную библиотеку-читальню и чайную. Однако более эффективной мыслилась идея создания Народного дома, который мог служить «не только местом отдыха и развлечения для рабочих, но – главное – целям просвещения их». В 1896 г. Мотовилихинское общество обратилось в губернский комитет попечительства о народной трезвости и к его председателю пермскому губернатору П. Г. Погодину с ходатайством об устройстве в заводском селении Народного дома ². В свою очередь рабочие Пермских пушечных заводов в записке, поданной в комитет общества, «выразили желание, чтобы дом этот был посвящен Имени незабвенного Царя Миротворца Александра III» ³.

Решение о строительстве в Мотовилихе «здания с залом для устройства народных чтений, спектаклей и других развлечений и особым помещением для читальни» было принято на заседании Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости 10 февраля 1897 г. ⁴ Хотя П. Г. Погодин в одном из своих писем упоминал, что проект здания Народного дома «разработан губернским комитетом», на деле это было

не так. Из других источников выясняется, что автором проекта явился председатель комитета Мотовилихинского общества борьбы с пьянством, а по своей официальной должности заведующий физико-химической лабораторией Пермских пушечных заводов, горный инженер Петр Петрович Савин⁵. Возможно, какую-то помощь консультациями или советами ему мог оказать механик и архитектор пушечных заводов Михаил Давидович Назаров, являвшийся в первом составе комитета Мотовилихинского общества заместителем Савина.

В феврале 1897 г. губернским комитетом попечительства была образована комиссия по постройке Народного дома в Мотовилихе под председательством горного начальника Пермских пушечных заводов Н. Г. Славянова. В числе ее членов состояли П. П. Савин, главный контролер Уральской горнозаводской железной дороги А. С. Тыртов, председатель Пермской уездной земской управы А. А. Маллеев, акцизный чиновник Н. К. Наугольных, земский начальник второго участка Пермского уезда А. И. Прозоровский. После смерти Н. Г. Славянова председателем строительной комиссии с января 1898 г. стал его преемник на посту главного начальника ППЗ С. А. Стрельман. Четверо из упомянутых лиц – Н. Г. Славянов, П. П. Савин, А. С. Тыртов, С. А. Стрельман являлись почетными членами губернского попечительства о народной трезвости.

Если Пермский губернский комитет попечительства был озабочен утверждением в соответствующих структурах Министерства финансов проекта и сметы на строительство Народного дома (его проектная стоимость составила 40398 рублей⁶), то строительная комиссия занялась первоначально поисками места «под означенное здание» в заводском поселке.

В фонде Пермских пушечных заводов в Госархиве Пермского края имеется «План части селения Мотовилихинского завода с показанием участков, просимых Пермским Комитетом Попечительства о народной трезвости под постройку здания народного театра, чайной-читальни и прочего»⁷, иначе говоря, под Народный дом. На плане отмечены два участка земли, на которые пал выбор комиссии и комитета губернского попечительства в качестве наиболее пригодных для строительства упомянутого здания. Один из них, обозначенный литерой «А», был расположен в северной части мотовилихинской базарной площади и равнялся 1090 кв. сажен или немногим более 4960 кв. м, другой, под литерой «В», составлял 800 кв. сажен или, примерно, 3640 кв. м. Он находился около плотины Мотовилихинского пруда.

Поскольку оба участка принадлежали казенным Пермским пушечным заводам, это потребовало переписки с Уральским горным управлением и Министерством земледелия и госимуществ, которому управление было подведомственно. 11 января 1899 г. по докладу министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова последовало высочайшее соизволение на бесплатную уступку Пермскому губернскому попечитель-

ству о народной трезвости участка земли пушечных заводов площадью 800 кв. сажен «под устройство на нем здания для народных развлечений на все время существования этого полезного учреждения»⁸.

Сам министр, в свою очередь, удовлетворил просьбу попечительства о выделении необходимых материалов для сооружения Народного дома и «позволил разрешить на постройку этого здания бесплатный отпуск» из дач Пермских пушечных заводов камня бутового – 180 куб. сажен, известкового – 70 куб. сажен, песка речного – 120 куб. сажен и 2064 сосновых бревна разного размера⁹.

30 ноября 1899 г. состоялся акт приемки участка земли, выделенного под здание Народного дома¹⁰. Его подписали лесничий Пермских пушечных заводов В. Е. Боков и земский начальник, член строительной комиссии А. И. Прозоровский. Заметим, что по свидетельству С. А. Стрельмана комитет попечительства о народной трезвости приступил к строительству здания еще до официальной приемки земельного участка¹¹, можно полагать летом того же 1899 г.

В местной периодике начала XX в. имеется информация о том, что работами по постройке здания Народного дома руководил П. П. Савин, а в 1906 г. горный инженер тех же Пермских пушечных заводов И. Н. Темников¹², с 1912 г. горный начальник ППЗ. Строительство, начавшееся достаточно активно, затем стало свертываться. Главная причина этого – сокращение ассигнований на возведение здания. Если в 1899 г. губернским комитетом попечительства о народной трезвости «в специальные средства» на постройку Мотовилихинского народного дома было перечислено 17370 рублей, то в 1904 г. на эти цели было выделено 10 тысяч, а в 1908 г. всего 4617 рублей¹³, причем в последнем случае эти, более чем скромные, ассигнования не были освоены.

Неблагоприятно отразились как на результатах строительства, так и в целом на отношении российских властей к досуговым центрам внутри и внешнеполитические события начала XX в. Касаясь данных проблем, начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов в январе 1906 г. уведомлял председателя Пермского губернского комитета попечительства, губернатора А. В. Болотова о том, что «военные действия на Дальнем Востоке и происходящие в последнее время беспорядки внутри страны поставили государственное казначейство в очень затруднительное положение; отсюда вытекает крайняя необходимость стремиться к всемерному сокращению расходов из сумм казны».

Автору послания вторил товарищ министра финансов И. И. Новицкий, который, обращаясь к тому же А. В. Болотову, призывал губернатора «принять меры к сокращению расходов» в первую очередь за

счет тех учреждений, которые «занимаются досугом населения»¹⁴. Естественно, такая политика, проводимая центральной властью, тормозила многие культурные начинания. Далеко не лучшим образом она сказалась и на строительстве «дома для разумного отдыха и просвещения населения» в Мотовилихе.

К сожалению, имеющиеся источники о постройке Мотовилихинского народного дома не содержат исчерпывающую информацию по этому вопросу. Тем не менее они позволяют представить хотя бы в общих чертах картину строительства, выделить его этапы. Первоначально возводилась западная часть здания, предназначенная для библиотеки-читальни и чайной. К середине 1900 г. по всей площади будущего сооружения был уложен фундамент, затем в течение 1901–1903 гг. построена, как говорилось в одном документе, «одна треть Народного дома», переданная в 1903 г. попечительством в распоряжение Мотовилихинского общества борьбы с пьянством. В построенной части здания на втором этаже помещалась библиотека-читальня общества и зал для народных чтений, на первом – чайная. Имеются данные о том, что число посетителей библиотеки и читальни превысило в 1903 г. 1040 человек. В выделенном помещении обществом было проведено 23 народных чтения, 5 литературно-музыкальных вечеров. Эти мероприятия посетило более четырех тысяч человек¹⁵.

Однако деятельность Мотовилихинского общества продолжалась недолго. В июне 1905 г. на экстренном собрании его членов было принято решение о закрытии общества¹⁶. Мотивировалось оно «крайней недостаточностью материальных средств», необходимых для продолжения работы этой общественной организации, а также отсутствием «ясно выраженных результатов» в борьбе с народным недугом. Что же касается библиотеки-читальни и всего наличного имущества общества, то они передавались Пермскому попечительству о народной трезвости.

Между тем попечительство с весны 1904 г. предприняло шаги по продолжению строительства Народного дома. Было начато возведение кирпичных стен восточной или задней части здания (ее называли еще пристроем), предназначенной под зрительный зал и сцену народного театра. «Народный театр, – говорилось в одной из заметок, помещенных в «Пермских губернских ведомостях», – и будет составлять главную большую часть Народного дома в Мотовилихе»¹⁷. В другой корреспонденции, опубликованной в 1906 г. в газете «Камский край», сообщалось о близости к завершению «выделки задней части» здания Народного дома¹⁸.

Вскоре из-за прекращения финансирования работы были остановлены. Таким образом, была возведена коробка здания и, говоря языком документа, «выделаны» еще на первом этапе строительства помеще-

ния в западной, фасадной его части. Возможно, какие-то шаги предпринимались и по внутренней отделке зрительного зала. Прекращение строительства подтверждают данные о средствах, затраченных на сооружение Мотовилихинского народного дома. В отчетах попечительства за 1906–1908 гг. на этот счет фигурирует одна и та же сумма расходов – 30860 рублей, а за 1909–1911 гг. – 32860 рублей¹⁹, что говорит о консервации стройки. При этом проектная стоимость здания, как уже упоминалось ранее, составляла более 40 тыс. рублей.

Несмотря на незавершенность строительства Народного дома, здание продолжало использоваться в культурно-просветительных целях. Известно, например, что с 1907 г. в нем находилась библиотека общества служащих и рабочих Пермских пушечных заводов, основу которой составили книги бывшего Мотовилихинского общества борьбы с пьянством. Кстати сказать, в связи с празднованием юбилея Отечественной войны 1812 г. в библиотеку поступило значительное число книг, посвященных этим знаменательным событиям столетней давности²⁰. При Народном доме действовал также музыкально-драматический кружок, а в 1913 г., в дни празднования 300-летия Дома Романовых, здесь были поставлены сцены из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») с участием струнного оркестра, мужского и женского хора Пермского певческого класса попечительства о народной трезвости.

По сведениям, приведенным в отчете руководителя народных хоров попечительства, талантливого музыканта, певца и дирижера А. Д. Городцова, «спектакли состоялись 20, 21 и 22 февраля и были очень внимательно прослушаны массой народа, переполнявшей громадный зрительный зал»²¹. Некоторые сцены исполнялись в сопровождении оркестра под управлением В. Г. Колмогорова, регента Свято-Троицкой церкви в Мотовилихе.

В послеоктябрьский период в Народном доме проводились митинги, диспуты, собрания рабочих Мотовилихинского завода и общественных организаций, изредка ставились спектакли²². В 1924 г. была создана комиссия по достройке Народного дома, в состав которой вошли представители райкома партии, райисполкома, завкома Мотовилихинского завода. К началу следующего года на эту благую цель было собрано 75 тыс. рублей, преимущественно добровольных взносов рабочих, отчислявших свои однодневные заработки на окончательное завершение постройки здания. «Рабочие, – сообщалось в информационной заметке, помещенной в газете «Звезда», – сумели достроить его на свои отчисления»²³.

22 января 1925 г. состоялось открытие Народного дома²⁴. Руководило им и одновременно кинотеатром «Металлист» правление. Помимо проведения праздничных мероприятий, выступлений самодеятельности с завершением строительства вместительного зрительного зала

почти на 700 мест правлением был взят курс на приглашение в Мотовилиху гастролирующих театральные труппы. Так в сезон 1926–1927 гг. в Народном доме давал спектакли театр новой драмы под управлением Белоцерковского, на следующий сезон была приглашена другая театральная труппа с более современным, как упоминалось тогда в прессе, репертуаром²⁵.

С течением времени бывший Народный дом претерпел метаморфозу: он стал театральным учреждением, фигурируя в источниках как Молотовский городской театр (дело в том, что в 1931–1938 гг. Мотовилиха носила название город Молотово). Со второй половины 1938 г. здание занимал драматический театр имени «Комсомольской правды», открывший свой первый зимний сезон в городе 4 октября постановкой премьеры «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского²⁶. В 1939 г. он анонсировал себя уже как Пермский областной драматический театр имени «Комсомольской правды» с указанием адреса: г. Пермь, Молотовский район, ул. Мостовая, 6.

В годы войны в здании по этому адресу по-прежнему размещался драматический театр, а с сентября 1944 г. театр музыкальной комедии, образованный за год до того в Краснокамске²⁷. В зимний сезон 1944–1945 г. в штате театра состояло 95 человек, в том числе актерский состав насчитывал 19 человек, артистов балета было 11, хора – 15, артистов оркестра – 8 человек. Директором театра являлся М. Н. Мусницкий, главным режиссером Е. Н. Аренский, дирижером Э. М. Полицер²⁸.

Театр музыкальной комедии в Перми, а точнее в Мотовилихе, действовал до июня 1948 г., затем был закрыт. В качестве обоснования принятого решения указывалось на нерентабельность его деятельности²⁹.

В судьбе бывшего Народного дома вновь произошли большие перемены. Открылась теперь уже «физкультурно-спортивная» страница его истории. В 1960-е – 1-й половине 1990-х гг. здание принадлежало спортивному клубу «Молот», тогда же была осуществлена реконструкция его внутренних помещений³⁰. С 1996 г. в нем успешно работает детско-юношеская спортивная школа «Олимп».

В 2008 г. на главном, западном фасаде здания была устроена охранно-информационная доска: «Объект культурного наследия Народный дом. 1900-1925 гг. Охраняется государством». Она свидетельствует о месте этого интересного архитектурного памятника в исторической застройке Мотовилихи и Перми.

¹ См.: Шилов А. В. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в Прикамье на рубеже XIX–XX вв. // Русский мир: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Пермь, 2007. – Вып. 4. – С. 61.

² Отчет о деятельности Комитета Мотовилихинского общества борьбы с пьянством за 1904 год. – Пермь, 1905. – С. 20.

³ ПГВ. 1900. 18 янв. № 13.

⁴ ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 19.

⁵ Отчет о деятельности Комитета Мотовилихинского общества... С. 20.

⁶ ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 14. Л. 30.

⁷ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 14. Л. 65 об.

¹⁰ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 67. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 13 об. Здание Народного дома было заложено на территории, ранее занимаемой Мотовилихинским медеплавильным заводом. Оно примечательно также тем, что несет память о наводнении в Мотовилихе, случившемся в 1905 г. На главном фасаде установлена памятная доска с указанием уровня скопа (подъема) воды в Мотовилихинском пруду.

¹² Камский край. 1906. 16 июня. № 50; 30 сент. № 131; 1907. 8 марта. № 243.

¹³ ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 13; Д. 63. Л. 65; Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год. – Пермь, 1904. – С. 11.

¹⁴ ГАПК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 63. Л. 12 об., 84.

¹⁵ Отчет о деятельности Пермского попечительства о народной трезвости за 1903 год... С. 34.

¹⁶ Отчет о деятельности Комитета Мотовилихинского общества... С. 50.

¹⁷ ПГВ. 1904. 12 мая. № 102.

¹⁸ Камский край. 1906. 30 сент. № 131.

¹⁹ Попечительства о народной трезвости в 1906 году. – СПб., 1908. – С. 44;... в 1908 году. – СПб., 1911. – С. 40;... в 1909 году. – СПб., 1912. – С. 42; ... в 1911 году. – Пг., 1914. – С. 42.

²⁰ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 212. Л. 16, 20.

²¹ Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1913 год. – Пермь, 1915. – С. 18.

²² В фонде Пермского областного краеведческого музея в ГАПК сохранилась афиша о постановке 6 апреля 1924 г. в Мотовилихинском народном доме пьесы Е. Н. Чирикова «Лесные тайны» в 5-ти действиях (режиссер П. Ф. Тарновский, постановка Ф. Юнусова). См.: ГАПК. Ф. р-484. Оп. 2. Д. 591. Л. 13.

²³ Звезда. 1925. 21 янв. № 17.

²⁴ Там же. 28 янв. № 22.

²⁵ ГАПК. Ф. р-899. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 26; Звезда. 1927. 19 авг. № 187.

²⁶ Звезда. 1938. 12 сент. № 212.

²⁷ ГАПК. Ф. р-587. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.; Ф. р.-604. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.

²⁸ Там же. Ф. р-587. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.-55 об.

²⁹ Там же. Ф. р-604. Оп. 1. Д. 37. Л. 94.

³⁰ К сожалению, в последнее десятилетие искажению подвергся и сам облик здания бывшего Народного дома. Так, вдоль его северного фасада была возведена одноэтажная вытянутая пристройка, в которой размещаются в настоящее время торговые и складские помещения. В 1991 г. к восточному (заднему) фасаду пристроено безобразное многоэтажное сооружение, затрудняющее восприятие памятника в его естественной среде.

**«ДОМ ТРУДОЛЮБИЯ»
(ул. Толмачева, бывшая Брюхановская, 18)**

Объект историко-культурного наследия «Дом Трудолюбия» (1911 г., архитектор В. В. Попатенко), находящийся в 55 квартале Дзержинского района г. Перми (ул. Толмачева, б. Брюхановская, 18) поставлен на учет органами государственной охраны памятников историко-культурного наследия как памятник истории г. Перми 20 мая 1993 г. решением Малого Совета Пермского облсовета за № 683, как «одно из первых благотворительных заведений»¹.

Начало благотворительности в Перми, по сообщению В. С. Верховланцева, относится ко времени основания города. В числе учреждений нового города в 1781 г. уже упоминается Приказ общественного призрения, имевший «довольно широкую сферу деятельности». Из «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н. С. Попова известно, что Приказу общественно-государственного призрения были подчинены дом для сирот и городская богадельня, помещавшиеся в двух деревянных домах у Старого кладбища².

Одним из учреждений благотворительности, существовавших в Перми, был «Дом Трудолюбия», организованный 22 февраля 1898 г., по типу такого же в Кронштадте, устроенного протоиереем И. Н. Сергеевым-Кронштадтским. «Но дела его, – по замечанию В. С. Верховланцева, – сначала шли очень вяло». 1 октября 1904 г. было организовано Общество трудовой помощи для ведения дел Пермского дома трудолюбия, председателем которого многие годы состоял врач Сергей Васильевич Ураевский. Членами общества состояли: директор народных училищ Алексей Пахомович Раменский, купец Федор Егорович Круглов и другие уважаемые в городе люди. Целью этого общества было – помочь встать на ноги работоспособному, но впадшему в безысходную нужду человеку. «Дом Трудолюбия» – главное учреждение Общества трудовой помощи. До 1906 г. Дом Трудолюбия размещался на ул. Пермской (Кирова), 95 (в доме Мухина); в 1907 г. на этой же улице в доме № 160, а с 1910 г. до декабря 1912 г. – в наемном здании и двух флигелях по ул. Вознесенской, 103.

В 1911 г. пермскому Дому Трудолюбия было ассигновано из ведомства государыни императрицы Александры Федоровны 10^{1/2} тыс. руб., из них 8^{1/2} руб. – на постройку помещения для Дома Трудолюбия (около винного казенного завода, на берегу р. Камы) и 2 тыс. руб. – для оборотного капитала. 25 мая 1911 г. состоялась закладка здания. Наконец, 9 декабря 1912 г. Дом Трудолюбия переехал в новое собственное помещение – трехэтажный каменный дом на углу Торговой и Брюхановской улиц, специально спроектированный городским архитектором В. В. Попатенко. Здесь были устроены мастерские со станками и другим оборудова-

нием. Средства Дома Трудолюбия (около 10 тыс. руб.) составляли пожертвования, членские взносы, доходы от вечеров и, главным образом, доходы от заработков работающих. При Доме Трудолюбия находились белошвейная, переплетная, сапожная и столярная мастерские; а также отделение, где трепали мочало, канаты для пеньки и пакли, делали швабры и веники. В течение года обитатели этого дома могли получить профессию токаря, столяра, сапожника, переплетчика; женщины осваивали кулинарное искусство, рукоделие, овладевали профессиями белошвейки, портнихи. Женщины и мужчины были изолированы друг от друга. При доме жили смотрители: Максим Тимофеевич Кожевников и Евгения Ивановна Зорина. После освоения профессии обитателям Дома Трудолюбия предлагалась работа³.

8 декабря 1917 г. Пермская общественно-приемная комиссия в лице ее председателя Александра Арсеньевича Анишева и правление пермского Дома Трудолюбия в лице членов: Якова Александровича Соснина, Федора Егоровича Круглова, Сергея Васильевича Ураевского и Дмитрия Степановича Лоскутова заключили договор о сдаче общественно-приемной комиссии в арендное содержание каменного здания Дома Трудолюбия, находящегося в 3-й части г. Перми на Биармской улице между Петропавловской и Торговой улицами «для надобностей по изготовлению солдатской обуви для интендантского ведомства, с отделением для изготовления и гражданской обуви для гор. Перми и Пермского уезда на трехлетний срок с уплатой 5 тыс. руб. в год арендного содержания»⁴.

1 января 1918 г. здание было реквизировано, в нем размещались Заимский райком РКП (б) и районный штаб Красной гвардии. Заимский райком РСДРП (б) был создан в марте 1917 г. рабочими завода Леснера (ныне завод им. Ф. Э. Дзержинского), членами РСДРП (б) И. М. Тараевым, П. А. Коломниным (Галанин), М. П. Чернышевым и И. С. Сухобрус. Это был второй по времени создания после Мотовилихинского легальный райком РСДРП (б) в Перми⁵.

В 1920-х гг. в здании по ул. Толмачева, 18, размещались рабочий клуб им. Энгельса и библиотека⁶. В настоящее время в здании располагается школа № 84⁷, для которой в конце 2008 г. ООО проектно-реставрационная фирма «Пермстроймет+» под руководством директора Д. В. Баранова разработала и представила на согласование в краевой центр охраны памятников проект реставрации здания «Дом Трудолюбия».

¹ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993. – С. 26.

² *Верховланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Изд. 2-е. – Пермь, 1994. – С. 150-151.

³ Там же, с. 155-156.

⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 396. Л. 1-1 об.

⁵ Шадрин Е. Райком на Заимке // Вечерняя Пермь. 1987. 3 июня.

⁶ Вся Пермь: Справочное издание на 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 32.

⁷ Спешилова Е. Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 122-123; Легков И. Старая школа и ее новый директор: (о директоре пермской школы № 84 по ул. Толмачева, 18, М. В. Архиповой) // Местное время. 2005. 30 марта-5 апр. № 11. С. 10.

О. П. Брезгин

ПЕРМСКАЯ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ БРЕЗГИНЫХ

Имена иконостасных дел мастеров Евстафия и Александра Брезгиных, отца и сына, сравнительно недавно привлекли внимание исследователей художественной культуры Урала¹. Они оказались забыты более чем на сто лет. А между тем во второй половине XIX в. мастерская Брезгиных в Перми заслуженно пользовалась широкой известностью и профессиональным авторитетом, причем не только в Пермской губернии, но и в Зауралье.

Обращает на себя внимание весьма необычное сочетание слов, относящихся к социальному положению и профессии Брезгиных – купцы, столяры, иконостасных дел мастера. И действительно, *купец-столяр* – это, пожалуй, также парадоксально, как известное выражение Пушкина, характеризующее Петра I – *«царь-плотник»*. Перейдя из мещан в купцы (3-й, а затем и выше – 2-й гильдии), Е. И. Брезгин продолжал, как говорят, «засучив рукава», работать своими руками и заниматься совсем не купеческим делом. Однако дело это приносило ему известность и доход.

Прадед пермского купца Евстафия Брезгина – Федор Осипович – происходил из государственных крестьян Соликамской округи Половодовской волости. Там он и проживал со своей семьей до переезда в губернский город Пермь *«по предписанию Пермской казенной палаты экспедиции директора домоводства»* в 1792 г.² Его правнук – основатель иконостасной мастерской Евстафий Ильич Брезгин – родился в Перми в 1817 г. После смерти его отца (около 1834 г.), которая случилась, когда Евстафию не исполнилось еще и 17 лет, он становится главой семьи. Волею судьбы ему с юных лет пришлось самостоятельно преодолевать все житейские трудности и невзгоды, а к тому же еще и учиться, осваивать профессию. Учился ли он в мастерской неизвестного нам резчика, или же унаследовал мастерство от своего отца и деда? Сведений об этом в настоящее время не обнаружено. С успехом решая материальные и другие проблемы, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. он сумел подняться на более высокую ступень социального положения. Достоверно известно, что Е. И. Брезгин не только хорошо разбирался в чертежах, по которым строил иконостасы, но и сам создавал проекты. Об этом сви-

детельствует недатированный *«Чертеж-проект иконостаса и киотов»* с подписью *«Евстафей Брезгинъ»*, который находится в собрании Пермской государственной художественной галереи (далее – ПГХГ).

По сведениям *«Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год»* купец 3-й гильдии Брезгин проживал в Перми на ул. Монастырской, д. 17 и 2. В этом же издании по «Списку мастеровых и ремесленников» указан адрес его мастерской на ул. Набережной, 17, на Слудской горе. В хорошо известном пермском доме – на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе, 17) и Сибирской (дом 2) – Е. И. Брезгин со своей семьей снимал комнаты в гостиничных «Центральных номерах». Его иконостасная и столярная мастерская находилась на углу улиц Набережной (Окулова, 17) и Далматовской (Попова, 1), но не в указанном доме, а в рядом стоящем одноэтажном флигеле³. Двухэтажный деревянный дом № 17, – добротный построенный, с незатейливыми резными наличниками, – вплоть до начала XXI в. был жилым. Согласно новому проекту «Ворота Прикамья» он вместе с другими прилегающими к нему уже ветхими строениями прекратил свое существование в первой половине марта 2008 года.

Во дворе этого дома находился деревянный флигель, правым фасадом выходящий на улицу Набережная (Окулова). В начале 1980-х гг. он был заново обшит простыми досками, тогда же утратив свою особую привлекательность. Одноэтажный флигель с двускатной крышей имел мансарду, из которой когда-то можно было выйти на балкон, служивший одновременно навесом над входом во флигель. Можно с уверенностью предположить, что навесной балкон был украшен художественной резьбой. До последних дней существования флигеля под навесом в двух полукруглых арках, которые акцентировали вход, сохранялись фрагменты деревянной орнаментальной резьбы. По своему характеру и тонкости исполнения она, несомненно, близка к искусству «церковной рези». Когда-то угловые части фасадов этого флигеля были украшены пилястрами, которые завершались сверху резными капителями. В собрании ПГХГ хранятся два очень близких варианта прорезной капители (из липы) с рельефным растительным орнаментом. Капитель исполнена своеобразно: в традиционной форме, напоминающей геральдический щит, центральное место занимает лист аканта (или т. н. «медвежья лапа»), а над ним – расходящиеся в разные стороны две ионические волюты. Один из вариантов – с желобками, тщательно имитирующими прожилки акантового листа, был снят именно с этого флигеля (по свидетельству реставратора по дереву ПГХГ А. В. Ившина)⁴. Из архивных документов известно, что флигель был *«выстроен самим»* Евстафием Брезгиным⁵.

Начало его деятельности связано со столярными работами для *фундаментальной библиотеки Пермской духовной семинарии*: в 1842 г. он

выиграл на торгах подряд на устройство 16 книжных шкафов и прочее библиотечное оборудование⁶. В 1849 г. Евстафий Брезгин выполнил также столярный заказ для *церкви Рождества Христова в Верхнем Чусовском городке*. Известно, что в том же храме осенью 1864 г. он обновил два иконостаса в теплой церкви.

Когда подросток старший сын Евстафия Ильича – Александр (1841–1914), он активно включился в работу мастерской отца. По началу Александр работал вместе с отцом и под его руководством. Органично войдя в дело, он стал не только незаменимым помощником, но в дальнейшем брал заказы и на свое имя. В конце 1865 – начале 1866 гг. купеческий сын Александр Брезгин (заметим, что ему было всего 24 года) устроил новый иконостас в *Нижнечусовской Богоявленной церкви*. Как писали в «Пермских губернских ведомостях», иконостас «*весь в резьбе и горит в золоте*»⁷.

Работы пермских мастеров Брезгиных, отца и сына, находились во многих храмах Пермской епархии. Их мастерская принимала участие в обновлении иконостаса *Всехсвятской церкви* на Егошихинском (новом) кладбище г. Перми (1866), построила новые иконостасы в *Крестовоздвиженской церкви села Серга* (1867) Пермского уезда (ныне Кунгурского района), в *Воскресенской церкви села Частинское* Оханского уезда (1868). Мастерская Брезгиных имела деловые контакты и с Чермозским правлением Лазаревых. По их заказам Брезгины изготовили в 1866 г. двухъярусный иконостас для *Сретенской церкви села Романово* Соликамского уезда (ныне Усольского р-на) и в 1871 г. пятиярусный иконостас в византийском стиле для нового каменного *Свято-Троицкого храма в Кизеловском заводе*.

С 1873 г. деятельность мастерской Брезгиных разворачивается не только в Пермской губернии, но и за ее пределами. В *Троицкой церкви села Чашинское* Курганского уезда Тобольской губернии (ныне село Чаши Каргопольского р-на Курганской обл.) был установлен новый иконостас летом 1873 г. Вероятно, это последняя работа, в которой участвовал купец Евстафий Ильич Брезгин. Он умер от водянки 5 октября 1873 г.⁸

Его сын Александр в начале 1870-х гг. также был записан в пермские купцы второй гильдии. В 1874 г. он взял большой подряд на постройку и оформление *нижней (пещерной) церкви (в честь Киево-Печерских угодников Божьих)* под сводами *Успенского храма в учрежденной в Перми Успенской женской общине*. Окончание работ, оцененных в 40 тысяч рублей серебром, предусматривалось в 1876 г.⁹ В дальнейшем мастерская Александра Брезгина выполняла заказы для *Кирилловской церкви села Кислянского* Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне в Юргамышском р-не Курганской обл.), а также вновь для названной выше *Троицкой церкви села Чашинское*. В последнем контракте обговаривалось

не только изготовление и установка иконостаса в холодном приделе, но и стенная роспись в храме, а также иконописные работы¹⁰.

Таким образом, можно смело говорить, что в мастерской Брезгиных дело ней было поставлено на «широкую ногу» и с купеческим размахом. Иконостасная мастерская была востребована и преуспевала. Расцвет ее деятельности пришелся на 1860-е – 1870-е гг. Все известные в пермской периодике того времени отзывы о работе иконостасных мастеров Евстафия и Александра Брезгиных были самыми благоприятными. Неслучайно в 1869 г. купцу Е. И. Брезгину, как «*цеховому мастеру резного и золотарного дела за тщательное и добросовестное исполнение им по церквам Пермской епархии заказов*» была объявлена «*Архипастырская признательность и благословение Его Преосвященства*» (от пермского архиепископа Антония)¹¹.

Разумеется, значительная часть работ иконостасной мастерской Брезгиных не сохранилась. Один из немногих и, вероятно, единственный сохранившийся иконостас, построенный Евстафием Брезгиным, находится в *Сретенской церкви* в селе Романово Усольского района. Из архивных источников известно, что Н. А. Быдарин, «практикант» и архитектор Чермозского правления Лазаревых, исполнявший предписание князя С. Д. Абамелек, побывал в нескольких иконостасных мастерских Прикамья. В результате он отдал «*преимущество пермскому мастеру, как человеку гораздо более благонадежному сравнительно с Усольским, и как мастеру отлично-знающему свое дело*»¹². Уже в марте 1866 г. Е. И. Брезгин заключил договор с поверенным Чермозского правления в г. Перми на исполнение иконостаса в новой Романовской церкви. Проект двухъярусного иконостаса, автором которого являлся Быдарин, был создан в стиле позднего классицизма. Наиболее важный и особенный элемент центральной части иконостаса – *царские врата в виде деревянной резной и позолоченной решетки*, под металл и на просвет. Все детали иконостаса «*из самого сухого и прочного леса*», включая подрамники для икон, изготавливались в Перми, в мастерской Брезгиных на улице Набережной, затем по Каме паромом «*Вогул*» доставлялись до села Веретия за счет подрядчика, а оттуда до Романово «*счетом Г-на Лазарева*»¹³. Иконы были заказаны петербургским художникам – 19 изображений академической живописи маслом на холсте. Установка иконостаса «*по выданному от Чермоскаго правления плану в точности*»¹⁴ была завершена к концу августа 1866 г.

Храм Сретения Господня не закрывался в советское время и продолжает действовать в наши дни. Иконостас благополучно простоял и прослужил уже более 140 лет. Подобных примеров в Пермском крае, да и на всем Урале – считанные единицы, так что Романовский иконостас-долгожитель уникален. К тому же, как произведение уральского

иконостасного искусства, он обладает несомненными художественными достоинствами, позволяющими с полным правом назвать его замечательным памятником культуры Прикамья второй половины XIX века.

¹ Уральская икона: Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. / Авторы-сост. Ю. А. Гончаров, Н. А. Гончарова и др. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. – Из содерж.: Материалы к словарю мастеров и мастерских церковного искусства на Урале. – С. 260; *Брезгин О. П., Лыгин В. Г.* Иконостас церкви села Романово: история создания // Русский мир. – Вып. 3: Дом в культурных традициях Пермского Прикамья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. («Строгановские чтения») 15–18 сентября 2006 г. – Березники; Усолье, 2007. – С. 59-67; *Брезгин О., Лыгин В.* Дом, в котором жил мастер... // Пермский период. 2007. № 3. С. 24-27: ил.; *Брезгин О. П., Лыгин В. Г.* Материалы к родословной Евстафия и Александра Брезгиных, иконостасных дел мастеров // Русский мир. – Вып. 4: Материалы межрег. науч.-практ. конф. «Русская культура и русская история как фактор духовного единения народов России» (14 сентября 2007 г., г. Чердынь). – Пермь, 2007. – С. 75-81; *Брезгин О. П., Лыгин В. Г.* Иконостас храма Сретения Господня в селе Романово // Пермская старина: Церковно-краевед. альманах. 2009. Вып. 2. С. 40-44: ил.

² ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1656. Л. 187об.-188.

³ До сноса флигель находился по адресу: ул. Попова, 1-г.

⁴ Одну точно такую же капитель с этого флигеля А. Ившин снимал сам с разрешения проживавших в нем людей в 1983 г., когда учился в пермском профессиональном училище № 27 на художественно-реставрационном отделении. Старая прорезная капитель была передана в музей этого училища, где и находится по сей день. Капитель послужила в прямом смысле художественным образцом в учебном процессе. С нее была изготовлена копия, которая находится также в музее ПУ-27. Второй вариант капители (из собрания ПГХГ) когда-то украшал фасад дома по ул. Орджоникидзе, 20 (дом в соседнем квартале, также не сохранился). То, что эти образцы являются близкими друг другу и происходят из одной мастерской, не вызывает сомнения у профессионалов (в частности, у реставратора А. Ившина).

⁵ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 441. Л. 2об.-3.

⁶ История Пермской духовной семинарии после преобразования 1840 года до позднейшего времени // ПЕВ. 1876. № 29. Отдел неоф. С. 335-338.

⁷ Из Нижнечусовских Городков // ПГВ. 1866. 2 марта. № 18. Часть неоф. С. 71.

⁸ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 317. Л. 394об.-395. Информацию предоставил Е. П. Субботин.

⁹ *Остроумов Г.*, прот. Новооткрытая в г. Перми Успенская женская Община (продолжение) // ПЕВ. 1875. № 47. Отдел неоф. С. 538-539; То же в отдельном оттиске: Пермь, 1875. С. 14.

¹⁰ Государственный архив Курганской области. Ф. 235. Оп. 1. Д. 107. Л. 69. Информацию по архивным материалам ГАКО любезно предоставила Г. В. Максимова, главный хранитель Курганского областного художественного музея.

¹¹ ПЕВ. 1869. № 46. Отдел офиц. С. 567.

¹² ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 470. Л. 164 об.

¹³ Там же. Л. 183-184.

¹⁴ Там же.

ТОРГОВЫЙ ДОМ ИЖБОЛДИНЫХ (ул. Петропавловская, 65)

Около полувека улица Петропавловская (в советское время и до 2009 г. – Коммунистическая) была центром Перми. Сегодня о ее былой славе напоминают лишь несколько старинных зданий. Среди них до сих пор привлекает внимание своим неповторимым обликом особняк на углу улиц Осинской и Петропавловской – памятник архитектуры и градостроительства местного (краевого) значения¹.

В 1900-х гг. на этом месте располагались усадьба и двухэтажный каменный дом Таисьи Михайловны Федотовой, сдававшей их в аренду Гавриле Ивановичу Низову для постоянного двора².

В 1909 г. на усадьбе Федотовой был заложен и к 1910 г. освящен каменный дом для купцов братьев Ижболдиных. 15 февраля 1910 г. состоялось торжественное открытие универсального магазина мануфактурных товаров. Вскоре особняк на Петропавловской, 65, стал широко известен в городе как Торговый дом «Д. Г. Ижболдин с сыновьями». В конце марта в это же здание был перенесен и оптовый магазин Ижболдиных. Первоначально, организовав деятельность в Перми, купцы Ижболдины арендовали двухэтажный каменный дом, который располагался на углу улиц Пермской (Кирова), 116, и Красноуфимской (Куйбышева), 31, и принадлежал купцу и первому председателю биржевого комитета К. И. Назарову. Торговый дом Ижболдиных на Петропавловской находился поблизости от Черного рынка, где всевозможные товары предлагали магазины других известных в Перми купцов – С. Грибушина, Н. Ефремеева, В. Югова.

В ряде выпусков газеты «Пермские губернские ведомости» сообщается, что «в магазине Торгового дома «Д. Г. Ижболдин с сыновьями» имеется громадный выбор шелковых и шерстяных тканей для дамских платьев и кофточек, поплину и бенгалину. Получены новости для бальных платьев. Магазин получает журнал мод «Chiffons»³. Из того же источника узнаём, что в Торговом доме Ижболдиных имеются в продаже в большом выборе «портьеры, ковры, скатерти, тюль, гардины, одеяла. Платки: оренбургские, орские и пензенские»⁴.

Появление торгового дома Ижболдиных в Перми было неслучайным. К началу XX в. в Пермской губернии сложились крупные купеческие торговые дома и товарищества, определявшие основные направления предпринимательской деятельности купечества (торговый дом «М. И. Грибушина наследники», «Торговый дом бр. И. и Г. Бердинские», торговый дом «Ф. Круглов и К^о» и др.).

Руководителями торговых домов были, в основном, потомственные почетные граждане и купцы. Финансовые обороты торговых домов были различны и обуславливались размером стартового капитала, величина которого колебалась от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей. Деятельность крупнейших торговых домов часто охватывала не только территорию города, где были зарегистрированы товарищества, но и распространялась на Уральский регион, а в отдельных случаях – на всю империю⁵.

Основатель торгового дома Ижболдиных – известный в России купец 1-ой гильдии Дмитрий Григорьевич Ижболдин – был родом из Сарапула, занимался мануфактурной торговлей по всей стране. Собственный дом Ижболдиных находился в Москве, на улице Донской; там же располагалось и Управление торговыми домами Ижболдиных, которые имелись у них в Сарапуле, Екатеринбурге, а затем и в Перми. Ижболдины имели также оптовые отделения в Саратове, Тюмени, Шадринске, Кургане, Екатеринбурге, Перми и других городах. Впоследствии торговлей продолжали заниматься трое сыновей Дмитрия Григорьевича – Сергей, Николай и Григорий⁶. Они жили в разных городах и курировали торговлю различными тканями: суконными, шелковыми, полотняными, шерстяными, бархатом, плюшем, тюлем, а также гардинами и платками. Братья торговали в разных городах и везде были попечителями учебных заведений.

Глава торгового дома Дмитрий Григорьевич Ижболдин был почетным потомственным гражданином своего родного Сарапула; возведен в почетные граждане города за полезную общественную деятельность и пожертвования: служил церковным старостой в сарапульской Покровской церкви, бургомистром в городском магистрате, городским головой и почетным мировым судьей. На его средства в Сарапуле была открыта ремесленная школа, находившаяся под попечением его сына, Григория Дмитриевича.

После смерти первой жены Дмитрий Григорьевич женился на родной сестре знаменитого художника Ивана Ивановича Шишкина – Ольге⁷. Так Ижболдины породнились с купеческой семьей Шишкиных из города Елабуги. Глава этой семьи Иван Васильевич Шишкин был купцом второй, потом третьей гильдии, торговал хлебом. Был человеком широких интересов: увлекался техникой, занимался археологией, являлся членом Московского археологического общества, изучал историю родного края, написал книгу «История города Елабуги».

Интерес к искусству, тяга к рисованию проявились у будущего замечательного пейзажиста (И. И. Шишкина) с детских лет. Развитию его художественных склонностей способствовала атмосфера семьи. Большим художественным вкусом обладал его дед, который выделывал тонкие изделия из серебра, за что был прозван Серебряковым. Мать и сестры (их было четыре – Александра, Анна, Ольга и Екатерина) были известными рукодельницами – искусно вышивали, плели кружева⁸. Ольга Ивановна Ижболдина (в девичестве Шишкина), как и ее муж,

Дмитрий Григорьевич, занималась благотворительной деятельностью. Так, известно о пожертвовании ею 10000 рублей Сарапульскому уездному земству на устройство приюта для хронических больных.

Торговый дом Ижболдиных находился недалеко от Черного рынка, рядом с магазинами других купцов. Он считался одним из лучших магазинов в городе по продаже готового платья; привлекал внимание покупателей не только богатым ассортиментом, но и тем, что здесь, в сравнении даже с московскими торговыми домами, цены были гораздо ниже⁹. Интересно, что в магазине Ижболдиных в мае-июне 1916 г. побывал поэт Борис Пастернак и приобрел множество вещей для своих родственников¹⁰.

Торговый дом Ижболдиных удивлял горожан современными архитектурными формами. Он был построен, предположительно, по проекту, выполненному строительско-техническим бюро А. Б. Турчевича¹¹ в стиле модерн, определяющем художественный облик эпохи конца XIX – начала XX вв. Искусствовед Д. В. Сарабьянов отмечает: «В русской архитектуре были свои особенности. Модерн дал прекрасные образцы торговых домов, контор, банков. Русское купечество в то время только вошло в силу; оно стремилось этот стиль сделать своим. Неслучайно модерн расцветал в купеческой Москве, а не в чиновном Петербурге, торговых городах...»¹².

На примере здания торгового дома Ижболдиных можно проследить важнейшие признаки модерна: асимметричность планов и композиций фасадов, эстетизация конструкции особняка, ассоциативность и изменчивость здания с разных точек зрения¹³. На старом снимке в этой постройке бросается в глаза обилие лепных деталей фриза, в декоре которых проступает мотив греческой «омеги», большие остекленные плоскости – оконные проемы, причудливые кованые флагштоки с изысканно-выгнутыми линиями, проступающими в их рисунке.

На первом этаже здания располагался мануфактурный магазин, вход в который был открыт с угла. Ныне действующий вход в здание со стороны улицы Петропавловской вел на второй этаж, отведенный под жилые помещения, которые занимала сама купеческая семья. Комнаты прислуги находились на третьем этаже чердачного типа.

После упразднения магазина здание претерпело многочисленные преобразования как во внешнем облике, так и во внутренней отделке и обустройстве помещений. Во время гражданской войны в 1918-1919 гг. в здании располагались войска А. В. Колчака¹⁴, которые перед своим отступлением нанесли зданию существенный урон: разбили стекла, сломали прилавки и испортили половое покрытие.

Затем дом был отведен под общежитие рабфака, открывшегося в Перми в 1919 г. Окна нижнего этажа заложили кирпичом, что значительно испортило фасад бывшего торгового дома. В таком виде здание существует до сих пор.

После национализации здание бывшего торгового дома Ижболдиных было превращено в культурный центр. В 1923 г. помещение делили клуб им. В. И. Ленина и отдел Всесоюзного текстильного синдиката. Позднее в здании находился Еврейский Народный Театр. В 1938 г. театр был закрыт после вторжения группы неизвестных людей, уничтоживших декорации и костюмы.

В годы Великой Отечественной войны здание занимал эвакуационный пункт, где проводилось распределение приезжих из других регионов по месту жительства и работы в Перми (Молотове) и области.

В 1942 г. в бывшем доме Ижболдиных расположился созданный 12 марта этого же года Театр миниатюр и эстрады (он же Молотовский театр музыкальной комедии), возникший на базе Московского агиттеатра сатиры и интермедий, эвакуированного в г. Молотов в октябре 1941 г.¹⁵ После закрытия театра в здании разместился Дом культуры им. В. И. Ленина, поддерживаемый заводом им. В. И. Ленина (сейчас ОАО «Мотовилихинские заводы»). Здесь проводились заседания партийных и советских органов власти, совещания, партконференции и другие важные городские и областные мероприятия.

В 1963 г. заводом им. В. И. Ленина было построено новое здание Дворца культуры в микрорайоне Рабочий поселок (Мотовилихинский район), а здание бывшего дома Ижболдиных перешло в собственность завод им. Ф. Э. Дзержинского (бывший «Уралсепаратор»). В 1967 г. в связи с открытием нового Дворца культуры им. Ф. Э. Дзержинского (ныне Дворец молодежи) здание по улице Коммунистической, 65, было отдано под Областной дом культуры учащихся профтехобразования.

В 1991 г. Областной дом культуры учащихся профтехобразования был преобразован в областной (сейчас краевой) центр художественного творчества учащихся «Росток». Его задача: реализация художественного образования детей и подростков Перми и Пермского края; повышение профессиональной квалификации педагогов, преподающих художественные дисциплины; оказание экспертных услуг государственным структурам и учебным заведениям по вопросам художественного образования детей. Ежегодно «Росток» проводит разнообразные конкурсы в различных жанрах искусства, фестивали, праздники и выставки по всему Пермскому краю¹⁶.

Старый облик Перми исчезает, и бесполезно стараться спасти его, задержать поступательный ход жизни. Но в старинных особняках, чудом уцелевших, подобных дому на Петропавловской, 65, предстает перед нами образ Перми ушедших столетий.

¹ Государственные списки памятников истории культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 138.

² *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 176.

³ ПГВ. 1910. № 253. С. 1.

⁴ ПГВ. 1910. № 245. С. 1.

⁵ *Баяндина Н. П.* Купечество: правовая база и характеристика (1860-е гг. – начало XX в.) // Грибушинские чтения-2006: Историко-культурное и природное наследие как фактор развития территории. – Кунгур, 2006. – С. 32-33.

⁶ *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая. – М., 1991. – С. 79.

⁷ Иван Иванович Шишкин. – Л., 1978. – С. 344.

⁸ Знаменитые люди о Казанском крае. – Казань, 1990. – С. 97.

⁹ Пермь торговая. – Пермь, 2002. – С. 83.

¹⁰ Пермская память Бориса Пастернака: Набор открыток. – Пермь: Маматов, 2008. – (Серия «Откроем миру Пермский край»).

¹¹ *Терехин А. С.* Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 46.

¹² *Сарабьянов Д. В.* Стиль модерн. – М., 1989. – С. 187.

¹³ *Бартенев И. А., Батажкова В. Н.* Очерки истории архитектурных стилей. – М., 1983. – С. 215.

¹⁴ Пермь и окрестности: Путеводитель. – Пермь, 2008. – С. 311.

¹⁵ Прикамье: Век XX. – Пермь, 1999. – С. 229.

¹⁶ Дополнительное образование в Пермском крае: (http://www.reporter.perm.ru/archives/obrazovaniepermskiykray/details_4952.html)

Т. Б. Ремезовская

ЗДАНИЕ КОНВОЙНОЙ КОМАНДЫ

Одноэтажный каменный дом на углу улиц Сибирской и Краснова в квартале № 149 г. Перми не является архитектурной доминантой квартала, но обладает несомненными качественными характеристиками, соответствующими требованиям, предъявляемым к памятникам градостроительства и архитектуры. В качестве образца казарменного здания с элементами классицизма в архитектуре фасадов он поставлен на государственный учет как объект культурного наследия регионального значения.

История большинства провинциальных построек, особенно если в их стенах не происходило выдающихся событий, слабо отражена в печатных источниках. Перми более многих других городов повезло с летописцами. Ф. А. Прядильщиков¹, А. А. Дмитриев², В. С. Верхованцев³, В. Н. Трапезников⁴ оставили достаточно подробные летописи Перми от основания города до 1920-х гг. Часто в них упоминались сведения о строительстве различных зданий, но об этом доме сведений нет. Нет также специальных историко-искусствоведческих исследований и отдельных статей, посвященных этому памятнику.

Не установлено, на основании каких источников возведение постройки датировалось 1827 г. Опираясь на эту дату, а также на данные натурного обследования, пермский историк архитектуры А. С. Терехин говорит о предположительном авторстве И. И. Свизева. По его мнению, здание сооружено с применением характерных для зодчего худо-

жественных приемов, присущих только ему конструктивных решений. Об авторстве, по мнению А. С. Терехина, свидетельствует также тот факт, что здесь были установлены печи, изобретенные И. И. Свизевым. До 1847 г. эти печи устанавливались только в постройках, которые возводил он сам ⁵.

В дальнейшем исследователи, не подвергая критике данную информацию, практически полностью повторяли ее ⁶. Однако проведенные в архивохранилищах Перми, Екатеринбурга и Санкт-Петербурга изыскания существенно меняют устойчивые представления.

Освоение рассматриваемой территории началось в конце XVIII в. На плане г. Перми 1802 г. квартал, получивший впоследствии номер 149, показан застроенным обывательскими деревянными строениями ⁷. Каменные строения не указаны в этом квартале и на планах 1808, 1823, 1842 гг. ⁸ До середины XIX в. южная граница города проходила по валу и бульвару, идущему параллельно Малой Ямской улице. Квартал являлся пограничным, далее улица Сибирская переходила в Сибирский тракт. По другую сторону вала находились кузнецы, поэтому первоначально улица Малая Ямская именовалась Кузнецкой ⁹. В середине века вдоль Сибирского тракта за валом образовалась «Слободка для служащих и неслужащих инвалидных нижних чинов» ¹⁰, впоследствии именуемая Солдатской или Старой слободкой. Кварталы слева от Сибирского тракта южнее Городского сада, включавшего в себя часть городского вала, стали именоваться Новой слободкой ¹¹. Таким образом, городская черта и начало Сибирского тракта переместились на юг, и квартал оказался на границе деловой части города.

В середине XIX в. потомственный почетный гражданин Григорий Степанович Ташлыков на месте, «доставшемся ему по купчим крепостям, совершенным в Пермской палате Уголовного и Гражданского суда 4 и 14 мая 1853 г.», построил одноэтажное кирпичное здание ¹².

Автор проекта не установлен, но и авторство И. И. Свизева вызывает серьезные сомнения, так как здание построено существенно позже его отъезда из Перми в 1839 г. Доказательством не могут служить и печи оригинальной свизевской конструкции, так как по свидетельству А. С. Терехина во второй половине XIX в. они широко использовались на Урале и в Сибири ¹³.

В 1873 г. «каменное одноэтажное здание для помещения земских конюшен с принадлежащими к оному строениями и землей, состоящее в первой части г. Перми на углу Сибирской и Малой Ямской улиц», оценивалось в 12 000 рублей. Усадьба занимала участок земли в 32 сажени (68 м) по Малой Ямской и 35 сажень (74,5 м) по Сибирской улице ¹⁴.

26 января 1884 г., на 77 году жизни Г. С. Ташлыков скончался и был похоронен на архиерейском кладбище ¹⁵.

10 мая 1884 г. наследники Ташлыкова: жена Екатерина Петровна, сыновья Владимир и Григорий, дочери Мария Животовская и Александра Ташлыкова, – «продали в казну в лице пермского губернского распорядительного комитета принадлежащее им имущество: каменный дом с двумя деревянными жилыми и третьим холодным строениями и усадебное под ним место, заключающееся в трех смежных между собой усадеб, соединенных в одно, которое мерою: в длину по улице тридцать одна сажень три фута, поперек по переулку – тридцать пять сажень и глубиною во двор от Малой Ямской улицы на первых двадцати двух сажнях межи наследников Дягилевых – 35 сажень, а на остальном пространстве той же межи 34 сажени 2 фута, а всего 1093 13/49 квадратных сажени, состоящих в первой части г. Перми по Малой Ямской улице и Сибирскому переулку на углу под № 363 в межах: по Сибирскому переулку пивоваренного завода наследников Дягилевых, а по Малой Ямской улице дома жены капитана Поповой. При чем обязались все проданные строения приспособить для помещения Пермской конвойной команды согласно чертежам и описаниям работ нам комитетом предъявленным». Имущество было продано «вместе с вышеупомянутым обязательством» за 27000 рублей серебром. Работы производил по подряду купец Павел Ефимович Драгунов ¹⁶.

Конвойная команда входила в состав местных войск, имевших постоянное место дислокации на территории губернии и находившихся в непосредственном ведении губернского воинского начальника. Конвойные команды занимались исключительно охраной и конвоированием пересыльных арестантов ¹⁷. В Перми арестанты размещались в построенном в 1846 г. на территории тюремного замка корпусе ¹⁸, а с 1871 г. в здании пересыльной тюрьмы. Здание конвойной команды использовалось как казарма для нижних чинов. Старое деревянное здание конвойной команды, выстроенное в 1851 г. за счет казны на углу улиц Вознесенской и Чердынской, в конце 1870-х гг. было признано ветхим, а его ремонт нецелесообразным. Поэтому был решен вопрос о покупке нового ¹⁹ здания, в которое конвойная команда переместилась окончательно в конце 1884 г. ²⁰

После муниципализации на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. ²¹ здание продолжало использоваться как казарма. Так, по адресу Малая Ямская, 35, в 1928 г. размещалась 33 отдельная рота ²².

По данным на 1939 г. здание принадлежало заводу № 19, но использовалось также как казарма. В акте технического состояния от 14 мая 1939 г. указано, что толщина наружных стен в северном крыле 0,70 м, а в западном крыле 0,60 м. ²³ Разница в толщине стен указывает на два различных этапа в строительстве, которые не прослеживаются по имеющимся архивным данным.

Позднее, в течение долгого времени здесь размещались казармы и штаб Пермского гарнизона²⁴.

В настоящее время в здании, купленном коммерческой организацией, проводится реставрация с приспособлением под торгово-развлекательный центр.

¹ *Прядильщиков Ф. А.* Летопись губернского города Перми. (1781-1844) / (Сообщил Д. Смышляев). – Пермь, 1874.

² *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года: Первый опыт краткого изложения истории Перми. – Пермь, 1889.

³ *Верхоланцев В.* Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий с основания города по 1889 г. – Пермь, 1913.

⁴ *Трапезников В. Н.* Летопись города Перми. – Пермь, 1998.

⁵ *Терехин А. С.* Жизнь и творчество архитектора И. И. Связева. – 2-е изд., пересм. – Пермь, 2002. – С. 35-36.

⁶ *Торопов С. А.* Пермь: путеводитель. – Пермь: Кн. изд-во, 1986. – С. 48-49; *Спешилова Е.* Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 401-404; *Силина Т. И.* Свердловский район: Время. События. Люди. – Пермь, 2001. – С. 198.

⁷ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 239. Л. 2.

⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 167: Пермская губерния. Д. 5, 6; Ф. 515. Оп. 7. Д. 1789. Л. 103.

⁹ ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.

¹⁰ ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 788.

¹¹ «Весь город Пермь»: адрес-календарь на 1904 год с адресами казенных и общественных учреждений, торговых домов и фирм, список домовладельцев и лиц проживающих в г. Перми, полный алфавит календаря и вновь составленный план г. Перми. – Пермь: Изд.: Н. С. Какорин, 1903. – С. 531-533.

¹² ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 187. Л. 6.

¹³ *Терехин А. С.* Указ. соч. С. 98-1-1.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ *Голубцов В. В.* Пермский некрополь. – Пермь, 2002. – С. 100.

¹⁶ ГАПК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 56об.

¹⁷ ПСЗ. – СПб., 1867. – Т. 39. – С. 785.

¹⁸ ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 338. Л. 1.

¹⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 59.

²² Список абонентов Пермской городской телефонной сети. – Екатеринбург, 1928. – С. 6.

²³ ГАПК. Ф. Р-1043. Оп. 2. Д. 1616. Л. 2.

²⁴ *Силина Т. И.* Свердловский район: Время. События. Люди. – Пермь, 2001. – С. 198.

ДОМ КАШИНЫХ

В 1842 г., вскоре после пожара, в Пермь из небольшого городка Дедюхина приехали два брата Кашиных – Кесарь Васильевич (работал в 1860-х гг.) и Петр Васильевич (1835-1906). Братья построили на улице Сибирской, рядом с домом Е. П. Кашиной, которой принадлежали находившиеся неподалеку общие бани (бани Кашиных), одноэтажный деревянный дом с цокольным этажом и открыли здесь иконописную мастерскую.

«Дом Кашиных, зарегистрированный под № 3, был окружен палисадником, утопающим в зелени и запахах цветов, а по двору протекала небольшая речушка Медведка, представляющая собой один из многочисленных, очень малых городских притоков реки Камы», – пишет знаток династии Кашиных Г. Трунов (1).

После смерти старшего брата Кесаря Петр Кашин женился на Дросиде Александровне, они обвенчались в 1865 г. В 1874 г. они построили в этом же дворе двухэтажный бревенчатый дом. Кашины вырастили здесь трех дочерей, Екатерину, Елизавету, Наталью, и сына Василия (1861-1939). Василий хорошо рисовал, помогал отцу, работавшему в артели художников – мастеров по настенной росписи и иконописи. Этот дар по наследству получили потом его дети, среди них сестры-художницы Александра, Нина и Надежда Кашины (2).

Всего в семье Кашиных было семь девочек и мальчик, они росли трудолюбивыми и самостоятельными. Воспитанием детей занималась, в связи с частными отлучками мужа, мать – Августина Алексеевна.

Сохранились воспоминания Нины Васильевны Кашиной: «Наша семья жила в деревянном доме в самом начале главной улицы города – Сибирской, которая выходила к реке Каме с ее пристанями, пароходами, баржами и плотами. Гудки пароходов были слышны из дома, и мы узнавали по ним пароходы. Каму мы любили, и все радости детства были связаны с нею. Она была видна из окон и с крыши нашего дома, откуда мы, младшие, наблюдали ледоход, которого все в городе ждали с нетерпением...» (3).

То, что не удалось Василию Петровичу, осуществили его дочери. Сестры Кашины учились в Пермском художественном техникуме, а затем во ВХУТЕМАСе – ВХУТЕИНе.

Ю. Камчатнова, одна из студенток Пермского художественного техникума 1920-х гг., вспоминала: «Я бывала у них [Кашиных] в семье, иногда ночевала. Отец их был в прошлом иконописец. За столом собиралась большая и дружная семья. Мама их – простая, доб-

рая, хорошая женщина – угощала всех «кашей-заварухой» (в чашку клала ложечку муки и из самовара, помешивая, заваривала кипятком) и чаем с сахарином» (4).

Вот некоторые данные о сестрах Кашиных:

Александра (1898-1981) впоследствии стала архитектором, жила и работала в Москве.

Нина (1903-1989) была членом и экспонентом объединений «РОСТ» (1928-1929) и «Тринадцать» (1929-1932). Участник различных выставок. Оформляла книги для Госиздата (с 1928) и издательства «Молодая гвардия». В период с 1941 по 1943 гг. участвовала в работе «Пермских агит-мастерских». В годы эвакуации жила в родном доме по улице Сибирской, затем вернулась в Москву.

Надежда (1896-1977) – член и экспонент объединений «РОСТ» (1928-1929) и «Тринадцать» (1929-1932). Участник различных выставок. С 1932 г. жила в Ташкенте. В 1964 г. ей присвоено звание «Народный художник Узбекской ССР».

В 1980-е гг. дом Кашиных по ул. Сибирской, 3, был снесён (6).

В моём личном архиве сохранились три любопытных документа, связанных с этим домом и переданных мне родственниками художниц Кашиных в 1996 г.

Справка (копия № 9)

Настоящим удостоверяем, что гр. Кашин Вас. Петр., проживающий в г. Перми по ул. Карла Маркса, дом № 3, кв. 3, никакого отношения к торговым баням, известным в г. Перми под именем «Кашинских бань», как до, так и после революции не имел и никогда хозяином указанных бань не был.

Б. владелец торговых «Кашинских бань» в г. Перми Конст. Ник. Кашин, хотя и является дальним родственником Вас. Петр. Кашину (двоюродный брат б. владельца), но между ними никакой как деловой, так и родственной связи никогда не было и не поддерживалось.

Помощи от владельца бань К. Н. Кашина Кашин Вас. Петр. никогда не получал, а жил всю жизнь на свой трудовой заработок маляра-живописца и заработок жены, Августы Алексеевны Кашиной, работающей в дореволюционное время швеей. Зная гр. Кашина Василия Петровича как до, так и после революции, подтверждаем, что указанный гр. В. П. Кашин является по своей профессии маляром-живописцем, жена его швеей, а таким образом и дети их: Ольга, Надежда, Александра, Василий, Галина, Екатерина, Зинаида, Нина Кашины к лицам непролетарского происхождения ни в коем случае отнесены быть не могут.

1. Агалаков Вас. Михайлович, 2. Молокотина Ольга Иван., 3. За негр[амотную]. Новокшанову Ксению Федот. расписался по ее просьбе и доверию Попов Александр Николаевич.

Подлинность предстоящих на этом документе подписей гр.: 1. Агалакова Вас. Мих., 2. Молокотинной Ольги Иван., 3. Попова Ал. Ник., за негр. Новокшанову Ксению Федот., засвидетельствована в Пермской Госуд. нотариальной конторе.

Взыскано сборов 1 р. 59 к. кв. № 1637.

Г. Пермь 1929 г. Декабря 17 дня № 12920.

Зам. нотариуса (подпись).

Печать Нотар. конторы.

С подлинником верно:

Свидетельствует Ф.З.К.

п/п деревообрабатывающего завода (5) 5/V 32.

Заявление

В нотариальную контору гор. Молотова /областной/ гр. Кашиной Надежды Васильевны, проживающей в городе Ташкенте, Центральном районе, по улице Пролетарской, № 4, заявление.

Я, нижеподписавшаяся, Кашина Надежда Васильевна, отказываюсь от причитающейся мне доли наследства на дом, находящийся в городе Молотове /областной/, по улице Карла Маркса, № 3, оставшийся после смерти моего отца Кашина Василия Петровича, умершего в 1939 году, в пользу других наследников.

14-го мая 1949 г. /Кашина/.

Я, Государственный Нотариус, Чунихина О. М. 1-й Ташкентской Городской Нотариальной конторы свидетельствую подлинность предстоящей на этом документе подписи гр. Кашиной Надежды Васильевны, проживающей: ул. Пролетарская, д. 4, Центр. р-на г. Ташкента, сделанной ею собственноручно в моем, нотариуса, присутствии, при чем самоличность гр. Кашиной Н. В. проверена.

При этом взыскано 8 рубл. госпошлины.

1949 г. Мая 14 дня.

По реестру № 15975.

Заявление

Гр. Кашиной Нины Васильевны, прож. Петровско-Разумовск. аллея, д. 18а, кв. 23,

Заявление.

Я, нижеподписавшаяся, Кашина Нина Васильевна, отказываюсь от причитающейся мне одной седьмой доли наследства на домовладе-

ния, находящиеся в гор. Молотове /областной/, по улице Карла Маркса, № 3, оставшегося после смерти моего отца Кашина Василия Петровича, умершего в 1939 г., в пользу других наследников.

Город Москва, одна тысяча девятьсот сорок девятого года, мая месяца двадцать третьего числа.

Н. Кашина.

Я, Государственный Нотариус 4-ой Московской Государственной Нотариальной Конторы Двойняшева Н. А., свидетельствую подлинность предстоящей на этом документе подписи гр-ки Кашиной Нины Васильевны, проживающей: Петровско-Разумовская аллея, дом 18а, кв. 23, сделанной собственноручно в моем, Нотариуса, присутствии. Самоличность гр. Кашиной Нины Васильевны проверена.

Взыскано единой госпошлины три руб.

г. Москва, 1944 года, мая месяца, 23 дня, реестр № 9445.

Из первого документа видно, что последний владелец торговой бани по ул. Монастырской (потом ул. Орджоникидзе), 19, Константин Николаевич Кашин был не однофамильцем, а двоюродным братом Василию Петровичу Кашину. Чтобы семью не подвергли репрессиям, В. П. Кашину и его родственникам пришлось документально доказывать, что они никак не связаны с владельцем бани и живут на свой трудовой заработок.

У владельцев Кашинской бани был двухэтажный каменный дом (дом мещанки Е. П. Кашиной). До революции в нем размещались лавка бакалейных и колониальных товаров и гостиница. На этом месте (угол улиц Орджоникидзе, 19, и Сибирской, 1) в 1953 г. комбинат «Молотовуголь» выстроил пятиэтажный жилой дом на 68 квартир с магазином «Гастроном» на первом этаже.

1. Трунов Г. Династия художников Кашиных. – Пермь, 1997. – С. 1.

2. Серебренников Н. Н. Урал в изобразительном искусстве. – Пермь, 1959. – С. 121.

3. Трунов Г. Династия художников Кашиных... С. 3.

4. Камчатнова Ю. А. Воспоминания о Пермском художественном техникуме. Тетрадь № 1. 1986. С. 4-5. (Личный архив В. В. Семянникова).

5. Деревообрабатывающий завод имени Емшанова, где работал В. П. Кашин, существовал на Заимке с 1914 по 1936 гг.

6. Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. – Пермь, 2003. – С. 56.

В. В. Кальпиди

КАК КОРОЛѢВСКИЕ НОМЕРА СТАЛИ КОРОЛЕВСКИМИ (ул. Сибирская, 5)

Совсем недавно узаконили букву «ё», обязав указывать её во всех официальных документах. Таким образом, Пермь будет избавлена от ошибок, связанных с наименованием «КоролѢвских» или «Королевских» номеров. Но мне кажется, Провидение уже узаконило название королевских номеров. И мы вполне может применять его – несмотря на иронию или недоумение окружающего мира...

Здание по проекту архитектора Артѣмова по адресу Сибирская, 5, было построено в 1910 г. купцом Василием Ивановичем КоролѢвым, который возвѣл его на деньги, заработанные на продаже леса и дров. Он основал здесь гостиницу, которую по его имени так и называли – «КоролѢвские номера». По тогдашней традиции говорили: Грибушинский особняк, Строгановские заводы, Любимовский пароход. Люди не стеснялись своих личных имен и фамилий, не скрывали их за вымороченными названиями. До сих пор именуют, например, Строгановским училище живописи

До 1914 г. здание по улице Сибирской, 5, арендовал Д. С. Степанов, именно он содержал гостиницу; но в 1915 г. В. И. КоролѢв стал управлять ею самостоятельно. Гостиница считалась лучшей в городе, говорят, название «королевские» номера закрепилось за ней именно тогда.

Как всякое коммерческое предприятие, гостиница нуждалась в рекламе. Сохранились упоминания и даже отдельные рекламные издания с описанием предоставляемых здесь услуг, например:

*«Новые первоклассные в Перми номера и гостиница
Королевские номера, Сибирская, 5, тел. 443.*

Электрическое освещение».

В Перми считалось особым шиком останавливаться именно здесь. Вот такая история случилась в 1914 г.

8 января 1914 г. около Бисерского завода Красноуфимского уезда спустились германские воздухоплаватели: инженер Берлинер и господа Гаазе и Николаи, члены Германского воздухоплавательного союза. Сначала воздухоплаватели были любезно приняты местным земским начальником, но поведение их показалось подозрительным, и они были арестованы. Держали немцев не в тюрьме, а в КоролѢвских номерах. Через германское консульство выяснялись личности авиаторов и цели, ради которых ими было предпринято столь дальнее путешествие. Высушенная оболочка шара и корзина всё это время хранились на железнодорожном вокзале.

Как сообщает «Пермская земская неделя» 27 февраля 1914 г., «это был уже второй случай залета германских летчиков на Урал. Первый случай был в августе прошлого года. Авиаторы спустились на Мулянке и побили мировой рекорд по продолжительности пребывания в воздухе».

В той же газете за 24 апреля можно прочитать об уголовном «Деле германских авиаторов». Ганса Рудольфа Берлинера обвинили в пересечении русской границы без разрешения и в «покушении на собиране недозволенных сведений»; Александра Гаазе и Арнольда Николаи – в неразрешенном перелете границы. 17 апреля департамент судебной палаты в Перми приговорил авиаторов к тюремному заключению на четыре месяца с освобождением под залоги по 2 тысячи рублей за каждого. 20 апреля германские авиаторы внесли залогов и выехали из Перми.

Скорее всего, они действительно могли быть шпионами: строительство железных дорог, развитие промышленности на Урале вызывали интерес у немецкого правительства, готовящегося к войне. Но сам факт размещения шпионов в Королёвских номерах показателен – им предложили лучшее, что было в Перми. Таким местом, соответствующим европейскому уровню, пермские власти сочли Королёвские номера.

Эта гостиница навечно останется в Российской истории, поскольку связана с судьбой Михаила Александровича Романова, с его гибелью в Перми.

Великий князь Михаил Романов, четвертый сын Александра III, младший брат Николая Второго, человек, в чьих руках была судьба Российской империи, бывший её царем по крайней мере в течение одних суток и написавший Манифест о передаче власти Учредительному Собранию, именно здесь провёл последние дни своей жизни. Трагический аспект этой истории также подтверждает высокий статус и уровень заведения. Пермляки, очевидно, рассуждали так: если уж приехал к нам царь, то где ж ему жить, как не в Королёвских номерах.

Михаилу Александровичу выдали так называемые «охранные грамоты» за подписью Вл. Бонч-Бруевича, первого шефа ленинской спецслужбы, и Соломона Урицкого, главы Петроградского ЧК. В Пермь ему позволили взять с собой друга и секретаря, англичанина Николая (Брайана) Джонсона, «роллс-ройс» с шофером Боруновым и камердинера Василия Чельшева. По последним сведениям, несколько недель Михаил Романов все-таки содержался в тюрьме, и лишь потом ему было предписано занять апартаменты за номером 21 в Королёвских номерах.

По свидетельству современников, его вольготная жизнь в центре города, в роскошных номерах гостиницы «Королёвская» на Сибирской улице, с секретарем, поваром, шофером, при личном «роллс-ройсе», возмущала рабочих. Многие открыто выражали негодование. На заводских собраниях и митингах слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму, казнить его!»

С митинга на Мотовилихинском заводе поступила в Пермский совет резолюция: если органы власти не посадят Романова под замок, «население само с ним разделается». Так оно и случилось. В ночь на 13 июня 1918 г. в гостиницу «Королёвскую» пришла группа неизвестных. Они увели с собой Михаила, вывезли его за город и в шести километрах от Мотовилихи, за нефтяными складами Нобеля, в зарослях кустарника расстреляли.

Однако не все считали гостиницу «Королёвские номера» достойным местом.

«Михаил Александрович въехал в скверную провинциальную гостиницу «Королёвские номера», поражавшую местных жителей необычной постройкой и шикарным, по мнению обывателей, интерьером. Поднадзорный князь снял на третьем этаже две небольшие комнаты *с убогой старой мебелью* и стал усердно заполнять вынужденный досуг. Он принимал у себя знакомых, и сам навещался к ним, гулял по городу и его окрестностям и катался на лодке, иногда даже сам грёб, ходил в театр и щедро оплачивал билеты на благотворительные концерты, играл на гитаре и много читал, несколько дней промаялся от боли в животе, напоминавшей, по описанию, язвенную и, видимо, не раз посещавшей его раньше, и аккуратно заносил в свой дневник скудные впечатления праздного человека.

Местные власти хоть и пытались произвольно копировать деятельность ненавистного жандармского управления, визиты и переписку репрессированного князя практически не контролировали и только потребовали, чтобы с 21 мая 1918 года он каждое утро отмечался в окружной ЧК.

Обыватели же относились к нему или равнодушно, или благожелательно. В страстную субботу, по возвращении в гостиницу после заутрени, он нашел у себя в номере много цветов, куличей и пасхи от лиц, не дерзнувших раскрыть свои имена».

Сам Михаил Романов был озабочен поисками места получше, так как надеялся, что, если ссылка затянется, к нему присоединятся его супруга Наталья и дети. Наталья Вульфорт, супруга Михаила Романова, побывала в Перми. Сохранилась трогательная фотография, где Михаил Романов сфотографирован в обнимку с женой на галерее с заднего фасада гостиницы (со двора).

Есть версия, что из всех предложенных ему вариантов съемного жилья Романов выбрал дом Тупицыных – почти на перекрестке Биармской (Плеханова) и Екатерининской (Большевикской), – поскольку готовил побег (близость к вокзалу и якобы существующий подземный ход от Успенского монастыря рядом с домом). При этом переезд был назначен именно на 13 июня.

В ночь с 12-го на 13-е за Михаилом как раз и пришли.

Распространились слухи о его побеге, и петроградские чекисты отправили в тюрьму жену беглого князя. А в Перми приступили к массовым арестам и обыскам всех подозреваемых в тайных сношениях с монархистами вообще и Михаилом Романовым в частности. Досталось и управляющему гостиницей «Королёвские номера».

Владелец гостиницы В. И. Королёв покинул город в 1919 г.

Дальнейшая история Королёвских номеров такова. С 1925 по 1930 гг. здесь находилась гостиница Горкомхоза. В 1928 г. в ней останавливался поэт Владимир Маяковский (в номере 13), в 1929 г. – поэт Владимир Луговской и писатель Семен Гроссман. В военное время здание принадлежало Уральскому военному округу.

Сохранились неопубликованные воспоминания Б. В. Коноплёва о том, как ему удалось добиться передачи здания в распоряжение пермских властей.

По его словам, в «Королёвских номерах» располагался штаб воинского соединения.

«Я в Москве был и добивался, чтобы нам разрешили строить телецентр на Горках, а они ни в какую. Два года шла переписка, и нам категорически отказывали в строительстве, потому что нельзя эту вышку – тут створ был, пролетали самолеты на Большое Савино, и ни в какую не разрешали. Хотя не было телецентра ни Свердловске, ни в Челябинске еще. Генштаб нам ответы давал, что невозможно это.

Приходим к тому, кто нам все ответы давал, – генерал-лейтенант генерального штаба Белов. Пришли к нему, он говорит: зря вы здесь толчетесь, потому что никто вам не разрешит.

Я говорю: а кто может разрешить?

– А Василевский, начальник генерального штаба маршал Василевский...

– А вы мне скажите номер телефона.

Я по вертушке кремлёвской звоню. Там дежурный офицер отвечает, что Василевского нет и не будет. Завтра. Он, видимо, был занят.

Ну, я второй раз спрашиваю: а еще кто может?

Отвечают: заместитель министра по тылу Хрулёв – генерал армии.

Хрулёв говорит: ну-ка, расскажите о Перми, я ведь Пермь знаю. – Он в гражданскую войну в районе Лысьвы воевал. – Завтра к двенадцати часам всех, кто подписывал отказы, всех ко мне на совещание.

Белов докладывает, что это невозможно по стратегическим соображениям.

Хрулёв ко мне: товарищ Коноплёв, ты понял, вот – когда дело касается нужд людей, вот они, чиновники, – все против. А ведь это для людей нужно – телецентр.

А им: вы сегодня еще раз посмотрите, а завтра дайте положительный ответ.

Скомандовал. Назавтра все дали ответ, что можно. Когда я пришел поблагодарить, он меня еще раз расспросил. Я ему и говорю: у нас с гостиницами такая обстановка сложная. У нас Королёвские номера – там штаб воинского соединения. Он звонит командующему Уральским военным округом, говорит: у вас там, в Перми, какая часть расположена? Ты давай посмотри, и надо это здание освободить им под гостиницу.

И мы тогда сделали свою гостиницу – обкомовскую. Получилась хорошая гостиница, мест, наверное, на сорок. Потом мы это здание передали оперному театру».

(Личный архив автора).

Итак, ирония судьбы сопровождает этот дом по улице Сибирской: лесопромышленник Василий Королёв – царь Михаил Второй – цари большевистские, местные, короли оперной сцены, – возможно, наиболее целесообразное использование гостиницы за все годы ее существования.

Сейчас гостиница находится в бедственном положении, требует ремонта. Наилучшим решением её судьбы стало бы создание здесь музея Михаила Романова – как одного из членов династии Романовых и одновременно родоначальника демократических перемен, одной из первых жертв красного террора. Человека, которого вполне можно считать образцом патриотизма, мужества, образованности, аристократизма и многих других положительных человеческих качеств.

Е. П. Субботин, М. Г. Ситников

ПО ПЕРМСКИМ АДРЕСАМ АДМИРАЛА КОЛЧАКА. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми в 1919 году

На экранах страны с большим успехом прошел блокбастер А. Кравчука «Адмирал», рассказывающего о жизни и любви Александра Васильевича Колчака. Фильм стал фаворитом премии «Золотой орел»: он был заявлен сразу в восьми номинациях. Лучшим актером признан исполнитель главной роли К. Хабенский. В фильме только один раз звучит слово «Пермь»: в связи со взятием армией адмирала Колчака нашего города 24-25 декабря 1918 г. За Пермскую операцию и освобождение Перми от большевиков, а также за успехи в весеннем наступлении 1919 года адмирал А. В. Колчак был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

8 февраля, оправившись от болезни, адмирал Колчак выехал на фронт. Он посетил Златоуст, Троицк, Челябинск, Екатеринбург. Следующим пунктом его визита была Пермь.

Начальник пермской милиции Данилов дал объявление в пермских газетах: «Предлагаю правительственным и общественным учреждениям, а также гражданам города Перми украсить дома Российскими национальными трехцветными флагами белого, синего и красного цветов»¹.

Был разработан церемониал встречи Верховного правителя:

В 9 часов ему представляются управляющий губернией, духовенство, начальники правительственных учреждений, представители земского и городского самоуправления, и т. д.

Во время представления Верховного правителя приветствуют хлебом-солью от населения губернии Дьяков², а от города – Рябинин³.

В 9.30 проследуют в собор.

В 10.30 прием парада войск на Сенной площади.

В 12 часов в зале Благородного собрания общий прием начальников воинских частей, расквартированных в Перми, и должностных лиц правительственных и общественных учреждений.

В 2 часа – завтрак.

Между 3 и 7 часами посещение губернской земской управы, окружного суда, государственного университета и двух средних учебных заведений.

В 7 часов вечера – обед.

Форма одежды, по возможности, – гражданские или форменные сюртуки⁴.

Во время праздничных приготовлений разразился скандал. Пермская городская дума, в результате последних выборов значительно полевевшая, отказалась принимать адмирала Колчака как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, – только как частное лицо.

На заседании городской думы 16 февраля от фракции кадетов выступил М. М. Кузнецов⁵, предложивший городскому голове Ширяеву⁶ принять участие во встрече Верховного правителя на вокзале. Гласный Ягодников, представлявший фракцию социал-демократов, предложил думе уполномочить городского голову принять участие во встрече адмирала Колчака как частного лица.

Второе предложение было поставлено на голосование и принято 21 голосом против 10. Таким образом прошла социалистическая резолюция. Кадеты отказались участвовать в выборах, т. к. были не согласны с такой постановкой вопроса – непризнанием Колчака Верховным правителем. В думе произошло замешательство⁷.

Узнав от управляющего губернией об инциденте в думе, генерал-майор Эпов⁸ (начальник штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии) явился в городскую думу с пятью вооруженными казаками и дал 20 минут на размышление, заявив, что если дума откажется приветствовать Верховного правителя, то она будет распущена. Дума согласилась и уполномочила Ширяева и Савельева приветствовать адмирала Колчака.

Уже вечером 16-го февраля в помещении Биржевого комитета состоялось совещание представителей всех местных общественных групп. Поскольку городская дума не являлась выразителем мнения населения Перми, решено было выбрать представителя от города для встречи Верховного правителя. Выбор пал на бывшего городского голову Рябинина.

Правительственный поезд адмирала Колчака состоял из нескольких салон-вагонов, в которых размещались сопровождавшие его лица, охрана, штаб, походная канцелярия, представительские автомобили, а также ресторан. В таком поезде во время поездки А. В. Колчак жил, работал, принимал руководителей военного и гражданских ведомств.

ВОКЗАЛ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ ПЕРМЬ I

19 февраля. Среда. 8.00 час.

Правительственный поезд прибыл в Пермь. Вдоль перрона выстроены шеренги войск почетного караула от 1-й Сибирской штурмовой бригады. Среди встречающих: представители военных и гражданских властей города, духовенства, учебных заведений, земских и городских общественных самоуправлений, кооперативных организаций.

Во время представления председатель Пермской губернской земской управы Ф. Я. Дьяков приветствовал Верховного правителя от имени населения губернии поднесением хлеба-соли, а от населения города (также с поднесением хлеба-соли) выступил старейший гласный Пермской городской думы, бывший городской голова П. А. Рябинин.

Приняв должностных лиц и почетный караул, Верховный правитель снова прошел в вагон, откуда в сопровождении генерал-лейтенанта Пепеляева⁹ и лиц свиты проследовал на автомобиле в собор на молебен.

А. В. Колчака сопровождали: директор канцелярии Верховного правителя генерал-майор А. А. Мартыанов¹⁰, начальник походного штаба генерального штаба полковник Д. М. Супрунович¹¹, товарищ министра продовольствия Мельников, чиновник особых поручений при Верховном правителе Н. А. Самойлов, главный полевой казначей Кислицын, представитель министерства иностранных дел Лорис-Меликов¹², представитель военного ведомства капитан Белов, представитель морского министерства Робуш, журналист С. А. Ауслендер¹³ и др.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР
(Комсомольский пр., 4, здание художественной галереи) ¹⁴
19 февраля. Среда. 9 час.

К 9 часам утра в соборе собралось духовенство всех местных городских церквей и многочисленные граждане. Кафедральный собор осветился при появлении Верховного правителя разноцветными электрическими огнями.

На паперти собора Верховного правителя приветствовали адресом и поднесением хлеба-соли представители всех пермских приходских советов. Навстречу ему вышли священнослужители, возглавляемые епископом Борисом ¹⁵, который приветствовал адмирала Колчака речью: «Ваше Высокопревосходительство, Верховный Вождь и Правитель возрождающейся Родины нашей – Руси православной!...» Епископ преподнес А. В. Колчаку святую икону Николая Чудотворца, покровителя плавающих и путешествующих.

Затем было совершено торжественное молебствие, закончившееся возгласением многолетия «Богохранимой державе Российской, благоверному Верховному правителю ее, рабу Божию Александру, и христоролюбивому победоносному воинству Российскому».

В конце молебствия А. В. Колчаку представилась депутация Пермского женского монастыря, поднеся ему икону Богородицы.

Из кафедрального собора адмирал Колчак в сопровождении генерал-лейтенанта Пепеляева проследовал на автомобиле на Сенную площадь для принятия парада расквартированных в Перми войсковых частей.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ
(Октябрьская площадь)
19 февраля. Среда. 11 час.

Парад войск, штурмовавших Пермь.

Несмотря на мороз, все прилегающие к Сенной площади улицы заполнены толпами народа.

Воинские части (1-я Сибирская штурмовая бригада полковника Урбанковского ¹⁶, 1-я Пермская стрелковая дивизия генерал-майора Шарова ¹⁷, ударные батальоны 1-й и 2-й Сибирских дивизий и др.) выстроились на Вознесенской улице (ныне ул. Луначарского) за окружным судом (ныне здание занимает медицинская академия).

Верховный правитель прибыл на парад на автомобиле со знаменем. Его сопровождали генералитет и почетный караул казачьей сотни. Народ приветствовал Колчака восторженными криками «Ура!», бросая при этом в воздух шапки и платки.

После первых приветствий началось прохождение церемониальным маршем войск: во главе их командир корпуса генерал-лейтенант Пепеляев.

Оркестры меняли друг друга, войска проходили стройными рядами. Пройдя церемониальным маршем, части вновь возвращались на площадь для получения наград. После прохождения части доходили до Оханской улицы (ул. Газеты «Звезда»), поворачивали на Екатерининскую (ул. Большевикская) и, пройдя по ней, возвращались на Сенную площадь, выстраиваясь вновь по Вознесенской улице.

Верховный правитель в сопровождении свиты (командира 1-го Средне-сибирского корпуса генерал-лейтенанта Пепеляева, членов французской миссии, начальника 1-й Пермской дивизии генерал-майора Шарова и др.) обошел фронт войск, обращаясь к частям с приветственным словом и награждая солдат георгиевскими крестами и медалями ¹⁸.

На поздравления со взятием Перми солдаты отвечали громким военным приветствием.

Присутствующая на параде публика встречала Верховного правителя несмолкаемыми овациями. Перед отъездом адмирал А. В. Колчак обратился к толпе с особым словом.

С парада Александр Васильевич проследовал в Благородное собрание.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ
(ул. Сибирская, 20,
здание Культурного центра УВД Пермского края)
19 февраля. Среда. 12 час.

Прием Верховным правителем представителей местных государственных и общественных учреждений и частных союзов.

Вход в собрание установлен по билетам, выдаваемым канцелярией управляющего губернией. Билеты выдавались исключительно участникам различных депутатий и должностным лицам.

В Благородном собрании в миниатюре были представлены все слои русского общества, все стороны государственной и общественной жизни: представители губернского и уездного земств, представители города и многочисленных депутатий, военные во главе с молодым генералом, освободителем Перми А. Н. Пепеляевым.

М. В. Кукаретин – помощник управляющего губернией, ведающий церемониалом, разместил по сторонам зала участников депутатий. На первом плане, справа у двери, из которой должен был появиться Верховный правитель, группа дам с хлебом-солью и приветственным адресом. Далее – духовенство, земцы, и на другом конце дуги, у двери слева – командный состав армии.

«Напряженное ожидание. Все глаза обращены к тем дверям, откуда появится человек, взявший на себя крест Верховной власти. Он вышел. Среднего роста фигура, большой орлиный нос и дивные глаза. Во всей фигуре чувствуется мощь и скромность, величие и простота... На груди белый крест – офицерский орден Святого Георгия Победоносца, орден храбрых. На шее – орден Святого Владимира 2-й степени с мечами. Шашка с Георгиевским темляком».

Г-жа Косцова, жена управляющего Волжско-Камским коммерческим банком, зачитала адрес. Колчака приветствовали представители духовенства. Затем командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант Пепеляев представил Верховному главнокомандующему господ офицеров. Адмирал переходил от группы к группе, выслушивал приветствия и адреса, принимал хлеб-соль, благодарил поклонами и сердечно пожимал руки. Затем он выступил с речью, записанной корреспондентом газеты «Сибирские стрелки».

От собравшихся выступил председатель губернской земской управы Ф. Я. Дьяков¹⁹.

Далее по церемониалу следовал завтрак, после которого у Верховного правителя была запланирована встреча с земцами.

ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА

**(ул. Сибирская, 24, здание педагогического университета)
19 февраля. Среда. 16 час.**

Торжественное заседание деятелей пермского губернского и уездных земств, пермского городского самоуправления, представителей кооперации и торгово-промышленного класса.

Присутствовали: гласные губернского земства, проживающие в Перми; состав губернской земской управы во главе с председателем Ф. Я. Дьяковым; почти все гласные пермской городской думы во главе с председателем С. Г. Макухиным²⁰; состав пермской городской управы во главе с городским головой А. Е. Ширяевым; заведующие различными отделами городского земства; представители местных кооперативных организаций и торгово-промышленного мира.

А. В. Колчак прибыл в начале пятого часа. Встреченный в вестибюле председателем управы, Верховный правитель проследовал в его кабинет, где ему были представлены члены губернской и городской управ, представители уездных земств, а также заведующие ответственными отделами губернского земства. По окончании представления Верховный правитель и представившиеся ему лица заняли приготовленные для них в зале места.

Председатель губернской земской управы Ф. Я. Дьяков объявил торжественное историческое заседание открытым, произнес речь. Затем слово было предоставлено городскому голове А. Е. Ширяеву²¹, который поднял вопрос о финансировании образования и об открытии сельскохозяйственного факультета в Пермском университете. А. В. Колчак произнес ответную речь. Гром аплодисментов покрыл слова Верховного правителя²².

Провожаемый присутствующими в заседании лицами Верховный правитель в шестом часу вечера отбыл из дома губернского земства²³.

МАРИИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

**(ул. 25 Октября, 10, здание сельскохозяйственной академии)
19 февраля. Среда. Между 16 и 17 час.**

В вестибюле адмирала Колчака встречали начальница гимназии Т. И. Пашихина²⁴ и председатель родительского комитета гимназии Я. А. Соснин²⁵. Воспитанницы гимназии расположились шпалерами по лестнице, приветствуя Верховного правителя криками «ура». Пашихина приветствовала Верховного правителя поднесением хлеба-соли и речью.

В декорированном зале гимназии, украшенном портретом А. В. Колчака, собрались начальницы и преподаватели всех местных земских женских средних учебных заведений, родительский комитет Мариинской женской гимназии и представительницы от всех классов всех местных средних учебных женских заведений. Были выражены приветствия Верховному правителю от преподавательского состава женских учебных заведений Перми. Особенно трогательным явилось приветствие адмирала двумя малютками–первоклассницами, поднесшими Колчаку живые цветы.

А. В. Колчак в ответ на приветствия произнес краткую речь, в которой указал на роль женщины в деле воспитания могучего сильного народа, поцеловав приветствовавших его малюток-гимназисток.

Обойдя затем ряды учащихся, переполнивших обширный гимназический зал, Верховный правитель отбыл из здания Мариинской женской гимназии и проследовал в первую мужскую гимназию.

ПЕРВАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

**(ул. Сибирская, 13, здание медицинской академии)
19 февраля. Среда. Около 18 час.**

Зал гимназии был красиво декорирован пихтой, елками и национальными трехцветными флажками. На стене большой портрет А. В. Колчака в адмиральской форме. На столе приготовлен хлеб-соль с широким узорно вышитым малороссийским полотенцем.

Зал был заполнен учащимися и преподавателями всех мужских учебных заведений Перми, собравшимися к 15 часам, так как по церемониалу посещение гимназии должно было состояться между 15 и 17 часами. Обращало на себя внимание отсутствие взрослых учеников, находившихся в армии как по мобилизации, так и добровольно.

Около 6 часов вечера со стороны парадного входа раздалось оглушительное «ура», и в зал в сопровождении помощника уполномоченного министра народного просвещения Хитрина²⁶ и исполняющего обязанности директора гимназии В. В. Дымецкого²⁷ вошел А. В. Колчак. Дымецкий поднес Верховному правителю хлеб-соль. С приветственным адресом от педагогов и учащихся выступил директор 2-й мужской гимназии Г. А. Орлов²⁸. Затем, от имени учащихся адмирала приветствовал ученик 1-й гимназии Владимир Покровский. Адмирал обратился к присутствующим с ответной речью. Затем под восторженные крики и приветствия Верховный правитель оставил зал мужской гимназии²⁹.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ 19 февраля. Среда. 21 час.

Банкет Верховного правителя, назначенный по церемониалу на 19 часов, начался в 10-м часу вечера в виду позднего прибытия Колчака. Адмирал вошел под звуки марша.

Присутствовали: командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда³⁰, командир корпуса генерал-лейтенант Пепеляев, генералитет и офицерство, главный начальник края Постников³¹, епископ Борис, товарищ министра продовольствия Мельников, начальник походного штаба полковник Супрунович, управляющий канцелярией правителя Мартьянов, чрезвычайный посол при Сиаемском правительстве Лорис-Меликов, чиновник особых поручений при правителе Самойлов, управляющий губернией Чистосердов³², заступающий его место Кукаретин; представители государственных и общественных учреждений, духовенства, промышленности, торговли, кооперативов, печати, национальных обществ и дамы.

Зал собрания и прилегающая к нему большая комната были уставлены столами. Электрические лампочки, подобранные под национальные цвета русского флага, гармонировали с общим настроением. Банкет прошел крайне оживленно. Все время играл оркестр.

Первый тост был провозглашен начальником края Постниковым, который поднял свой бокал за здоровье Верховного правителя, самоотверженно взявшего на себя тяжелый крест спасения родины.

А. В. Колчак сказал следующее: «Я поднимаю бокал за нашу Родину – единую и нераздельную, за нашу Родину, свободную и независи-

мую, за нашу Родину, живущую по вере православной, при производительном мирном труде, при наличии армии, храброй и непобедимой, при правительстве, отвечающем воле народной, – вот за эту Родину я поднимаю бокал и предлагаю всем присутствующим прокричать «ура!»

Звуки народного гимна «Коль Славен» и крики «ура» слились в один мощный звук.

В завершение банкета последовал концерт, в котором участвовали: г-жи Нассонова, Казанская-Радлова, Теодориди, Арнольд и гг. Григорьев, Федоровский и Слободской.

По окончании банкета представитель газеты «Освобождение России» преподнес адмиралу Колчаку номер своей газеты, посвященный его визиту.

Около часу ночи Верховный правитель посреди всеобщих оваций отбыл из собрания³³.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ ШАБУНИЧИ 20 февраля. Утро.

В 5 часов утра поезд адмирала Колчака двумя вагонами отбыл на фронт со станции Пермь I до ст. Шабуничи. Его сопровождали: командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда, директор канцелярии Верховного правителя А. А. Мартьянов, начальник походного штаба генерального штаба полковник Супрунович, товарищ министра продовольствия Мельников, чиновник особых поручений при Верховном правителе Н. А. Самойлов, главный полевой казначей Кислицын, представитель министерства иностранных дел Лорис-Меликов, представитель военного ведомства капитан Белов, представитель морского министерства Робуш, журналист С. Ауслендер и др.

На станции Шабуничи, где находился штаб полка 2-й Сибирской стрелковой дивизии, поезда Колчака ожидал генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев. Журналист С. Ауслендер так описал встречу на станции: «Подъезжаем к станции. Взошло солнце, багровое, морозное, празднично торжественное. Постукивая ногу об ногу, ходит по платформе генерал Пепеляев, круглолицый, румяный, весь широкий, говорит громко, отчего все лица улыбкой расплываются. Подходит торопливо генерал Гайда с видом стесняющегося поручика»³⁴.

На ст. Шабуничи крестьяне поднесли Колчаку хлеб-соль. Их пригласили в вагон-ресторан пить чай. После рапорта генерала Пепеляева Колчак принял парад частей 2-й Сибирской стрелковой дивизии и лично вручил здесь награды солдатам. По словам очевидцев, это происходило следующим образом: «Верховный правитель подходит к каждому отдельно, произносит тихо, но твердо, отдельно и явствен-

но эту прекрасную формулу посвящения в рыцари Святого Георгия: «От имени Русской Армии в воздание подвигов, совершенных вами на пользу Родины, награждаю вас георгиевским крестом». Адьютант передает блеснувший ярко крест, и Верховный правитель прикалывает к серой груди эту ленточку и крест»³⁵.

Все отмечали молодость стрелков. Колчак проследовал в вагон и вошел в столовую к крестьянам, которые приехали искать своих родственников среди убитых. Они рассказали о зверствах большевиков. Верховный правитель предложил крестьянам проехать с ними, пока они не допьют чай, а после этого их довезут обратно. Крестьяне отвечали, что они не могут, т. к. у них на станции лошади³⁶.

Поезд продвинулся до последней остановки, до станции Чайковской, в нескольких сотнях саженей от которой стояла тяжелая гаубичная батарея, стреляющая по противнику. Состав ее был сформирован из студентов Пермского университета. Проезжая со свитой мимо тяжелого орудия, видя прислугу этого орудия: студента гиганта П-ва, студента, коренастого крепыша С-ва (до студенчества не раз с успехом выступающего в Самаре под маской в качестве борца на арене цирка) и других студентов, – все бывшие семинаристы, – Верховный главнокомандующий одобрительно сказал: «Ай, да пермские студенты!»³⁷

Затем на трех санях (Колчак, Гайда и Пепеляев) поехали на передовую 5-го Томского полка генерал-майора Кузьменко³⁸. Полк занимал позиции от д. Мелехи до с. Новопаинское. Накануне, 19 февраля красные, узнав о приезде Колчака в Пермь, начали наступление. 2-я бригада 29-й дивизии красных получила приказ занять ст. Чайковскую, д. Удалы и с. Новопаинское³⁹. В день приезда красные вели яростное наступление, хотя не знали о приезде Колчака на фронт.

Не доезжая до позиции 5-го Томского полка, Верховный главнокомандующий остановился у тяжелой дальнобойной батареи, ведшей огонь по противнику, интересовался меткостью стрельбы и сам корректировал ее. Наградив георгиевскими крестами отлично работавших артиллеристов, Верховный правитель отбыл на передовые позиции. По дороге он останавливался в районе расположения батареи 5-го Томского полка, наградив их георгиевскими крестами, и затем пешком, в сопровождении командующего армией и командира корпуса прошел в окопы, занимаемые батальоном этого полка. Осмотрев позиции, Верховный главнокомандующий выразил желание лично наблюдать стрельбу нашей артиллерии. Бывшему здесь артиллерийскому наблюдателю было приказано сообщить по телефону в батарею об открытии огня по деревне, занимаемой противником. После второго удачного попадания можно было видеть невооруженным глазом, как про-

тивник небольшими кучками начал убегать из деревни. Не прошло десяти минут пребывания адмирала Колчака в окопах, как противником был открыт артиллерийский огонь по этим окопам. Снаряды, делая перелет, рвались в 100-150 шагах от окопов. Осмотрев окопы, Верховный главнокомандующий отбыл обратно в штаб дивизии под продолжающимся огнем противника; остановившись ненадолго в штабе 5-го Томского полка, завтракал хлебом и чаем. Во время его пребывания в штабе полка деревня была обстреляна артиллерийским огнем, причем два снаряда разорвались в самой деревне. Вернувшись в штаб дивизии, Верховный правитель посетил перевязочный пункт, беседовал с ранеными, наградил их георгиевскими крестами, после чего возвратился в Пермь⁴⁰.

ГОСПИТАЛЬ КРАСНОГО КРЕСТА ДЛЯ БОЛЬНЫХ И РАНЕННЫХ ВОИНОВ

**Ул. Плеханова, 36; здание городской клинической больницы № 2.
20 февраля. Четверг. Седьмой час вечера.**

А. В. Колчак прибыл в сопровождении командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды, начальника Пермского гарнизона генерал-майора В. С. Шарова, главного врача 1-го Средне-Сибирского корпуса И. В. Ивановского.

Это был один из лучших госпиталей, в котором с 24 декабря (когда в Пермь вошли Сибирские войска) по 1 февраля 1919 г. было сделано 93 операции, 2739 перевязок и 24 неподвижных крахмальных повязки. За это время через госпиталь прошло 1120 человек, из них выздоровело 111, эвакуировано 568, переведено в другие лечебные заведения 35 и умерло 16, причем большинство умерших – доставленные с фронта тяжело раненные в живот, голову и грудь, которые в госпитале проводили лишь по несколько часов⁴¹.

В вестибюле госпиталя Верховного правителя встречали: председатель местного управления Российского общества Красного Креста уполномоченный общества по Пермской губернии М. В. Кукаретин, приветствовавший адмирала, медицинский персонал госпиталя во главе со старшим врачом Н. А. Синакевичем⁴², поднесшим Верховному правителю почетный рапорт о состоянии госпиталя.

Колчак проследовал в палату для тяжело раненных воинов, где ободрял героев словами благодарности за их верную службу возрождающейся родине, наградив девятерых георгиевскими крестами и медалями. Вручая солдату Алтайской губернии георгиевский крест, адмирал Колчак сказал: «Награждаю тебя за твои страдания георгиевским крестом»⁴³. Сохранился приказ о их награждении⁴⁴.

МОТОВИЛИХИНСКИЙ ЗАВОД

21 февраля. Пятница.

А. В. Колчака сопровождали: главный начальник Уральского края С. С. Постников, управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов и другие лица.

В конторе завода представители Мотовилихинского уездного земства, инженеры и служащие завода встретили Верховного правителя хлебом-солью, приветствовали адресами. Верховный правитель обошел цеха завода, который возобновил работу 11 февраля, и подробно ознакомился с производством артиллерийских орудий, удивив рабочих знанием заводской жизни ⁴⁵.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ БОЛЬНИЦА

**Ул. Луначарского, 95; ул. Пушкина 85; комплекс зданий
Пермской краевой больницы.
*21 февраля. Пятница. Вечер.***

А. В. Колчак в сопровождении командующего Сибирской Армией генерал-лейтенанта Р. Гайды и командира 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева прибыл в хирургическое отделение больницы, что по Вознесенской улице (ныне ул. Луначарского), где был встречен всем медицинским персоналом больницы во главе со старшим врачом М. А. Пономаревым, двоюродным братом В. И. Ленина ⁴⁶. Верховный правитель посетил все палаты, наградив нескольких тяжело раненных воинов георгиевскими крестами и медалями.

Из хирургического отделения адмирал проследовал в главный корпус больницы (ул. Пушкина), где также обошел палаты с больными и посетил больничную церковь.

МАРИИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

**Ул. 25 Октября, 10; здание сельскохозяйственной академии.
*21 февраля. Пятница. Вечер.***

Из Александровской больницы Верховный правитель проследовал в Мариинскую женскую гимназию, посещенную им 19 февраля, где был вторично горячо встречен воспитанницами гимназии.

Вторичное посещение гимназии было вызвано просьбой гимназисток, не имевших возможности видеть его 19 февраля, переданной Верховному правителю начальницей гимназии Т. И. Пашихиной.

В 4 часа дня адмирал Колчак прибыл в гимназию. На входе он был встречен начальницей гимназии Т. И. Пашихиной. Его приветствовала ученица 8-го класса Санько, а первоклассница Бахирева подарила адмиралу Колчаку дорожный несессер, исполненный ученицами гимна-

зии. Затем ученицы хором исполнили кантату «Слава». В ответ Колчак произнес короткую речь. Затем в сопровождении главного врача Ковалевского адмирал Колчак осмотрел лазарет Н. И. Пепеляевой, открывающийся в гимназии. Через час после отъезда Верховного правителя его адъютант привез в гимназию портрет адмирала Колчака с его с автографом: «Адмирал Колчак. 21/II 1919 г. ⁴⁷».

Вторичное посещение Перми Верховным правителем

Вторичное посещение Перми Верховным правителем состоялось в начале июня 1919 г. Связано оно было с конфликтом командующего Сибирской армией генерала Гайды, штаб которого находился в Перми, и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Лебедева. Командующий Сибирской армией генерал Гайда отказался исполнять приказы генерала Лебедева и пытался склонить на свою сторону правительство.

«После совещания с Ноксом ⁴⁸ и Жаненом ⁴⁹, – пишет в своих воспоминаниях генерал-лейтенант Будберг ⁵⁰, – адмирал решил ехать к Гайде. Взяли с собой весь конвой Верховного правителя, 1-й Королевский батальон Канады и двинулись усмирять Сибирскую армию». Генерала Гайду решили арестовать и отправить в Омск.

29 мая, как сообщало телеграфное агентство, адмирал Колчак отбыл на фронт. Личный адъютант адмирала Колчака ротмистр Князев передал по телеграфу в Пермь генералу Гайде приказание Верховного правителя: быть во главе войска на платформе вокзала г. Перми к моменту подхода поезда Верховного правителя.

В Пермь послали на разведку атамана Дутова ⁵¹, который прибыл 31 мая ⁵². В этот же день в 7 часов утра на станцию Екатеринбург прибыл поезд Верховного правителя, который даже не выходил из вагона, приняв только уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии генерал-майора Домонтовича. Состав, простояв до 11 часов дня и погрузив еще батальон охраны, отправился в путь ⁵³.

ВОКЗАЛ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ ПЕРМЬ I

1–2 июня. Воскресенье – понедельник.

В ночь с 31 мая на 1 июня поезд адмирала Колчака, где с ним находились генералы Нокс и Квитковский, а также министр внутренних дел В. Н. Пепеляев ⁵⁴, прибыл в Пермь ⁵⁵. На перроне для встречи собрались общественные и государственные деятели, а также множество народу, окружившего поезд Верховного правителя с криками: «Спаситель наш! Александр Васильевич! Спасибо тебе, отец наш род-

ной!» На перроне генерал-лейтенант Гайда «встретил адмирала с обычной помпой и по уставу». После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал был занят частями адмиральского конвоя, «изготовившимися против всяких случайностей».

Адмирал приказал своему адъютанту ротмистру Князеву пригласить генерала Гайду в салон-вагон Верховного правителя. Когда Князев вышел из вагона адмирала, вокруг поезда уже был порядок, на вокзале оркестр играл марш. Адъютант вспоминал: «На платформе стояли войска во главе с генералом Гайдой, который был очень бледен, нервничал и дрожал. Князев подошел к нему и передал приказ Верховного правителя явиться к адмиралу в его вагон. Предложен был арест Гайды, и около нашего поезда, против места, где остановился вагон адмирала, было приказано поставить вагон с паровозом для отправки арестованного Гайды в Омск»⁵⁶.

В вагоне адмирал Колчак объявил Гайде: «Так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний Верховного главнокомандующего и пытался поднимать Совет Министров против Верховного командования, то адмирал не считает возможным долее оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии, а затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске. Гайда горячо оправдывался, доказывая, что он был обязан довести до сведения Совета Министров о том, что распоряжения ставки губят армии. ...После довольно длительных пререканий и обмена колкостями адмирал поставил Гайде ультиматум выехать из Перми в течение двух часов. Гайда молчал, но затем с усилием проговорил, что он солдат и полученное приказание исполнит»⁵⁷.

1 июня вечером, как писали газеты, отбыл со служебным поездом в Омск через Екатеринбург командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда. Следует сказать, что в результате этого конфликта генерал Гайда лишился поста командующего Сибирской армией.

Верховный правитель пробыл в Перми около полутора суток. Состав его поезда стоял на главном пути станции Пермь I. У входа в вагон, где находился Колчак, стоял почетный караул. В 10 часов утра 2 июня адмирал А. В. Колчак отбыл в Екатеринбург. С поездом адмирала Пермь покинули В. Н. Пепеляев и атаман А. И. Дутов. Так завершилось вторичное посещение Перми адмиралом Колчаком.

¹ Освобождение России, Пермь. 1919. 18 февр.

² **Дьяков Федор Яковлевич** (1866? – после 1919), общественный деятель. В 1908 г. окончил учительский институт, работал (1908-1909) в 4-х классном городском училище г. Оханска, переведен инспектором в с. Юрла Чердынского уезда. Председатель Пермской губернской земской управы (с 22 ноября 1917 г. до марта 1918 г.). Заведующий культурно-просветительским отделом Союза потребительских обществ Северо-Восточного района.

30 августа 1918 г. арестован большевиками и приговорен к расстрелу, но 7 сентября был освобожден и отбыл в Москву. В декабре 1918 г. вернулся в Прикамье, преподавал в с. Шляпники Осинского уезда. В момент наступления армии Колчака перешел линию фронта. Как офицер, призван на воинскую службу и воевал с красными. С 11 февраля 1919 г. вновь председатель Пермской губернской земской управы, одновременно председатель Пермского губернского комитета земского союза, член Пермского губернского земского собрания и ответственный редактор газеты «Пермская земская неделя».

³ **Рябинин Павел Александрович**. Родился в 1861 г. в Перми. Купец 2-й гильдии. С 1891 г. гласный Пермской городской думы. 26 мая 1887 г. перешел на службу в Пермскую городскую управу, член управы. С 29 января 1906 г. по 23 июня 1916 г. был городским головой, покинул пост по болезни. В январе 1906 г. принимал участие в организации Пермского отделения партии кадетов, но после избрания городским головой стал монархистом. Активный участник общественной жизни, член многих комиссий и комитетов. В 1916-1919 гг. П. А. Рябинин находился на пенсии. Летом 1919 г. эвакуировался из Перми вместе с отступавшими белыми войсками, вернулся в Пермь в 1921 г.

⁴ Освобождение России. 1919. 19 февр.

⁵ **Кузнецов Михаил Михайлович** (10.10.1875, Соликамск – после 1919), политический деятель, кадет. Преподаватель пермской мужской гимназии и Александровской женской гимназии. С 1911 г. помощник присяжного поверенного в Пермском окружном суде, затем присяжный поверенный. В ноябре 1917 г. выдвигался от партии кадетов в члены Всероссийского учредительного собрания, но не набрал голосов. В 1919 г. (при белых) присяжный поверенный. В январе-июне 1919 г. – редактор газеты «Свободная Пермь» (затем «Современная Пермь»). Покинул Пермь вместе с отступающими белыми войсками.

⁶ **Ширяев Александр Евстафьевич** (9.8.1882, с. Бикбарда, Осинского уезда Пермской губ. – после 1935), государственный и общественный деятель, эсер. В 1915-1917 гг. – председатель Пермского областного военно-промышленного комитета. С 5 марта – тов. председателя Пермского комитета общественной безопасности, пермский губернский комиссар (с 23 марта 1917 г.), затем пермский городской голова (с 20 мая 1917 г. до марта 1918 г.). Одновременно – гласный Пермской городской думы. Летом 1918 г. выехал в Сарапул по служебным делам; некоторое время жил в Екатеринбурге и Карабахе. Вернулся в Пермь вместе с белыми, вновь стал городским головой (январь-июнь 1919 г.), одновременно гласный Пермского губернского земского собрания. Член партии эсеров (1917-1919). Летом 1919 г. эвакуировался с отступавшими белыми войсками в Сибирь.

⁷ Свободная Пермь. 1919. 18 февр.

⁸ **Эпов Михаил Васильевич** (8.11.1868 – 26.06.1921). Родился в Нерчинске. 29 декабря назначен начальником гарнизона г. Перми. С 11 января 1919 г. – начальник 2-й Сибирской стрелковой дивизии, с 20 февраля – начальник штаба 2-й Сибирской стрелковой дивизии.

⁹ **Пепеляев Анатолий Николаевич** (1891-1938), генерал-лейтенант. В армии адмирала Колчака – командир 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса Сибирской армии (13.06.1918 – 25.04.1919). Освободитель г. Перми от большевиков (24-25.12.1918). За взятие Перми произведен в генерал-лейтенанты и награжден французским Военным крестом (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью (09.04.1919). Командующий Северной армейской группой войск Сибирской армии, затем командующий 1-й Сибирской армией. Расстрелян в Новосибирской тюрьме по постановлению тройки УНКВД по Новосибирской области от 07.12.1937. Реабилитирован 16.01.1989.

¹⁰ **Мартьянов Александр Александрович**. Родился в 1881 г. в г. Николаеве. Генерал-майор, директор канцелярии Верховного правителя Главного военно-судебного управления.

¹¹ **Супрунович Дмитрий Михайлович**. Родился в 1882 г. в Седлецкой губ. Участник Белого движения на востоке России.

¹² **Лорис-Меликов Иосиф Григорьевич** (1860-1950), царский дипломат в Швеции и Норвегии, масон. На 26 ноября 1917 г. – царский посол в Сиаме.

¹³ **Ауслендер Сергей Абрамович** (1886-1943), журналист омской газеты «Отечественные ведомости», писатель; первый биограф А. В. Колчака. Автор брошюры «Верховный правитель Адмирал А. В. Колчак» (Омск, 1919), продававшейся в Перми по 20 копеек; желающие могли приобрести эту брошюру в конторе газеты «Современная Пермь» (дом Губернского правления). В 1937 г. Ауслендер был арестован, а 3 января 1943 г. расстрелян.

¹⁴ В собрании **Пермской государственной художественной галереи** находятся 15 работ художника **Тимирёва Владимира Сергеевича** (1914-1942), сына гражданской жены А. В. Колчака. В следственных документах Колчака Владимир фигурирует в качестве пасынка адмирала. В каталоге «Русской оригинальной графики 1920-1930-х годов», изданном в 2002 г. Пермской государственной художественной галереей, помещена информация о В. С. Тимирёве и его семи работах; опубликован «Пейзаж с мостиком» (1936). График, акварелист, иллюстратор, художник игрушки, В. С. Тимирёв работал в Загорском институте игрушки; жил в Кисловодске (1918-1922), в Москве (с 1922 г.). Персональные выставки: 1934 г., Москва. Владимир Тимирёв был арестован в 1938 г. в Москве, попал на Север, на лесоповал. Посмертно реабилитирован без указания даты смерти.

¹⁵ **Борис** (1874-1937), епископ Пермский и Кунгурский, в миру Шипулин Владимир Павлович. 18-19 января 1923 г. был судим в Перми, где ему припомнили встречу адмирала Колчака и то, что он «морально и материально поддерживал правительство Верховного правителя». Государственный обвинитель потребовал высшей меры наказания. В итоге был приговорен к семи годам строгой изоляцией, но в силу ряда предшествующих амнистий срок сократили до двух лет с учетом предварительного заключения. Освобожден в 1923 г. В 1924-1927 гг. отбывал ссылку в Харькове. В октябре 1927 г. вновь арестован. Отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), потом ссылку в г. Муроме Горьковского края. В июле 1937 г. был арестован за создание «контрреволюционной церковно-монашеской организации», ставившей своей целью активную борьбу с советской властью, свержение существующего строя и возврат к капитализму. Владыка Борис был приговорен ОСО (осо-

бым совещанием) к расстрелу, место его захоронения – г. Ташкент. Протопресвитер М. Польский, узник Соловков с 1924 г. сообщает, что епископ Борис (Шипулин), викарий Каменец-Подольский, расстрелян около 1938 г.

¹⁶ **Урбанковский Евгений Иосифович**. Родился 23 марта 1896 г. в Екатеринославе. 25 декабря 1918 г. батальон капитана Урбанковского захватил железнодорожный мост через р. Каму и выбил красные части со станции Пермь II, за что был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и внеочередным званием полковника. В январе 1919 г. командовал группой войск, которая заняла Нытву, Верещагино и село Дворец. В начале февраля 1919 г. формировал 1-ю Сибирскую штурмовую бригаду. Погиб под с. Дворец Оханского уезда 11 марта 1919 г. Похоронен в г. Томске.

¹⁷ **Шаров Василий Степанович**. Родился 25 декабря 1863 г. в г. Вольске Саратовской губернии. В ноябре 1918 г. получил назначение во 2-ю Сибирскую стрелковую дивизию командиром 2-й бригады. 25 января 1919 г. генерал-майор Шаров назначен командующим Пермской Сибирской дивизии. С мая 1919 г. – генерал для поручений в штабе Сибирской армии.

¹⁸ Освобождение России. 1919. 20 февр.; Свободная Пермь. 1919. 20 февр.

¹⁹ Освобождение России. 1919. 20 февр.

²⁰ **Макухин Сергей Григорьевич** (1879-1924). Эсер. Учитель истории и латинского языка гимназии Циммерман в Перми. Гласный городской думы, член культурно-просветительной комиссии городской управы (1917), председатель городской думы (1919), входил в Пермский городской учительский союз. В мае 1919 г. редактор газеты «Народная мысль».

²¹ Освобождение России. 1919. 20 февр.

²² Сибирские стрелки, Пермь. 1919. 22 февр.

²³ Освобождение России. 1919. 22 февр.

²⁴ **Пашихина Татьяна Ивановна** (скончалась в 1944 г. в Перми). Урожденная Шипулина. В 1906-1912 гг. начальница Мариинской женской гимназии, ранее окончила эту гимназию. Преподавала в гимназии естественную историю и педагогику. Благодаря ее трудам (сбору средств) в Нижней Курье в 1911 г. построена дача для «недостаточных» учениц гимназии. Перед войной (1941) работала секретарем РайОНО; жила на улице Большевикской, 39. Похоронена на Егошихинском кладбище.

²⁵ **Соснин Яков Александрович** (1870-1949, Пермь). Бухгалтер Пермской губернской земской управы; личный почетный гражданин. Имел собственный дом в Перми (ул. Чердынская, 16). Похоронен на Егошихинском кладбище.

²⁶ **Хитрин**, помощник уполномоченного министра народного просвещения при А. В. Колчаке.

²⁷ **Дымецкий Виктор Владиславович**, преподаватель русского языка и словесности, латинского языка в 1-й Пермской мужской гимназии. Проживал по адресу: Вознесенская, 57.

²⁸ **Орлов Григорий Александрович**, педагог. В 1891-1898 гг. преподаватель словесности, истории и географии Мариинской женской гимназии, Алексеевского реального училища (1902), гимназии Циммерман (с 1911 г. – ее директор). Один из учредителей Пермского общества любителей живописи, ваяния и зодчества (1909).

²⁹ Освобождение России. 1919. 20 февр.

³⁰ **Гайда Рудола** (14.02.1892, Югославия – 15.04.1948, Прага). По национальности чех. Участник Первой мировой войны, прапорщик австрийской армии. Попав в плен, перебрался в Россию, где в 1917 г. был назначен командиром батальона 2-го стрелкового полка формируемого Чехословацкого корпуса. Под его командованием восточная группа чехословацких войск в июле 1918 г. заняла г. Иркутск, Верхнеудинск и Читу. С сентября того же года – генерал-майор и командир 2-й Чехословацкой дивизии, с октября командовал Екатеринбургской группой войск Временного Сибирского правительства, а с декабря – Сибирской армией войск А. В. Колчака. За взятие Перми произведён в генерал-лейтенанты, награждён английским и французским орденами, а затем орденом Святой Анны I степени. В мае 1919 г. вступил в конфликт с А. В. Колчаком, был отстранён от командования армией, уволен из неё, переведён в командный резерв Чехословацкого корпуса и лишён чина генерал-лейтенанта. После подавления ноябрьского 1919 г. антиколчаковского восстания во Владивостоке, одним из руководителей которого он являлся, выслан на родину.

³¹ **Постников Сергей Семенович** (1870 – ?). Инженер. В августе 1918 г. назначен товарищем (заместителем) главноуправляющего торговлей и промышленностью Временного областного правительства Урала. С декабря 1918 г. назначен главным начальником Уральского края. Уволен в связи с ликвидацией должности в апреле 1919 г. В мае 1919 г. являлся доверенным лицом по делам семи Уральских горных округов, а с 1 августа 1919 г. вступил в управление делами и имуществом Богословского горнозаводского акционерного общества и Алтайских угольных копей, находящихся в Томской губ.

³² **Чистосердов Николай Павлович** (1886, Рязанская губ. – 31.01.1948, Харбин). В марте 1917 г. Чистосердов был избран членом Пермского губернского комитета кадетов и председателем литературно-издательской комиссии при этом комитете, а также членом Екатеринбургского комитета общественной безопасности. В 1918-1919 гг. был активным участником антибольшевистского движения. В начале 1919 г. занимал должность губернского комиссара, а затем управляющего Пермской губернией. С 1920 г. жил в Харбине.

³³ Освобождение России. 1919. 21 февр.

³⁴ Свободная Пермь. 1919. 26 марта.

³⁵ Свободная Пермь. 1919. 20 марта.

³⁶ Освобождение России. 1919. 26 февр.; Свободная Пермь. 1919. 26 марта.

³⁷ Освобождение России. 1919. 16 марта.

³⁸ **Кузьменко Дмитрий Николаевич** (19.10.1886, Томск – 06.11.1920, Омск). С 30 октября 1918 г. командир 5-го Томского Сибирского стрелкового полка. С 7 декабря командир группы войск (5-й Томский полк, 1-й Сибирский штурмовой батальон и два эскадрона Томского гусарского полка), наступающей на Пермь с юго-востока. За Пермскую операцию награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. и произведен в генерал-майоры. С 27 мая 1919 г. помощник начальника 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В январе 1920 г. попал в плен под Красноярском, скрыл свой чин. Работал санитаром 6-го Канского госпиталя. 27 апреля 1920 г. арестован особым отделом 5-й армии. 5 ноября 1920 г. приговорен к расстрелу.

³⁹ **Тонгузов И. А.** Под Нытвой: Из истории гражданской войны на территории Нытвенского р-на. – Нытва, 2003. – С. 174.

⁴⁰ Сибирские стрелки. 1919. 25 февр.

⁴¹ Освобождение России. 1919. 12 февр.

⁴² **Синакевич Николай Александрович**, врач, доктор медицины, сын городского головы. Окончил медицинский факультет Казанского университета. В 1899 г. женился на дочери Пермского губернского врачебного инспектора Вере Петровне Шипулиной. Санитарный врач городской управы г. Перми (1912). Член местного управления Российского общества Красного Креста (1912). В 1914 г. старший врач этапного госпиталя Красного Креста на театре военных действий. Дослужился до звания профессора в Пермском университете. Имел дом в Перми (угол Пермской и Обвинской улиц, 9/50).

⁴³ ГАПК. Ф. р-732. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

⁴⁴ Были награждены стрелки: Мещеряков Сысой Карпович, Печенкин Степан, Котлов Григорий Михайлович, Плотников Игнатий Вахромеевич, Ширшов Александр Федорович, Сашенко Игнатий Антонович, Клепсов Григорий Исаакович.

⁴⁵ **Гинс Г. К.** Сибирь, союзники и Колчак. – М., 2007. – С. 343.

⁴⁶ **Пономарев Михаил Александрович** (1863-1921), врач, двоюродный брат В. И. Ленина. Окончил медицинский факультет Казанского университета. 33 года трудился в Прикамье, первые 15 лет работал земско-заводским врачом Пермского уезда. С 1907 г. терапевт Александровской больницы и одновременно школьный врач Пермских ремесленных учебных мастерских. В 1918 г. возглавил Александровскую больницу и до конца дней работал в ней главным врачом. Скончался 1 февраля 1921 г. на службе от тяжелой должностной перегруженности.

⁴⁷ Освобождение России. 1919. 26 февр.

⁴⁸ **Нокс Альфред Уильям** (30.10.1870 – 9.03.1964), британский генерал, участник гражданской войны в России. В 1911-1918 гг. был британским военным атташе в России. Во время 1-й мировой войны находился в русской действующей армии. Личный друг Колчака. Стоял во главе снабжения армий Колчака.

⁴⁹ **Жанен, Пьер-Тибо-Шарль-Морис** (19.10.1862 – 28.04.1946), французский военный деятель и дипломат, участник гражданской войны в России. 24 августа 1918 г. был назначен командующим войсками Антанты в России. С ноября 1918 г. начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России. 16 декабря 1918 г. прибыл в Омск. С января 1919 г. представитель Высшего межсоюзного командования. Занимал неблагоприятную, а затем и враждебную позицию по отношению к А. В. Колчаку и белому движению в целом. В 1920 г. вернулся во Францию.

⁵⁰ **Фон Будберг Алексей Павлович** (21.05.1869 – 15.12.1945). В начале 1919 г. был вызван из Харбина в распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. 3 мая 1919 г. назначен главным начальником снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем. С 23 мая 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего.

го. С 27 августа 1919 г. военный министр. 5 октября 1919 г. в связи с болезнью был отчислен от занимаемой должности и вывезен в Харбин для лечения. Начальник штаба Приамурского ВО (19.11.1919 – 31.01.1920). Эмигрант. Жил в Японии, Китае, США (с 1923 г.). Умер в г. Сан-Франциско.

⁵¹ **Дутов Александр Ильич** (1879-1921). С октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией. За взятие Орска (октябрь 1918 г.) получил чин генерал-лейтенанта. 20 ноября 1918 г. одним из первых признал верховную власть адмирала А. В. Колчака. В январе 1919 г. Отдельной Оренбургской армии Дутова пришлось оставить Оренбург. К марту 1919 г. казаки перешли в наступление на Оренбург, который так и не удалось взять. 11 апреля 1919 г. Дутова зачислили в корпус офицеров Генерального штаба.

⁵² Современная Пермь. 1919. 1 июня.

⁵³ Отечественные ведомости, Екатеринбург. 1919. 1 июня.

⁵⁴ **Пепеляев Виктор Николаевич** (1884, Томск – 7 февр. 1920, Иркутск). После Октябрьской революции оказался в первых рядах борцов с советской властью. Весной 1918 г. вошёл в московский «Национальный центр» и в «Союз возрождения России». Летом отправлен в Сибирь по заданию «Национального центра» и ЦК кадетов. С весны 1919 г. министр внутренних дел, член Совета Верховного правителя.

⁵⁵ Освобождение России. 1919. 3 июня.

⁵⁶ *Князев*. Жизнь за всех и смерть за всех. <http://east-front.narod.ru/memory.htm>

⁵⁷ Цит. по: *Будберг А.* Дневник. – М., 1990. – С. 271, 272.

Л. А. Обухов

ПЕРМСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДОМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ул. Сибирская, 65)

В 1871 г. за городом на Сибирском тракте был построен пересыльный замок (тюрьма) для этапированных заключенных. Позднее пересыльный замок был преобразован в Исправительное арестантское отделение (ИАО). В отличие от тюрьмы, где заключенные работали по желанию, в ИАО, как и на каторге, труд был обязателен.

В Российской империи большинство тюрем находилось в ведении Главного тюремного управления (ГТУ) Министерства юстиции. После Февральской революции ГТУ было переименовано в Главное управление местами заключения (ГУМЗ), а его местные органы стали именоваться тюремными инспекциями. После захвата власти большевиками Министерство юстиции было переименовано в Наркомат юстиции, в ведении которого осталось ГУМЗ. Однако в первые месяцы большевики не уделяли внимания местам заключения. Только в апреле 1918 г. НКЮ распустил ГУМЗ и образовал вместо него Центральный карательный отдел (ЦКО) ¹.

На местах реорганизация пенитенциарных учреждений проходила ещё медленнее, тем более что первое время ЦКО почти не имел связи с провинцией. До лета 1918 г. В Прикамье продолжали действовать старые структуры: тюремные инспекции, губернская и уездные тюрьмы.

В условиях режима Верховного правителя А. В. Колчака в Перми действовали и губернская тюрьма, и Исправительное арестантское отделение.

Система пенитенциарных учреждений в соответствии с указаниями НКЮ и ЦКО на территории Пермской губернии начинает создаваться после восстановления советской власти летом 1919 г. 1 июля части Красной армии заняли Пермь. Уже с 6 июля 1919 г. начался прием на работу в Пермскую губернскую тюрьму ². То же самое, вероятно, происходило и с ИАО, поскольку на 16 июля в нем содержалось уже 194 заключенных ³. Состав служащих в большинстве остался прежним. На конец июля из 37 служащих ИАО 21 человек – работали надзирателями при белых ⁴. До середины августа 1919 г. сохранялось прежнее название пенитенциарных учреждений в Перми. 15 августа состоялось объединенное заседание судебных учреждений г. Перми, на котором было принято решение переименовать Пермскую губернскую тюрьму в Пермский исправительный рабочий дом № 1 (ИРД), а ИАО – в ИРД № 2 ⁵. Первым начальником Исправдома № 2 был назначен Г. П. Кропотухин, 28-ми лет, член РКП(б), окончивший 3-х классное городское училище, работавший до эвакуации Перми учителем пения.

Первое время начальники Исправдома менялись часто. Так, Г. П. Кропотухин в сентябре 1919 г. был отозван в распоряжение губкома РКП(б), а на его место с 3 октября назначен А. Г. Ширяев, занимавший должность помощника начальника Исправдома, бывший рабочий Мотовилихинского завода, член партии, имевший начальное образование. В ноябре 1919 г. А. Г. Ширяев был призван в армию, и на его место назначен помощник начальника Исправдома № 1 А. В. Хухарев, бывший слесарь Мотовилихинского завода, член партии. 5 марта 1920 г. А. В. Хухарев освобожден от должности в связи с переходом в Отдел народного образования для руководства работой учебных мастерских ⁶.

При ИРД № 2 имелся околоток (санчасть) на 9 кроватей и фельдшер. Неизбежным спутником войн, особенно гражданских, являются эпидемии. Тем не менее, в местах заключения в Перми удалось избежать массовых эпидемий. Наиболее распространенными из заразных заболеваний являлись чесотка и венерические болезни. Случаи сыпного и возвратного тифа были единичны. Первый случай сыпного тифа в Исправдоме был зафиксирован 24 августа. В дальнейшем заболевания тифом фиксировались ежемесячно по 1-2 случая ⁷.

10 октября 1919 г. начальник губернского карательного отдела В. П. Думченко «сообщил временные пищевые раскладки для здоровых и больных заключенных». По этим «раскладкам» здоровым заключенным в день полагалось: 1 фунт (409 г) черного хлеба, 200 г. голов или мяса 2-го сорта для супа, 150 г крупы, 21 г картофеля, 13 г муки, 17 г сала говяжьего (или 13 г свиного или 8,5 г масла постного), 38 г соли. Для выводимых на работы добавлялось 200 г хлеба в день каждому. При отсутствии картофеля его заменяли 13 г крупы⁸. Предлагаемые нормы близки к штрафным нормам ГУЛАГа, а по некоторым параметрам даже ниже их, за исключением голов и мяса для супа. Но и эти нормы практически не соблюдались. Чтобы избежать голода в местах заключения, власти разрешили передачи. Однако все продукты, поступавшие в результате передач с воли, сдавались в общий котел и затем уже распределялись поровну среди заключенных. Продукты, приносимые больным, в общий котел не сдавались, а передавались конкретным лицам. Больные, получающие регулярные передачи, снимались с казенного пайка⁹. Таким образом власти решали проблему содержания заключенных. Часть узников были из других губерний, с Дона, Терека, Кубани, поэтому общий котел для них был спасением от голода.

Через полтора года положение с питанием несколько изменилось, но нельзя сказать, что оно улучшилось. В мае 1921 г. хлеба по-прежнему выдавали по 1 фунту, но работающие на легких работах получали дополнительно 200 г, а на тяжелых – до 400 г. Горячую пищу готовили раз в день на обед, который состоял из мучной болтушки (100 г муки на человека). Ни жиров, ни пряностей не отпускалось. Изредка варился суп из мясного сбоя по 50-100 г на заключенного. Норма соли, которая использовалась для выпечки хлеба и приготовления пищи, составляла 21 г, два раза в день выдавался кипяток. К осени положение с продовольствием ухудшилось. Голод 1921 г. сказался и на местах заключения. Предписания центра о повышении производительности труда, введении сверхурочных работ в пользу голодающих оказались невыполнимыми. На протяжении некоторого времени заключенным вообще не выдавался хлеб, лишь в отдельные дни выдавали по 100 или 200 г. Людей приходилось кормить одной картошкой, запасов которой было недостаточно¹⁰.

ИРД № 2 состоял из главного каменного корпуса, в котором было 10 камер, рассчитанных на 12-30 человек; барака, разделенного на 6 камер на 40-56 человек; бани, кухни, хлебопекарни, складов, квартир для администрации. В камерах каменного корпуса и 4-х камерах деревянного были установлены железные подъемные кровати с натянутыми брезентовыми чехлами. В остальных камерах установлены деревянные решетчатые подъемные кровати с набитыми соломой матрасами. В Исправдоме имелись мастерские: сапожная, рассчитанная на 20 человек, портновская – 5 человек, столярная – 3 человека и кузни-

ца 2 человека, и др., а также прачечная и огород (см. схему). Часть заключенных направлялась на работы в различные учреждения. В ноябре 1920 г. был открыт в новом недостроенном корпусе «машиностроительный завод № 7», состоящий в ведении отдела Металла. Работали на заводе только заключенные ИД. Численность заключенных планировалась на заводе до 200 чел, но на практике организовали работы только на 90 чел. Заводу требовалось 30 слесарей, 25 токарей, 7 кузнецов, 15 литейщиков и формовщиков, 2 электромонтера, 3 техника, 2 чертежника и 31 рабочий других специальностей. В феврале 1921 г. в ИРД имелось 6 электромонтеров, 3 механика, 3 токаря, других специалистов не числилось. В последующие месяцы положение с кадрами не изменилось. Для поднятия производительности труда на заводе рекомендовалось по отношению к заключенным, работающим на нем, осуществить ряд мер: 1) гарантии возможности их досрочного освобождения; 2) гарантия принятия в учет их работы при очередных амнистиях; 3) предоставление заключенным-рабочим отпуска 1-2 раза в неделю и права свиданий и передач ежедневно, ...выдача заработанных денег полностью¹¹.

Вероятно, новым словом в пенитенциарной системе явилось создание т. н. «коллективов заключенных», т. е. попытка введения элементов самоуправления в местах заключения. Губернская распределительная комиссия при карательном отделе в начале 1920 г. утвердила права и обязанности «коллектива»:

- 1) следить за чистотой;
- 2) следить за порядком;
- 3) прекращать ссоры между заключенными;
- 4) следить за правильной передачей продуктов, причем следить, чтобы при передаче продуктов не передавались письма;
- 5) заведывание библиотекой;
- 6) забота о постановке спектаклей, лекций и чтений;
- 7) следить за правильностью распределения хозяйственных работ.

За неисполнение правил члены «коллектива» подлежали следующим наказаниям: 1) лишение свиданий; 2) лишение права переписки; 3) лишение права получения передачи; 4) лишение свободы (одиночное заключение); 5) привлечение к исполнению тяжелых работ. Обо всех нарушениях правил «коллектив» должен был доносить администрации и указывать желательную меру наказания¹². Обязательным для заключенных было обучение грамоте. В Исправдоме № 2 почти ежедневно проходили митинги, на которых заключенные-коммунисты разъясняли вопросы текущего момента, политику правительства. Здание закрытой церкви использовалось как театр, в котором почти каждую неделю давались спектакли силами заключенных. Однако деятельность «коллективов», по понятным причинам, не встретила поддержки у основной массы заключен-

ных и оказалась недолгой. Тем не менее, после смерти Сталина в местах заключения появились «активы», секции общественного порядка» и т. п. структуры из заключенных, готовых сотрудничать с администрацией.

В 1921 г. при ИРД № 2 существовала камера для несовершеннолетних, которая в 1922 г. была реорганизована в «Учреждение принудительного воспитания «Реформаториум»¹³.

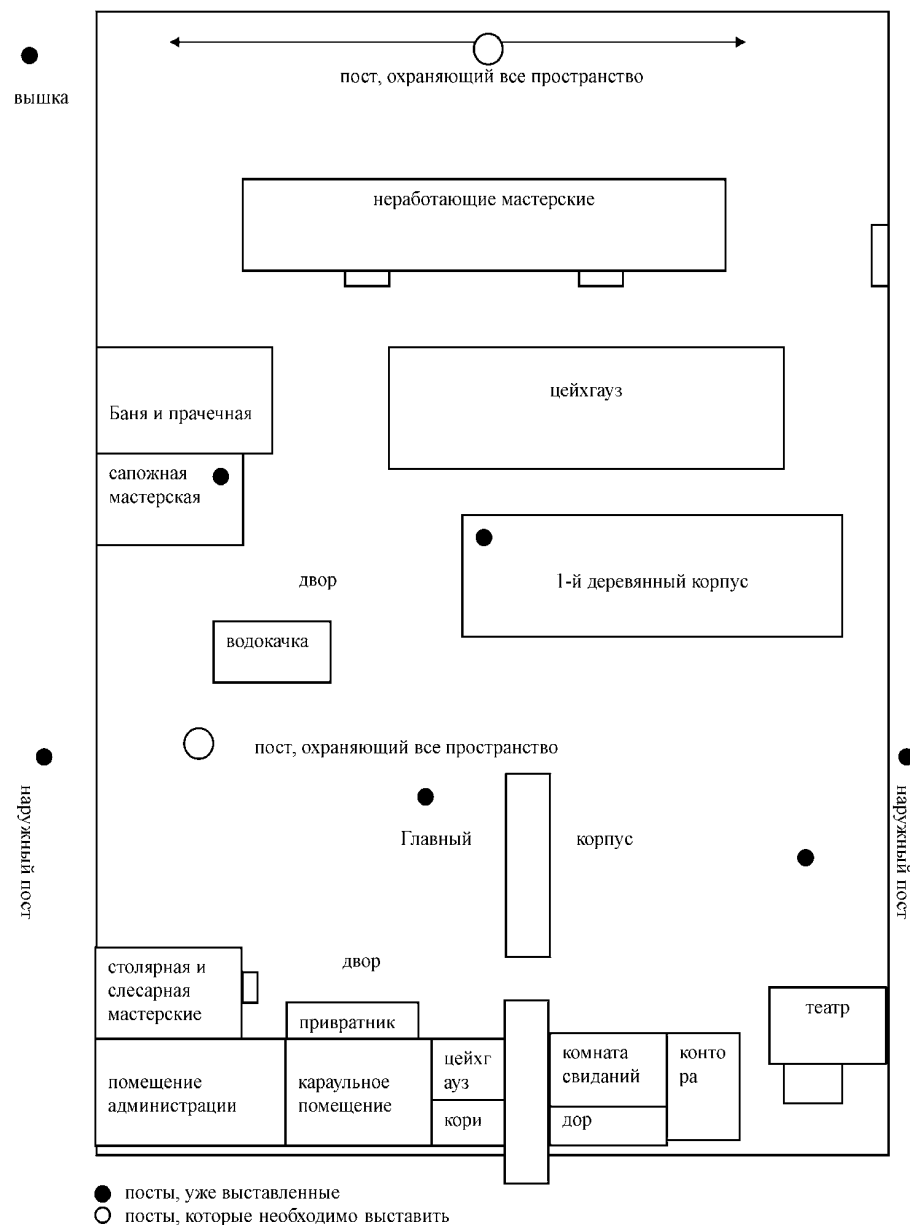
Штатная численность заключенных Исправдома составляла 454 человека, но она не соблюдалась. Так, на январь 1921 г. в ИРД содержалось 504 заключенных, а на июль – 392¹⁴.

В ИРД № 2 содержались заключенные, обвиняемые в самых разных преступлениях: за кумышкование, игру в карты, расхищение казенного имущества, спекуляцию; а также за притеснение коммунистов, службу у белых, распространение ложных слухов, дезертирство, пьянство и т. д. Сроки заключения тоже были самыми разными: от двух недель (за хищение бидона с маслом) – до времени окончания гражданской войны.

22-23 июня 1921 г. ИРД № 2 посетили представители Наркомата юстиции Лисицын и ВЧК Скрамэ. Они отметили среди заключенных группу крестьян (6 человек), осужденных за отказ подчиниться декретам советской власти о переписи, гужевой повинности и т. д. Эти заключенные, считая себя православными крестьянами, отказывались от какой бы то ни было работы из религиозных убеждений; заявляя, что не будут работать на коммуну и на коммунистов, так как попирается православная церковь. Трудовой фронт они считали борьбой Советской власти против веры, так же как и гражданскую войну. По мнению представителей центра, эти крестьяне, как контрреволюционеры, весьма опасные в политическом отношении и «по своему влиянию на крестьянство, несмотря на их тупой фанатизм, не могут быть причислены к сектантам и должны содержаться по приговору Народного суда на общих основаниях»¹⁵. На основании словесных и письменных заявлений комиссия представила председателю ВЦИК список из 75 человек, которым рекомендовалось либо снизить срок, либо освободить из заключения. Основную массу в списке составляли лица, осужденные за дезертирство, но были и за «историческую контрреволюцию», за варку самогона, за «контрреволюционную воркотню» и т. д. М. И. Калинин этот список утвердил.

В 1923 г. ИРД № 1 стал именоваться Домом заключений, в котором содержались следственные заключенные и те, кто получил срок до 6 месяцев. В ИРД № 2 содержались срочные заключенные, имевшие срок более 6 месяцев. С середины 1930-х гг. ИРД стал называться «тюрьмой НКВД № 2», а накануне войны – «Промышленная колония № 1». В начале 1950-х гг. колония была перестроена, и в ней обособился кукольный театр.

II Исправительный Рабочий дом¹⁶

¹ *Джекобсон М., Смирнов М. Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. – М., 1998. – С. 10-11.

² ГАПК. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 2. Л. 39.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 28-30.

⁵ Там же. Л. 68.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 383. Л. 1-4; Д. 379. Л. 2-10.

⁷ См.: Там же. Оп. 1. Д. 10.

⁸ Там же. Д. 21. Л. 3.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 64, 130.

¹¹ Там же. Л. 2; *Обухов Л. А., Рубинов М. В.* Место и роль труда заключенных в период складывания советской пенитенциарной системы 1918–1921 гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е гг.). – Нижний Тагил, 1997. – С. 79.

¹² ГАПК. Ф. р-320. Оп. 2. Д. 1. Л. 4-5.

¹³ Там же. Ф. р-56. Оп. 3. Д. 28. Л. 144.

¹⁴ Там же. Ф. р-320. Оп. 1. Д. 33. Л. 133; Оп. 2. Д. 8. Л. 7.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 5.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 26.

В. Д. Инзельберг

КОРПУС ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИНСТИТУТА, ГДЕ РАБОТАЛИ УЧЕНЫЕ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Под таким названием корпус, расположенный на территории университетского городка в микрорайоне Заимка, зарегистрирован в документах краевого Научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия). Здание находится под охраной государства как объект культурного наследия регионального значения. Присутствующие в названии объекта слова «где работали ученые ПГУ» подчеркивают прежде всего мемориальный аспект. Правда, точнее было бы сказать: «жили и работали», так как в 1916-1921 гг. преподаватели университета жили здесь, а работа ученого не регламентирована рабочим днем и определенным рабочим местом. В конце 1980-х гг. ректор Пермского университета В. П. Живописцев писал, что «это старинного кирпича двухэтажное здание, которое занимает институт сейчас, не всегда ему принадлежало. Помещение институт получил лишь в 1930 году. 5 комнат – это все, что мог выделить университет в то время»¹. Полностью здание перешло в распоряжение института во второй половине

1960-х гг. Необходим дополнительный поиск документов, позволяющих уточнить характер использования помещений корпуса. Но и после получения отдельного здания ряд лабораторий Института оставался в других корпусах университета.

В Пермском университете, основанном в октябре 1916 г., несмотря на тяжелую организационную работу в военное и революционное время, во всех лабораториях шла непрерывная научная работа. Потребность в живом научном общении поставила вопрос об организации научного общества и семинариев при отдельных кафедрах. Так возникли Общество естествоиспытателей, учрежденное в 1917 г., и Семинарии гистологический и зоологический (1921 г.). Группой учредителей Общества естествоиспытателей была организована под Пермью, в Нижней Курье на Каме Биологическая станция, которая вела гидробиологические наблюдения р. Камы и прилежащих водоемов. Намечалась еще одна тенденция – концентрация в Перми групп научных работников, объединившихся вокруг определенных кафедр.

Пермский университет стал центром притяжения выдающихся ученых всех специальностей, но именно биологи блистали наиболее ярко в этой плеяде. Когда в народном комиссариате просвещения возник вопрос об учреждении при университетах научно-исследовательских институтов, в Пермском университете были налицо все условия для развития такого предприятия. Создание при нем выше перечисленных структур, появление научных кадров стали предтечей Биологического научно-исследовательского института. Физико-математический факультет ходатайствовал перед Главнаукой об учреждении при Пермском университете нескольких исследовательских институтов (астрофизического, биологического и экспериментальной медицины), из которых 28 ноября 1921 г. был учрежден лишь один – Биологический.

Учредителями Биологического научно-исследовательского института и первыми утвержденными действительными членами были: Д. В. Алексеев, В. Н. Беклемишев, Б. Ф. Вериги, А. А. Заварзин, В. М. Здравосмыслов, А. Г. Генкель, А. И. Луньяк, А. А. Рихтер, Д. М. Федотов, В. К. Шмидт; а среди 16-ти первых утвержденных научных сотрудников мы видим имена Е. С. Данини, А. А. Любищева, Ю. А. Орлова, Д. А. Сабина, П. Г. Светлова, П. В. Сюзёва, А. О. Таусон и других². В документах ПКЦОП представлен дополненный список имен, подлежащих мемориальной охране. В него включены А. И. Букирев, М. И. Меньшиков, А. И. Оборин, А. М. Овёснов, А. Н. Пономарев³. В то же время ряд имен действительных членов института исключен из списка, и нет ни одной фамилии из числа первых научных сотрудников. Видимо, в Пермском университете пока не наступила «минута памяти». Например, в этот список не включен А. А. Любичев, хотя сегодня его

относят к числу высочайших умов. Биографы говорят о феномене Любичева как о явлении исторической значимости. А начинал он в Пермском университете. Одно время возглавлял Биологическую станцию, читал курсы эволюционной теории, генетики, биометрии, зоологии, зоопсихологии, истории биологии и учения о сельскохозяйственных вредителях. В 1923 г. опубликовал статьи по теоретической биологии, где развивал мысли о закономерном ходе эволюции. Эти статьи, напечатанные в первых книжках «Известий»⁴ основанного при университете Биологического НИИ, привлекли внимание власть предержащих и вызвали недовольство, и когда ректорат и деканат Пермского университета выдвинули Любичева на должность профессора, ему со стороны высшей инстанции отказали в занятии какой бы то ни было должности в Пермском университете⁵.

Обращение современных исследователей к теме «Дома и люди» представляет не только научный и историко-культурный интерес, но и позволяет воздать должное тем, кто по различным причинам оказался недооцененным.

Здание ЕНИ подлежит не только мемориальной охране, но представляет собой и архитектурную ценность⁶. Оно построено в 1910-е гг. из полнотелого керамического кирпича на земельном участке купца Агафурова как жилой дом, который впоследствии стал составной частью историко-культурно-природной территории и комплекса памятников «Пермский университет».

Двухэтажное здание с цокольным этажом, прямоугольное в плане, ориентировано на юг. Главный южный фасад имеет трехчастное симметричное решение, акцентированное по центру фигурным аттиком. Центральная часть и углы фасада фланкированы филанчатыми лопатками. В центре второго этажа находился балкон, со временем разрушенный. Этажи разделены межэтажными поясками с филанками. Окна цокольного этажа не имеют обрамления, окна первого этажа с лучковой перемычкой и кирпичным наличником с «веерным замковым камнем»; окна второго этажа с прямой клинчатой перемычкой, кирпичным наличником и прямоугольным сандриком. Фасад не оштукатурен, кирпичная кладка выполнена «под руст» и побелена в два цвета. Восточный фасад имеет аналогичное оформление. К первому этажу пристроен теплый тамбур-вход. По красной линии к восточному фасаду примыкают кирпичные ворота, в проеме которых встроен магазин. Северный дворовый фасад выполнен аналогично главному, но с более скромной отделкой. Первый этаж имеет выступающие помещения-тамбуры. К западному фасаду примыкает новое здание ЕНИ, пристроенное в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., которое используется Пермским университетом для научно-исследовательских целей.

Корпусу Естественнонаучного института скоро исполняется 100 лет. Его история – это жизнь и судьбы людей науки, и часть истории развития науки в Пермском крае. В истории университета были моменты, когда именно Естественнонаучный институт становился главным хранителем университетской науки. Дав жизнь четырем вузам, Пермский университет оказался в сложном положении: новым вузам была передана часть оборудования, библиотечного фонда и помещений. Основной базой для дальнейшего развития университета стал Биологический научно-исследовательский институт, сохранивший научные кадры, библиотеку, оборудование, издательский центр. ЕНИ и сегодня занимает ведущее место в ряду научных направлений университета. Получили дальнейшее развитие традиционные научные школы, оформились новые направления. Научная жизнь института сегодня сосредоточена в симбиозе двух зданий, построенных в разные эпохи. Корпус Естественнонаучного института ждет своего биографа.

¹ Живописцев В. П. День открытых дверей: Пермскому государственному университету 70 лет. – Пермь, 1986. – С. 88.

² Шмидт В. К. Очерк возникновения и истории Пермского государственного университета и Биологического научно-исследовательского института // Известия Биологического научно-исследовательского института и Биологической станции при Пермском государственном университете. – 1927. – Т. 5, вып. 3-4. – С. 108.

³ Сведения о научной деятельности учредителей и первых научных сотрудников Института см. в изданиях:

Профессора Пермского государственного университета. – Пермь, 2001. – (Пермский университет в биографиях ученых).

Костицын В. И. Ректоры Пермского университета. 1916-2006: изд. 2-е, перераб. и доп. – Пермь, 2006. – (Пермский университет в биографиях ученых).

Вопросы общей зоологии и медицинской паразитологии: сб. ст. к 70-летию В. Н. Беклемишева. – М.: Медгиз, 1962.

Соловьева Н. С. Памяти Александра Ильича Букирева // Вопросы ихтиологии. – 1965. – Вып. 1. – С. 198-202.

Алфёров Н. В. Профессор Б. Ф. Вериги // Пермский медицинский журнал. – 1924. – Т. 2, № 1-2.

Ходоров Б. И. Выдающийся русский физиолог Б. Ф. Вериги // Журнал общей биологии. – 1951. – Т. 12, № 1.

Б. Ф. Вериги: жизнь и творчество / В. Р. Файтельберг-Блан, Н. И. Гуска. – Кишинев, 1975.

Генкель П. А. Александр Германович Генкель // Известия Биологического научно-исследовательского института и Биологической станции при Пермском государственном университете. – 1927. – Т. 5, вып. 7-8.

Николаев С. Ф. Доктор ботаники А. Г. Генкель. – Пермь, 1959.

**КОМПЛЕКС ЗДАНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ИСТОРИЕЙ ПЕРМСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ
(ул. Сибирская, 24, 26, 28)**

А. Г. Генкель: к 100-летию со дня рождения // Физиология и биохимия культурных растений. – 1972. – Т. 4, вып. 6.

Памяти академика А. А. Заварзина. – М.; Л., 1948.

Неемывака Г. А. Алексей Алексеевич Заварзин. – Л.: Наука, 1971.

Пестова Н. И. О пермском периоде научных исследований академика А. А. Заварзина и вкладе пермских гистологов и эмбриологов в эволюцию гистологии // Мезенхина и её тканевые производные в эволюции и онтогенезе. – Пермь, 1973.

Андрей Иванович Луньяк: биография и очерк трудов / В. С. Абрамов, А. Р. Вильчинская, В. А. Фриновская // Учен. зап. / Казан. ун-т. – 1957. – Т. 117, кн. 9.

Букирев А. И. Памяти Мартиниана Ивановича Меньшикова // Вопросы ихтиологии. – 1955. – Вып. 4.

Анатолий Николаевич Пономарев: к 60-летию со дня рождения / В. А. Верещагина, В. Ф. Шамурин // Ботанический журнал. – 1967. – Т. 52, № 9.

Памяти А. А. Рихтера: сб. работ. – М.; Л., 1949. – (Труды Института физиологии растений им. К. А. Тимирязева; Т. 6, вып. 2).

Андрей Александрович Рихтер // Докл. АН СССР. Новая сер. – 1947. – Т. 56, № 3.

Светлов П. Г. Дмитрий Михайлович Федотов: к 80-летию со дня рождения // Зоологический журнал. – 1968. – Т. 47, вып. 10.

Немилов А. В. В. К. Шмидт (1865-1932) // Природа. – 1933. – № 1.

Профессор Виктор Карлович Шмидт // Известия Биологического научно-исследовательского института при Пермском государственном университете. – 1934. – Т. 9, вып. 4-5.

⁴ Любичев А. А. О форме естественной системы организмов // Известия Биологического научно-исследовательского института и Биологической станции при Пермском государственном университете. – 1923. – Т. 2, вып. 3; Любичев А. А. Понятие эволюции и кризис эволюционизма // Известия Биологического научно-исследовательского института и Биологической станции при Пермском государственном университете. – 1925. – Т. 4, вып. 4.

⁵ Раиса Львовна Берг о А. А. Любичеве // Любичевские чтения, 14-е. – Ульяновск, 2002. – С. 5; Александр Александрович Любичев. 1890-1972. – Л.: Наука, 1982.

⁶ Автор благодарит заместителя директора КЦОП А. Б. Киселёва за предоставленные материалы.

В Перми сохранился уголок, связанный с историей пермского земства и агрономического факультета Пермского университета, в дальнейшем – Пермского сельскохозяйственного института. Речь идет о здании главного корпуса педагогического университета (ул. Сибирская, 24), зданиях по улице Сибирской, 26 и 28, химкорпусе Пермской сельскохозяйственной академии (ул. Краснова).

С историей земства тесно связаны два здания, строительство которых началось в 1913 г.: пермского земства (ул. Сибирская, 24) и центральной сельскохозяйственной опытной станции (ул. Краснова). Оба здания связаны с именем Владимира Николаевича Варгина, одного из первых губернских агрономов (1899-1913), создателя сети опытных учреждений Уральской области [1, 2].

В 1916 г. здание земства было подарено пермскому отделению Петроградского университета, несмотря на то, что еще не все строительные работы были завершены, и здание не было полностью освобождено. Агрономическому факультету, организованному в 1918 г., временно было предоставлено в нём несколько комнат. В марте 1923 г. в здании, занимаемом педагогическим и медицинским факультетами, размещалась часть лабораторий агрономического факультета [3].

Строительство опытной станции велось на «обширной усадьбе» земства, «пустыре» в 1914-1915 гг. Помимо здания здесь были размещены делянки и питомники, вегетационный домик [1, 2]. Директором станции с 1913 по 1920 гг. был В. Н. Варгин.

Пермская областная сельскохозяйственная станция также была подключена к образовательному процессу агрономического факультета ПГУ. С 1920 г. В. Н. Варгин стал исполнять обязанности профессора по созданной им кафедре экономики и организации сельского хозяйства [4]. Новый директор станции Н. Г. Кудрявцев, член совета университета, читал курс земледелия на агрофаке. На станции студенты проходили практику, им было разрешено в учебных целях закладывать опыты. С разрешения директора опытной станции летняя практика студентов впервые в 1922 г. проходила в учебном хозяйстве университета «Липовая гора» [5]. Здание опытной станции в декабре 1933 г. было передано Уральскому СХИ (Пермскому СХИ) [3]. Сегодня это – химический корпус (к. № 4) ПГСХА.

В распоряжении от 2 июня 1930 г. о «передаче-приеме» зданий Уральского СХИ из хозяйства университета здание станции не числилось, но оговаривалась часть домов по ул. Сибирской, принадлежавших ранее педагогическому факультету. Это жилые дома. Так, были переданы «дом деревянный одноэтажный на усадьбе ПГУ», занимаемый профессором Хребтовым (ул. К. Маркса, 26, сейчас это – ул. Сибирская, 28); дом по ул. К. Маркса, 26, где «квартиры занимал проф. Никитин ... доцент Горин»; дом № 22, освобожденный в связи с переездом в г. Троицк и. о. директора ветеринарного института т. Глебова Е. Я. [6].

Аристоклий Александрович Хребтов был приглашен в университет и переехал в город Пермь в апреле 1923 г. Он основал и возглавил кафедру частного растениеводства агрономического факультета. По словам краеведа Е. А. Спешиловой, семья Хребтовых проживала в доме по ул. Сибирской, 28, с 1924 г. [7]. От Энисы Владимировны Хребтовой, внучки Аристоклия Александровича, известно, что А. А. Хребтов жил по этому адресу до своей смерти в ноябре 1944 г. Семье предлагалась квартира со всеми удобствами, но А. А. Хребтов отказался переезжать, и тогда, в знак уважения к профессору, в дом была проведена вода. После смерти А. А. Хребтова его семья прожила в доме до 1950-х гг. (по свидетельству правнучки А. А. Хребтова – Нины Львовны). В этом доме 7 ноября 1936 г. родилась Эниса, любимица семьи. Здесь она обучалась музыке. Музыка постоянно жила в доме Хребтовых, к ней приобщались все гости. Здесь устраивались импровизированные концерты. Аристоклий Александрович обладал великолепным тенором, его репертуар был богат: от оперных арий до песен [8]. Жена его прекрасно аккомпанировала. Дом был всегда открыт и гостеприимен.

А. А. Хребтов любил свой дом еще и потому, что рядом с ним был разбит садик, где он разводил лекарственные растения. Аристоклий Александрович не только любил и знал флору Эстонии, Алтайского края, Сибири и Прикамья, он обладал фармацевтическими знаниями и преподавал на медицинском факультете ПГУ. Хребтов умело создавал настойки, лекарственные сборы. В архиве семьи хранилось письмо К. Г. Пысина, заместителя министра сельского хозяйства СССР, бывшего студента зоотехнического отделения (окончил УСХИ в 1931 г.) с благодарностью за излечение его от малярии [8]. Дом по ул. Сибирской, 28, интересен и тем, что, по-нашему мнению, именно около него была сделана очень важная для истории сельскохозяйственной академии фотография. В центре – академик Д. Н. Прянишников с А. А. Хребтовым; рядом с ними – Н. Д. Прянишников и сотрудники Пермской областной сельскохозяйственной опытной станции (они же – преподаватели агрономического факультета). Это В. А. Лобанов, А. П. Горин, Н. Г. Кудрявцев. Фотография относится к 1924 г. [8, 9].

Семья Хребтовых жила рядом с Домом ученых (ул. Сибирская, 26). Это здание, занимаемое сегодня факультетом иностранных языков Педагогической академии, имеет богатую историю. Здесь размещалось училище детей канцелярских служащих, а позднее работала Пермская губернская земская управа. У правнучки А. А. Хребтова хранится альбом с фотографиями здания, его внутренних помещений: библиотеки, биллиардной, зала заседаний. Дом ученых был центром распространения знаний, в том числе и сельскохозяйственных. Здесь проводили консультации ученые вузов города, в том числе ПСХИ. Одним из таких консультантов был А. А. Хребтов. Газета «Звезда» писала: «При Доме Ученых ... организовано справочное и лекторское бюро. ... Для устных переговоров бюро открыто ежедневно с 2 до 3 ч. дня» [11].

Во время Великой Отечественной войны в Доме Ученых размещался госпиталь. Маленькая девочка Эня Хребтова, внучка А. А. Хребтова, стала любимицей больных красноармейцев. Как рассказывала сама Эниса Владимировна в 2003 г., она часто сидела на заборе и распевала песни. Бойцы ее очень любили, баловали, стремились угостить, приласкать, одарить. Мама Эни – Агнесса Аристоклиевна Хребтова, преподаватель кафедры частного растениеводства, во время войны работала так же хирургической медсестрой в госпитале и писала диссертацию о культуре люцерны и ее распространении в северных районах.

Дом номер 26 по улице Сибирской, где были квартиры А. П. Горина, В. В. Никитина, А. В. Костюкова, имел трагическую историю. 15 июня 1930 г. здесь был арестован профессор, заведующий кафедрой почвоведения Василий Васильевич Никитин, реабилитированный в 1931 г. [12]. ... С его именем связано создание школы почвоведения на Урале, обследование обширной Уральской области [12, 13]. Он был знаком с Д. Н. Прянишниковым, учился у него. Они вместе работали в Московском сельскохозяйственном комитете [12]. Вера Александровна Никитина, жена В. В. Никитина, принимала Д. Н. Прянишникову на Липовой горе в 1925 г. [14, 15].

Много интересного скрывается за непритязательными, но милыми сердцу фасадами старых зданий. В зданиях на улице Сибирской жили и работали люди, составившие гордость сельскохозяйственной науки. По этим местам можно водить пешеходные экскурсии. Сад им. А. М. Горького тоже мог быть страничкой такой экскурсии: уже очень большого А. А. Хребтова в 1944 г. просили участвовать в его восстановлении.

1. Николаев С. Ф. Ученый-агроном В. Н. Варгин / С. Ф. Николаев. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – С. 41-47.

2. К истории Пермской государственной сельскохозяйственной опытной станции: сб. науч. тр. – Т. 1. / И. В. Захарченко, А. М. Медведев, В. И. Сергиенко, Е. И. Ткачук. – Пермь: Кн. изд-во, 1971. – С. 7-9.

3. 85 лет высшему агрономическому образованию на Урале. 1918-2003. – Пермь, 2003. – С. 6.
4. Личное дело В. Н. Варгина. Архив ПГСХА.
5. Приглашение на летнюю практику студентов. Музей ПГСХА.
6. Приказы Пермского сельскохозяйственного института за 1929-1931. – № 11-116.
7. *Спешилова Е. А.* Пишем историю / Е. А. Спешилова // Учитель. 1990. 16 мая.
8. Архив семьи Хребтовых.
9. Фотография на стенде, посвященном деятельности Д. Н. Прянишникова. Музей ПГСХА.
10. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723-1917 / Е. А. Спешилова. – Пермь, 1999. – С. 379-381.
11. Науку и технику – в массы: Институт консультаций при Доме ученых // Звезда. 1934. 3 апр.
12. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16209.
13. *Масалкин Н. К.* 40 лет Пермскому сельскохозяйственному институту имени Д. Н. Прянишникова / Н. К. Масалкин. – Пермь, 1958. – С. 27-28.
14. Архив семьи Никитиных-Чирковых.
15. *Жаворонкова Г. И.* Д. Н. Прянишников и ученые агрономического факультета ПГУ: 20-е гг. / Г. И. Жаворонкова // Пермский аграрный вестник. 2008. Ч. 2. С. 372-377.

О. Д. Гайсин

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ «ДОМА ЧЕКИСТА» (ул. Сибирская – К. Маркса, 30)

Здание по адресу г. Пермь, ул. Сибирская, 30, отнесено к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) регионального значения под названием жилой комплекс «Дом чекистов» в соответствии с распоряжением губернатора Пермской области от 05.12.2000 г. № 713-р¹.

Здание находится в Свердловском районе г. Перми, в 148 квартале, на месте бывшей Сибирской заставы, обозначавшей до 1824 г. южную границу города. Здание кирпичное оштукатуренное, пятиэтажное с семиэтажной башней, с большой площадью остекления и двухэтажной полукруглой пристройкой. Построено в 1930-1939 гг. по проекту, разработанному в 1930 г. архитекторами А. С. Русаковым и Н. А. Шварёвым (в 1938 г. доработан архитектором Ф. Е. Мороговым) и инженерами А. Д. Чернышевым (проект конструкции междуэтажного перекрытия)² и В. Н. Саломатовым в стиле так называемого конструктивизма. Дом Чекиста является памятником архитектуры и градостроительства периода социалистической индустриализации. Этот жилой комплекс – одним из первых в Перми – построен на принципиально новых основах организации жилья. При строительстве дома впервые в Перми осуществлены новые прогрес-

сивные принципы свободной планировки: окна жилых комнат и подъезды выходят во двор. Кроме жилых благоустроенных помещений, в здании располагались поликлиника, магазин, клуб, солярий³.

Проект жилого дома окружного отдела ОГПУ в Перми (архитекторы А. С. Русаков и Н. А. Шварёв, при участии инженера-консультанта В. И. Саломатова) впервые был представлен 27 июля 1930 г. на заседании технического совета при пермской окружной инспекции строительного контроля пермским окружным управлением ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных комиссаров)⁴.

Общая идея проекта заключалась «в организации комплекса жилых помещений и помещений обобществленного быта ... соединенных центрально расположенным сектором помещений общего пользования»⁵. По смыслу задания, полученного от заказчика, проект жилого дома был выдержан в духе домов коммунального типа с развитой жилплощадью, при этом удельный вес помещений обобществленного быта составлял 50% жилой площади.

Жилая часть комплекса была запроектирована в форме индивидуальных квартир в 1, 2 и 3 комнаты с необходимым санитарным оборудованием, в несколько урезанном виде по сравнению с домом блочного типа в отношении квартир в 1 и 2 комнаты. В каждой паре квартир в 1 и 2 комнаты была спроектирована одна общая ванная комната, что было признано рентабельным и вполне отвечающим интересам обитателей дома.

Номенклатура комнат общего пользования отвечала заданию на проектирование и включала тот цикл помещений, которые в жизни дома имели определенную роль (зал заседаний – он же физкультурный зал и при нем артистическая комната, библиотека и красный уголок, столовая с кухней, бильярдная, женская комната отдыха, комната методических занятий и комната военного кружка с тиром). Площади этих помещений были приняты с учетом реальных бытовых особенностей жизни будущих обитателей дома и установкой на экономию средств. Зал физкультуры был рассчитан на 20 человек, одновременно занимающихся спортом, он же зал заседаний и собраний, подлежал оборудованию не стационарным инвентарем для его гибкой эксплуатации. Здесь же предусматривалась возможность постановки домашних спектаклей, для чего при зале была запланирована артистическая комната. Красный уголок и библиотека, спроектированные в обычном сочетании, соединялись с комнатой методических занятий.

Столовая и кухня также спроектированы в обычном сочетании; в случае массового скопления публики площадь столовой могла быть расширена за счет площади расположенной напротив комнаты военного кружка.

Комната военного кружка соединялась внутренней лестницей с тиром, находящимся в подвале. Подобное расположение тира давало возможность легко его изолировать в неурочное время. При ширине тира в 4 м. и длине около 60 м., в нем можно было без труда развернуть работу с группой лиц в 5-6 человек, одновременно занимающихся.

Детский сад был запроектирован в 3 больших комнатах, что позволяло распределить детей по возрастным группам.

Для стирки белья предусматривалось помещение прачечной в подвале дома. Воду и пар предполагалось подавать из котловой дома. Для естественной сушки белья предполагалось использовать чердак, для чего перекрытие последнего было спроектировано в виде односкатной крыши со свободным чердачным пространством.

Солярий, спроектированный на крыше под средней пониженной частью, разделялся на помещения для мужчин и женщин. Местоположение солярия внутри жилых корпусов было вызвано стремлением скрыть его от улицы.

В здании предусматривалась возможность движения публики только через вестибюль под наблюдением коменданта здания, место которого находилось вблизи вестибюля, для чего выходные двери лестничных клеток рассматривались как запасные. Комнаты общего пользования (зал, красный уголок, библиотека, столовая и т. д.) располагались в прямом сообщении с вестибюлем, что признавалась вполне удобным в случае приема посетителей: в этом случае комнаты общего пользования служили как бы парадными комнатами для всего жилого комплекса.

Дом был запроектирован в плане Н-образной формы, в разновеликих объемах в 3-4 этажа, из красного кирпича на бутовом фундаменте; междуэтажные перекрытия – деревянные балки по металлическим прогонам и стойкам. В основу строительной сметы здания был положен утвержденный для Перми лимит в 21 руб. 80 коп. за 1 куб. м. здания. Стоимость подвалов оценивалась ориентировочно в размере 60% надземной части здания аналогичной кубатуры. Таким образом исходя из этих предпосылок, стоимость строительства здания была исчислена примерно в 300 тыс. руб. В целях удешевления строительства лестницы в 3-х этажных корпусах были запроектированы деревянными. Перекрытия котловой и прачечной – бетонные по железным балкам. Пол солярия – плоская кровля, применительно к стандарту Стройдома РСФСР (тип. «Т»). Перекрытия тира с применением звукоизолирующих слоев. В доме была спроектирована центральная система водяного отопления с подачей горячей воды к ваннам и душам, в прачечную. Не исключалась возможность нагрева воды для ванн с помощью змеевиков от кухонных очагов квартир. Вентиляция жилых помещений была предусмотрена естественная – форточная. В помещениях санитарного назна-

чения, а также в комнатах общего пользования запроектирована приточно-вытяжная вентиляционная система с побудителем. Особо была спроектирована вентиляция тира. Оформление и обработка фасадов здания выдерживались в простых линиях в стиле «конструктивизм». Штукатурка наружных стен обрабатывалась насечкой и расцвечивалась двумя-тремя колерами.

При проектировании жилого комплекса ОГПУ первоначально имелся в виду участок земли в квартале № 124 (угол Осинской и Луначарской улиц) с фронтоном главного фасада на ул. Луначарского. Площадь застройки участка принималась 1254,54 кв. м., кубатура здания (без подвалов) 12514,74 куб. м., с подвалом 14626,54 куб. м. За домом, в глубине усадьбы был спроектирован хозяйственный двор с необходимыми постройками. Оставшаяся часть участка предназначалась для разбивки сада и устройства спортплощадки. Для лучшей ориентировки здания по отражению света предполагалось возможность любой постановки здания на участке, например, продольную ось здания предполагалось расположить с вынесением главного фасада параллельно Осинской улице⁶.

Технический совет при Пермском управлении строительного контроля постановил: проект жилого дома Окротдела ОГПУ согласовать с тем, чтобы:

1) При кухне было предусмотрено устройство кладовой для хранения продуктов и помещение для хранения и мытья посуды, а также сделан непосредственный выход из кухни на улицу. Было отмечено не вполне рациональное расположение кухни смежно с главной лестницей, обслуживающей культурно-бытовые помещения, и отдаленность этой лестницы от вестибюля.

2) Здание было оборудовано водопроводом и канализацией с присоединением к общегородской сети.

3) Фасад здания со стороны подъезда повернуть на Осинскую улицу.

4) При разработке отопления и вентиляции предусмотреть устройство вытяжной вентиляции, прачечной и тира. Проект своевременно представить для его утверждения в Окружное управление строительного контроля.

5) При выполнении проекта руководствоваться постановлением Стройкома РСФСР о применении облегченных конструкций и стандартов.

6) Генеральный план и отвод участка под застройку необходимо было оформить в Пермском Горсовете с представлением его в Окружное Управление Строительного контроля на утверждение⁷.

Однако строительство «Дома чекистов» началось на другом месте, что было, по-видимому, связано с ликвидацией в 1930 г. окружных учреждений. В 1932 г. было завершено строительство 38-ми квартирного семиэтажного дома Пермского Горсовета по ул. Карла Маркса

(ныне ул. Сибирская). Семиэтажное здание, башня или литер «А1» жилого комплекса – расположена в южной части главного фасада на красной линии застройки по ул. Сибирской и отделена от него заглубленным парадным входом с остекленной на всю высоту фасада лестничной клеткой. Узкие парные окна «башни» и балконы, переходящие с южного на западный фасад в уровне шестого и седьмого этажей, подчеркивают ее значение. Активным завершением «башни» являлась металлическая винтовая лестница с флагштоком. Остекленная часть западного фасада завершена прямоугольным парапетом со штукатурным изображением даты «1932», что, по-видимому, соответствует дате завершения строительства этой части жилого комплекса «Дома чекистов». «Башня», построенная в одно время с семиэтажным зданием гостиницы «Центральная»⁸, стала одним из первых многоэтажных зданий Перми. Это здание как бы завершило старую часть улицы Сибирской, где до 1824 г. находилась южная граница города – «Сибирская застава»; далее начинался широкий бульвар, именуемый в настоящее время бульваром Советской Армии.

Впоследствии, в середине 1930-х гг. Пермский горсовет продолжил строительство жилого комплекса на этом месте. В 1937 г. был сдан в эксплуатацию литер «Б» (в документах он именуется как «Северный корпус»), и в 1939 г. – литер «В» (или «Восточный корпус»).

28 февраля 1935 г. технический проект жилого дома Пермского горсовета по ул. Карла Маркса, 28, был рассмотрен и принят Сектором гражданских сооружений НТС Народного комиссариата коммунального хозяйства (протокол № 32). Проект предусматривал строительство жилого дома на 45 квартир с количеством комнат от двух до пяти, с помещением в первом этаже детского сада, столовой с кухней; во втором этаже – клуба с общей жилой площадью 2518 кв. м. и объемом 28968 куб. м. Проект и генеральная смета на постройку дома были утверждены народным комиссаром коммунального хозяйства 8 марта 1935 г. (с началом строительства в 1935 г. и сроком ввода в эксплуатацию в 1937 г.). Наземный объем здания – 26432 куб. м., подземная часть – 3381 куб. м., площадь жилая – 2518 кв. м., культурно-бытовая – 1600 кв.м. Полная сметная стоимость определена в 2.083.500 руб.⁹

1 августа 1935 г. назначенная по распоряжению президиума Пермского горсовета комиссия (начальник Горкомхоза т. Пелевин, инженеры Синицин и Попцов) произвела осмотр и проверку состояния строительства Дома Горсовета по ул. Карла Маркса, 30. Комиссия установила следующее состояние работ по основным конструктивным элементам здания: земляные работы – выполнено 3139 куб. м. (74 %); бетонные работы (с учетом существующих фундаментов) – 398 из 1126 куб. м. (36%); кирпичная кладка – уложено 340 тыс. шт. кирпича (16 %).

Строительство дома постоянно привлекало внимание к себе жителей Перми. 29 января 1936 г. редакция газеты «Звезда» по письму, подписанному «Прохожий», где шла речь о строительстве Домов Горсовета по ул. Соликамской № 37/1 и по ул. К. Маркса (Дом Чекистов) (оба здания возводились под руководством прораба Хоринского), обратилась в президиум Пермского горсовета с просьбой прокомментировать сложившуюся ситуацию со строительством. 5 февраля 1936 г. для расследования неопубликованной заметки «Потолок на подпорках» по решению президиума горсовета была создана комиссия в составе представителей горсовета, стройконтроля и НКВД, и установлен срок ее работы до 10 февраля 1936 г.¹⁰

4 февраля 1936 г. постановлением Свердловского облисполкома № 3442 был утвержден титульный список переходящего с 1935 г. на 1936 г. строительства дома Пермского горсовета (хозспособом) по ул. Карла Маркса, 28; полная стоимость строительства 2105800 руб. На строительство было затрачено средств к моменту перерегистрации 674400 руб., степень готовности строительства по физическому объему 24,5% и 35,2% с временными сооружениями. Краткая характеристика строительства: жилой дом на 45 квартир с театром-клубом, столовой, детсадом и прачечной. Переходящие работы – кирпичная кладка 400 тыс. шт. и отделка 30 квартир для сдачи¹¹.

15-16 февраля 1936 г. Пермский стройконтроль установил, что при строительстве 50-ти квартирного «Дома Горсовета» по ул. К. Маркса кладка стен второго этажа восточного корпуса была начата с применением в кладку силикатного кирпича. Вследствие большей теплопроводности силикатного кирпича стройконтролер признал толщину стен недостаточной и кладку приостановил. Кроме того, в процессе работ по восточному корпусу стройконтролер выявил и другие отступления от технических условий кладки в зимних условиях.

Строительство дома Пермского горсовета находилось под пристальным наблюдением областных властей. 15 марта 1936 г. бригада Свердловского Облкомхоза, обследовавшая состояние жилищно-коммунального строительства в Перми на строительстве Дома Горсовета (начальник строительства инженер Сталь Леонид Федорович, член ВКП (б); помощник прораба – техник Хоринский Николай Михайлович, б/п; десятник техник Плешков Владимир Николаевич) установила техническую готовность объекта – 39,1%. С начала года было израсходовано средств 88,7 тыс. руб. (или 58% квартального план задания); банком финансирование строительства оформлено; технической документацией (сметы, проекты, чертежи) строительство обеспечено; график работ составлен с учетом окончания работ к 1 сентября 1936 г. с частичным вводом в эксплуатацию объекта на 30 квартир; в момент работы комис-

сии производились штукатурные и плотнично-столярные работы, изготовление шлако-алебастровых вентиляционных коробов для вентиляции.

Стахановским движением на стройке было охвачено 17 из 66 рабочих. В организации труда применялись новые методы работы, что давало увеличение производительности труда. Так, например, подача материалов на 2-5 этажи производилась подъемником, а затем материалы (известь, алебастр, песок, бетон и др.) по специальному вертикальному коробу подавались вниз на любой этаж. В каждом этаже с двух сторон короба были устроены лотки, по которым и выходил в этаж тот или иной материал; точно такой же короб использовался и для мусоросброса с этажей вниз.

Комиссия установила, что директива Облкомхоза о проведении Стахановской пятидневки с 6 по 12 марта не была выполнена исключительно по причине отсутствия средств на стройке и неготовности фронта работ из-за отсутствия материалов. Последнее ставило под угрозу выполнение плана 1-го квартала. Проведенное собрание рабочих 14 марта 1936 г. по вопросу проработки решения ЦК ВКП (б) и СНК от 11 февраля 1936 г. «об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» показало, что рабочие считают: *«основой успешного хода строительства является своевременное финансирование»*.

Кроме того, строительство оказалось не обеспеченным рабочей силой: в 1936 г. среднегодовая обеспеченность стройки рабочей силой составила 68,5 % к плану. Особенно остро отразилось недостаток рабочей силы на выполнение программы строительства в наиболее решающие летние месяцы (май-сентябрь), когда по постановлению горсовета рабочие строительства Дома Горсовета были переброшены на строительство школ (в мае 30 и в июне 60 человек). На строительстве была высока текучесть рабочей силы: за 1936 г. принято 261 и уволено 170 человек; и одновременно ненормально частая смена технического персонала строительства (в течение года уволено четыре десятника и два инструктора, за время строительства сменилось четыре прораба). Стахановское движение на строительстве должного развития не получило. Руководство совершенно не уделяло внимания стимулированию труда рабочих путем перехода на прогрессивную сдельщину, которая к концу года была фактически ликвидирована (по заявлению начальника строительства по следующей причине: нет сметы и нет никаких директив). Не меньшее значение в стимулировании производительности труда рабочих имело неправильное начисление зарплаты рабочим: имели место обсчеты: в июле 1936 г. обсчет рабочих составил 1067 руб. Вопрос был поставлен на пленуме Постройкома, лишь после этого деньги были выплачены. На текучесть рабочих влияли жилищные условия (часть рабочих была помещена в бывшую Вознесенскую церковь, неприспо-

собленную для жилья; в общежитии рабочих на ул. Соликамской дезинфекция не проводилась до декабря 1936 г.). И в то же время в общежитии проживали родственники начальника строительства и другие лица, не имеющие отношения к строительству.

29 мая 1937 г. постановлением президиума Пермского горсовета решено было обязать начальника строительства Дома Горсовета Савилова ликвидировать недоделки по Северному корпусу, отмеченные в акте приемочной комиссии 27 мая 1937 г. в двухдневный срок.

Дом с недоделками был принят в эксплуатацию и заселен жильцами, часть квартир была отдана работникам завода № 19 им. Сталина. Группа орденоносцев и ответственных руководителей завода № 19 им. Сталина, получивших квартиры в новом доме (Матвеев, Краскин, Концевич, Швецов, Чугунов, Татко), направили письмо в газету «Звезда». Письмо было опубликовано под названием «Неблагоустроенный дом»: *«...мы, группа работников завода им. Сталина два месяца назад поселились в Доме Горсовета по ул. Карла Маркса 28/30. Как известно, дом этот строился несколько лет. Несмотря на это, в отношении удобств и благоустройства он оставляет желать лучшего. В частности, в период строительства не был подведен телефонный кабель, и дом, имеющий 30 квартир, лишен телефонной связи. Для нас, работников завода им. Сталина, обязанных по работе иметь постоянную связь с заводом, создалось недопустимое положение. Однако наши обращения к Президиуму Горсовета, руководству АТС (т. Капелькину) неизменно наталкиваются на полную бездеятельность, равнодушие и бюрократизм. Завод Сталина предлагал выделить значительную часть необходимых для этого дефицитных материалов, но и это не помогло. Мы считаем, что упорство Горсовета и АТС должно быть сломлено»*¹².

13 января 1938 г. решением Президиума Пермского Горсовета РК и КД № 2 § 8 функции заказчика по строительству Дома Горсовета, в связи с ликвидацией управления домами Пермского Горкомхоза, были переданы Горжилуправлению¹³.

Основной причиной задержки работ по Дому Горсовета являлся недостаток рабочей силы: вместо 86 человек имелось 25 рабочих. Ни один рабочий не имел наряда, ранее выданные наряды не заполнены, расценки нередко завышались. Железобетонные работы при наличии пиломатериалов и цемента не были выполнены из-за отсутствия бетонщиков и плотников; деревянные перекрытия и перегородки также не были закончены ввиду недостатка плотников и т. д. Несмотря на недостаток рабочей силы в тресте (потребность в которой оценивалась в 473 человека), Горсовет обязал трест «Госстрой» капитально отремонтировать восемь школ за 1,5 месяца, по сути превратив трест в ремонтную контору (при наличии в

городе трех ремонтных контор, которые вполне могли бы справиться с этой работой). Полученный 27 августа 1938 г. наряд на вербовку рабочей силы в 300 человек в Пермско-Сергинском районе также не помог, т. к. реализовать его в период уборочной кампании было невозможно, в конце августа ни один завербованный на стройку не прибыл.

Видимо, в конце 1938 г. функции подрядчика по строительству Дома Горсовета были переданы УКС завода № 19 им. Сталина. 24 января 1939 г. Комиссия Горсовета произвела осмотр 1-й секции Восточного корпуса дома Горсовета на предмет принятия ее в эксплуатацию. При этом было установлено наличие недоделок и дефектов.

13 февраля 1939 г. был согласован проект перепланировки пятикомнатной квартиры в 4 и 5 этажах и помещения детсада в доме Горсовета по ул. К. Маркса (инженер Морогов, Пермоблпроект). Проектом предусматривалась частичная перепланировка одной из крайних жилых секций в 4-м и 5-м этажах, выходящих на ул. Малую Ямскую, и двух средних секций в 1-м этаже (по проекту в них предполагалось размещение детских яслей). Перепланировка крайних секций в 4-м и 5-м этаже заключалась в разукрупнении пятикомнатных квартир на две 2-х комнатные и 3-х комнатные квартиры и средних секций – под продуктовый магазин. Перепланировка предполагалась с учетом сохранения уже произведенных работ. Клубная часть и столовая сохранялись без изменения. Во 2-й секции детских яслей, смежно с запроектированным продмагом, предусматривалась квартира с внутренней планировкой, соответствующей планировке квартир вышележащих этажей¹⁴.

9 сентября 1939 г. заседание Президиума Пермского Горсовета приняло постановление (№ 44 § 7) об окончании строительства второго блока Восточного корпуса дома Горсовета: «*Ввиду тяжелого жилищного состояния в г. Перми считать возможным заселить жильцами 2-й блок Восточного корпуса. Недоделки, отмеченные в акте комиссии 20-25 августа: окончание подвального помещения, круглой части здания, навеску водосточных труб и т. д., обязать подрядчика Государственный строительный трест № 12 закончить к 20 сентября 1939 г. Обязать Сталинское Райжилуправление произвести снос строения (деревянный дом, примыкающий к стене сдаваемого объекта) к 20 сентября 1939 г. с переселением живущих в нем жильцов в другое помещение. После окончания указанных недоделок Райжилуправлению окончательно оформить приемку здания*»¹⁵.

В Доме Чекистов долгое время жила Пермская элита, в частности, первый секретарь Молотовского обкома ВКП (б) Николай Иванович Гусаров. Н. И. Гусаров прибыл в Пермь глубокой осенью 1938 года, следом прибыла его семья. Из воспоминаний сына Н. И. Гусарова, Влади-

мира Гусарова: «*Под Новый, 39-й год мы выехали в Пермь – в отдельном вагоне, везя с собой фикус, пальму, три чемодана и бабушку Машу. В Перми поселились не в гостинице, а сразу в Доме чекистов, на пятом этаже, в пяти только что отремонтированных комнатах. Долго пахло краской, сторона была несолнечная. В подъезде специально из-за отца поставили милицейский пост...*»¹⁶.

17 декабря 1948 г. для строительства здания поликлиники Управления МГБ по Молотовской области решением Молотовского Горисполкома № 742 был отведен земельный участок площадью 0,27 га. в Сталинском районе г. Молотова в 148 квартале под № 30 по ул. К.Маркса, за счет части усадьбы Молотовского педагогического института (на месте бывшего овощехранилища)¹⁷.

27 апреля 1949 г. Городским архитектором В. Г. Черновым был согласован проект привязки (Молотовоблпроект) здания поликлиники Молотовского Управления МГБ на 150 посещений в г. Молотове на территории Дома Чекистов (ул. К. Маркса, 30), разработанный проектной конторой Госздравпроект (авторы Идельсон и Великанов). Объем здания надземный – 3590 куб. м., подвальная часть – 421 куб. м., площадь застройки – 516 кв.м.¹⁸

15 июня 1951 г. Государственная приемочная комиссия приняла в эксплуатацию двухэтажное каменное здание поликлиники в Сталинском районе г. Молотова по ул. К. Маркса, № 30, построенное для Управления МГБ по Молотовской области (принятое заказчиком по акту технической приемки 25 мая 1951 г.). Здание объемом 3590 куб. м. и полезной площадью 826 кв. м. Отступлений от проекта при строительстве не было, за исключением оформления фасада. Здание было принято Государственной комиссией с оценкой хорошо¹⁹.

¹ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 143.

² Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» (ул. Сибирская, 9) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. – Пермь, 2008. – С. 161-162.

³ Памятники истории и культуры Пермской области. – Изд. 2., переработ. и доп. – Пермь, 1976. – С. 120; Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. – Пермь, 2003. – С. 56-58.

⁴ Выписки из технических совещаний экспертной инспекции Пермского Окружного Строительного контроля по рассмотрению проектов жилого дома сотрудников Окротдела ОГПУ и строительства ВишерХимзаводов. 1930 г. ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 284. Л. 14, 17, 21.

⁵ ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 284. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 8-11.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ *Гайсин О. Д.* Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная»... С. 159-169.

⁹ Материалы по строительству дома Горсовета по ул. К. Маркса, 30 (Постановления Пермского Горсовета РК и КД, выписки из протоколов, докладные записки, акты осмотра строительства и переписка). 15 ноября 1935 г. - 9 сентября 1939 г. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 481. Л. 19.

¹⁰ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 481. Л. 24-26.

¹¹ Там же. Л. 74-73.

¹² Там же. Л. 202.

¹³ Там же. Л. 209.

¹⁴ Там же. Л. 268-270.

¹⁵ Там же. Л. 278.

¹⁶ *Гусаров В.* Мой папа убил Михозлса. – Frankfurt am Main. Possev-Verlag.V., 1978. – С. 38.

¹⁷ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 846. Л. 11.

¹⁸ Проект привязки здания поликлиники на 150 посещений в гор. Молотов на территории Дома Чекистов. 27.04.1949 г. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 846. Л. 3-10.

¹⁹ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 845. Л. 1-2 об., 5, 7-7 об.

В. Ф. Гладышев

ЗАСТЫВШАЯ МУЗЫКА СТАЛИНИЗМА. («Дом Чекиста» в Перми)

Здание это, овеянное мрачноватыми легендами, имеет уникальный облик: воплощенный гимн одной-единственной букве русского алфавита. Здание – как застывшая музыка сталинизма – это так называемый «дом чекиста» по ул. Сибирской, 30. Если посмотреть с высоты птичьего полета, то постройка напоминает огромную букву «С» – первую букву в фамилии вождя всех народов И. В. Сталина. По архитектурному замыслу рядом должны были пристроиться и другие буквы-здания, в направлении ул. Революции. Но не получилось – началась война.

Вплотить грандиозный проект в полном объеме помешала не только война, а и подчиненное положение Перми по отношению к Свердловску, который на правах столицы обширной Уральской области забирал себе львиную долю всех средств. Пермь как районный центр (университетский город!) вынуждена была довольствоваться крохами. Строительство в городе велось малыми объемами, жилья не хватало. Это наглядно видно на примере возведения Дома Чекистов. Оригинальный дом, образчик советского конструктивизма был возведен, судя по выбитой на фасаде дате, в 1932 году. На самом деле дом строился практически с начала 1930-х гг. и до конца десятилетия, стал советским долгостроем. В Сверд-

ловске был возведен целый «городок чекистов», тоже в стиле конструктивизма, в виде серпа и молота (серп в этой «ячейке общества» позднее стал гостиницей «Исеть»). Представьте себе жилой квартал – замкнутое, хорошо спланированное (и бдительно охраняемое) комфортное пространство, в котором к услугам жильцов было всё: и столовые, и прачечные, и магазины, и детские сады, и, конечно, продуктовые спецраспределители. Этакое государство в государстве, что в принципе отражало действительную роль и обособленное место политической «охранки» и силовых структур в советской системе. Примерно такую же «соцячейку» задумали и в Перми, да не хватило пороху, как говорится.

Проект Дома Чекистов был разработан под руководством архитектора Николая Александровича Шварёва (1890-1962). Судьба этого талантливо-го зодчего способна поразить любого. Образование он получил в Перми (Алексеевское реальное училище) и в Петербургской академии художеств. В первую мировую войну пришлось «понюхать пороху», а когда началась гражданская война, служил в лётной части в белогвардейской армии. Правда, короткое время, так что эта страница биографии Н. А. Шварёва последствий для него почти не имела. В Перми по его проектам построены такие заметные здания, как школа № 9, административное здание Пермлеспрома (дом с колоннами на ул. Орджоникидзе) и др.

Поскольку на новое строительство средств не выделялось, Шварёв много работал над реконструкцией старых зданий. Причем, если к интерьерам бывшего кафедрального собора, переданного картинной галерее, он отнесся вполне корректно, то пожарное депо по ул. Большевикской перестроил так, что от изящного творения зодчего В. В. Попатенко почти ничего не осталось.

У власти Н. А. Шварёв был в чести, пользуясь полным доверием партии. Он работал архитектором проектно-планировочного управления горкомхоза, одно время был даже управляющим Пермоблпроекта, исполнял обязанности главного архитектора. Перед войной возглавлял Пермское отделение Союза советских архитекторов. То есть, тоже стал советской номенклатурой.

Дом Чекистов предназначался для местной советской партийной элиты. История его в чем-то напоминает знаменитый «дом на набережной» в Москве (вспомним одноименный роман Юрия Трифонова), с той лишь разницей, что мемориальных досок на пермском доме заметно меньше.

В конце 1938 г., когда Пермская область была выделена, наконец, из Свердловской и стала самостоятельной административной единицей, в Дом Чекистов вселилась семья Николая Ивановича Гусарова, руководителя областной партийной организации. В подъезде поставили милицкий пост. Как вспоминает сын Н. И. Гусарова, Владимир Николае-

вич, новый 1939 год они встретили уже в новой квартире; поселились на пятом этаже, в пяти комнатах, где еще долго пахло краской. У Гусарова нередко собирались все секретари обкома, директора заводов, за обедом обсуждали серьезные вопросы. В этой квартире однажды ночью раздался «исторический звонок» Сталина.

У Гусаровых останавливалось немало известных людей: наркомвоенмор Клим Ворошилов, наркомлес Наум Анцелович, который в Москве жил в Доме правительства, том самом «доме на набережной». Московские знаменитости вели себя по-разному. С Ворошиловым, например, Володя Гусаров даже резвился и играл в бильярд. А вот представителей интеллигенции в доме первого секретаря никогда не принимали, за исключением вице-президента Академии Наук И. П. Бардина. Младший Гусаров в своих мемуарах удивляется тому, что его высокопоставленный отец ни разу не приглашал даже местного поэта-орденоносца Василия Каменского, «который был другом Маяковского!»

Поэт-футурист и авиатор не пришелся ко двору. В 1930-е годы Каменский оказался «вычищен» из партии и стал только «попутчиком». Зато сегодня память о нем присутствует здесь не на птичьих правах: в бывшем доме чекистов живет с семьей внучка В. В. Каменского, известная балерина. Многие в её квартире напоминают о знаменитом деде.

Портрет Василия Каменского представлен на почетном месте и в том самом «фонарике», пристрое, который с середины 1960-х гг. занимает Пермская организация Союза писателей России. До 1990-х гг. в соседях у писателей находилось Пермское книжное издательство, но оно не существует больше, к сожалению. Делались попытки выселить и писателей, но пока атаки удаётся отбить.

Московский дом правительства называли сокращенно «ДОПРом», причем расшифровывали это слово в конце 1930-х гг. так: «дом предварительного заключения». После арестов население элитного московского дома сменилось почти полностью, те же процессы наблюдались и в пермском доме чекистов.

Как «враг народа» был арестован самый молодой новосёл Дома Чекистов – секретарь Пермского горкома комсомола Александр Кобелев. Незадолго до ареста вожак пермской молодежи получил пламенный привет и поздравление с успехами от генсека ЦК комсомола Александра Косарева (тоже жившего в московском «доме правительства»). И вот судьба – не прошло и года после триумфа, как арестовали и вскоре расстреляли сначала московского комсомольского лидера, а затем и его пермского тезку. Помню, в конце 1980-х гг. мы приходили в Дом Чекистов с младшим сыном Александра Кобелева, Валерием Александровичем – ему хотелось посмотреть на свою бывшую квартиру. Нынешние хозяева не пустили нас даже на порог.

– Чего испугались? – огорченно недоумевал старик. – Я же просто посмотреть, мы ни на что не претендуем...

Свою бывшую квартиру в Доме Чекистов сын комсомольского вожака нашел сразу. Признался, что как-то раз уже приходил сюда, когда начались разговоры о восстановлении справедливости и реабилитации жертв сталинского режима.

В кабинете отца было много книг. Александр Кобелев отличался трудолюбием и тягой к знаниям. За статью «Как активисту получить среднее образование» пермского секретаря когда-то отметили в центральной прессе, почин Кобелева подхватили по всей стране. Александр успевал писать заметки, упорно изучал иностранные языки. В его кабинете висела длиннополая шинель, в шкафу на видном месте хранились островерхий шлем-буденовка, бинокль и кобура для оружия. Комсомольский секретарь был романтиком и идеалистом. Он взял в свою новую квартиру племянницу Лиду, потому что в их деревне под Ордой было голодно. Все это – и голод, и начавшиеся разоблачения и аресты «врагов народа» – было для комсомольского вожака «временными трудностями».

Утро, когда отца арестовали, врезалось в память Валерию Александровичу на всю жизнь.

Отец уже был в прихожей, собрался выходить. И в этот момент неожиданно раздался стук в дверь. В квартиру вошли, показав какую-то бумагу, двое военных. Вместе с отцом они прошли в кабинет. Сквозь приотворенную дверь мальчик видел, что военные долго, тщательно что-то искали, перелистывали книги. Отец сидел на стуле спиной к двери, и вся фигура его, обычно подвижного и энергичного, выражала безучастность. Во дворе дома стояла необычная, черного цвета машина. Отец вышел в сопровождении военных, быстро попрощался со всеми, поцеловал сына и сказал матери: не беспокойся, партия за меня заступится.

Из Дома Чекистов Кобелевых сразу вышвырнули, потребовав выехать в 24 часа. Они переехали сначала в какую-то каморку, вещи свалили в подвал. Ничего конфисковано не было, да и не водилось у комсомольского секретаря никакого богатства, кроме книг. Общаться с матерью «врага народа» соседи перестали, знакомые не здоровались.

Одной из самых ярких, заметных фигур среди жильцов Дома Чекистов была Конкордия Григорьевна Ольховская – кладезь партийных секретов, «ходячая энциклопедия». В 1920-е гг. она возглавила «истпарт» – комиссию по истории партии и революционного движения.

Тучи над ее головой начали сгущаться еще до разоблачения троцкистской оппозиции. В начале 1920-х гг., когда шла ожесточенная внутрипартийная полемика с «рабочей оппозицией», с «мясниковщиной», Конкордия Григорьевна не осталась в стороне. Ольховская владела одной из самых страшных тайн большевиков. Ей было поручено написать справку и подготовить к печати воспоминания непосредственных

участников похищения и убийства «последнего российского императора», как называют иногда великого князя Михаила Романова. Она знала, где он был убит и похоронен.

Конкордия Григорьевна умела хранить партийные секреты, но каток репрессий наехал и на нее. Связи у Ольховской были большие, и ее предупредили об аресте. Тогда и пригодились навыки старых революционеров и политкаторжан, о которых она много писала. Почти весь «компромат» был уничтожен заранее. Прибежав домой, она побросала в сумку самое необходимое, взяла детей и уехала из города: исчезла, растворилась где-то в необъятной столице.

Картина жизни в Доме Чекистов будет неполной, если не рассказать о том, как вселялись и исчезали отсюда сами чекисты.

Пресловутое «комсомольское дело» было раскрыто и проведено руками таких же комсомольцев, только служащих в «органах». Секретаря Пермского горкома комсомола Александра Кобелева обвинили в знакомстве с арестованными ранее деятелями Коминтерна. После жестоких допросов Кобелев признал все: и связь с троцкистами, и создание контрреволюционной террористической организации правых, и высказывания за смещение товарища Сталина, и пропаганду взглядов «предателей трудового народа» Бухарина и Рыкова. Из бывшего комсомольского вожака выбили признание: «Моим заданием было ослаблять пермский комсомол».

Вот одно из «заявлений», поступивших от комсомольского работника, недавнего соратника Кобелева:

«... Кобелев больше других комсомольских работников знал о том, что книга по истории пермского комсомола «Под знаменем Октября», а также книга «Уральский комсомол в борьбе за Октябрь» являются троцкистскими, а авторы их Ольховская, Шардаков, Матвеев, Просветов и др. так или иначе запутались в связях с врагами народа. Несмотря на это, Кобелев ничем не помог разоблачить организаторов выпуска этих книг... На активе Пермской комсомольской организации осенью 1936 года некоторые товарищи справедливо подвергли сомнению «неведение» Кобелева, указывая, в частности, на близкое знакомство Кобелева с троцкисткой Ольховской...»

И сегодня не может не поражать кровавая чехарда в Пермском горотделе НКВД в те годы. Менялись начальники – и быстро освобождались квартиры в элитном доме на ул. Карла Маркса, 30.

Много известных людей жило здесь. А первая мемориальная доска появилась на здании только в 2008 г. Установили её на том самом писательском «фонарике» по инициативе гимназии № 11 имени С. П. Дягилева (выигравшей грант Министерства культуры Пермского края) и Пермской организации Союза писателей России. Увековечены фамилии девяти самых известных литераторов: «В этом здании в XX веке работа-

ли русские писатели: Виктор Астафьев, Владимир Воробьев, Михаил Голубков, Лев Давыдычев, Николай Домовитов, Лев Кузьмин, Лев Правдин, Владимир Радкевич, Алексей Решетов». Нужно надеяться, что эта мемориальная доска не будет здесь единственной.

Семизэтажную башню Дома Чекистов венчало примечательное «архитектурное излишество» – винтовка, сооруженная из камня и железа. Служила ли она просто украшением здания, соответствуя его боевому названию, или выполняла заодно роль громоотвода? Дом признан памятником архитектуры, и эта деталь – неотъемлемая его часть, её необходимо восстановить. Винтовка исчезла в «лихие 1990-е», когда население дома стало интенсивно меняться. Новые «хозяйства жизни» начали устраивать в здании свои офисы, солярии и прочие новомодные «штучки», добрались и до крыши. Старый дом скрипел и трещал от реконструкций и перепланировок – но выстоял. Сейчас на здании вместо громоотвода уже не первый год растет березка.

О. Д. Гайсин

«ДОМ ГРУЗЧИКА» (ул. Орджоникидзе, 171)

Период строительства «Дома Грузчика», расположенного в Перми на углу улиц Орджоникидзе и Толмачева, в Государственном реестре памятников архитектуры и градостроительства Пермского края датируется весьма условно 1920-1950-е гг.; не назван также архитектор – автор проекта здания¹. В Государственном архиве Пермского края сохранились документы, позволяющие уточнить как дату строительства, так и авторов проекта.

5 февраля 1931 г. на основании постановления СНК и ЦК ВКП (б) о развитии речного транспорта на Каме было создано самостоятельное пароходство, охватывавшее бассейны рек Камы, Белой и Вятки – Камское Управление Речного транспорта (КУРТ), входившее в систему Московско-Волжско-Камского государственного речного флота². В 1930-е гг. Камский флот пополнился новыми буксировщиками и пассажирскими судами отечественной постройки. Были открыты новые пассажирские линии: с 1934 г. пароходы с Камы пошли до Сталинграда, а с 1935 г. – до Астрахани. Открылось движение судов на пригородных и местных линиях. Для руководства движением флота была создана диспетчерская система с внедрением радиосвязи. В связи с развитием пароходства перед руководством КУРТ встал вопрос о размещении специалистов и рабочей силы.

В начале 1930-х гг. Камскому управлению речного транспорта Горкомхозом было передано для рабочего общежития здание закрытого Петропавловского собора. В 1931 г. в собор решено было перевести Окружное архивное бюро, встал вопрос о выселении Госпароходства из здания.

8 апреля 1931 г. на совещании при Горкомхозе было сделано напоминание об освобождении собора, занятого под общежитие пароходства, о чем *«лично заявлялось Управляющему Госпароходством т. Златогорскому»*. 10 апреля 1931 г. руководство Госпароходства направило на имя Пермского горсовета письмо № 03104 следующего содержания: *«Пермский ГОКХ предложил нам немедленно очистить от грузчиков бывший Петропавловский собор, ссылаясь на постановление Горсовета, которого мы не имеем. Выселить грузчиков мы не в силах по причине неимения в наличии свободных помещений, а потому просим горсовет отсрочить данное выселение до подыскания нами подходящего помещения взамен бывшего Петропавловского собора»*³.

В справке, подготовленной специалистами жилищно-арендного сектора ГОКХ, отмечено: в начале 1930-х гг. помещение бывшего Петропавловского собора занималось рабочими-грузчиками численностью не более 60-ти человек, хотя ранее Госпароходство ставило вопрос о предоставлении ему помещения на 120 человек с перспективой размещения до 750 человек.

16 апреля 1931 г. заведующий жилищно-арендным сектором ГОКХ т. Колчин направил ответ за № 2859 на имя руководства КУРТ: *«Вашему представителю т. Кривошеину были даны для осмотра помещения под общежитие, но о результате осмотра сведений не имеется, а потому Жилищно-Арендный сектор просит дать ответ не позднее 17 апреля, в противном случае указанные помещения будут переданы другим организациям. Одновременно подтверждаем, что бывший Петропавловский собор по решению горсовета подлежит освобождению для архива, и, следовательно, выполнение данного решения задерживается из-за того, что КУРТ затягивает переселение грузчиков в другое помещение, не устанавливая к тому же время освобождения бывшего Петропавловского собора»*⁴.

В середине 1930-х гг. Камское управление речного транспорта (КУРТ) начало строительство двух крупных жилых комплексов: 20 января 1936 г. был введен в эксплуатацию жилой «Дом Специалистов» КРП по ул. Коммунистической (ныне ул. Петропавловская), д. 14⁵; а в июне 1936 г. было принято заявление Стройотдела КРП о постройке 4-х этажного «Дома Грузчиков» по ул. Трудовой, 167, (объем строительства 17933 куб.м., жилая площадь 1676,85 кв.м., количество квартир – 102). Согласование проекта Дома Грузчиков НТС Пермского ГКХ со-

стоялось 11 декабря 1934 г. (прот. № 30). По существовавшему постановлению от 16 июля 1933 г. НТС ГКХ имел право «только предварительного согласования», а право окончательного согласования проекта было предоставлено областному НТС. При согласовании проекта «Дома Грузчика» в НТС Облкомхоза было предложено переработать проект «Дома Грузчика». Окончательное согласование проекта состоялось 10 июля 1935 г. (прот. № 40) и 31 июля 1935 г. (прот. № 45). Проект оформления фасада был окончательно согласован 10 июня 1936 г. (прот. № 35). Таким образом, к концу 1935 г. имелись проект и смета, утвержденные ведомственным совещанием 16 мая 1935 г. и согласованные с НТС Облкомхоза 31 июля 1935 г.

Разрешение Госстройконтроля было выдано 4 октября 1935 г. на основании документов, представленных Стройотделом КРП: часть рабочих чертежей (план и разрезы фундамента, планы этажей, разрезы здания, перекрытия, подвального этажа, чертежи стен; остальные чертежи гарантировалось предоставить к 20 октября). 4 ноября 1935 г. инспектор Госстройконтроля Прокладов «случайно узнал, что работы начаты», и при обследовании начавшегося строительства «Дома Грузчика» установил, что на постройку не был передан проект. В тот момент стройка была законсервирована из-за отсутствия средств на зимние работы⁶.

25 февраля 1936 г. инспектор Госстройконтроля зафиксировал, что после расконсервации строительства 20 января 1936 г. работы были начаты без предупреждения Госстройконтроля и без перерегистрации строительства. При этом на строительстве отсутствовали такие важные документы, как проект организации работ, график работ, утвержденная смета на зимние работы и т. д. Документы в Госстройконтроль не были предоставлены, и работы были прекращены. Только 19 мая 1936 г. про- раб Бржоско дал подписку на право производства работ, при этом фактически они были начаты вновь 7 мая 1936 г. без перерегистрации и без технической документации. 31 мая 1936 г. на строительстве работало только 4 каменщика и 10 чернорабочих⁷.

15 мая 1936 г. газета «Звезда» написала о строительстве Дома Грузчика: *«Стройотдел Камского Пароходства возобновил работы на строительстве Дома Грузчика около завода им. Дзержинского. Дом Грузчика будет четырехэтажным. В нем будет общежитие на 100 человек и 8 трехкомнатных квартир со всеми удобствами. Закончить строительство Дома Грузчика со сдачей его в эксплуатацию намечено в ноябре»*⁸.

11 июня 1936 г. государственный контролер по строительству при Президиуме Пермского горсовета выдал разрешение за № 89/24 строительному отделу КРП на строительство общежития грузчиков на отведенном (согласно постановления Президиума Пермского горсовета

25 ноября 1934 г., № 232 § 5) земельном участке по улицам Советской и Толмачева. Планировалось построить каменное 4-х этажное здание с подвалом (на бутовом фундаменте, кровля шиферная, с центральным отоплением, с подключением к городскому водопроводу, с канализацией и электроосвещением).

Строительство здания Дома Грузчика в Перми было намечено на 1935-1936 гг.⁹ При этом общая стоимость работ по строительству «Дома Грузчиков» по утвержденным сметам была определена в 844819 руб. 44 коп.¹⁰

Стройотдел КРП разработал «План снижения стоимости строительства дома грузчиков в Перми на 1936 год». Согласно этому плану намечалось провести мероприятия по снижению стоимости по всем строительно-монтажным работам и элементам конструкции здания¹¹. Однако строительство Дома Грузчика в конце 1936 г. не было закончено и продолжилось в 1937 г., согласно утвержденному 10 января 1937 г. Наркоматом речного транспорта СССР титульному списку. Была вновь утверждена сметная стоимость – 1276,8 тыс. руб.

5 февраля 1937 г. строительная контора КРП сообщила в Горплан о строительных объектах КРП в Перми, в т. ч. о строительстве «Дома Грузчика» по ул. Трудовой, 171. 1 сентября 1937 г. на основании постановления Президиума Пермского Горсовета от 25 ноября 1934 г. № 232, § 5, и от 2 ноября 1936 г. за № 41, § 16, управлением благоустройства Камскому речному пароходству под строительство «Дома грузчиков» в Перми был оформлен отвод земельного участка в квартале № 27 площадью 7556,9 кв.м.¹² Согласно проведенным Мелиоводстроем буровым работам на участке строительства допустимая нагрузка на грунт определена 2 кг/кв.см.¹³

17 мая 1937 г. Пермский Госстройконтроль сообщил руководству Стройотдела КРП, что до предъявления приемочной комиссии «Дома Грузчика» (индивидуальный блок) необходимо полностью закончить работы по наружной штукатурке, по внешнему благоустройству¹⁴. Однако уже летом 1937 г. в недостроенный дом, согласно заявлению прораба строительства, заселились рабочие в количестве ста человек и двух семей. Госстройконтроль при Президиуме Пермского горсовета вынужден был вмешаться в ситуацию и потребовал выселения рабочих из недостроенного дома, мотивируя свое требование снижением качества отделочных работ, а также возможностью пожара – жильцы пользовались керосиновыми лампами, а также зачастую бывали пьяными¹⁵.

В 1938 г. строительство «Дома Грузчика» было законсервировано по следующим причинам: 1) частичной задержке проектно-сметной документации из-за вынужденной, по требованию областных властей, переделки проекта «Дома Грузчика» в Перми; 2) из-за распыленности рабочей силы по отдельным объектам; 3) из-за отсутствия должной

организации труда, что не позволило наиболее рационально использовать рабочую силу и механизацию строительных работ; 4) из-за острой необеспеченности строительства дефицитными стройматериалами (цемент, гвозди, железо)¹⁶.

20-27 апреля 1938 г. технический инспектор Пермского отделения Промбанка В. В. Груздев совместно с инспектором Госстройконтроля при Пермском горсовете Л. В. Прокладовым, в присутствии главного инженера Стройконторы КРП Д. В. Федоренко и прораба строительства А. В. Парфенова произвели осмотр Дома Грузчика. Выяснилось, что в процессе работ Стройконтора КРП превысила лимит средств, отпущенных на строительство. При объеме работ на сумму более 272 тыс. руб. для окончания строительной программы 1938 г. оставалось не более 133 тыс. руб. Кроме того, работы по Дому Грузчика не проводились ввиду отсутствия необходимой рабочей силы: вместо 200 человек, необходимых согласно графику работ, на строительстве было занято всего 23 человека. При этом было отмечено завышенное количество потребной рабочей силы, превышение фонда заработной платы (80 тыс. руб.) над расходами по покупке стройматериалов и прочие расходы (53 тыс. руб.), что указывало на неблагоприятную обстановку, сложившуюся на строительстве. Кроме того, строительство Дома Грузчиков, по заявлению прораба Парфенова, не было обеспечено необходимыми стройматериалами. Механизация на строительстве Дома Грузчика совершенно отсутствовала: простружка полов, малярные и штукатурные работы производились вручную. При этом качество работ и применяемые материалы оставалось на низком уровне. Кроме того, на строительстве имела место непоследовательность в проведении работ¹⁷.

25 апреля 1939 г. Госстройконтролер при Президиуме Пермского горсовета Прокладов Л. В., в присутствии начальника стройконторы КРП Кособокова Г. И., главного инженера Федоренко Д. В., прорабов Парфенова А. В., Шульгина Л. П. и Глухова А. Н., произвел технический предсдаточный осмотр строительных работ во вновь выстроенном жилом доме грузчиков по ул. Орджоникидзе, № 167. Выявилась масса недоделок и дефектов, подлежащих устранению к моменту сдачи объекта¹⁸.

28 апреля 1939 г. Начальник КРП Морозов направил письмо за № С-557 на имя председателя Пермского горсовета т. Бушмелева в котором сообщил, что «Пермский дом Грузчика Камского Речного Пароходства (ул. Орджоникидзе, № 167) строительством закончен при наличии ряда мелких недоделок, отмеченных актом предпускового осмотра Госстройконтроля от 25 апреля с/г. Большинство первоочередных недоделок пароходством устраняется к 29 апреля 1937 г. ...будут ус-

транены в течение мая по прибытии необходимых материалов и оборудования. Учитывая исключительно напряженное положение с жилищным фондом для размещения прибывающих 30 апреля с/г грузчиков в количестве 400 человек, а также то, что недоделки, имеющие первостепенное значение, приняты к немедленному устранению, управление Камского речного пароходства просит разрешить пуск дома в эксплуатацию и назначить комиссию для оформления приемки здания на 29 апреля с/г»¹⁹.

Через месяц, 28 мая 1939 г. начальник КРП Морозов направил гарантийное письмо на имя председателя Пермского горсовета т. Бушмелева, в котором сообщал: «Согласно акта приемочной комиссии от 25 мая 1939 г. вновь построенное здание дома грузчиков КРП ул. Орджоникидзе, 167, в эксплуатацию не принято, вследствие ряда мелких недоделок наружных работ. В настоящее время на пристани создается напряженное положение с расселением вновь прибывающих грузчиков. Прошу вашего разрешения произвести приемку согласно составленного акта от 25 мая 1939 г. и частичное заселение. Гарантирую, что все недоделки, указанные в акте, предусмотренные проектом и сметой, будут выполнены полностью к 1 июля». Председатель горсовета Бушмелев, несмотря на возражения Госстройконтролера, дал устное согласие о заселении дома в незаконченном виде и одновременно обязал КРП устранить недоделки к 1 июля 1939 г.²⁰.

31 мая 1939 г. комиссия вновь произвела осмотр предъявленного к приему Дома Грузчика в г. Перми по ул. Орджоникидзе, 167, на предмет сдачи его в эксплуатацию, установила наличие дефектов и недоделок по строительству дома и пришла к заключению: «Дом Грузчиков сдать в эксплуатацию, принимая во внимание, что основные работы (водоснабжение, электроосвещение, отопление, канализация и отделочные работы внутри здания) закончены с оценкой удовлетворительно. Все недоделки по проекту, указанные в акте приемочной комиссии от 25 мая 1939 г. подлежат выполнению Строительной конторой пароходства к 1.07.1939 г. Приемку замеченных недоделок произвести дополнительно после выполнения их Строительной Конторой Пароходства»²¹.

20 июня 1939 г. приказом заместителя начальника КРП Маслякова за № 308 был утвержден акт комиссии от 31 мая 1939 г. по приемке и сдаче в эксплуатацию Дома Грузчиков в г. Перми. Зафиксированные недоделки в приемо-сдаточном акте строительной конторе предлагалось окончить к 10 июля 1939 г. Стоимость строительства дома грузчиков была принята пароходством на баланс эксплуатационной деятельности по фактической стоимости с последующей передачей на баланс пристани Пермь²².

31 августа 1947 г. в связи со 100-летием пароходства на Каме и за большие успехи в развитии транспортного сообщения в бассейне р. Камы Камское речное пароходство было награждено орденом Ленина. В это время в ведении Камского речного пароходства находились все перевозки пассажиров, грузов, перевозка плотов леса, работа портового хозяйства, судоремонтные базы, строительство судов в бассейне р. Камы. Камское речное пароходство являлось одним из самых крупных речных пароходств в стране: на его долю приходилась почти пятая часть всего грузооборота речных пароходств РСФСР²³.

В послевоенный период, 25 февраля 1949 г., бюро экспертизы НТС Министерства речного флота СССР рассмотрело проектное задание реконструкции Молотовского речного порта, составленное на основании генеральной схемы реконструкции порта, разработанного Московским институтом «Гипроречтранс». Согласно проекту, развитие Молотовского речного порта было предусмотрено в трёх районах: городской пассажирский, существующий грузовой и новый перевалочный.

Городской грузовой порт проектировался на месте существующего 3-го участка порта в количестве 15 причалов: 7 причалов (1950) и 8 причалов (1955), оборудованных кранами. Перевалочный район был запроектирован на расстоянии 5 км. ниже грузового порта, в нижнем бьефе Молотовской плотины, т. к. 97% грузов Молотовского речного порта имели назначение из районов вниз по р. Каме и с Волги в Молотовский порт. В 1950 г. предусматривалось строительство 5 причалов, длина причального фронта в 1950 г. – 540 м., и в 1955 г. – 740 м. Главные грузы перевалочного района: металлы не в деле, метизы и машины, химические грузы, цемент, минстройматериалы, каменный уголь, руда и проч. Был определен размер капиталовложений²⁴.

11 июля 1949 г. руководство КРП направило на имя главного архитектора г. Молотова В. Г. Чернова отношение, в котором информировало о том, что в связи с развитием производительных сил г. Молотова и уже начатым строительством Камской ГЭС Гипроречтранс разрабатывает технический проект реконструкции грузового района (3-й участок) и сооружения перевалочного района (Заостровка) Молотовского речного пароходства.

Пассажирский район порта оставался на прежнем месте с дополнением к существующему речному вокзалу также речного вокзала местного пассажирского сообщения. Городской грузовой район порта подлежал коренной реконструкции, для этого использовалась территория существующего 3-го участка с расширением её в соответствии с развитием грузооборота и механизацией грузовых операций. Перевалочный район Молотовского речного порта был запроектирован на левом берегу Камы в районе существующего пос. Заостровка, взамен Левшинского перевалочного пункта, затопляемого после постройки Камской ГЭС водами Камского водохранилища, т. е. почти в 6 км от грузового района порта.

По мнению руководства КРП это требовало расселения всего административного и рабочего персонала в том же районе, вследствие чего устройство поселка в непосредственной близости от перевалочного района было неизбежно. Количество жителей в поселке перевалочного района, согласно штатному расписанию, определялось в 900 человек.

Жилищное строительство не могло быть выполнено полностью в районе Дома Грузчиков (кварт. № 27) из-за малой площади, пригодной для возведения многоэтажных жилых домов (4 этажа), вследствие круто падающего в сторону Камы косогора²⁵.

8 сентября 1949 г. было направлено отношение № 273-7 за подписью директора института Ленгипрогор Г. А. Гайкович на имя директора института Гипроречтранс, в котором руководство Ленгипрогора решительно возражало против расположения нового самостоятельного поселка в районе д. Заостровка по ряду причин. Ленгипрогор рекомендовал для расселения трудящихся перевалочного района порта и их семей ограничиться индивидуальным одноэтажным строительством, сконцентрированным на выборочных свободных участках Шпального и Железнодорожного поселков. Капитальное строительство (4-этажных жилых домов) разместить на реконструируемых трех кварталах (включая и участок № 27), напротив грузового района порта, принадлежащих в настоящее время Молотовскому речному порту (по ул. Орджоникидзе, Дальней, Толмачева и Плеханова). Транспортная связь этих кварталов с портом будет осуществляться действующим маршрутом трамвая с достройкой ветки от кольца у Шпального завода до перевалочного района протяженностью около 1,5 км.²⁶

29 мая 1951 г. заместитель министра Речного флота СССР утвердил технический проект расширения Дома Грузчика. 31 января 1952 г. проектное бюро Камского речного пароходства представило Стройгенплан Дома Грузчиков, согласованный с Госсанинспекцией г. Молотова (5 февраля 1952 г., заключение № 140) и УПО УМВД г. Молотова (18 февраля 1952 г.). На плане обозначены: 1) пристраиваемые 4-х этажные корпуса с юго-запада и с юго-востока, со стороны ул. Толмачева; 2) существующая часть Дома Грузчиков; 3) существующие дровяники и 4) трансформаторная будка.

15 февраля 1952 г. заместителем начальника Главцентрофлота МРФ СССР утвержден титульный список Камского речного пароходства на сумму 84579,3 тыс. руб. по строительству Дома грузчиков на 1952-1953 гг. мощностью 2100 кв.м., с полной сметной стоимостью 3594 тыс. руб.

17 апреля 1952 г. было получено разрешение № 48 на производство строительных работ для управления Камского речного пароходства на строительство Дома Грузчика в квартале № 27 по ул. Орджоникидзе, 171, Кагановичского района г. Молотова, на основе согласованного 16 апреля 1952 г. главным архитектором г. Молотова технического проекта (Гипроречтранс г. Москва, арх. Рагулин) 4-х этажного каменного жилого дома

на 87 квартир (2-х комнатных – 8 квартир, 3-х комнатных – 4 квартиры, 4-х комнатных – 4 квартиры и 1-комнатных – 71), с центральным отоплением, водопроводом и канализацией (с магазином площадью на 290 кв.м.). Объем здания – 21996 куб.м., общая площадь – 3031 кв.м., в т. ч. жилая – 2111 кв.м., вспомогательная 920 кв.м. Стоимость строительства по генеральной смете – 3493,6 кв.м., стоимость 1 куб.м. – 159 руб., стоимость 1 кв.м. – 1660 руб. Начало строительства – 1952 г., срок окончания работ – декабрь 1953 г. Работы предполагалось производить подрядным способом через Камское управление бассейна ГВРУ. Архитектурный надзор от Гипроречтранс – архитектор Рагулин, технический надзор – старший инженер ОКС КРП Борисов²⁷.

17 апреля 1952 г. начальник Камского речного пароходства Соколов подписал «гарантийное обязательство»: на отведенном пароходству земельном участке в соответствии с решением Горисполкома г. Молотова от 5 сентября 1937 г. за № 111 на правах бессрочного пользования по ул. Орджоникидзе и Толмачева в квартале № 27 г. Молотова возвести дом грузчиков (общежитие) общей кубатурой 11352 куб.м., стоимостью 3493,6 тыс. руб. Строительство дома должно было начаться не позднее 1 июля 1952 г., с выполнением работ в 1952 г. на сумму 450 тыс. руб., и с окончанием строительства в декабре 1953 г.

Камское речное пароходство, в соответствии с § VIII типового акта о предоставлении в бессрочное пользование земельных участков под строительство и дальнейшую эксплуатацию, утвержденного приказом НККХ РСФСР 20.10.1940 за № 826, принимало на себя ответственность за соблюдение установленных гарантийным письмом сроков и условий строительства «Дома грузчика»²⁸.

8-23 мая 1952 г. была произведена разбивка на местности котлована 2-й очереди строительства Дома Грузчика (правого и левого крыльев, примыкающих к существующему зданию) по ул. Орджоникидзе, 171 в кв. № 27 Кагановичского района г. Молотова²⁹. Рытье котлованов началось 8 мая 1952 г. Постройку вчерне предполагалось закончить в октябре 1954 г.; полную сдачу в эксплуатацию 1-й очереди – в июне 1954 г., и 2-й очереди – в декабре 1954 г. Уборку строительного мусора и очистку территории застроенной части предполагалось закончить к сентябрю 1954 г.³⁰

14 апреля 1955 г. государственная приемочная комиссия приняла в эксплуатацию блок общежития Дома Грузчика на земельном участке № 171 по ул. Орджоникидзе. Предъявлен к сдаче блок общежития и встроенное помещение магазина объемом 16016 куб.м., полезной площадью 1921 кв.м. и жилой – 1436 кв.м. Оценка выполненных работ – «удовлетворительно», в т. ч. и архитектурного оформления фасадов. Комиссия отметила недоделки и дефекты строительства. Полную сдачу в эксплуатацию предписано произвести после очистки территории в августе 1955 г.

30 апреля 1955 г. исполнительный комитет Молотовского горсовета разрешил начальнику КРП Соколову заселить первое крыло общежития Дома Грузчика по ул. Орджоникидзе грузчиками при условии выполнения всех недоделок³¹.

30 сентября 1955 г. государственной приемочной комиссией был подписан акт приемки здания. Комиссии была предъявлено 4-х этажное каменное здание общежития на 270 человек, принятое акту технической приемки 14 апреля 1955 г. от подрядчика Заостровского строительного отряда Камского строительного-монтажного треста «Главречстрой». Согласно предъявленным документам, строительство здания началось в сентябре 1952 г. по проекту, разработанному институтом Гипроречтранс (архитектор Рогулин) и утвержденному Главным архитектором г. Молотова 16 апреля 1952 г. Предъявленное комиссии здание имело объем 16016 куб.м., полезную площадь 1921 кв.м. и жилую площадь 1436 кв.м. Отметив хорошее качество выполненных работ, комиссия установила оценку принимаемого в эксплуатацию здания как удовлетворительную. Акт государственной комиссии был утвержден решением Молотовского горисполкомом 20 октября 1955 г., № 878³².

14 декабря 1955 г. государственной приемочной комиссией был подписан акт приемки здания по ул. Орджоникидзе, 171. Комиссии была предъявлена 16-ти квартирная секция Дома Грузчиков, объемом 5980 куб.м., с полезной площадью 1110 кв.м. и жилой площадью – 574 кв.м. Согласно предъявленным документам, строительство здания началось в 1953 г. по проекту, разработанному институтом Гипроречтранс (архитектор Рогулин) и утвержденному главным архитектором г. Молотова 16.04.1952, № 78.

Все здание Дома Грузчиков на момент приема государственной комиссией предъявленной секции имело три секции общим объемом 21996 куб.м., с полезной площадью 3031 кв.м. и жилой площадью 2010 кв.м.³³.

20 мая 1993 г. решением Малого Совета Пермского областного Совета депутатов трудящихся № 683 здание «Дома Грузчика» было взято на учет как памятник архитектуры и градостроительства Пермской области местного (областного) значения³⁴.

¹ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь: Пушка, 2001. – С. 141.

² ГАПК. Ф. р-196. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

³ Ф. р-38. Оп. 1. Д. 838. Л. 647-647 об.

⁴ Там же. Л. 647-647 об.

⁵ Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 114. Л. 32, 23-17, 16-10.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 95.

⁷ Там же. Л. 95-95 об., 21-21 об., 29-29 об.

⁸ Там же. Л. 44а.

⁹ Там же. Л. 29-29 об., 28-28 об., 27-27 об., 45 об.-44.

¹⁰ Там же. Л. 95-95 об., 21-21 об., 29-29 об.

¹¹ Там же. Л. 48-46 об.

¹² Ф. р-196. Оп. 2. Д. 1. Л. 40а, 28-20.

¹³ Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 32. Л. 45 об.

¹⁴ Там же. Л. 64.

¹⁵ Там же. Л. 71, 66 об-65.

¹⁶ Там же. Д. 114. Л. 32, 23-17, 16-10.

¹⁷ Там же. Д. 32. Л. 123-124.

¹⁸ Там же. Л. 153-152.

¹⁹ Там же. Л. 154.

²⁰ Там же. Л. 170-170 об.

²¹ Там же. Л. 165-165 об., 164; 169-167.

²² Там же. Л. 166.

²³ Ф. р-196. Оп. 3. Д. 20. Л. 17.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 3-3 об.

²⁵ Там же. Л. 9-9 об.

²⁶ Там же. Л. 4-4 об., 17.

²⁷ Ф. р-196. Оп. 2. Д. 1. Л. 40, 38, 37, 25, 26; Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 189. Л. 53-53 об., 54-54 об., 55.

²⁸ Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 189. Л. 57, 59-61 об.

²⁹ Ф. р-196. Оп. 2. Д. 1. Л. 24, 20, 19.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Там же. Л. 1-2, 3, 4, 6.

³² Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 189. Л. 63-64 об.

³³ Там же. Л. 3-4 об.

³⁴ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь: Арабеск, 1983. – С. 58.

Е. П. Субботин

ПЕРМСКИЕ АДРЕСА НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР Л. П. САХАРОВОЙ

«Народный артист СССР» – почетное звание, присваивавшееся выдающимся деятелям искусства народов СССР, особо отличившихся в деле развития советского театра, музыки и кино. Звание утверждено постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР, принятым на 3-й сессии 7-го созыва 13 января 1937 г. Звание являлось высшей в стране степенью отличия в области музыки и зрелищных искусств.

Первыми кавалерами почётного звания «Народный артист СССР» 6 сентября 1936 г. стала группа выдающихся деятелей, среди которых: К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, И. М. Москвин и другие. Последними кавалерами почётного звания «Народный артист СССР» 21 декабря 1991 г. стали: О. И. Янковский и С. С. Пилявская. Всего звания «Народный артист СССР» были удостоены 1010 человек.

Первым среди деятелей балетного театра звания «Народного артиста СССР» был удостоен Вахтанг Чабукиани.

В Перми на сегодняшний день проживают три выдающихся деятеля, удостоенных почетного звания «Народного артиста СССР»; из них только Людмила Павловна Сахарова связана с балетным театром [1].

САХАРОВА Людмила Павловна (р. 12.9.1926, Москва), артистка, педагог. Заслуженный учитель РСФСР (1970). Народная артистка РСФСР (1980). Народная артистка СССР (1986). Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. И. Глинки (1977). Почётный гражданин Перми (1996). Почётный гражданин Пермской области (1997). Удостоена звания «Выдающийся деятель пермского балета XX столетия» в номинации «Педагоги» (2000).

Выдающийся педагог классического танца. Легендарная для Перми личность, с именем которой связан расцвет балетной школы в Перми и известность этой школы во всём мире.

Заниматься хореографией начала с шестилетнего возраста в балетной студии, куда её привёл балетмейстер А. Шатин. Окончила Московское хореографическое училище в 1945 г. (класс М. А. Кожуховой).

Артистка балета Большого театра (Москва, 1945–1947).

Артистка балета Молотовского (Пермского) театра (1.9.1947 – 12.10.1952, уволилась в связи с поступлением в ВУЗ; 27.10.1955 – 15.4.1956). Репертуар: Хозяйка Медной горы («Каменный цветок»); Мерседес, Повелительница дриад («Дон Кихот»), Карабос («Спящая красавица»), Лауренсия («Лауренсия»), Птица («Милица») и др.

Художественный руководитель балетной труппы Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского (1977-1980, 1982-1983).

С 1956 г. – педагог народно-сценического, затем классического танца Пермского хореографического училища (с 1973 г. – художественный руководитель; с 2005 г. – Почетный художественный руководитель).

За 45 лет работы подготовила свыше 100 специалистов хореографии и воспитала целую плеяду артисток балета, успешно работающих во многих театрах. Среди её учениц имеют мировую известность: Галина Рагозина (выпуск 1968 г.); Любовь Фоминых и Ирина Хакимова (1970); Надежда Павлова, Ольга Ченчикова, Регина Кузьмичёва, Елена Шихова (1974), Светлана Смирнова (1977); Елена Кулагина и Наталья Ахмарова (1982), Татьяна Гурьянова (1986), Екатерина Березина (1991), Наталья Балахничева (1993) и другие.

Поставила балеты: «Щелкунчик» (1980-е, Ереванское хореографическое училище); «Класс-концерт» (1986, Пермское хореографическое училище); «Коппелия» (20.30.1996, Челябинский театр оперы и балета).

Награждена Орденом Трудового Красного Знамени (1976) и Орденом Дружбы народов (1994) за заслуги в развитии хореографического искусства и плодотворную педагогическую деятельность [2].

Звание «Народной артистки СССР» Л. П. Сахаровой было присвоено 6 ноября 1986 г. [3]. В связи с этим событием на сцене Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского состоялся её творческий вечер

Пермские адреса Л. П. Сахаровой:

Здание Пермского хореографического училища (ныне хореографический колледж).

Ул. Петропавловская, 18.

Место работы. В собрании училища имеется «Портрет Л. П. Сахаровой» (художник Е. Н. Широков). Портрет установлен в балетном классе, в котором Людмила Павловна проводила занятия.

Здание Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского.

Ул. Петропавловская, 25а.

Место работы. В зрительной части театра (ложа № 4) установлена табличка: «Место Народной артистки СССР Людмилы Павловны САХАРОВОЙ».

Здание Пермского педагогического института (ныне Пермский педагогический университет).

Ул. Сибирская, 24.

Место учебы в 1952-1956 гг. на факультете иностранных языков.

Жилой дом.

Сталинский (ныне Комсомольский) проспект, 11, кв. 6.

На месте этого дома выстроен 9-ти этажный жилой дом и располагается супермаркет «Виват». По приезду в 1946 г. в г. Молотов (Пермь) Л. П. Сахарова жила на разных частных квартирах, снимаемых театром. Данный адрес указан в 1950 г. [4].

Жилой дом.

Комсомольский проспект, 80.

Дом 5-ти этажный, с административными помещениями. Л. П. Сахарова жила здесь до 1966 г.

Жилой дом.

Ул. Героев Хасана, 16, кв. 5.

Дом 5-ти этажный, с административными помещениями. Л. П. Сахарова жила здесь в 1967-1978 гг.

Жилой дом.

Ул. Пушкина, 25, кв. 125.

Дом 9-ти этажный, с административными помещениями. Л. П. Сахарова жила здесь в 1979–1992 гг.

Жилой дом.

Ул. М. Горького, 51, кв. 149.

Дом 9-ти этажный, с административными помещениями. Л. П. Сахарова жила здесь в 1993–1999 гг.

Жилой дом.

Ул. Большевикская, 24.

Дом 14-ти этажный, с административными помещениями. Л. П. Сахарова проживает здесь с 2000 г.

[1]. В Перми также живут в настоящее время: **Кудряшева Лидия Кузьминична**, артистка оперы и **Бобылев Иван Федорович**, режиссер драматического театра. Кроме того, в Перми похоронена актриса драматического театра **Мосолова Лидия Владимировна** (1918–1996), удостоенная звания «Народного артиста СССР» 16 апреля 1980 г.

На доме по адресу ул. Газеты «Звезда», 14 / ул. Петропавловская, 33, 4 марта 1998 г. была установлена мемориальная доска, выполненная скульптором Николаем Хромовым: «**Народная артистка СССР / Почетный гражданин города Перми / Мосолова / Лидия Владимировна**».

[2]. Наиболее полная биографическая справка, перечень выпускниц Л. П. Сахаровой и список литературы о ней приведены в кн.: Почти всё о легендарной Л. П. Сахаровой / сост. Е. П. Субботин, М. И. Серов, В. Д. Инзельберг. – Пермь: Арабеск, 2006.

[3]. О присвоении почетного звания «Народный артист СССР» т. Сахаровой Л. П.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 нояб. 1986 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 46. Ст. 955; То же // Советская культура. 1986. 7 нояб. С. 3; То же // Советская Россия. 1986. 7 нояб.

[4]. Архив Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского. Личное дело Л. П. Сахаровой. Оп. 2. Д. 56. Л. 226–229.

Дополнение:

Приведем здесь еще один адрес в Перми, связанный с ученицей Людмилы Павловны Сахаровой – **Надеждой Васильевной Павловой**. Среди ныне живущих народных артистов СССР она является самой молодой обладательницей этого звания, которого была удостоена 13 декабря 1984 г.

Жилой дом.

Ул. Пушкина, 27, кв. 191.

Дом 9-ти этажный, с административными помещениями. Надежда Павлова жила здесь в 1974–1975 гг. после окончания Пермского хореографического училища, до своего отъезда в Москву на работу в Большой театр.

ДОМ СМЫШЛЯЕВА: ЭКСКУРСИОННЫЙ КОМПЛЕКС

Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина располагается в здании-памятнике истории и культуры XIX в. регионального значения «Дом Смышляева», в самом центре Перми. Дом и окрестности сложатся памятью прошедших двух столетий, как книга страницами. В его обширных залах в разное время размещались и купеческий клуб, и городская дума, и общественная библиотека. Обогащение историко-культурных смыслов провинциального города его посетителями и гостями трудно переоценить. Не единожды в неделю сюда забегал за очередной книжкой гимназист Миша Ильин, впоследствии – писатель М. А. Осоргин, создавший великолепные образцы мемуарной прозы. В 1916 г. здесь занимался Борис Пастернак, позднее переадресовавший свои впечатления любимому герою – Юрию Живаго.

В годы войны читателями библиотеки были жившие здесь в эвакуации легендарные балерины Мариинки Галина Уланова и Ольга Лепешинская; московские писатели, актеры, композиторы, режиссеры. Благодаря им, культурная жизнь города Молотова искрилась, бурлила театральными спектаклями, литературными вечерами и концертами, многие из которых проходили в большом зале библиотеки.

1980-е гг. запомнились современникам Клубом музыкальных встреч, где ведущим был легендарный основатель пермского художественного телевидения Григорий Барабанщиков. Вторая половина 1990-х – «ренессансом» отечественной словесности, когда в Пушкинке прошел 3-х летний цикл вечеров «Литературные среды в доме Смышляева». Лучшие поэты современной России – И. Жданов, А. Парщиков, А. Решетов, Т. Кибиров, О. Седакова и многие другие – читали здесь свои стихи, размышляли о нашем настоящем и будущем.

Продолжая живую культурную традицию, сотрудники библиотеки осваивают и развивают историко-культурные смыслы Дома и Города, осознавая себя важнейшим городским центром книжной культуры, являющимся, по сути, библиотекой мемориального типа. В последние годы активно развивается экскурсионный комплекс Дома. Его основой стали Портретная галерея владельцев и гостей Дома Смышляева и документальная экспозиция к ней; книжная коллекция пермистики краеведа М. А. Луканина, краеведческий фонд, а также полнотекстовая база данных «Золотая летопись Дома» с хорошим информационным ресурсом и видеорядом. Самой востребованной культурной практикой для горожан стала экскурсия по знаменитому особняку и окрестностям, как один способов активного осмысления своего города.

Теперь уже многие пермяки знают о том, что Пермь стала прототипом города Юрятин в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», а Пушкинка – Юрятинской читальней, одним из важных мест действия романа. Дом заслуживает мемориальной доски: «Здесь встретились Юрий и Лара, любимые герои Бориса Пастернака». Так начинается необычная экскурсия с томом Пастернака в руках. Близость реки Камы (Рыньвы), скрещенье улиц, где расположена библиотека, «многооконный читальный зал на сто человек» – все узнаваемо! Впечатление усиливает участие актеров с инсценировкой встречи героев романа и чтением стихов Юрия Живаго. Атмосферу читальни создают зимний сад с хвойными растениями и артефакты пермских художников – картины, керамические панно и фотоинсталляции. Книжная экспозиция «Юрятин – город судьбы» рассказывает о пребывании Бориса Пастернака в Прикамье. Читатель касается книг, которые, возможно, держал в руках Пастернак (или Живаго?). Вымысел и реальность прочно соединились в этом месте, волнуя звуками «Вальса Лары» из культового фильма 1960-х гг.

С тех пор как было разгадано реальное месторасположение Юрятина, в Пермь едут очарованные историей любви немцы, англичане, американцы, австралийцы. Между тем, наибольший интерес для нас представляют именно жители города Перми. Экскурсоводы с удовольствием проводят их от Юрятинской читальни через Театральный сквер к памятнику молодому Борису Пастернаку и далее к Дому с фигурами, показывают место, где жила Лара с маленькой дочкой; гимназию, где она преподавала.

В зависимости от возраста и предпочтений наших посетителей традиционная экскурсия трансформируется то в прогулку «По Пушкинке без скуки», где достоверность тесно соседствует с вымыслом – городскими байками, мифами, литературными легендами, то в событийное путешествие, основанное на цикле краеведческих этюдов «Загадки портретного фойе». Истории путешественников и странников не вмещаются в пространство Дома и выплывают на городские улицы. Теперь набережная Камы, улица Сибирская, здания мужской гимназии и Благородного собрания становятся для участников путешествия объектами достоверного пространства и увлекательных событий, описанных Ф. Ф. Вигелем в «Записках», М. А. Осоргиным во «Временах», Д. Д. Смышляевым в книге «Синай и Палестина», и т. д.

Подчеркнуто интерактивны наши блуждания по переулкам, в поисках следов пребывания знакомцев Пушкина в Перми. Близость к поэту людей здесь побывавших, волнует очень многих, поэтому совместные предположения, догадки в ходе этой экскурсии очень уместны. Имена графов Сперанского и Строганова, княгинь Бутеро и Волконской, выпускников лицея Вяземского и Вердеревского и места, где они жили, гостили, создают устойчивый пушкинский фон. Поэтому так орга-

нична совместная разгадка «детективной» истории о возможных путях появления странной книги «Жизнь Суворова им самим описанная», 1819 года, с печатью Александровского Императорского лицея, в книгохранилище нашей библиотеки.

Новый проект Пушкинки «Библиотека на вырост» был реализован в режиме общедоступной летней акции для детей младшего и среднего возраста. Был опробован экскурсионный вариант – современная «взрослая» библиотека в старинном пермском особняке. Как уживаются рядом новые ИТК и старинные гостиные? Что находится в хранилищах, и какие тайны есть у круглой комнаты? Кто жил раньше в этом огромном Доме и чем занимался? Дети пытались это понять и освоить, а мы – постичь секреты детского восприятия. Кроме этого, конечно, играли, вручали призы и подарки.

Для молодых пермяков увлекательным и деятельным занятием стали придуманные нами информационно-поисковые игры: в Доме – «Тайна круглой комнаты», «По следам пермского странника» (о Д. Д. Смышляеве); и в пространстве города – «В поисках Юрятина», фотоигра «Зимой в литературном городе» и др.

Играм предшествуют демонстрации тематических мультимедийных программ: «Виртуальные прогулки с Борисом Пастернаком», «Феномен эвакуации в культуре Перми», «Философский пароход Михаила Осоргина»; а также краеведческие этюды: «Пушкин и Строгановы», «Знакомцы Пушкина в Перми», «Загадки Портретного фойе» и др.

Результатом пробужденного интереса к смысловой сфере города стали созданные ребятами видеоролики, клипы, фоторепортажи, т. е. новые смыслы, которые, в свою очередь, позволяют нам предпринимать ещё более креативные, радикальные проекты.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Н. В. Краснопёрова

БЫТОВОЙ УКЛАД СЕМЬИ ПИСАТЕЛЯ А. С. СИГОВА-ПОГОРЕЛОВА

Имя уральского писателя-народника Алексея Сергеевича Сигова-Погорелова тесно связано с Пермью. Он родился 9 февраля 1860 г. в доме на ул. Екатерининской. В 1880 г. окончил седьмой класс Алексеевского реального училища и уехал учиться в Петербург. В Пермь А. С. Сигов вернулся с семьей в начале 1890-х гг. после того, как с него был снят надзор полиции. Алексей Сергеевич считал Пермь своим родным городом в полном смысле этого слова, ведь именно здесь он обрел верных друзей, почувствовал уверенность в своих силах, написал большинство своих произведений.

Собственного дома в Перми у А. С. Сигова-Погорелова не было, семья жила на съемных квартирах. «Каждая улица специфична и имеет свой характер: одни предназначены для прогулок, другие – для покупок, третьи – для культурных и духовных ценностей»¹. Последними Алексей Сергеевич считал улицы Большую Ямскую и Вознесенскую, чаще всего там снимали квартиры врачи, учителя, чиновники, артисты; и он искал квартиры именно на этих улицах.

Известно, что в 1902 г. Сиговы снимали квартиру в домах Турчаниновой на ул. Вознесенской (Луначарского), а в 1904 г. жили на квартире в доме Васильева по ул. Большой Ямской (Пушкина), д. 11. Алексей Сергеевич служил в Пермском губернском земстве старшим техником по распланированию селений, а его жена Ольга Порфирьевна, врач, значилась членом Мариинского попечительства о слепых². Рядом, в д. 9 по улице Большой Ямской снимал квартиру актер городского театра А. Д. Городцов, а в д. 13 жил со своей семьей директор народных училищ А. П. Раменский³.

В семье Сиговых в то время росли уже пятеро детей. Младший сын Алексей родился в Перми в 1903 г. Старшие дети – Владимир, Константин и Михаил – учились в Алексеевском реальном училище. Иван и Верочка были еще совсем маленькими. Семья была дружной. Детей называли только ласкательными именами: Михалка, Костюша, Верочка.

«Отношение папы, мамы и всех взрослых к нам, детям, было исключительно хорошее. Мы не знали не только физических наказаний, но редко испытывали даже наказания другими способами»⁴. «У нас постоянно бывали наши сверстники, еще увеличивая наш детский коллектив»⁵. Семьями мы были дружны с Розановыми, у которых было три мальчика нашего возраста: Коля, Женя и Адя, и две девочки – Наташа и Галя. Кроме Розановых, близки нам были Марковы: мальчики Боря и Игорь и девочка Люда»⁶. Любимым занятием детей были игры в разбойников или индейцев. Вспоминает Михаил Алексеевич: «Помню, как-то раз взрослые ушли в театр. Мы страшно раздурились, подняв всё в доме вверх дном. Были составлены на пол всевозможные вещи, покрыты одеялами, шубами, подушками. Тут же на полу были расставлены банки и кадки с цветами – все это должно было изображать горы, ущелья тропического леса. И среди этих гор и лесов сражались между собой индейцы. Когда взрослые вернулись из театра, они застали страшную картину...»⁷.

Началам грамоты и арифметики в семье детей учила мама, Ольга Порфирьевна, потомственная дворянка, дочь генерал-майора Левашева (портрет деда в офицерском мундире всегда висел на видном месте). В доме Сиговых была большая библиотека. Произведения Пушкина и Лермонтова Сиговы-младшие узнали и полюбили очень рано. В мае 1899 г. Пермь праздновала 100-летие со дня рождения Пушкина. В организации праздника приняла участия вся местная интеллигенция: А. С. Сигов, А. Д. Городцов, А. П. Раменский, П. Н. Серебренников и многие другие. Хоры певческих классов и курсов выступали бесплатно в Загородном саду, детям вручались издания сочинений Пушкина и его портрет; в городском театре состоялись торжественный вечер и концерт⁸. Из воспоминаний М. А. Сигова: «После детского утренника мы всей ребячьей компанией пошли гулять за город на речку Ягошиху и, забираясь на пригорки, декламировали: «Я памятник себе воздвиг...». Уже тогда мы начали осмысливать эти слова»⁸.

Еще в раннем детстве Алексей Сергеевич Сигов полюбил музыку и уделял ей много времени. Однажды услышав звуки скрипки, он «увлекся ею, и, забившись в уголок какой-то чайной в Красноуфимске, где играла захудалая скрипка, часами слушал ее. В юности сам смастерил себе скрипку. Настоящую же получил будучи взрослым, женатым человеком в Перми»⁹. Получив такой замечательный подарок от своих пермских друзей, Алексей Сергеевич стал брать уроки игры на скрипке, уроки нотной грамоты и впоследствии стал членом Пермского музыкального кружка, а в 1900, 1901 и 1902 гг. даже входил в совет старшин в нем. Играл на скрипке, альте и гитаре. В составе оркестра музыкального кружка А. С. Сигов выступал с концертами в здании оперного театра, в Благодородном собрании; летом музыканты играли в красивой музыкальной бе-

седке-раковине на Загородном бульваре. «Когда по вечерам Алексей Сергеевич брался за скрипку, все оставались пригвожденными к месту. Сердце наполнялось слезами и хотелось лететь куда-то ввысь и делать что-то хорошее»¹⁰. Напрасно тогда Ольга Порфирьевна пыталась отпратить детей спать. Слушать музыку в исполнении отца они готовы были без конца. Очень любил Алексей Сергеевич старинные народные и свадебные песни («вытьё»). Бывая в деревнях, он слушал, собирал, записывал их, а потом переключал на ноты⁹. А. С. Сигов написал квартеты, квинтеты, вариации, к сожалению, многие из этих произведений утеряны. В фонде ЦГАЛИ сохранились ноты «Краковяка» и «Серенады». Часть сочиненных А. С. Сиговым произведений сохранилась в ГАПК и ждет своих исследователей.

По роду своей деятельности в земстве Алексей Сергеевич много ездил по городам и селам губернии. Наблюдения, путевые заметки, сделанные во время таких поездок, легли в основу его произведений. В Перми он написал «Мрак» (Русская мысль, 1895), «Среди ночи» (Русская мысль, 1897), «Перед грозой» (Русское богатство, 1899), «Одинокий скиталец» (Литературный сборник в память женщины-врача Е. П. Серебренниковой. СПб., 1900), «Мохов» (Русское богатство, 1901), «Впотьмах» (Русское богатство, 1903), «Омут» (Русское богатство, 1904) и другие. Уделять много времени книгам Сигов не мог, поэтому дети часто видели, что «по ночам папа много пишет»¹².

Алексей Сергеевич передал своим детям большую любовь к уральской природе. «Весной папа выводил нас за город, к реке Ягошихе, послушать жаворонков. И слушая, мы старались найти певца в глубине синего неба. Жаворонок был для нас вестником и певцом весны»¹³. В Каму была влюблена вся семья Сиговых. Весной все с трепетом следили за освобождением реки из-под ледяных оков: «Оковы трещат, на них образуются прорывы свободной воды. И вот лед взломан. Свободная стихия реки победила! Вскрытие льда и ледоход казались нам захватывающей борьбой за освобождение. А как величественна была Кама во время разлива! Затопляются заливные луга противоположного берега, в воде стоят дома, начинает скрываться под водой большой остров напротив Мотовилихинского завода. Река оживает, появляются первые пароходы, призывно, радостно звучат их свистки»¹⁴. Дети знали все пароходы по названиям, старались узнавать их по виду и по свисткам.

«При всех наших выходах на лоно природы отец брал с собой масляные краски и чрезвычайно быстро набрасывал живые пейзажи. Писать этюды для него было наслаждением, он писал их всюду, где мог. Свои картины из скромности не подписывал. Раздавал их знакомым»¹⁵. Близким знакомым Алексея Сергеевича был талантливый художник Л. Никонов, акварели которого были отмечены критиками на пятой

художественной выставке Уральского общества любителей изящных искусств (УОЛИИ), открывшейся 10 марта 1902 г. в Екатеринбурге¹⁶. В квартире Сиговых висела во всю стену картина, подаренная Новиковым – «Грузчики на Волге»¹⁷.

На все лето детей обязательно вывозили за город: на хутор к бабушке и дедушке в Красноуфимский уезд или в деревни Оверята и Конец Бор. «Места там (в деревнях) были очень красивые: широкая, величественная, то зеркально-гладкая, то бурная Кама, дивный сосновый бор, роскошные заливные луга с дивным ковром цветов и дикими ирисами» (18). Мальчики «не только наслаждались природой, но и принимали участие в сельских работах: косили и гребли сено, возили копны, метали стога. В это время они особенно «отчетливо видели два мира: богатства и бедности, власти и насилия»¹⁴.

Театр в семье Сиговых любили все. Из воспоминания сына Алексея Сергеевича Михаила: «Помню, какое глубоко волнующее впечатление произвела на меня первая виденная мною опера «Фауст». Волшебниками и чародеями сцены были для меня бас Мутин и тенор Закржевский. Исключительное впечатление произвела на всех опера «Демон». В тот вечер не обошлось без курьезов: брат Ваня, взятый в театр впервые, увидев, что один из «убитых» актеров пошевелился, закричал на весь зал: «Папа, а что он, пропащий, а шевелится?» Все смеялись»¹⁹. Увлечение театром привело детей к попыткам ставить домашние спектакли. «В этом деле у нас было два хороших руководителя – дядя Ваня (брат отца) и Александр Николаевич Колотилов (младший техник по распланированию селений в губернском земстве), с удовольствием занимавшихся с нами. Мы ставили пьесы Островского, «Женитьбу» Гоголя, «Бориса Годунова» Пушкина и другие»¹⁷.

Среди близких друзей семьи Сиговых были супруги Серебренниковы. «Многим в Перми были известны «среды», которые устраивались в квартире Серебренниковых. Здесь читали и обсуждали статьи по вопросам литературы, искусства, философии, разговаривали на все современные темы...». Постоянным участником этих собраний был и «писатель Сигов-Погорелов, известный своими народническими взглядами и задававший тон на «средах»²⁰. Евгения Павловна Серебренникова с удовольствием подолгу беседовала с ним, а также лечила и даже оперировала отца Алексея Сергеевича, Сергея Петровича, который зимами приезжал к сыновьям в Пермь. Ей импонировали его доброта и то, с какой горячностью он отстаивал интересы крестьянства. Она не раз вспоминала рассказанный ей Алексеем Сергеевичем случай, когда, будучи избранным старшим присяжным заседателем, на выездной сессии пермского окружного суда Сергей Петрович заступился за крестьянина, которому грозило восемь лет каторжных работ. Сигов-старший кричал своему зажи-

точному свояку А. И. Воронину: «Если обвинять татарина, укравшего с голоду муки на 20 копеек, то тебя, подлеца и вора, пустившего по миру не одну сотню людей, мало повесить». Присяжные заседатели вынесли в тот раз крестьянину оправдательный вердикт²¹. Е. П. Серебренникова называла Сергея Петровича «своим отцом». На память она подарила ему свой портрет с надписью и изречением Белинского: «Глубокоуважаемому и сердечно любимому отцу моему Сергею Петровичу Сигову на память от почтительной и нежной дочери сей портрет и изречение: «Благо тем, которые умеют и в зиму дней своих сохранить благодарный пламень сердца, живое сочувствие ко всему великому и прекрасному бытия, которые чувствуют себя в живой и радостной связи с настоящим и благословениями приветствуют светлую зарю будущего...». Портрет этот долгие годы бережно хранился в семье Сиговых²².

30 января 1894 г. открылось Пермское экономическое общество (ПЭО). Председателем его единодушно был избран управляющий Пермской казенной палатой А. Е. Рейнбот. На первом собрании была создана комиссия для выработки программы. В состав комиссии вошли лучшие: известный статистик Е. И. Красноперов, землемер А. С. Сигов, окончивший Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве В. А. Владимирский, участник кружка пермских декабристов И. Г. Остроумов, сосланный в Пермь народник В. И. Маноцков²³. Сигов и Владимирский были знакомы по Красноуфимскому реальному училищу. Разработанная комиссией программа оказалась смелым для того времени документом, поэтому администрация губернатора всячески мешала осуществлению задуманного. Из состава членов Пермского экономического общества постепенно выделился круг лиц, стремившихся к коренным преобразованиям в социальной и экономической жизни пермяков. Они собирались отдельными группами на квартирах друг у друга, там разговоры были более откровенными. Местом наиболее частых сборов стала квартира супругов Серебренниковых. Собирались также у А. С. Сигова, В. А. Владимирского и у А. Е. Рейнбота. Если в доме имелись рояль или пианино, собрания были похожими на музыкальные вечера. Музыцировали, танцевали, горячо обсуждали вопросы экономики и политики²⁴.

Не менее активно члены ПЭО работали в других общественных организациях города. Так, вместе с П. Н. Серебренниковым братья Сиговы, Иван Сергеевич и Алексей Сергеевич с женой Ольгой Порфирьевной, были в числе членов-учредителей Научно-промышленного музея (25). Деятельность музея имела не только просветительскую, но также социальную и политическую направленность. Губернатор перечислил в докладе правительству фамилии неблагонадежных членов музея: П. Н. Серебренников, В. А. Владимирский, С. А. Удинцев, братья Сиговы А. С. и И. С., И. Г. Остроумов, П. А. Голубев и другие²⁶.

Старшие мальчики внимательно следили за общественной жизнью родителей, и постепенно у них формировалась «неприязнь к угнетателям народа»²⁷.

По субботам в доме Сиговых часто устраивались музыкальные вечера: пение, скрипка, виолончель, трио. Алексей Сергеевич исполнял «Полонез» Огинского. Сын Михаил пел с отцом дуэтом несколько народных песен. Одна из них называлась «Конторушка»: «Как во нашем во заводе конторщик парень молодой. Он не пишет, не читает, по конторушке гуляет»²⁸. Декламировали гражданские стихи Н. А. Некрасова и С. Я. Надсона. Позже «Похороны» Надсона были переложены Сиговым для пения и при исполнении производили на всех особенное впечатление. «Пассивные любовь и сострадание к народу постепенно переходили в сознании детей в революционную настроенность»²⁷.

По воскресным дням в семье Сиговых стряпали пироги с рыбой, мясом, капустой или морковью. По праздникам на столе обязательно был «фамильный» пирог с солеными сигадами. Алексей Сергеевич любил праздники и умел их организовывать, создавать праздничное настроение. Ольга Семеновна Ипанова, встречавшаяся с ним в доме Мешкова, вспоминала: «где он, там и веселье»²⁹. Одним из самых любимых праздников в семье была Пасха. Алексей Сергеевич специально к этому празднику сам проращивал овес и раскладывал на нем яйца, которые раскрашивали дети.

«В стаканах разводятся краски, мы опускаем туда яйца и с упоением красим, не замечая того, что у нас покрашены не только яйца, но и руки, лица и одежда. А какое было удовольствие играть, катая крашенные яйца с горки! Мы очень увлекались этой игрой и играли часами. Родители заводили специальное тесто для куличей со всякими специями. Вынув готовые куличи из печи, ставили их «отдохнуть» на мягкие подушки». Затем отец вместе с детьми украшал куличи сахарным кремом, разноцветными конфетами и цветами³⁰. Он запекал копченый свиной окорок в ржаном тесте, которое тоже замешивал собственноручно. Любил Алексей Сергеевич праздничные обряды и Пасхальную церковную службу³¹.

В Рождество в доме устраивались детские ёлки. «Вся наша детская компания с участием взрослых заблаговременно готовится к елке: клеим цепи, корзиночки, коробочки, животных, звезды... С величайшим любопытством рассматриваем украшения, игрушки и подарки, приносимые мамой и папой из магазинов. Мы с папой идем на базар выбирать елку. Там их целый лес, как будто весь он перебрался в город. В наших елках живейшее участие принимали дядя Ваня (брат отца) и Александр Николаевич Колотилов. Ёлки у нас были всегда особенно красивыми, веселыми, интересными. Здесь были игры, загадки, шарady, инсценировки в костюмах, детские декламации, пение...»

На одном из рождественских праздников детей оказалось больше, чем рассчитали взрослые, и одной девочке не хватило подарка. Тогда Миша, едва сдерживая слезы, отдал ей свой подарок³². За столом не принято было употреблять спиртные напитки. Хорошее настроение создавалось и поддерживалось взаимным общением близких по духу людей, шутками, музыкой, пением. Ужин заканчивался крепким чаем из большого самовара.

На именины, 12 февраля по старому стилю, всегда собиралось много гостей. Имениннику чаще всего дарили книги³¹. По воскресеньям дети ходили в гости к своему дяде, Ивану Сергеевичу Сигову, жившему в доме у Кирхи по Большой Ямской улице. Дядя угощал племянников чаем с французскими булками и колбасой, а потом подолгу читал им вслух Б. Гарта, А. Толстого, Н. А. Некрасова³³.

Запомнились старшим сыновьям похороны хорошего знакомого Алексея Сергеевича, известного в Перми адвоката и общественного деятеля Валентина Валентиновича Грибеля, умершего 3 октября 1901 г. Вернувшись с похорон, Алексей Сергеевич играл на скрипке похоронный марш, а Иван Сергеевич на его мотив напевал стихи И. И. Козлова: «Не бил барабан перед смутным полком, когда мы вождя хоронили...»³⁴. Умирая в 1920 г. в Ставрополе на руках у сестры Н. В. Мешкова, Таисии Васильевны Розановой, Алексей Сергеевич с любовью и благодарностью вспоминал своих пермских друзей: В. В. Грибеля, Н. В. Мешкова, А. С. Удинцева, супругов Серебренниковых, П. А. Голубева и многих, многих других.

Приближалась революционная гроза. 1 мая 1905 г. братья Сиговы тайне от родителей присутствовали на нелегальной массовке в лесу. Так постепенно формировались революционные взгляды молодого поколения семьи Сиговых.

Судьба детей сложилась непросто. Старший сын Владимир, инженер-строитель, художник-самоучка, был арестован в 1905 г. за участие в студенческой демонстрации и выслан из Петербурга в административную ссылку в г. Грязновец Вологодской губернии на пять лет. В ГАПК сохранились три акварели кисти Владимира Алексеевича Сигова. Несколько его акварелей долгое время висели в здании Института гражданских инженеров в Петербурге, где он учился.

Второй сын Константин Алексеевич, инженер-технолог, автор ряда ценных изобретений, получивший посмертно Сталинскую премию, в 1905 г. вместе со старшим братом Владимиром находился в «Крестах».

Третий сын Михаил Алексеевич, экономист, видный деятель крестьянского движения Прикамья, преподаватель и один из основателей рабфака в Уральском университете, в 1905 г. включился в революционное движение. Провел в заключении в общей сумме семнадцать лет.

Четвертый сын Иван Алексеевич, выдающийся инженер-металлург, во время революции 1917 года тяжело заболел. По просьбе А. С. Сигова большую помощь в его лечении оказал Н. В. Мешков. После окончания курса в Петербургском политехническом институте он работал на Мотовилихинских заводах. При наступлении Колчака на Пермь эвакуировался на Верх-Исетский завод.

Младший из сыновей, Алексей Алексеевич, инженер-металлург, был лауреатом Сталинской премии, доктором наук. Дочь Вера – учительница, пенсионер Союзного значения. Все они, до самой своей смерти сохранили теплые воспоминания о своем детстве, юности; об отце, которого по праву считали «самородком Урала»; о днях, проведенных в Перми. Спустя много лет, Михаил Сергеевич Сигов написал: «Счастливы тот, у кого живут в памяти дорогие, прекрасные, наивно-чистые воспоминания детства, окрашивая жизнь, помогая жить в наиболее тяжелые периоды»³⁵.

¹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. – СПб., 1905. – Т. 7.

² Весь город Пермь: справочная книга. – Пермь, 1904.

³ Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. – Пермь, 1999. – С. 364-365.

⁴ ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 38.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 58.

⁹ Там же. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 37. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 370. Л. 30, 31.

¹² Там же. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 73.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Зайцев Г. Б. Художественная жизнь Екатеринбургa в конце XIX – начале XX вв // Известия Уральского ун-та. 1997. № 7: Гуманитарные науки. Вып. 1.

¹⁷ ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 75.

¹⁸ Там же. Л. 71.

¹⁹ Там же. Л. 74.

²⁰ Рабинович Р. И. Опальный миллионер. – Пермь, 1990. – С. 60-61.

²¹ ГАПК. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 359. Л. 96.

²² Там же. Д. 360. Л. 8-9.

²³ Кашихин Л. С. Адрес с хризолитами // Пермский край: Старая Пермь. 1723—1917: Краеведческий сб. – Пермь, 1992. – С. 110.

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 308. л. 18.

²⁶ *Кашихин Л. С.* Дедушка пермского прогресса // Подвижники культуры Серебрянниковы. – Пермь, 1991. – С. 62.

²⁷ ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 60.

²⁸ Там же. Л. 35.

²⁹ Там же. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

³⁰ Там же. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 7, 9.

³¹ Там же. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 445.

³² Там же. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 4148. Л. 9, 10.

³³ Там же. Л. 58.

³⁴ Там же. Л. 62.

³⁵ Там же. Л. 46.

3. С. Антипина

ДОМ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО В ТРОИЦЕ: РЕЗИДЕНЦИЯ СОВЕТСКОГО ПОЭТА

«Когда-нибудь Каменка станет Ясной Поляной», – написал в 1918 г. поэт-футурист Василий Каменский о своем пермском доме ¹. В строительстве хутора Каменка недалеко от Перми, который был домом поэта с 1912 по 1931 гг., Каменский воплотил характерную для русской культуры серебряного века идею о Доме Поэта как особом, священном месте, храме на символической мировой горе, у истока мироздания ². Но не Каменка, а советская Троица стала «Ясной Поляной» Каменского – местом паломничества при жизни поэта и местом памяти после его смерти. В культурной жизни советской Перми дом в пригородной Троице, в котором Каменский жил с 1932 по 1951 гг., сыграл роль резиденции известного советского поэта.

Дом в Троице мыслился Каменским продолжением идеи Дома Поэта как элемента индивидуальной поэтической мифологии. Архитектурное решение и внутреннее устройство дома были подчеркнуты индивидуальными, яркими. Времяпрепровождение и атмосфера в доме – частые гости, прогулки на лоне природы, чаепития за большим круглым столом, развлечения – во многом напоминали дачную жизнь. Оригинальность дома и хозяина подчеркивали так называемый «Музей Поэта» – коллекция разнообразных предметов искусства, сувениров и просто памятных вещей, диковинные птицы в клетках и оранжерея. Очевидно, что все это мало соответствовало привычному укладу жизни советского человека 1930–1940-х гг. Особость дома проявилась даже в троицких административно-хозяйственных документах, где дом значился не в списке крестьянских хозяйств, каким он был в бытовом отношении, а среди учреждений или отдельной строкой.

В отличие от Каменки, Троица не стала частью литературного мира Каменского, который не посвятил своему «советскому» дому ни стихов, ни прозы. В пермской культурной жизни советского периода и истории пермской литературы XX в. дом Василия Каменского в Троице состоялся как часть общественной деятельности Каменского в качестве признанного советского поэта. Резиденция, как официальное местопребывание высокопоставленного лица, не просто совмещает место проживания и место работы. Здесь статусная личность пребывает в своей общественной роли, выполняя ее не только непосредственно за работой, но и следуя этой роли в личной, бытовой сфере. Основные свойства резиденции, таким образом, складываются из высокого общественного положения живущего в ней человека, его непосредственной профессиональной деятельности и официальных встреч в формально неофициальной обстановке.

В российской литературной жизни первых советских десятилетий Василий Каменский имел устойчивую репутацию одного из старейших советских поэтов, в литературной жизни Прикамья знаменитый земляк, поэт-орденоносец стал безусловно статусной личностью. Каменский, в подтверждение репутации настоящего советского поэта и основателя пермской советской поэзии, активно вовлекался властями в общественную жизнь региона. Он участвовал в проведении государственных праздников, выборах в местные органы законодательной власти; выступал в подшефных школе, клубе и колхозе своего имени, встречался с начинающими пермскими литераторами. При этом дом, видимый Каменским неотъемлемой частью всей жизненной стратегии «быть поэтом», также вовлекался в эту социальную деятельность.

В большом кабинете троицкого дома Каменский не только работал над созданием литературных произведений, но и решал деловые вопросы, связанные с изданием своих книг, встречался с журналистами, коллегами, читателями. В Троицу приезжала редактор Свердловского издательства Е. Блинова, на расписной печи в кабинете оставил автограф свердловский художник Слоневский, здесь гостил исследователь русского футуризма Т. Гриц, тбилисский редактор и издатель произведений Каменского Б. Корнеев. Композитор М. Коваль писал оперу «Емельян Пугачев» также в троицком доме. Пермские литераторы и журналисты А. Спешилов, Н. Вагнер, Б. Ширшов, Б. Михайлов, С. Гинц, Б. Назаровский часто бывали у Каменского в качестве сотрудников редакций и издательств. В гости к нему приезжали делегации школьников и комсомольцев. Таким образом частный, по сути, дом, становился фактором профессиональной и общественной жизни советского поэта.

Жизнь Каменского в Троице и его участие в сельских делах активно освещались региональной прессой. Пермские и свердловские газеты

извещали читателя о литературных планах известного советского поэта, его огородных занятиях; рассказывали о материальной помощи поэта школе и колхозу, о встречах с сельскими детьми, участии в общественных мероприятиях. Сравнение дома Каменского с официальным, общественно значимым учреждением можно дополнить такой яркой деталью: по праздникам и в дни приезда Каменского дом украшался цветными флажками, а на флагштоке поднимался большой флаг.

Великая Отечественная война проявила в образе дома Каменского еще одно характерное для официальной резиденции качество – бытовое благополучие. В голодные военные годы в среде пермской и эвакуированной в Пермь художественной интеллигенции дом Каменского в Троице представлялся местом богатым и сытным. Пермский писатель А. Спешиллов рассказывал о многочисленных эвакуированных, которые жили во время войны в доме Каменского «на полном его продовольственном иждивении». Для его дочери Е. А. Спешиловой воспоминания о поэте Каменском связываются с картошкой, привезенной им в одну из голодных военных зим: «С 1920 года А. Н. Спешиллов был дружен с Василием Васильевичем Каменским. Однажды он приехал к нам зимой 1942 года. Это была самая трудная, самая голодная зима из всех военных зим. Уходя от папы, Василий Васильевич прошел мимо кухни, где мама жарила котлеты из рубленых картофельных очисток, смазывая сковороду свечкой. Мы – шестеро детей – с нетерпением ждали котлетки. Через неделю Каменский приехал из Троицы на лошади и поставил перед нами большой куль. Сказал: «Нечего дохнуть, спешилята, ешьте картошку»³. Воспоминания и устные истории троицких жителей⁴ также во многом связаны с достатком дома. Троицкие старожилы, которые в детстве встречались с Каменским и бывали в его доме, вспоминали: однажды он «принес в школу ящик печенья», «конфеты, пряники – всё у него было», «устраивал молодежные вечера с угощением». В действительности богатство дома Каменского во многом было мнимым. Каменский, которому в это время около 50 лет, сам занимался огородом, выращивая не только овощи, но и табак, а рыболовство и охота были для него не просто отдыхом, но и средством добывания еды. В годы войны он писал Т. Грицу: «Никто мне не верит, что я живу слабо, картофельно, ибо у меня в хорошем доме много картин и розы цветут. <...> Моя богатая биография всех сбивает с толку, т. к. оставляет *внешнее* [выделено в письме – З. А.] впечатление...»⁵.

После смерти поэта в 1961 г. мемориальная ценность дома получила официальное признание: дом, где жил поэт В. В. Каменский, со временем был включен в реестр памятников истории и культуры Пермской области, стал местом проведения официальных литературных мероприятий (прежде всего Дней советской литературы) и вошел в список экс-

курсионных маршрутов. Наконец, в конце XX в. дом В. Каменского в Троице повторил судьбу многих официальных государственных резиденций – приобрел статус государственного музея.

¹ Каменский В. В. Его-моя биография великого футуриста. – М.: Китоврас, 1918. – С. 151.

² Символическому смыслу Каменки в контексте культуры серебряного века и ее роли в жизни В. В. Каменского посвящена статья В. В. Абашева «От Коктебеля до Каменки: идея Дома Поэта в жизни и творчестве Василия Каменского» в сборнике «В. В. Каменский в культурном пространстве XX века» (Пермь, 2006. С. 45-55).

Визуально картина мира Каменского и его представление о Доме Поэта как центре и вершине мира выражено в рисунке «Детство». На макушке высокой горы, окруженной водой, стоит дом, по разные стороны от него светят солнце и месяц. «Мир» Каменского преисполнен жизни: на рисунке есть люди, звери и птицы, на горе растут цветы и деревья, из трубы вьется дымок. Рисунок композиционно напоминает мифологическую схему мироздания – населенная земля, плавающая в мировом океане. Представление Каменского о месте Дома Поэта в мире имело неоднократное конкретно-бытовое соответствие. Все пермские дома, в которых жил Каменский (дом детства на Слудке возле Камы, дом на Каменке, дом в Троице на берегу Сылвы), имели схожее пространственное расположение: на возвышении возле реки.

³ Спешилова Е. А. Воспоминания об отчем доме (дом А. Н. Спешилова в Перми) // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2008. – С. 197.

⁴ Устные истории о В. В. Каменском, в разное время записанные в Троице сотрудниками Пермского краевого музея, хранятся в архиве дома-музея В. В. Каменского.

⁵ Каменский В. В. Письмо Т. С. Грицу. 18-20.03.[1942] // Государственный музей В. В. Маяковского. № 28142.

А. П. Корчагина

ПЕРМЬ В РОМАНЕ Л. ЮЗЕФОВИЧА «КАЗАРОЗА»

Родная писателю Леониду Юзефовичу Пермь в романе «Казароза» описана нежно, ностальгически и вместе с тем с документальной точностью. Писатель не скрывает своего отношения к городу. На вопрос журналиста: «А город, описанный в романе, – он реален?» [3;67]. Л. Юзефович отвечает: «Это моя родная Пермь. Все названия улиц, вся топография города – все абсолютно точно» [3;67]. В романе мы читаем: «Свернули на Кунгурскую и впереди, за Спасо-Преображенским собором, открылся закатный простор над Камой», «Он свернул на Торговую и через Сибирскую, мимо торговых рядов с заколоченными дверями лавок и лабазов прошел к гортеатру» [1;20]. Человек, знающий Пермь

или живущий в Перми, может узнать и вспомнить многое. «Раньше это был ресторан «Гренада», его одноэтажное здание с широким, как у мечети, облезлым куполом и мавританскими окнами располагалось возле речного вокзала, в квартале от примыкавшего к кафедральному собору старого кладбища для именитых граждан» [1;20].

Герои романа «Казароза» и его ранней версии – повести «Клуб «Эсперо» – перемещаются в основном по самому центру нынешней Перми, иногда заглядывают в университет, бывают в Мотовилихе или выбираются за Каму.

Л. Юзефович признается: «Мне не нравятся романы, действие которых происходит в вымышленных географических пунктах» [2;74]. Известно, что в «Клубе «Эсперо» город был просто местом действия. Это понятно: пермяку Юзефовичу городские приметы были привычны, («над ними летел тополиный пух, Кама лежала внизу серая, пустынная»), а москвичу Юзефовичу что прошло, то стало мило: «Кама надвинулась *рвущим сердце* темным простором» [1;239].

Так как же, по мнению Юзефовича, выглядела Пермь в 1920 году? «Это были ровные ряды одно- и двухэтажных домов, ближе к центру каменные через два на третий. Над ними торчали трубы с фигурными надымниками, по стенам блестела ажурная жесть водостоков, солнечные круги украшали ворота, наличники с птицами и виноградными гроздьями – окна. Фонарных столбов почти нигде не было. О том, что это всё же губернский город, а не уездный, напоминали будки с разбитыми пожарными извещателями» [1;162].

Но кое в чём Пермь была вовсе деревней: «Весной, когда оттаивали годами не чищенные нужники, на город обрушивалась нестерпимая вонь. На высоких местах её потом раздувало ветром с Камы, а в низких, особенно в жару и в тихую погоду, она сгущалась до плотности дрожащего на землѣ марева» [1;45].

Главными кормильцами города в начале XX в. были отнюдь не заводы (Мотовилиха до советских времён считалась отдельным посёлком), а пароходы, барки, плоты и паровозы. Одной из важнейших в городе тогда была Монастырская улица (в советское время ул. Орджоникидзе). Шла она по высокому берегу, внизу была Кама, горнозаводская ветка железной дороги и Набережный сад (у Юзефовича – сад имени Александра I, в просторечии – Козий загон, сейчас – сад им. Решетникова). К 1920 году столбики решётки сада были обезглавлены, а от венчавших когда-то их навершия двуглавых орлов с вензелем Александра I местами уцелели только куски когтистых лап. Напротив сада в романе Л. Юзефовича располагался клуб латышских стрелков «Циня», то есть «Борьба». Здесь, в начале Монастырской, были и главная речная пристань, и старый железнодорожный вокзал (ныне Пермь I).

«Вдоль улицы тянулись ладные купеческие и чиновничьи дома, среди которых особенно выделялся роскошный, с портиком и зимним садом на крыше, дом купца Мешкова, когда-то помогавшего революционерам, а затем сбежавшего от них на Восток» [1;35].

Где-то поблизости Юзефович расположил клуб водников «Отдых бурлака», бывший ранее рестораном «Гренада». В его помещении будто бы заседал народный суд, назначивший два года исправительных работ с высылкой из города отцу убийцы Казарозы. Клуб водников, якобы, находился в квартале от примыкавшего к кафедральному собору старого кладбища для именитых граждан, на месте которого сейчас зоосад. «Под клетками и вольерами лежат чиновники в ранге не ниже статского советника, купцы 1-й гильдии, отставные генералы и полковники, владельцы железоделательных и медеплавильных заводов, доктора с немецкими фамилиями» [1;188].

Настоящий клуб водников «Отдых бурлака» в 1920 г. находился на другой улице – Покровской (ул. Ленина), он размещался в помещении кинематографа «Триумф».

«Сразу за старым кладбищем высилась жёлто-белая громада Спасо-Преображенского собора (ныне Пермская государственная художественная галерея) с его исполинской уступчатой колокольней. Навершие креста на ней считается условной точкой, которой обозначается город на географических картах» [1;20]. «За собором берег круто обрывался к Каме. Отсюда, с вершины самого высокого из семи, как считалось, городских холмов, открывался закатный простор над Камой. Сама она лежала внизу, за рекой видны были леса, сплошной синей грядой уходящие к горизонту» [1;20].

Где-то там, на правом берегу Камы, в Верхней Курье, Казароза с Алферьевым снимали дачу, катались на лодке, ходили в сосновый бор за грибами. Их комнаты выходили окнами на запад, по вечерам стёкла, занавески и даже стены дома, недавно обшитою свежим тёсом, становились розовыми от заката.

Недалеко от кафедрального собора всё на той же Монастырской красовалась соборная мечеть, возможно, что возле неё и находился тот Мусульманский клуб, где, как пишет Юзефович, в день убийства Казарозы показывали сцены из пьесы «Без тафты». «На запад от мечети было около полутора вёрст до окраины города – Заимок. Там находился тогда новый железнодорожный вокзал (ныне Пермь II) и небольшая пристань. В Доме Трудолюбия давали концерты и спектакли, читали открытые лекции. В университете кипела научная жизнь. Сюда со всей страны бежали студенты и профессора, спасаясь от войны и голода в центральных губерниях» [1;14].

Если верить Юзефовичу, в 1920 г. на Монастырской, в здании бывшей духовной семинарии, что напротив кафедрального собора, размещалась ГубЧК. На самом деле ГубЧерезКом в это время находился в другом месте. До революции в семинарии успели поучиться изобретатель радио А. С. Попов, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, сказочник П. П. Бажов.

Отсюда начиналась другая перпендикулярная по отношению к Каме улица – Кунгурская (ныне Комсомольский проспект, в просторечии – Компрос). Она шла в общем направлении на юг. Именно здесь в доме номер 16 на углу улиц Кунгурской и Петропавловской (в советское время ул. Коммунистическая, в 2009 г. возвращено прежнее название), в здании из тёмно-красного кирпича, в помещении училища Стефана Великопермского, по Юзефовичу, и располагался губернский эсперанто-клуб «Эсперо». Настоящее городское Стефановское начальное училище находилось на углу Петропавловской и Чердынской (ул. Клименко). А на углу Кунгурской и Петропавловской располагалась часовня Стефана Великопермского.

Дальше по Петропавловской, почти у самого перекрёстка с Оханской (ул. Газеты «Звезда»), стояло здание предполагаемого кинематографа «Лоранж», «мимо которого в тучах пыли двигалась к вокзалу отступающая сибирская пехота» [1;31]. «На несколько кварталов дальше по Кунгурской, на перекрёстке с Большой Ямской стояло здание, похожее на боярские палаты или угличский терем царевича Дмитрия» [1;216]. Во время войны с немцами архитектор Драверт построил в городе несколько таких зданий в русском стиле. Сначала в нём размещалось Кирилло-Мефодиевское городское училище, но к 1920 г. его преобразовали в школу-коммуну, где, якобы, и работала ярая эсперантистка Ида Лазаревна Левина (она же Альбина Ивановна в «Клубе «Эсперо»). «Какое-то время школа называлась «Улей», но, видимо, в губнаробразе муравьёв сочли насекомыми, классово более близкими, чем пчёлы, и её переименовали в «Муравейник» [1;216].

«Параллельно Кунгурской шла уважаемая Сибирская улица, за Сибирской заставой переходившая в Сибирский тракт. На ней располагался Гортетр (ныне театр оперы и балета им. П. И. Чайковского), дом губернского начальника, дом Благородного собрания, городская дума, редакция газеты» [1;23] (в которой в 1920 г. работали герои «Казарозы», а чуть позже начал свою писательскую карьеру А. Гайдар). В разное время на Сибирской жили расстрелянный большевиками великий князь Михаил Александрович Романов, гимназист Сергей Дягилев и комдив В. Блюхер. Рядом с Гортетром, на Обвинской (ул. 25 Октября) находилась Мариинская женская гимназия (ныне главный корпус Пермской сельскохозяйственной академии), в которой училась невеста одного из главных героев «Казарозы» Вагина – редакционная машинистка Наденька.

«Поблизости, на углу Покровской и Соликамской (ул. Горького), в не обшитом бревенчатом доме с огородом обитал «гомаранист» Варанкин» [1;221]. Тут же на Покровской – дом купца Грибушина, в лавке которого убийца Казарозы Геня Ходырев поссорился с неким гимназистом («Клуб «Эсперо»). От Покровской было недалеко до Петропавловской улицы, по ней счастливые Вагин с Надей шли в бюро регистрации браков, которое располагалось, должно быть, где-то возле старейшего в Перми здания – Петропавловского собора («Клуб «Эсперо»). Несколько дальше, на Верхотурской (т. е. на современной улице Островского, а вовсе не на Соликамской-Горького, как пишет Юзефович) находился Тюремный сад (в «Казарозе» – сад имени Лобачевского, ныне сад Декабристов). «Предание гласило, что великий математик специально приезжал сюда из Казани и сам вычертил план этого сада, причём зашифровал в нём какую-то опередившую своё время, чрезвычайно важную для человечества идею, которую не мог или не хотел высказать прямо. Места для саженцев он будто бы наметил с таким расчётом, чтобы любая точка на всей территории сада не заслонялась бы деревьями от взгляда, по крайней мере, одного из четырёх стражников, дежуривших по четырём его углам. Гуляя здесь, каждый арестант в каждое мгновение обязательно видел был одному из этой четвёрки. Скрываясь от него, он в тот же миг открывался другому, следующему, хотя сад был не маленький, в форме правильного квадрата со стороной, примерно, в сотню шагов, и пустот в нём казалось не больше, чем в Загородном (ныне сад им. А. М. Горького)» [1;215]. Правда, если присмотреться внимательнее, становилась заметной некоторая прихотливость посадки. Раньше сад вместе с тюремным замком был обнесен общей оградой, но и после того, как он отошёл в ведение гражданских властей, правдивость предания так никто и не проверил на опыте.

Почти сразу за городским замком находилось одно из самых старых в Перми Егошихинское кладбище, на котором и похоронили Казарозу. «Оно раскинулось по угорам над речкой Егошихой, на краю широкого лога, который отделял центральную часть города от слободы пушечного завода. Могилы давно выбрались из-под сени лип, окружавших единоверческую Всесвятскую церковь с её когда-то скромным погостом, и двумя неравными крыльями сползали по склону, обтекая чётко очерченные прямоугольники иноверческих кладбищ. Слева было еврейское, ближе к церкви – татарское. В богатой его части стояли увенчанные каменными чалмами четырёхгранные столбы, тоже вытесанные из камня, зеленела замшелая арабская вязь на плитах. Другая, большая часть пестрела фанерными или жестяными полумесяцами на беспорядочно вкопанных в землю жердинах и колышках. Между крайними из них и пышным некрополем чешских легионеров, умерших от тифа в местных госпиталях, вклинился язык недавних православных погребений» [1;189].

«Роман «Казароза», – рассказывает писатель, – родился из моих бесконечных папок с выписками из газет и архивных документов, в которых, как мне кажется, я сумел уловить ту трудноопределимую субстанцию, обычно называемую духом времени. Все придумано, но все реалии соблюдены абсолютно» [4;34]. Одна из уникальных особенностей Леонида Юзефовича состоит в том, что он не только великолепно владеет языком, но и достоверно описывает все мельчайшие детали города и времени. Он как археолог осторожно, по крупицам, собирает материал и в отличие от многих современных писателей ярко и точно представляет себе реальность, о которой пишет. Знакомство с известным уральским археологом, профессором В. А. Обориным и личное участие в археологических экспедициях не прошли для него бесследно. Принцип Л. Юзефовича – всегда отвечать за точность исторических деталей в своих романах, будь то детали родного ему города или подробности бытования языка эсперанто в России в 1920-е годы.

1. Юзефович Л. А. Казароза. – М.: Зебра Е, ЭКСМО, Деконт+, 2002. – 286 с.; Юзефович Л. А. Клуб «Эсперо». – М.: Молодая гвардия, 1987. – 318 с.
2. Кузнецов С. Занимательная конспирация // Ведомости. 2002. Вып. 165.
3. Миращкин А. Юзефович Л.А.: «Интерес к ретродетективу – признак стабильности в обществе» // Книжное обозрение. 2001. 18 июня.
4. Софьин Д. Леонид Юзефович: «Историк тем легче создает концепцию, чем меньше он знает» // Университет. 2008. Вып. 1. С. 42-47.

С. И. Ваксман

ПЕРМСКАЯ АТЛАНТИДА

Лето сорок четвертого года я второклассником провел в пионерлагере на подмосковной речке Пахре. Слух прошел, что Гитлера убили, война кончится. Большие мальчишки, ездившие в Москву смотреть как вели по пленным немцев по Садовому кольцу, сказали, что сняли затемнение и радио провели в домах.

До сих пор не могу привыкнуть к радио! Какое чудо! В Перми я много лет ходил на работу мимо скромного деревянного домика, где жил Александр Попов, изобретатель радио, и каждый раз замедлял перед ним шаги. Сейчас этот дом снесен. И дом, где останавливался Чехов, исчез.

Владимир Абашев ввел удачное понятие – «Пермь как текст».

Петербург как текст так виделся Маршаку:

*Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад – «Онегина» глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.*

Пермский текст столь же отчетлив, и нас ведут по нему Чехов и Пастернак, Осоргин и Панова, Каверин и Гайдар. Но вначале несколько слов об Афинах и Лондоне.

Некогда Солон сказал про Афины: «Наш город, согласно божественному повелению Зевса и желанию бессмертных богов, никогда не будет разрушен, поскольку его великая хранительница, дочь могущественного родителя Афина Паллада простерла свои руки над ним». Ведь Ника, по преданию, в Афинах потеряла крылья – они были ей не нужны, потому что она не должна была покидать этот город. Парфенон был христианским храмом, потом казармой, мечетью, пороховым погребом, но он остался Парфеноном! Колонны его чуть-чуть изгибаются, плывут – так потягивается любимая женщина. Букет роз на верхней ступени Парфенона будто растворяется в золотом свете афинского воздуха.

У турок, засевших в Акрополе, кончался порох, и они грозили взорвать Парфенон. И греки дали им патроны, чтобы они не тронули старинных камней! Байрон был потрясен: «Может, когда-то я был греком. Это моя земля». Он погиб в Миссолонги, защищая эту землю.

Англичане сделали путеводитель по Лондону Конан Дойля. «Изучение Лондона – моя страсть», – говорил Шерлок Холмс. Перечитаем любой из рассказов о нем, например, «Союз рыжих». Пройдем по адресам: контора на Флит-стрит, Попс-корт, 7; ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити, Сент-Джемс-холл, где Холмс с доктором Ватсоном слушали Сарасате. Всё живо, всё дышит теплом того, что называется *Genios Locī* – гений Места, дух Места. Каждый день почтальон приносит письма в дом Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221-б. Королева-мать побывала в этом доме, чтобы увидеть пурпурный халат, в котором великий сыщик распутывал детективные истории. Ведь многие британцы убеждены, что Холмс и Ватсон существовали реально, а Конан Дойл был просто литературным агентом доктора.

Много же страниц вырвано из нашего пермского текста! Наш город становится неотличимым от других, теряет свое лицо, свой ландшафт, да и статус миллионщика. А ведь наш гений местности ближе к величественному афинскому *Genios Locī*, чем к детективно-философскому лондонскому!

Я ходил по нашему Юрятину-Перми с планами города разных лет и романом «Доктор Живаго» в руках как дешифровщик дистанционных снимков. Юрятин – родной город Лары Антиповой – героини романа. Мы не сохранили дома, где она жила.

Но осталась метка второго жилища Лары. Он был как раз напротив дома купца Грибушина – «дома с фигурами», что на Покровской, 13 (условимся так называть нынешнюю улицу Ленина). Старые

жители Перми зовут дом Грибушина просто – «грибушка», или более уважительно – «грибуша». В этом есть что-то теплое, провинциальное, деревенское, напоминающее о расстегаях, пирогах с грибами, долгих чаепитиях:

*Люблю вас, далёкие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть её задушевней.
Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы на середке открыты.*

Что же это за книга? «Доктор Живаго»? «Три сестры»? Антон Павлович вглядывается в каждодневную простую жизнь. Люди сидят за столом, пьют чай, смеются, ждут ряженных, свистят, объясняются в любви, дурачатся, поют «у лукоморья дуб зелёный» на мотив «любви все возрасты покорны». А в финале где-то в егошихинском овраге убивают человека – просто так. Голубые чашки, из которых так хорошо пить чай, имеют свойство разбиваться.

«Грибуша» – «темно-серый, стального цвета дом с кариатидами и статуями античных муз с бубнами, лирами и масками в руках». Он вовсе не синий, как сейчас, – он темно-серый, но «впадает в синеву», «в этот голубой раствор погружен земной простор» – в бесконечных переливах серого, воробьиного цвета, опалового дыма, напоенного синевой. Именно в замечательный дом с фигурами поместил Пастернак горком партии. Фактически же он находился по адресу Покровская, 16, рядом с домом Лары. Совсем недавно и это строение было снесено.

Но в романе декреты советской власти лепились не на нём, а на стене дома, впадающего в синеву, и Юрий Живаго, возвращающийся из плена, читал их.

«Какое завидное ослепление! – думал доктор. – О каком хлебе речь, когда его нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены смыслом предшествующих декретов? Какие крестьяне, какие деревни, когда их больше не существует? Кем надо быть, чтобы с таким не остывающим горячным жаром бредить из года в год на несуществующие, давно прекратившиеся темы, и ничего не знать, ничего кругом не видеть! У доктора закружилась голова. Он лишился чувств и упал на тротуар без памяти».

Это – дёготь по стене дома, погружённого в синий цвет. Не взглянуть бы, но ныне стены дома свободны от оскорбительной мазни, которой испещрены здания в округе!

«Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя может быть и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие её духа, души её. Для них существование – это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом жизнь никогда не бывает... Она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий».

Вот ведь в чем дело, – говорит доктор Живаго, – прислушивайтесь к жизни, всмотритесь в её лицо! О жизни и смерти идёт разговор. А в поисках истока дорога приводит нас к Пушкину, и дорога эта бесконечна. Невозможно примириться с убийством барона Тузенбаха, невысказано – с гибелью Пушкина: он близок нам как родной человек.

Один проницательный читатель заметил, что Россия покорила мир не нефтью и газом, не танками и ракетами, а небольшой стопкой книг. Мы различаем имена Пушкина, Чехова, Пастернака не только на корешках книг, но – в воздухе, на старинных зданиях нашего города, пусть даже исчезнувших. На пространстве Перми разыгрывается грандиозное действие, сюжет которого – жизнь, смерть, любовь, – судьба человека.

Н. А. Князева

ОБИТАТЕЛИ СТАРОЙ КУРЬИ (воспоминания)

Про Пермь говорят: «Город в глубине России». Что уж тогда можно сказать про такой отдаленный уголок этого большого города, как Нижняя Курья! Это совсем глубинка. Но это родина десятков тысяч пермяков, дорогая сердцу каждого из них.

Почти четыреста лет тому назад эта земля была отдана богатым людям Строгановым. Здесь поселились лесники, охраняющие их владения. Когда появились Егошихинский и Мотовилихинский медеплавильные заводы, понадобился древесный уголь. С этой целью леса от Нижней до Верхней Курьи приписали к заводам.

Что означает слово «Курья»? В словаре пермских говоров записано, что «курья» – «старое русло реки, заполненное водой, старица». В народе говорили: «Стара Кама была, потом ушла, пробилась в новое русло, а вода-то и осталась. Курья зовем». Верхняя и Средняя Курьи находятся напротив центра Перми, а Нижняя в 12 километрах вниз по Каме. У всех этих населенных пунктов похожие истории, начинающиеся с маленьких деревянных избушек углежогов.

В Нижней Курье углежого поставили первые избы около озера Байкал. Говорят, его прозвали так за чистую холодную воду. Сейчас этого озерца уже нет. Оно засыпано, вместо него стоят большие каменные

дома. Осталась как память о давнем только улица Байкальская да речничок, дававший воду озерцу. А еще раньше озерца текла здесь речка Курья. На карте П. В. Сюзёва 1911 г. она обозначена [2]. А вот на карте П. Шабрина 1926 г. ее уже нет. И живущие сегодня старики-курьянцы тоже не помнят такой речки.

Сто с лишним лет тому назад приехали в Нижнюю Курью братья Федор и Григорий Каменские. Они были паромщиками и хотели найти удобный залив для зимнего ремонта своих судов. Залив в Нижней Курье им понравился, и они устроили здесь затон. Рядом стали появляться дома речников – капитанов, штурманов, матросов, рабочих. Поселок назвали Водниками. Соответствующие названия появились и у его улиц – Водники, Капитанская, Штурманов, Волгодонская, Буксирная, Парусная, Теплоходная, Якорный переулочок. Старая тихая улочка, на которой стоят бывший клуб речников (теперь детский центр «Исток») и клуб юных моряков «Румб» носит имя речника Григория Танцорова.

В 1906 г. здесь была возведена деревянная церковь Святого Равноапостольного Великого князя Владимира и святителя Тихона Задонского. В советские годы в церкви открыли дом отдыха. А через семьдесят лет вновь возвратили верующим.

В этом же году была открыта школа, сейчас это школа № 1 города Перми. Школа была маленькой и размещалась в обычном деревянном доме – зимовке Гуляевых. Работала одна учительница, Мария Артемьевна Макарова (Тиховская), и учились 35 местных ребятишек. Сейчас на месте дома пустырь.

В 1925 г. в поселке построили деревянный двухэтажный клуб речников, в котором показывали кинофильмы и проводили праздники. Самыми главными из них были открытие и закрытие навигации. Из затона выходили суда в плаванье на целое лето. А на берегу мужчин провожали жены с ребятишками. Вместе с ними выходили старые усатые водники, отслужившие свой век на Каме.

Недалеко от клуба – памятник речникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (скульптор Юрий Екубенко). Памятник был поставлен в 1975 г. на месте зимовки Каменских перед проходной в затон. На стеле имена 111 героев. Многие мужчины из поселка ушли на фронт. Их место за станками заняли женщины и дети. Они ремонтировали суда, которые приходили залечивать свои раны после фашистских обстрелов. Нижнекурьянский затон, который до войны стал заводом «Памяти Дзержинского» (сейчас РЭБ – ремонтно-эксплуатационная база), отправил на войну 270 человек. Двадцать из них были удостоены за свои подвиги боевым наград. А Григорий Танцоров получил самое высокое воинское звание того времени – Герой Советского Союза. Ежегодно 9 мая у мемориала собираются ветераны, чтобы почтить память погибших. Среди имен на памятнике есть и фамилии учеников моей первой школы.

Я тоже хожу на митинг. В отличие от крупных праздничных мероприятий, которые проводятся в городе в день Победы, здесь по-домашнему тепло. Приходят малыши из детсада и встают в первый ряд, чтобы было видно прадедов. Ставятся лавочки для старушек – ветеранов труда. Во второй ряд встают школьники, за ними взрослые люди. А у самого памятника – ветераны войны. Среди них воины разных родов войск. Я не всех знаю по фамилии, но их лица за долгие годы стали родными. Каждый раз иду на праздник и боюсь недосчитаться кого-то.

Нижняя Курья была не только рабочим поселком, но и дачным. Богатые люди здесь строили дачи, похожие на настоящие сказочные терема. Еще недавно они украшали берег Камы. Особенно красивы были дачи городского головы Синакевича и паромщика Каменского. Летом здесь бывало много гостей. Вот воспоминания Н. Н. Боголюбова из книги «60 лет в оперном театре»: *«С большим волнением принял я предложение городского головы и председателя театральной дирекции А. В. Синакевича приехать к нему на дачу, отобедать, познакомиться и поговорить о работе. Когда мы с милейшим А. Д. Городцовым переплыли Каму и вошли в ароматный сосновый лес «Курья», где пермская интеллигенция ютилась в неприхотливых деревянных домиках, я чувствовал, как сосновый аромат пьянил меня, сердце учащенно билось, в висках стучало... Городской голова принял нас весьма любезно. Он ясно представлял себе все трудности, которые предстояли городскому управлению при создании необычной и ответственной отрасли городского хозяйства – оперного театра»*. [1, 46]

В советские годы дачу Синакевича использовали как коммунальное жилье. В годы войны в ней жил со своей матушкой, певицей Таубе, будущий народный артист Игорь Дмитриев. В даче Мешкова был пионерский лагерь «Теремок». Сейчас обе дачи доживают свой век в плачевном состоянии.

В поселке были дачи не только отдельных людей, но и целых учебных заведений. Например, Мариинской женской гимназии, технического училища и Богородицкой церковно-приходской школы. Попечители этих заведений заботились об отдыхе детей, у которых не было своих дач. В советские годы в них располагались пионерские лагеря. В одном из них в 1925 г. гостил А. П. Гайдар.

До революции были построены 111 дач от Нижней Курьи до будущего Закамска. Дачи строились вдоль берега, за ними шел сосновый лес. Дачки были деревянные, с резными наличниками. Красивые мостики соединяли береговые овраги. Через каждые сто метров стояли лавочки, на которых можно было отдохнуть после тяжелого подъема в гору и полюбоваться далями противоположного берега.

По всему берегу Камы множество родничков. Вокруг каждого был построен домик, к которому нужно было спускаться по деревянным скрипучим ступеням. Ключевая вода стекала в деревянную колоду, замшелую от времени. В таких колодах женщины полоскали белье. Помню их посиневшие от холода руки. Сейчас домиков нет, но роднички обихожены. Домик-часовня сделан только у родничка, который располагается рядом с церковью. Сюда за водой приезжают на машинах даже из центра Перми.

«Пермские губернские ведомости» призывали сто лет назад: *«В лес, в поле, на дачу, на воду – куда-нибудь, только бы убраться из пыльного города, только бы подышать свежим воздухом, только бы подойти поближе к природе... Но куда двинуться? «За Каму» – вот любимое место пермяков. И тянутся пермяки «за Каму», где на лоне природы, любясь Камой многоводной и красивым видом раскинувшейся по берегу Перми, вкушают свежую ушницу, попивают чаек и тому подобное».*

Еще о том, как развлекались дачники: *«Курьинские дачники особенно пристрастились к «качанью на валах». В хорошую погоду они выезжают к каждому пароходу. Некоторые до того наострились, что подъезжают к самым колесам, не обращая внимания на тревожные свистки. Истоминские пароходы поняли, что одними свистками тут не проймешь и с них теперь слишком зарвавшихся катальщиков обливают водой».*

В Нижней Курье и Закамске во времена моего детства были двухэтажные плавучие пристани. Из центра Перми можно было приехать в наш отдаленный Кировский район на речном трамвайчике и выйти на любой пристани. Нижнекурьинская пристань появилась еще в XIX в. В Курью до революции ходил небольшой пароходик с красивым названием «Царевна». Закамская пристань возникла в связи со строительством комбината «К» в 20-х гг. XX в. В советские годы это был завод им. С. М. Кирова, а теперь говорят просто – «Пороховой завод». Сейчас этих пристаней нет, как нет их по всей Каме. А вот волгари сохранили эти красивые по своей архитектуре сооружения.

Кама была живым организмом, рекой-труженицей. По ней постоянно ходили трамвайчики, маленькие катерки; баржи, тянущие огромные плоты. Позднее появились нефтерудовозы, построенные в Нижней Курье на заводе «Кама», «ракеты» и «метеоры» (быстроходные суда на воздушной подушке). Целым событием было, если вдоль курьинского берега проплывал большой двухпалубный пароход. Местные жители махали платочками. Они знали и капитана, и штурмана, и матросов. В 1960-х гг. появились трехпалубные теплоходы, построенные на верфях ГДР и доставленные самоходом на Каму нижнекурьинскими капитанами. В настоящее время на Каме затишье. Можно просидеть на берегу полдня и не увидеть ни одного судна.

В 60 – 70-х гг. XX в. в дачках жили мои дорогие учителя школы № 1. Уже никого нет в живых. В полуразрушенной теперь даче по улице Кировоградской, 152, жил заслуженный учитель России Василий Васильевич Молодцов. А рядом проживал будущий директор «Горьковки» (областной библиотеки) Юра Нахабин. Василий Васильевич был большим любителем природы. Каждый день по лесной тропинке ходил он в школу, ежедневно делясь своими дорожными природными впечатлениями с учениками. А по воскресеньям со своей семьей, друзьями и соседями отправлялся в лес подальше – за грибами, ягодами, рассказами и стихами. Сколько замечательных воспоминаний оставил он в своих дневниках и письмах! Не верится теперь, что еще тридцать лет тому назад в Курье мы с ним прямо за автобусной остановкой собирали белые грибы. Вот два отрывка из его курьинских зарисовок:

«1. Вчера опять был в лесу, в березовой роще, на светлых полянах. Повсюду идет сенокос, славно пахнет свежескошенной подсыхающей травой. Грибов не нашел, а вот с комариной силой повоевал. В это лето их целые полчища. Видел в лесу несколько экземпляров любки двулистной (ночной фиалки), но ни одного цветка не сорвал. Вставал на колени, чтобы уловить ее аромат. Ведь славно благоухает она только после захода солнца.

2. 13 июля было очень жарко. В этот день я побывал в лесу и провел около трех часов наедине с природой. Через березовую рощу вышел к полю, откуда очень далеко видно. На обочине поля много алого клевера. К его медовому запаху прибавится аромат расцветшей липы. Большие деревья почти сплошь обсыпаны золотистым цветом. Тут же стоят «три сестры», три сросшиеся березы, которые однажды нарисовал А. Н. Тумбасов. Хожу по лесным полянкам не спеша, любясь всей этой живой красотой, складывая стихи, подобно казаху-степняку, который тянет бесконечную песню о том, что видит».

Сейчас на месте закамских лесов выросли новостройки. Появился целый микрорайон Новые Водники. Тропинки в оставшихся маленьких лесных островках настолько утоптаны, что не надо класть асфальта. Старики тоскуют по своей молодости, прошлой Курье, когда все знали всех.

Проходят годы. Стареют и уходят люди. Стареют и уходят дома, целые поселки. У каждого поколения своя Пермь, своя Нижняя Курья.

1. Боголюбов Н. Н. 60 лет оперного театра. – М., 1967.

2. Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по рекам Вишере с Колвой /под ред. П. В. Сюзёва. – Пермь, 1911.

3. Князева Н. А. Нижняя Курья – родина моя. – Пермь, 2001.

ПОСЕЛОК СТАЛИНСКОГО ЗАВОДА И КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ В НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ (воспоминания)

Я, коренная потомственная москвичка, стала пермячкой, когда по окончании московского Историко-архивного института была направлена на работу в город Молотов (Пермь) вслед за мужем, окончившим авиационный институт. Процедура так называемого «распределения» в его институте состоялась в январе 1953 г., на следующий день после возникновения пресловутого «дела о врачах-убийцах». Весь курс мужа попал на московские авиационные заводы, а он и еще несколько человек с «неподходящими» фамилиями должны были ехать на Урал и в Сибирь.

В это время я проходила двухмесячную преддипломную практику в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве. В волнении бежала я на переговорный пункт, а узнав о его назначении, только спросила: «Там есть водопровод?» Тогда для меня всё, что находилось вне пределов Москвы (за исключением Ленинграда и Киева) казалось глухой Тмутараканью, но за любимым я была готова ехать на край света. Тем более, что это ненадолго, на три года, а потом мы обязательно вернемся. Вся жизнь впереди: ему 23 года, мне 22, думалось тогда. А вышло – на всю жизнь. На всю счастливую жизнь.

Муж был доволен распределением, с восторгом рассказывал о том, какой там замечательный авиационный завод и конструкторское бюро, возглавляемое не менее замечательным главным конструктором А. Д. Швецовым. Ему надлежало явиться к месту назначения в апреле, а защита моего диплома должна была состояться в июне. В течение двух месяцев этой вынужденной разлуки я ежедневно получала письма, в которых он описывал мне красоты Камы, зелень улиц, оперный театр, дворец культуры, уют и благоустроенность заводского поселка, а также влюбленность в своё дело и высокую квалификацию коллектива, в котором он начал работать.

Завод радушно встречал молодых специалистов – выпускников московского, харьковского и казанского авиационных институтов. Всех семейных временно, до предоставления постоянного жилья, поселяли в двухместных номерах заводской гостиницы. В таком номере и ждал меня мой Виктор.

В начале июля на перроне Курского вокзала мама и толпа друзей проводили меня в неизвестное будущее. Багаж был легким: один чемоданчик. Фанерный ящик из-под спичек с книгами – единственным нашим богатством – был отправлен в Молотов накануне, малой скоростью. В то время наша железная дорога еще не была электрифицирована, отчаянно дымя, паровоз покрывал расстояние от Москвы до Молотова за 36 часов.

Первое впечатление от города осталось смутным: всё поглотила радость встречи. Я даже не помню, как и на чём мы добирались до гостиницы. Гостиница находилась на улице Героев Хасана, в середине квартала между улицами Коминтерна и Газеты «Правда» (теперь ул. П. Соловьева). Сейчас на месте гостиницы небольшой сквер перед нынешним зданием гинекологического отделения больницы № 7.

Гостиница представляла собой двухэтажное деревянное оштукатуренное здание барачного типа. Рядом стояло еще два точно таких же здания, в одном из которых находилась поликлиника. Много позднее на их месте было построено новое здание поликлиники и стационар больницы № 7. По другую сторону от гостиницы, замыкая квартал, находилось здание школы № 77. Остановка трамвая напротив него так и называлась – Школа. На первом этаже гостиницы, помимо номеров, находились кухня, душевая на четыре рожка и холл общего пользования. Здесь же был буфет, в котором иногда (только для семейных) продавались яйца и сосиски. Буфетчица тётя Маша жила неподалеку, в частном доме, держала корову, и время от времени приносила молоко на продажу. Второй этаж гостиницы как и первый представлял собой длинный коридор, по обе стороны которого находились «номера», а в конце – общие «удобства»: туалет на три «очка» и столько же раковин для умывания. Здесь нам и был выделен двухместный шестиметровый номер. Убранство его составляли две железные кровати, маленький столик между ними, стандартный деревянный платяной шкаф с узким отделением для посуды, пара стульев. Мы были в восторге!

На работу, в областной государственный архив мне нужно было явиться только через месяц, и я начала знакомиться с местом моего нового пребывания. К восьми утра Виктор уходил на завод, и до конца его рабочего дня я была предоставлена самой себе. В воскресенье (в те годы был только один выходной день) моим гидом становился муж.

Естественно, знакомство началось с улиц, окружавших нашу гостиницу. По ул. Героев Хасана ходил трамвай, как помнится, 5-го маршрута (этот маршрут был перенесен в конце 1950-х гг. на улицу Куйбышева). Дребезжавший трамвай с вагонами образца 1937 г., с не закрывающимися дверьми и деревянными лавками вдоль окон, следовал через площадь им. Карла Маркса, поворачивал на одноименную улицу (теперь – Сибирскую) и от сада им. Решетникова спускался к Перми I и Речному вокзалу.

В нашем поселке поворотное кольцо маршрута находилось напротив теперешнего торгового комплекса «Чкаловский». Рядом был оборудован поселковый рынок: несколько деревянных прилавков за покосившимся деревянным забором. В летнее время здесь можно было

купить огурцы, картофель, лесную и садовую ягоду. Однажды мы даже попробовали медвежатины, привезенной каким-то охотником. Изредка появлялись рыбаки со своим уловом. Зимой рынок пустовал.

Окно нашего номера выходило на большой пустырь, в конце которого стоял четырехэтажный жилой дом (сейчас это дом № 90), нижний этаж его занимали аптека, молочный и продуктовый магазины. Фасад этого дома выходил на Сталинский проспект: в то время часть Комсомольского проспекта от улицы Чкалова до Комсомольской площади называлась Сталинским проспектом. Имя Сталина носил и завод № 19. О размерах этого пустыря можно судить по тому, что в 1960-е гг. на его месте построили ныне существующий детский садик, пятиэтажный жилой дом, здания терапевтического и гинекологического отделений больницы № 7 и целую «серию» гаражей.

Вечерами я ходила к заводууправлению встречать мужа. Территория перед заводууправлением – от улицы Героев Хасана до улицы Куйбышева – утопала в зелени большого сквера, в центре которого, там где сейчас находится бюст Я. М. Свердлова, стояла на гранитном возвышении скульптура Сталина (несколько уменьшенная копия скульптуры на ВДНХ в Москве). Вождь был изображен во весь рост, в длинной шинели, с непокрытой головой. Уютность скверу придавали большие ухоженные цветочные клумбы и расставленные в специальных нишах скамьи. Мы любили здесь гулять и часто сживали в приятной прохладе окружающей зелени (лето 1953 года было в Перми очень жарким). К сожалению, в 2007 г., в связи со строительством автострады, соединившей поселок со Стахановской улицей, половина сквера уничтожена.

По центру сквера, минуя улицу Чкалова, мы выходили на широкий бульвар Сталинского проспекта. Яркие зеленые газоны бульвара были в то время огорожены красивыми чугунными решетками полуметровой высоты. Радовали своими роскошными кронами молодые еще деревья, цветочные клумбы и фонтаны с незатейливыми скульптурами. Повсюду стояли удобные скамейки. На всём лежала печать заботливого ухода, насажденного недавно покинувшим Молотов генералом А. Г. Солдатовым. Именно ему завод был обязан строительством и благоустройством заводского посёлка в послевоенные годы.

По обе стороны бульвара, вплоть до площади перед Дворцом, стояли (и по сей день стоят) жилые дома для работников завода. К концу 1953 г. были заселены дома на улице Газеты «Правда». Безымянный архитектор, планировавший поселок, учел, что вид на здание Дворца проиграет, если он будет находиться в закрытом пространстве, и специально спланировал эту короткую улицу, от первых домов которой (с ул. Героев Хасана) открывалась перспектива на величественное здание Дворца в окаймлении зелени. Мы часто во время вечерних прогулок специально при-

ходили сюда, чтобы издали любоваться детищем А. Г. Солдатова. Тогда еще не было мемориала, перегородившего эту перспективу, и не было нелепого здания за Дворцом, окончательно уничтожившего её.

Дворец был открыт незадолго до нашего приезда, в 1951 г. До сих пор он является одним из лучших общественных зданий города, несмотря на печать равнодушия и запущенности. А в те годы сиял блеском паркетов, радовал вкусом оформления всех помещений, хорошей библиотекой. Читальный зал, продуманное удобство которого могло поспорить с любым столичным, вечерами никогда не пустовал. Частыми его посетителями сделались и мы.

Особые помещения Дворца были отведены для занятий разнообразных кружков и спортивных секций. Здесь же работал удобный и вместительный кинотеатр (сейчас он превращен в банкетный зал). Театральный зрительный зал с прекрасно оборудованной по тем временам сценой и великолепной акустикой каждое лето принимал на своих подмостках лучшие столичные театры. Особенно запомнились мне гастролы МХАТа с Тарасовой, Андровской, Топорковым, Станициным, Грибовым и другими корифеями. Частым гостем Дворца был талантливый коллектив Свердловского театра оперетты с прекрасной примой – Сатосовой. Вскоре после нашего приезда здесь гастролитировал знаменитый кукольный театр Сергея Образцова. В зените своей славы на этой сцене демонстрировал свои феерические танцы уникальный Махмуд Эсамбаев.

Сталинский проспект за дворцовой площадью был сплошной стройкой. На четной стороне его не было ещё ведомственных домов УВД и (как помнится) квартала от теперешней улицы Ю. Смирнова до углового дома на улице Газеты «Правда». На нечетной стороне достраивались дома, нижний этаж одного из которых впоследствии заняла булочная (сейчас там «Центрообувь») и кафе, а другого – райвоенкомат.

Строился большой угловой жилой дом (сейчас – № 71), одна сторона которого выходила на ул. Белинского. Нижний этаж одного его крыла предназначался для большого гастронома, другого – для служб райисполкома. Насколько я помню, этот дом был сдан в эксплуатацию к ноябрьским праздникам 1958 г. Сейчас помещение райисполкома занимает отделение пенсионного фонда Свердловского района, а место гастронома попеременно арендуют разные торговые учреждения.

Недавно отстроенное здание УВД уже гордо возвышалось над окружающей местностью, завершая Сталинский проспект и ограничивая территорию заводского посёлка. Фактически здесь проходила его северная граница. Западной границей была улица Куйбышева, восточной – улица Героев Хасана. Во время бума жилищного строительства 1960-х гг., когда хрущевские пятиэтажки росли как грибы, границы посёлка значительно расширились.

Заводское руководство в послевоенные годы уделяло большое внимание жилищному строительству, не забывая о создании сети бытовых и детских учреждений в поселке. Неторопливо и основательно строились полнметражные дома с центральным отоплением, горячим водоснабжением, просторными ванными комнатами и большими кухнями в квартирах, которые изначально становились коммунальными (правда, жилые комнаты были довольно вместительными). Отдельными квартирами владели единицы (в основном, руководящий состав предприятия). В строительстве использовался труд военнопленных немцев. Получить комнату в новом доме мечтала каждая семья.

При строительстве нового дома нижний его этаж, как правило, проектировался под магазин или под какое-либо учреждение быта. Так на углу Сталинского проспекта и ул. Газеты «Правда» уже в то время находился хозяйственный магазин, в котором продавалась и мебель, изготовленная в подсобных цехах завода им. Сталина. Напротив него, в таком же угловом доме действовала (как помнится) детская музыкальная школа. В поселке были родильный дом, детская больница и поликлиника; постепенно появлялись новые детские сады. Целый квартал улицы Куйбышева между улицами Чкалова и Клары Цеткин занимал уютный больничный городок со всеми необходимыми отделениями для стационарного лечения заводчан. Внутри его двора был разбит сквер с фонтаном и удобными скамейками. Все было продуманно, компактно и удобно для заводчан.

К нашему приезду в поселке уже действовал большой банно-прачечный комбинат. Здесь разместились бани, отдельные душевые номера, прачечная с огромными стиральными машинами и гладильной, занимавшая весь полуподвальный этаж комбината. За мизерную плату люди могли сами заниматься стиркой или сдать бельё в приёмный пункт прачечной: домашние стиральные машины в начале 1950-х гг. были редкой диковиной.

Комбинат стал предвестником будущих домов быта в районах города. В посёлке работали ателье по пошиву верхней и легкой одежды, фотоателье, часовая мастерская, мастерская по ремонту обуви, парикмахерские. Было своё почтовое отделение и отделение сберкассы.

В 1950-е гг. поселок рос, развивался и хорошел буквально на наших глазах. Мы любили его и гордились им.

Как уже упоминалось, город тогда еще не был газифицирован. На кухнях новых домов строители устанавливали громоздкие кирпичные плиты, которые отапливались дровами. Для запаса дров в подвале каждого подъезда были небольшие сарайчики, число которых соответствовало количеству квартир в данном подъезде. На этих плитах готовилась пища, кипятилось бельё. Но чаще для приготовления еды новосе-

лы пользовались электроплитками, которые год от года совершенствовались. Купить хорошую плитку было весьма проблематично, чаще всего их привозили из Москвы. Газификация началась в конце 1950-х гг. Сначала это был привозной сжиженный газ, вместительные баллоны с которым зарывались в землю во дворе дома. Одним из первых таким образом был газифицирован дом № 103 по ул. Куйбышева, построенный в 1957 г. (в нём открылся единственный в городе диетический магазин), в котором нам, ожидавшим второго ребенка, посчастливилось получить 16-метровую комнату.

Поселок кончался перед Комсомольской площадью, получившей своё название лишь в 1958 г. в связи с юбилеем комсомольской организации. В начале 1950-х гг. площадь была пустым пространством без признаков какого-либо общественного транспорта; чудовищно пыльным в сухую погоду, с большой «миргородской» лужей посередине во время дождей. Асфальта не было, если и был булыжник, то он скрывался под слоем грязи или пыли.

От площади начинался Комсомольский проспект. Это была широкая пыльная улица, по обеим сторонам которой преобладали деревянные дома. Особенно запомнились мне длинный одноэтажный барак на месте кинотеатра «Кристалл» и двухэтажное бревенчатое строение на углу ул. Красноармейской, подпертое деревянным столбом для электропроводки, где, как помнится, находилось 39-е почтовое отделение. Бульвар с молодыми липами появился позднее, в 1960-е гг., когда по инициативе всё того же А. Г. Солдатов, возглавившего Пермский совнархоз, была проведена и закончена застройка проспекта, и он принял современный вид.

Однако уже был построен и действовал строительный техникум, гордо несло свою «корону» здание Пермэнерго, строился университетский Дом ученых, стояла на своем месте школа № 9, а рядом с ней, за высоким деревянным забором – детская больница. За больницей низким, мрачным казематом протянулось здание областного государственного архива, в котором мне предстояло работать.

Не было еще кинотеатра «Октябрь», а также красивой чугунной ограды сада им. Горького: она появилась в начале 1960-х гг. вместо бетонного барьера высотой около полуметра. В саду стояла «раквина» – эстрада для воскресных бесплатных концертов самодеятельности или лекций. Перед ней – ряды деревянных скамеек для зрителей. За ротондой находился кинотеатр, занимавший красивое одноэтажное деревянное здание летнего театра, построенное в конце XIX в. Иногда в этом здании давали платные представления заезжие эстрадные знаменитости. Здесь, в частности, мы слушали Александра Вертинского и присутствовали на сеансе Вольфа Мессинга. В самой же ротонде в воскресные дни играл духовой оркестр, под музыку которого устраивались танцы.

На полквартала ниже Горьковского сада стояла городская баня, обслуживавшая (наряду с Кашинской баней на ул. Орджоникидзе и банно-прачечным комбинатом Сталинского поселка) значительную часть населения города, жившего, в основном, в коммунальных квартирах и частных домах. За водой ходили на колонки, кое-где сохранившиеся и сейчас.

На месте теперешней Октябрьской площади находился главный колхозный базар города. На его задворках, фасадом к ул. Куйбышева, строился самый большой в то время универмаг, получивший в народе название «трехэтажка». После открытия ЦУМа он стал «Детским миром». Территория базара ограничивалась рядом примыкающих друг к другу одноэтажных деревянных магазинчиков, торговавших разнообразной хозяйственной утварью вплоть до импортных мебельных гарнитуров, мало кому доступных из-за высокой цены. Среди этих магазинчиков были «комиссионки», в которых можно было купить даже антиквариат, и магазин скупки подержанных вещей, где деньги выдавались на руки продавцу сразу же по совершению сделки. Этот магазин был весьма популярен, пользовались его услугами и мы.

На пространстве проспекта от улицы Луначарского до улицы Окулова из старой застройки сейчас сохранились всего несколько зданий. Тогда же, в 1950-е гг., это была, пожалуй, самая добротная часть Комсомольского проспекта с преобладающей каменной застройкой. За прошедшие полвека облик проспекта неузнаваемо изменился. Он стал центральной улицей города, любимым местом встреч и общения молодежи.

С. В. Усть-Качкинцева

АРХИПЕЛАГ УНИВЕРСИТЕТ

Уже в первые годы существования нашего университета появился в Перми не отмеченный ни на каких картах архипелаг «Университет». Его островки были разбросаны по всему городу, но соединены незримыми нитями. Их объединяли общность интересов обитателей, неписанный кодекс поведения, одинаковые взгляды на многие вещи, примерно одна для всех шкала жизненных ценностей, наконец, доброжелательное отношение друг к другу. Несомненно, в первые два десятилетия существования университета самым крупным из этих островов была Заимка. На Заимке располагались основные корпуса университета, только педагогический, агрономический и медицинский факультеты находились в других частях города. Слово Заимка воспринималось как имя собственное, отождествлялось с университетом. «На Заимке» означало – в университете.

По-видимому, с первых лет существования Пермского университета его сотрудникам предоставляли квартиры, комнаты, всякое возможное по тем трудным временам жильё, преимущественно, поблизости от основных зданий университета, т. е. на Заимке. Диктовалось ли это соображениями удобства, чтобы легче и быстрее было добираться до места работы (городского транспорта тогда практически не существовало), или таковы были возможности университета, не знаю.

В 1920–1930-е гг. несколько домов на Заимке были полностью заселены сотрудниками университета: деревянные двухэтажные дома на том месте, где сейчас находится главный корпус; в глубине квартала, примерно на месте нынешнего экономического факультета и ещё один там, где сейчас восьмое общежитие. Напротив этого дома стояло каменное двухэтажное здание, позднее отданное Естественнонаучному институту. На улице, где ходил трамвай на Красный Октябрь (кажется, она называлась третьей линией), тоже стоял восьмиквартирный деревянный дом, где жили сотрудники университета. Огород этого дома примыкал к Ботаническому саду. Несколько преподавательских семей жили в здании старого геологического корпуса университета.

В этих домах жили семьи учёных, украсивших университет. Зиновьевы – по меньшей мере два поколения этой семьи работали в университете; все были необычайно талантливы. В будущем знаменитый на весь мир геолог-карстовед Г. А. Максимович. Одну из квартир занимала семья Ф. А. Кесслера. Талантливый, высоко образованный химик, Феликс Августович по праву может считаться одним из основателей химического факультета. Жена его умерла молодой. Ф. А. Кесслера постигла печальная, но, увы, обычная для того времени участь: в 1930-х гг. он был репрессирован, скончался в лагере. Заботу о двух его сыновьях взяла на себя их няня. Впоследствии оба мальчика погибли на фронте. Няньки, домработницы были тогда во многих семьях. Они знали всех знакомых своих хозяев и нередко помогали им – охотно и безвозмездно.

Бочкарёвы, Рыжковы, Шмигель, Гук, Пономарёвы, Харитоновы, Наугольных, Букиревы – вот некоторые из фамилий обитателей домов на Заимке. А ещё: Оборины, Лапкины, Шухардины, Захваткины, Воскресенские, Марко... На Заимке жила знаменитая семья Генкелей. Несколько поколений этой семьи являются гордостью университета. Представители династии Генкелей работают здесь и по сей день.

Я не застала этого периода университетской жизни, знаю её только по рассказам, по воспоминаниям старших. «Университетских» отличал стиль общения: демократичный, без намёка на фамильярность. О высоких званиях, известности в обыденной жизни не вспоминали. Почти во всех семьях были богатые библиотеки, книгами активно обменивались. В детстве я регулярно ходила на Заимку за книгами в дом со-

служивцев отца Полукаровых. Целый шкаф у них был занят полными собраниями русских и зарубежных классиков, в основном в приложениях к «Ниве». Многие читали по-английски, по-французски, дамы обсуждали французские романы. У многих были рояль или пианино, музицировали сами, детей учили музыке. В университете или в Доме Учёных на Сибирской улице, во дворе корпуса педагогического факультета, устраивались вечера. Не знаю, бывали ли приглашённые артисты, но сами научные работники и их жёны активно выступали на этих вечерах. Ставились пьесы, и режиссёром, актёром, душой всех представлений был всеобщий любимец – обаятельный, талантливый Алексей Александрович Генкель.

Занимались также самыми прозаическими вещами: возле домов были огороды и сады. Разбивали грядки, устраивали клумбы. Выращенными плодами и цветами гордились, охотно дарили их друг другу.

Рядом с взрослыми, под их постоянным наблюдением и вниманием росли дети. В чём-то неуловимо похожие друг на друга довоенные университетские дети, от родителей, бабушек-дедушек, соседней усвоившие правила хорошего поведения, с малых лет привыкшие к чтению, пониманию настоящей музыки. Особая, нежная, милая генерация! Она ещё ждёт своего летописца.

Дети не были избалованы достатком, но не страдали от этого. Хвастаться дорогой игрушкой, новым платьем никому бы не пришло в голову. С малых лет усваивали демократизм, свойственный русской интеллигенции. Сыновья и дочери знаменитого профессора играли вместе с детьми рабочих университета, уборщиц, кучера. Мимолётные слава и восхищение товарищей доставались тому, кто выше прыгнет, дальше бросит мяч, – должности, звания родителей в расчёт не брались.

В семье Кобяков росли две дочери – Ирина и Ариадна (домашнее имя Ридася). У них был крикет! Его выносили в сад, и все дети с азартом играли. Никогда больше я не видела крикета.

Характерная особенность довоенных лет: люди ежедневно встречались на работе, около дома, заходили друг к другу в гости, но многолюдных, шумных сборищ за столом не было, это пришло много позже, в послевоенные годы.

Можно с уверенностью сказать: Дом Учёных как сообщество людей, объединённых общими интересами, занятиями, вкусами, расположением друг к другу, существовал в Перми задолго до того времени, когда получил свое метафизическое воплощение в прекрасном здании на Комсомольском проспекте. А с 1938 г. звание главного Дома Учёных негласно перешло к только что построенному общежитию университета. Общежитие называлось Первым – это был, конечно, порядковый номер, но и имя собственное.

Это было каменное четырёхэтажное здание на улице Ленина. (Дом существует и сейчас по адресу: ул. Ленина, 85, там располагается администрация Дзержинского района). Как его ждали! Как мечтали поселиться там! Как завидовали счастливым, получившим комнаты в Первом! Комната в каменном здании, где были водопровод, канализация и паровое отопление, казалась невиданной роскошью. Никого не смущала коридорная система, общие умывалки-уборные. Три нижних этажа занимали студенты, четвёртый был целиком отдан преподавателям. На площадках стояли зеркала, висели часы. Перед домом – клумба, газоны. Были садовник, уборщицы, истопник, управдом. На входе сидел швейцар. Именно так тогда говорили: не вахтёр, а швейцар. На первом этаже одну комнату отдали под клуб. В подвале – кухня с титаном и дровяной плитой. О горячей воде тогда и не знали. Сообщество жильцов было настоящим Домом – общие профессиональные интересы, долгие разговоры при встречах в коридоре, вечером – на лавочках во дворе.

Жизнь в Первом общежитии делится на довоенный и послевоенный периоды. Перед войной больше было представителей точных, естественных наук. Повседневную жизнь «разнообразили» постоянные многочасовые очереди. Занимали очередь друг на друга, брали с собой детей: любой товар давали строго по норме в одни руки. Дети дрейфовали вдоль очереди, их давали займы соседям, знакомым и незнакомым.

После войны вернулись с фронта студенты, молодые преподаватели. Вернулись совсем другими, чем до войны. Шумнее стали их праздники, горше воспоминания. Но уважение к старшим сохранилось. Их покой берегли, почтительно обращались при встречах. Появились новые жильцы – историки, философы, филологи, юристы. Несколько изменились нравы. Чаще собирались вместе, играли вечерами в волейбол и по-прежнему много шутили.

В этом дружном доме был свой ритуал встречи Нового Года. Общие застолья всё ещё были редкостью, и в полночь все находились в своих комнатах, в кругу семьи. Первыми из-за столов тихонько вылезали дети. Обычно вскоре после полуночи кто-то скрёбся в нашу дверь: соседские отпрыски Оля Степанова, Вова Журавлёв. Заходили, поздравляли с Новым годом, и мама угощала их, даже наливала по капле шампанского. Посидев минут двадцать, гости уходили, забрав меня с собой. Мы стучались в другую дверь, там всё повторялось. И разросшаяся компания шаталась по этажам, получая угощение и подарки. Добравшись до студенческих комнат, мы застревали. Там было интересно, весело, нас включали в свои игры, песни, танцы. А взрослые тем временем выходили на площадки, в коридор. Стояли у окон, приветствовали друг друга, поздравляли, строили планы и прогнозы на грядущий год.

Конечно, жизнь Дома отнюдь не была безоблачной идиллией. Её омрачали тяготы и неустроенность быта, возникавшие иногда ссоры, общие для всей страны беды и огорчения. Обитатели Дома сильнее многих других чувствовали на себе хватку власти, но почти все умели игнорировать этот гнёт. Не обсуждали, не возмущались, но с подчеркнутой доброжелательностью относились к пострадавшим от властей. «Не верили, не боялись, не просили». Много и увлечённо занимались своим делом, читали, думали, воспитывали детей и студентов.

Оглядываясь сейчас на то время, я понимаю, что люди, населявшие Дом, были в большинстве своём свободны. Много лет позднее Лев Ефимович Кертман сказал: «Мы все дворяне со двора Первого общежития».

К осени 1954 г. была сдана первая очередь Дома на Комсомольском проспекте. В архипелаге «Университет» появился новый остров: Дом Учёных обрёл крышу, стены и адрес.

«ГОРЬКОВКА» В ДОМЕ СМЫШЛЯЕВА (воспоминания)

***Спешилова Елена Александровна,
сотрудник библиотеки с 1952 г.***

В 1952 г. я начала работать в областной библиотеке им. А. М. Горького, в отделе абонементов. Библиотека находилась тогда в старинном здании на углу улиц Коммунистической и Сибирской, там, где сейчас располагается Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина. В наши дни здание также известно пермякам как Дом Смышляева. У входа в библиотеку открыта мемориальная доска в честь Д. Д. Смышляева (1828-1893), общественного и земского деятеля, издателя, библиографа, краеведа.

Абонемент находился на первом этаже. В комнате выдачи литературы всегда был полумрак, два окна давали немного света. Пол под нашими ногами был горячим – внизу находилась котельная. Стеллажи упирались в потолок, книги с верхних полок доставали с помощью лестницы.

В последний день каждого месяца библиотека закрывалась на «санитарный день». Мудрый заведующий нашим отделом Михаил Андреевич Чемихин умел превратить день уборки в праздник. Помимо хорошего характера, он обладал приятным баритоном. Запевал, и мы подхватывали песню. А с песнями и дело спорилось. В санитарные дни и обедали все вместе, каждый выкладывал на стол то, что имел, а заведующий – коробку конфет.

Из абонемента дверь выходила в темный коридор. Рядом находились межбиблиотечный абонемент (МБА) и комната, где стоял топографический каталог. За стеной громычал подъемник, по которому книги подавались из подвала в читальный зал.

В библиотеке в эти годы в обязательном порядке проводились «политические часы», работали политкружки. Руководила политкружком заведующая отделом библиографии Клавдия Сергеевна Шилова. Библиотекари посещали его с удовольствием. Каждый член кружка готовил обзоры новой литературы и рассказывал о событиях в стране по материалам газет. К. С. Шилова учила нас строить выступление, говорить интересно, содержательно и коротко. Ей удалось научить этому даже замечательного библиографа-краеведа Н. К. Патокина, который обладал энциклопедическими знаниями, но выступать публично совсем не умел. Впрочем, в библиотеке были люди, необыкновенно талантливые в этом отношении, например, И. Я. Крупицкая. Она говорила столь артистично, что все заслушивались. Неудивительно, что спустя несколько лет Крупицкая ушла из библиотеки и успешно работала в экскурсионном бюро.

На второй и третий этажи здания вела красивая, широкая лестница, так же она выглядит и сейчас. На втором этаже библиотеки находились зал периодики, отдел обработки литературы, общий читальный зал, отдел библиографии и некоторое время методический отдел. В общем читальном зале был балкон (антресоли), с которого до революции выступали перед думами члены городской управы. Депутаты городской думы сидели в просторном, двухсветном помещении, которое впоследствии и занял общий читальный зал библиотеки. Выход на этот балкон был из бухгалтерии, которая находилась на третьем этаже. Балкон исчез уже после переезда библиотеки им. А. М. Горького в новое здание.

В праздничные дни общий читальный зал превращался в танцевальный зал. В зале было выделено помещение для научных работников и специалистов – возле окон в угловой, закругленной стене, где выходит на перекресток улиц Коммунистической и Сибирской красивый балкон. Балкон был открыт в 1950-е – 1960-е годы, затем долгое время недоступен, а сейчас снова открыт, отремонтирован. Читатели и гости библиотеки любят выходить на балкон, откуда открывается хороший вид на театральный сквер.

На третьем этаже в 1960-е гг. «квартировала» филармония. Когда она выехала, это помещение занял методический отдел. Здесь же размещались дирекция и бухгалтерия.

С улицы К. Маркса был вход в детский и музыкальный отделы библиотеки. К библиотеке примыкало двухэтажное здание, где жили библиотечные работники, – что-то вроде общежития. Последние жильцы, пожилые сотрудницы библиотеки смогли переехать отсюда в комнаты, выделенные им в коммунальных квартирах, только в конце 1970-х гг.

В 1958 г. в библиотеке появилось новое чудо – телевизор. Его поместили в темном коридоре над дверью, ведущей во двор. Семьи библиотекарей, живущих в библиотечном здании во дворе, приходили теперь смотреть телевизор.

Директором библиотеки, когда я начала здесь работать, был Семен Федотович Молодьков, пришедший сюда с фронта. За годы войны здание было изрядно запущено. В подвалы, где хранились книги, легко проникали воришки. С. Ф. Молодьков оказался замечательным хозяйственником и быстро навел порядок. Он возглавлял библиотеку в 1946-1959 гг. Вместе с тем С. Ф. Молодьков является автором исторического очерка «Библиотечная работа в Пермской губернии в дореволюционное время», который широко используется исследователями до настоящего времени. Этот труд не был издан, рукопись отпечатана в 16 экземплярах, разосланных по центральным библиотекам, но значимость его очевидна.

С. Ф. Молодькова сменил Иван Федорович Власов, возглавлявший областную библиотеку им. А. М. Горького в 1959-1967 гг. На долю И. Ф. Власова выпали все хлопоты, связанные со строительством нового здания, переездом и устройством на новом месте.

***Терёхина Людмила Викторовна,
сотрудник библиотеки с 1954 г.***

1954 год. Позади школа и Московский государственный библиотечный институт (МГБИ им. В. М. Молотова). И вот я «по распределению» в родном, любимом городе; буду работать в отделе библиографии областной библиотеки.

Как сейчас помню свой первый рабочий день – 17 августа 1954 г. Замирало сердце, когда я поднималась на второй этаж здания библиотеки по широкой лестнице с перилами, лежащими на красивых, узорчатых литых опорах. Прошла по широкому, светлому коридору и попала в «самый умный» отдел библиотеки – библиографический.

Заведующая отделом Людмила Михайловна Комарова познакомила меня с коллегами-библиографами, а потом провела по всем отделам, представив как молодого библиографа – выпускницу Московского института. Доброжелательный интерес сотрудников, который я ощутила, был неожиданным и очень приятным. Это был момент зарождения чувства большой ответственности за всё, чем мне предстояло заниматься.

Не буду писать о том, чем конкретно занимались библиографы, это тема для другого разговора. Здесь хочется сказать тёплые слова о библиотеке, о доме, который стал для меня родным на всю оставшуюся жизнь, а также о сотрудниках библиотеки и её читателях.

Первое знакомство с этим Домом, зданием библиотеки, произошло в годы Отечественной войны, когда я была ещё школьницей. Детский от-

дел занимал тогда небольшое помещение на первом этаже, там, где с 1966 г. обосновался обменный фонд областной библиотеки. Я попала в число читателей-активистов. Мы часто бывали в госпиталях: организовывали для раненых концерты, писали и отправляли письма, читали вслух художественную литературу. Так как особых талантов у меня не было, мне чаще всего поручали что-нибудь почитать вслух. С улыбкой вспоминаю, как серьёзно слушали молодые солдаты девчужку-пятиклассницу с косичками и бантиками, читающую им рассказы Куприна и Тургенева о любви.

Еще одно воспоминание, связано с посещением библиотеки в военные дни, зимой 1945 г. Мы с дедом (самым образованным человеком в нашей семье) сидим на лекции профессора Степанова (видного учено-литературоведа, эвакуированного в наш город). Лекция по поводу юбилея баснописца И. А. Крылова проходит в небольшом зале (позднее это – отдел периодики «Горьковки»); здесь очень холодно, все в одежде, даже лектор. Но лекция такая интересная, что забываешь о холоде...

Ученицей старших классов (школа № 17, что на ул. Ленина, 31) я несколько раз занималась уже во «взрослом» читальном зале «Горьковки». Первое впечатление от его посещения осталось в памяти на всю жизнь: огромное, залитое солнечным светом помещение. Справа от входа в конце зала возвышение – сцена, на которой стоял концертный рояль. Над сценой какой-то странный небольшой балкончик, непонятно для чего предназначенный. Много позже эта сцена и этот рояль стали для меня родными, как и всё здание библиотеки с его высокими, светлыми залами, лестницами, уголками и закоулками, парадным и «чёрным» входом (его я предпочитала парадному). И любимой «чайханой» – так назывался выгороженный под деревянной лестницей между первым и вторым этажом закуток, где можно было выпить чаю с бутербродами и узнать все новости, не только библиотечные, но и всего света.

В разное время со сцены «большого» читального зала звучали то доклады и выступления на торжественных праздничных вечерах и производственных совещаниях; то концерты, часто организуемые для сотрудников библиотеки, благо областная филармония располагалась на третьем этаже библиотечного здания, там, где сейчас находится методический отдел библиотеки им. А. С. Пушкина. Были в библиотеке и собственные таланты: заведующая методическим отделом Майя Александровна Игнатьева пела, а заведующий отделом книгохранения Вадим Иванович Туркин показывал фокусы. Хор молодых сотрудников (в котором имела честь состоять и я) бодро распевал под аккомпанемент концертного рояля (играла заведующая музыкальным отделом Милица Александровна Булынько): «...и на Марсе будут яблони цвести» или «...под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги».

О том, что концертный рояль достался библиотеке по наследству от Общественного собрания, никто тогда не говорил. Совсем недавно я узнала об этом из книги Е. А. Спешиловой «Старая Пермь». А вот о том, что областная библиотека находится в здании, где располагалось когда-то Общественное собрание, я знала очень хорошо. Дело в том, что моя бабушка, Сальникова Анна Гавриловна – выпускница Мариинской гимназии и большая любительница танцев – не раз посещала танцевальные вечера и балы, которые устраивало для молодежи Общественное собрание.

Не только веселые, но и трагические воспоминания в моей семье были связаны с этим Домом.

Не знаю, что сейчас находится в подвальном помещении, окна которого по ул. Сибирской находятся почти под землей, только верхняя их часть пропускает дневной свет. В первые годы моей работы здесь жили самые молодые сотрудники библиотеки. Забегая к ним по делам или в гости, я всегда вспоминала мамыны рассказы. Гражданская война, Пермь только что освобождена от Колчака. Пермьки, проходящие по улице Сибирской мимо этого подвального помещения, видят тянущиеся из окон руки и слышат мольбы о помощи людей, томящихся в застенках здания, превращенного на время в тюрьму...

Теперь о самом родном помещении библиотеки – о большой светлой комнате, где находился отдел библиографии. Здесь началась моя трудовая биография. Окна отдела выходили на ул. Карла Маркса (Сибирскую). Довольно высокими рядами каталогов (служебного и читательского) помещение было разделено на две половины. Открыв дверь, читатель сразу же попадал на ту половину комнаты, где находился дежурный библиограф, стояли алфавитный и систематический каталоги, справочники и энциклопедии.

В центре этой части помещения стоял пяти- или шестиметровый стол на довольно толстых резных деревянных ножках. Наверняка он тоже достался библиотеке в наследство от прежних владельцев здания.

Внутренняя часть «коридора», разделившего комнату на две половины, состояла из служебных каталогов – алфавитного и систематического. Карточки в эти каталоги расставляла очень милая, молчаливая старушка – Вера Николаевна Алина. Говорили, что она из семьи когда-то сказочно богатого чердынского купца. Она давно перешагнула границы пенсионного возраста, но работала, так как пенсия тогда была совершенно мизерная. Работать было тяжело: иногда она дремала, расставляя бесконечные каталожные карточки, тем не менее всё успевала расставить в срок. Иногда Вера Николаевна приводила с собой внука – школьника младших классов, тоже тихого, молчаливого мальчика.

Одна из пришедших на смену Вере Николаевне библиотекарей, Елена Захаровна Пермькова тоже была вынуждена брать на работу ма-

ленькую дочку Наташу. Вот этого «звоночка» трудно было утихомирить. Встретив в коридоре директора библиотеки Семена Федотовича Молодькова, она громко, на весь коридор, спросила: «Дядя директор! А ты почему на работу в добрых штанах ходишь?» Тихо было только тогда, когда она засыпала где-нибудь в уголке отдела обработки на газетных подшивках.

В служебной части комнаты, где трудились остальные библиографы, обращал на себя внимание громадный, во всю многометровую стену, с полками до потолка, старинный книжный шкаф, в котором помещался весь книжный фонд отдела: справочники и энциклопедии, летописи и библиографические указатели. Несмотря на то, что размеры шкафа были поистине гигантскими, им было очень удобно пользоваться: внизу – широкие ящики для газет, затем ряд полок, где стояли книги разной высоты. Чтобы добраться до верхних полок, пользовались передвижной лесенкой, прикрепленной к шкафу. Все двери и ящики двигались бесшумно, без скрипа, как хорошо смазанный механизм. Этот книжный шкаф – шедевр мебельного искусства – тоже достался в наследство, скорее всего, от общественной библиотеки.

Среди картотек в служебной части комнаты была легендарная «Козыринская» картотека. Считаю ее памятником человеку, для которого слова «чтение», «знание», «книга» были превыше всего. Мне известно о нем немного, даже имени и отчества не знаю. Те, кто его помнили, говорили, что он был человеком нелюдимым, суховатым, малоразговорчивым. Были у него жена и дочь. К моменту моего прихода в библиотеку он уже давно умер, а жена еще работала, сидела на контроле: пожилая, усталая, молчаливая женщина; её манера держаться никак не располагала к разговору. И всё-таки стоило расспросить её о муже.

Картотека Козырина представляла собой несколько тысяч самодельных карточек, написанных почти каллиграфическим почерком на отличной веленовой бумаге. Карточки стояли в алфавитно-предметном порядке. Перечень тем и предметов очень широкий, подчас неожиданный. Указаны источники – книги, сборники, статьи. Картотека не раз выручала нас в самых затруднительных случаях. Удивительно, но она сохранилась до настоящего времени: находится в информационно-библиографическом отделе «Горьковки» и всё еще служит библиографам хорошим подспорьем. Этот своеобразный памятник истории библиографического дела не должен погибнуть.

Не могу не вспомнить о моих коллегах-библиографах, они многому меня научили.

Людмила Михайловна Комарова – моя первая заведующая. Сразу чувствовалось, что это эрудированный, знающий и любящий свой край человек. Писатель Л. И. Давыдычев когда-то отмечал большие способ-

ности Людмилы Михайловны к журналистике. На смену Л. М. Комаровой пришла Клавдия Сергеевна Шилова: замечательный организатор, требовательный к себе и подчиненным. Она научила меня ценить каждую минуту и работать по плану. Серафима Дмитриевна Широкова – великая труженица, обладающая феноменальной памятью и библиотечной дотошностью. Краеведение было ее главным делом, и справлялась она с ним отлично, пользовалась большим уважением читателей-краеведов. Моё стремление к совершенству в любой библиографической деятельности – это от неё.

Марта Ивановна Иванюта, по образованию – литератор. Всегда была в курсе литературной жизни страны, с блеском проводила обзоры новинок художественной литературы. К ее мнению о художественном произведении прислушивались литературоведы. Найти «изюминку» в произведении, суметь подчеркнуть это в обзоре художественной литературы – этому я училась у Марты Ивановны.

И все вместе они учили молодежь тому, что главный человек в библиотеке – читатель. Надо признать, что читатели отвечали нам взаимностью, они любили библиотеку, считали ее своим Домом. Особенно это касалось студенческой молодежи.

Как не вспомнить при этом Георгия Ивановича Буркова – всегда внешне серьезного, неулыбчивого, симпатичного, милого Жору Буркова (именно так звучала тогда его фамилия), который приходил в библиотеку к десяти часам утра (время открытия) и уходил одним из последних. А библиотека закрывалась тогда в одиннадцать часов вечера. Правда, перерыв он все-таки делал – ездил на обед домой, в Мотовилиху. С горой книг Жора усиживался на своё любимое место и буквально «глотал» их в течение дня. Все пишущие о Буркове единодушно признают, что он был одним из образованнейших актёров своего времени. Приятно сознавать, что библиотека и ее работники помогли ему так преуспеть в деле самообразования.

Среди читателей библиотеки были преподаватели и профессора вузов города, специалисты различных предприятий и организаций, деятели культуры и искусства, писатели и журналисты.

На всю страну славился своим богатейшим фондом музыкальный отдел областной библиотеки. У него были свои традиции в обслуживании читателей – певцов и музыкантов, учащихся музыкальных школ и училищ, просто любителей музыки. Работа музыкального отдела была описана в одном из учебников по библиотечному делу. Душой его была бессменная заведующая – Милица Александровна Булышко. В благодарность за помощь певцам и музыкантам театра оперы и балета коллектив библиотеки регулярно приглашали на генеральные репетиции-просмотры всех премьерных спектаклей. Заезжие знаменитости – ре-

жиссеры и актеры гастролирующих в городе театров тоже часто заходили в библиотеку «на огонёк». Всё это делало жизнь нашего Дома интересной и насыщенной.

В Перми много дорогих моему сердцу мест. Одно из самых любимых – на улице Коммунистической, 25 (улице только что возвращено прежнее название – Петропавловская). Дом Смышляева, библиотечный дом: когда-то – «Горьковка», переехавшая в 1966 г. в новое здание на ул. Ленина, сейчас – «Пушкинка», центральная городская библиотека.

Аликина Надежда Алексеевна, читатель библиотеки с 1942 г.

В восьмилетнем возрасте, в 1934 г. мама привела и записала меня в детское отделение городской библиотеки, благо жили мы близко, на той же Коммунистической улице, в доме № 13, а библиотека находилась в доме № 25. С этого времени и до глубокой старости (мне 83 года) я не теряю связи с библиотекой им. А. М. Горького.

Детское отделение находилось на втором этаже, вход с улицы Сибирской (возможно, в 1934 г. она уже была улицей К. Маркса, но по старинке её очень долго называли Сибирской). Со второго посещения я уже меняла книжки самостоятельно, чем гордилась. На дом выдавали по две книжки. В библиотеку ходила с удовольствием. Чтение на меня действовало благотворно, я была не в меру подвижна.

На здании библиотеки, на углу, висел большой градусник, наверное, больше метра в длину. Он был покрыт белой эмалью, деления – черные, а в середине трубка с красной жидкостью. Под градусником висел круглый, окантованный медью барометр. Градусник с барометром, сверкавшим медью на солнце, были предметами моего обожания. Проходя мимо, я останавливалась и подолгу заморожено глазела на них, поначалу даже не понимая их назначения. Сопоставить этот градусник с тем, который ставили мне, измеряя температуру, было выше моего понимания. И став взрослым человеком, проходя мимо, не забывала взглянуть на температуру воздуха. Да и все прохожие, как правило, останавливались здесь, обсуждали погоду – как во все времена.

В 1960-е гг. в партийный архив Пермского обкома КПСС пришел за справкой глубокий старец по фамилии Вайнер. Помнится, ему нужно было подтвердить справкой родство с известным уральским революционером Л. И. Вайнером (погиб в 1918 г., в Екатеринбурге одна из центральных улиц с 1919 г. носит его имя). Старец сказал, что он – окулист (пошутил: всю жизнь втирал людям очки). Упомянул о том, что ещё до революции вместе с товаром для очков выписал из Германии уличный термометр с барометром и подарил их городу: «Они и сейчас висят в центре, на углу улиц Коммунистической и К. Маркса.

Может, вы видели?» Я с восторгом рассказала ему о своих детских впечатлениях. Оба остались довольны.

Насколько я помню, речь шла о том, что этот старик, пермяк, был родным братом Л. И. Вайнера. До революции в Перми, на Сибирской улице, в доме Аксенова, был оптический магазин некоего Е. Вайнера. Из рекламного объявления в «Адрес-календаре Пермской губернии» на 1907 год: «Постоянно большой выбор очков, пенсне, лорнетов. Очки для заводских рабочих, бинокли, подзорные трубы, барометры, гидрометры, термометры». (Справка представлена Е. П. Субботиным). Прошло много лет, почти полвека. За достоверность того, что посетитель говорил о градуснике, подаренном им городу, ручаюсь. А по поводу родства с Л. И. Вайнером ничего наверняка теперь сказать не могу. Кажется, знаменитый революционер происходил из бедной семьи, крестьянской или рабочей. Я не помню даже имени этого пермского Вайнера. Интересно было бы найти что-то подробнее о нем. Ведь о градуснике на здании библиотеки помнят многие.

Чтение было моим постоянным увлечением. В юности книгу не выпускала из рук. Читала дома, в трамвае, в очереди – везде. Читаю и сейчас, хотя нередко – уже с лупой.

Когда мне было 15 лет, началась война. Тяжесть ее все почувствовали с первых месяцев. Электричество отключили, продукты выдавали по карточкам. Хлеб в нашей семье на пайки (как многие пермяки; наши соседи, например) не делили, но подрастал мой трехлетний брат, мама старалась подкармливать его получше. Отруби, жареные в рыбьем жире (полученном по рецепту врача), считались вполне съедобными, а по-видимому из свеклы – просто лакомством.

Все военные и первые послевоенные годы свободное от учебы время я проводила в читальном зале библиотеки, на тренировках в спортивном зале мединститута и, очень часто, в театре оперы и балета, где размещался эвакуированный из Ленинграда Кировский театр. Все постановки его я видела по нескольку раз. Очень удобно: в треугольнике, буквально в сотне метров друг от друга находились библиотека, спортзал и театр.

С 14-ти лет я занималась спортивной гимнастикой. С командой гимнастов бывала на всесоюзных, республиканских и уральских соревнованиях. Многие годы тренировки проходили в спортзале мединститута. Обычно до тренировки или после неё я занималась в читальном зале библиотеки – через дорогу от института.

В читальном зале было тепло, светло и уютно. За огромным овальным столом, по-видимому, очень старинным, принадлежавшим прежним хозяевам дома, легко умещались до двух десятков человек – вся наша компания. Мы весело проводили время: читали, перешептывались, сме-

ялись. Однажды дежурный по залу сделал замечание: «Вы мешаете другим. Хотите поговорить, выйдите в коридор». Тогда мы, послушные, придумали другой способ общения: стали писать записки. Напишешь, щелкнешь пальцами, и летит записка к адресату через полированный стол.

Зимой 1943 г. произошел трагический случай. Наш приятель Валерий Зуев перестал появляться в библиотеке и на тренировке. Оказалось, он тяжело заболел воспалением легких и буквально через две недели умер. Красивый 18-летний парень. Настоящей причиной смерти, конечно, была война: постоянное недоедание, физические нагрузки и отсутствие лекарств. Все мы тяжело пережили эту потерю.

Студенческие годы пришлось на конец войны и первые, еще более тяжелые послевоенные годы. В университете выдавали карточки на УДП – «удовлетворительное дополнительное питание». Это была тушеная мороженая капуста, кусок хлеба и чай с неизвестной заваркой. Неунывающие студенты переводили УДП так – «умрешь днем позже».

Читальный зал библиотеки был благодатным местом. Здесь я проводила многие часы, здесь познакомилась с будущим мужем (через три года вышла замуж и прожила с мужем 52 года). Здесь писала за тем же овальным столом дипломную работу вместе с сыном, появившимся на свет за два месяца до защиты диплома. Закончился период студенческой жизни. Со спортом тоже пришлось покончить. Начался многолетний путь накопления опыта и профессиональной зрелости.

После окончания историко-филологического факультета Пермского (в то время Молотовского) университета в 1950 г. я по распределению была принята научным сотрудником партийного архива Пермского обкома КПСС и проработала в архиве 31 год, до пенсии. Библиотека в эти годы стала для меня не просто хранилищем литературы, но и учреждением, с которым партийный архив сотрудничал самым тесным образом. В содружестве с государственным архивом области, библиотекой им. А. М. Горького, государственным университетом и областным краеведческим музеем мы подготовили и издали много документальных сборников архивных документов, опубликовали сотни научных статей. По роду своей работы постоянно приходилось прибегать к неиссякаемым источникам информации, хранящейся в библиотеке: разыскивать нужные сведения, сверять, уточнять даты, фамилии, факты, события, просматривать множество печатных материалов.

К тому же я по-прежнему много читала. Со временем появилась домашняя библиотека, но без фондов областной библиотеки обойтись было невозможно. В 1966 г. «Горьковка» переехала в новое здание, а с ней и постоянные читатели, и я в том числе. Но прекрасный, старинный, необыкновенно уютный дом навсегда остался родным для нашего поколения.

**Круглова Тамара Александровна,
читатель библиотеки с 1952 г.
Кортаева Людмила Викторовна,
читатель библиотеки с 1955 г.**

Нам, выпускникам истфака Пермского государственного университета, довелось быть читателями многих библиотек. Из них самой памятной остаётся библиотека нашей юности – Горьковская библиотека, «Горьковка», Пермская областная библиотека им. А. М. Горького. До весны 1966 г. она располагалась в том здании, где теперь находится Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина.

Приятно было оказаться в бывшем помещении Горьковской библиотеки спустя десятилетия после её переезда. Внешне здание заметно принарядилось, похорошело, на фасаде появилась мемориальная доска, посвященная Д. Д. Смышляеву, земскому и общественному деятелю. Здание библиотеки – это Дом Смышляева. Имя Дмитрия Дмитриевича Смышляева мы узнали на старшем курсе университета, на «Истории Урала», которую читали Владислав Владимирович Мухин и Игорь Севастьянович Капцугович. До этого наши сверстники про Смышляева, кажется, и не слышали.

Внутри здания теперь ведут две массивные двери, а раньше была только одна, на ней сейчас написано: «Абонемент». Открываем другую дверь, с привычной надписью «Читальный зал». С волнением поднимаемся по знакомой широкой лестнице с чугунными ажурными решётками и входим в вестибюль. Здесь когда-то стоял большой круглый стол со свежей периодикой, и обычно было много народу.

Приветливые хозяева нынешнего здания позволили нам пройтись по библиотеке. Здание преобразилось: современный интерьер, новые залы, оргтехника, стеллажи с открытым доступом... Но кое-что вполне узнаваемо. Мы легко нашли свой читальный зал, он оказался на прежнем месте. Теперь там аккуратные столики на двоих, мягкая мебель, пианино. Очевидный контраст с тем далеким временем. Тогда в зале стояли большие тёмные деревянные столы с жёсткими стульями. За столами сидели друг напротив друга по четыре человека. Комфортной такую обстановку не назовёшь, особенно если попадётся любопытный сосед, от которого невозможно отгородиться, уединиться. Зато на широких столах удобно было работать с огромными подшивками старых газет. Запомнились и деревянные стулья с высокими спинками. На них можно было иногда покачаться. Бывало, свалишься и нарушишь библиотечную тишину.

В зале стояло много цветов. Наверное, они заглушали звон трамваев, проходивших по тогдашней улице Карла Маркса. Сохранился и действует старый подъемник. Сегодня он так красиво задекорирован, что не сразу догадаешься о его существовании.

Рядом со столом выдачи литературы располагался профессорский зал с особыми столами: каждый стол рассчитан на одного читателя,

покрыт дерматином; тумба с ящиками, настольная лампа. Профессоров в Перми было немного, и зал, в отличие от общего, переполнен не был. Профессора приглашали сюда на консультации аспирантов и молодых преподавателей. Мы заходили в этот зал, когда нас приглашал Я. Р. Волин. Яков Рувимович, профессор Пермского университета, был активным читателем библиотеки. Каждый год, в первый рабочий день января он приходил утром на перерегистрацию и получал читательский билет за номером один, чем очень гордился.

Фонды библиотеки помогали осваивать материал учебных курсов исторического факультета. С нашей студенческой группой работали молодые преподаватели, постоянные читатели Горьковки: С. И. Сметанин, А. Н. Фадеев, В. В. Мухин, И. С. Капцугович и др. Надолго запомнился семинар по теме «Отечественная война 1812 года». Станислав Иннокентьевич Сметанин так подобрал литературу, что в студенческой аудитории мы развели бурную дискуссию, приводили доводы из различных источников, шумели, спорили, но так и не смогли найти ответа на вопрос «кто сжёг Москву?» Пожалуй, то был первый опыт модного впоследствии проблемного обучения. В студенческом научном кружке под руководством Анатолия Николаевича Фадеева мы уже на первом курсе исследовали историю комсомола Перми и приобщились к краеведению. Краеведческие каталоги велись и справки выполнялись в научно-библиографическом отделе Горьковки. Его сотрудники, в частности, Николай Кондратьевич Патокин, казалось, о Западном Урале знали всё!

Наша студенческая жизнь второй половины 1950-х гг. совпала с оттепелью. Возвращались запрещённые сюжеты, вычеркнутые из памяти имена. Мы открывали для себя творчество Ремарка, Хемингуэя. На эти книжки записывались в очередь. С интересом читались журналы «Иностранная литература», «Новый мир» и др. За столом выдачи книг работало много знающих специалистов-библиотекарей. Более других запомнилась Инночка, симпатичная девушка с кудрявой головой.

В библиотеке в эти годы работали представительные, известные в городе дамы: Людмила Викторовна Терёхина, Мария Васильевна Хитрова, Людмила Михайловна Комарова.

Горьковская библиотека стала для многих из нас вторым домом. Мы жили, в основном, далеко от центра, в больших семьях, многие в коммунальках. Условия для занятий минимальные, домашние библиотеки собирать было не принято. В читалке проводили часто целые дни, от звонка до звонка. Здесь писали сочинения, курсовые, дипломные работы, позже – диссертации. Приходилось мириться с отсутствием буфета и с прочим неуютом, например, с сезонными перепадами температуры. В высоком двухсветном помещении с множеством окон в два ряда зимой было холодновато, а летом со стороны улицы Коммунистической жарило солнце. Но мы этим мелочам особого значения не придавали...

ДВОР УШЕДШЕЙ ПЕРМИ (ул. Советская, бывшая Торговая, 100)

На бывшей улице Торговой до сих пор сохранилось немало интересных зданий дореволюционной постройки. Но мне хочется рассказать об одном замечательном пермском дворе, который давно снесен с лица земли. Я вспоминаю о нем до сих пор, потому что город полувековой давности оживает в моей памяти через него, это место святое для меня, сакральная точка, из которой я вижу ушедшую Пермь. Когда-то, прочитав в журнале «Юность» совершенно необычную для тех времен вещь – «Звездный билет» Василия Аксёнова, – я неожиданно получил эмоциональный заряд, как глоток свежего воздуха. Это повесть о молодых ребятах, живущих в старом московском дворе, уже расселявшемся. Главный герой называл его «Барселоной». Мои воспоминания удивительным образом связаны и с нашим двором, и с аксеновским шедевром. Всякий раз щемит сердце и появляется ностальгическая грусть. Это тем более странно, что я не жил постоянно в этом дворе: приезжал сюда из пригорода Перми к близким родственникам, среди которых были два моих двоюродных брата, погодки, немного старше меня. Поездки эти были постоянными в течение двадцати лет – с начала 1950-х гг.

Моя пермская «Барселона» находилась на нечетной стороне улицы, левой, если идти от её начала. Я шёл пешком с Перми I, приехав из своей Тмутаракани, и любовался городскими строениями по пути следования. С позиции прожитых лет и накопленных к тому времени знаний я не мог по достоинству оценить архитектурные красоты, но яркие впечатления от старого города живы и сейчас.

В моем дворе было нагромождено много строений, по-видимому, различных подсобных помещений, и все постройки имели один адрес: ул. Советская, 100. Причем четные и нечетные номера были перепутаны: предыдущий двор – номер 99, а следующий – 101. В настоящее время нумерация сделана правильно, под сотым номером на четной стороне стадион «Энергия», укравший реквизиты у моего исчезнувшего двора. Кстати, полвека назад стадион уже был, а наш двор находился напротив него.

Вместо патриархальных домов на Советской в квартале от улицы Попова до улицы Крисанова выстроены четыре огромных, серых, панельных девятиэтажных дома. Но рядом со стадионом, с той и другой стороны, остались два двухэтажных старинных здания архитектора В. В. Попатенко: бывший «Вдовый дом» (ныне противотуберкулезный диспансер) и лицей № 2 Пермского государственного университета (раньше это была женская школа, а до революции – начальное училище им. Александра II).

«Откуда у хлопца испанская грусть?» Казалось бы, обычный двор, снесли старые развалины, и делу конец. Но для меня с него началась старая Пермь. Интерес к уходящему городу остался навсегда.

На первом этаже двухэтажного дома, стоявшего слева, если повернуться лицом к арке двора, когда-то, по преданию, жил управляющий (или приказчик) компании купца Н. В. Мешкова. Говорили, что в 1920-е гг. из его бывшей квартиры было сделано несколько, и в каждой оказало не по одной семье – так называемое послереволюционное уплотнение. В 1960-е гг., когда из-за протекавшей и много лет не ремонтировавшейся крыши отвалилась на втором этаже штукатурка, жители с изумлением увидели, что верх дома – деревянный. Все считали, что дом полностью кирпичный, ведь толщина стен была больше метра, и в любые морозы в доме хорошо сохранялось тепло.

В трехэтажном здании по другую сторону арки размещался институт усовершенствования учителей. Ректор с семьей жил здесь же. Его сын, наш ровесник, иногда приглашал нас поиграть в настольный теннис в коридоре института, большом как зал. Уже тогда меня поражали внутренние помещения старинных зданий: неожиданно емкие и вместительные при скромных размерах снаружи.

Структура нашего двора была сложной, поселенцы жили тесно. К тому же в каждой семье тогда было по несколько детей – период послевоенной демографической компенсации. Рядом были сараи для дров и припасов. В задней, обширной части двора находились склады, а когда-то, по словам стариков, были конюшни, и еще раньше – сад. Дальше шёл склон, заборы. За ними протекала речка, которую никто никогда не звал по имени, а за серо-бурым цветом воды и отвратительный запах выразительно величали Говнянкой. Много позже я узнал, что речка эта, практически ручей, называется Пермьянкой. Она берет начало из болота, на месте которого был образован Черный рынок, а в советское время – площадь Окулова, на которой проводились демонстрации. Ныне на этом месте сквер Уральских добровольцев. Пермьянка сейчас протекает в канализационных трубах под трамвайными путями на улице Петропавловской (Коммунистической, которой только что возвращено прежнее имя) на глубине нескольких метров; впадает в Данилиху за нынешним дворцом молодежи, ближе к железнодорожному мосту у Перми II, и вместе с Данилихой – в Каму рядом с заводом Дзержинского.

Кстати, с другой стороны болота был исток еще одного ручья – Медведки. Такой нетипичный случай начала рек – в две стороны – называется бифуркация. Медведка протекала дворами, пересекая бывшую улицу Кунгурскую, а у Кашиной бани, пересекая Монастырскую (ул. Орджоникидзе), проходила по трубам под железной дорогой и впадала в Каму. Медведка – первая речка в Перми, исчезнувшая с поверхности. Ложок от её поймы всё ещё прослеживается в рельефе у современного офиса Запад-

но-Уральского сбербанка на улице Орджоникидзе, почти в створе улицы Сибирской. По воспоминаниям старожилов, именно в этом логу выясняли отношения семинаристы, реалисты и гимназисты. Некоторых «студиозов» за подобные доблести отчисляли из учебных заведений.

В середине 1950-х гг. на стадионе напротив нашего двора началось строительство. Это работали на общественных началах первооткрыватели нового вида спорта в Перми: на стадионе «Энергия» создавался велотрек. Для начала со всех котельных в округе свозили шлак. Строители уговаривали водителей автомашин покататься по уложенному в виде эллипса шлаку вместо катка. В конце 1950-х гг. в Перми сложилось несколько велосипедных секций. Возникла мода, связанная с велотрековыми гонками, появились гонщики, выявились лидеры, и какой же спорт без болельщиков? Приезжали спортсмены из других городов. Но сооружение, построенное непрофессионально, быстро ветшало. Полотно дорожки стало волнистым, ездить было невозможно. Окончательным приговором велотреку послужило то, что он оказался еще и не стандартным по размеру. Дорожка должна быть длиной 333 метра 33 сантиметра: три круга – один километр, а на «Энергии» размеры трека оказались меньше.

Дома в старом дворе сломали в начале 1970-х гг. Большинство жильцов переехали в новые «панельки» в микрорайон Нагорный, на улицу Дорожную, ныне архитектора Связева. Старушки еще долго встречались на лавочках, пока не исчезли так же, как старый двор, в котором они помнили себя молодыми. Позднее снесли все постройки со стороны улицы Коммунистической. Здесь возводили 12-этажные столбики, которые вместе с прилегающими выше длинными панельками горожане называли: «точки и тире». Формирующаяся улица Коммунистическая (теперь снова Петропавловская) обозначила будущую эспланаду – открытое пространство.

Страшней всего было смотреть, как в то же время ломали дома на улице Куйбышева (Красноуфимской). Среди них были здания, как сказали бы сейчас, представительского класса. Слабосильные бульдозеры тех лет с трудом грызли старую кладку. В первом от угла Коммунистической здании размещался спортивный магазин «Динамо». К нему примыкал изящный, с двумя башенками и мезонином, бывший Сибирский банк. Вплотную к бывшему банку стояло здание, в котором был магазин с необычно для старой Перми большими окнами, образующими по фронту эллипс. На помощь бульдозерам привезли подъемный кран с шар-бабой на тросе. Через несколько дней квартал кирпичных домов, которые смотрелись ансамблем не хуже, чем на улице Сибирской, был превращен в кирпичное крошево. Сейчас на этом месте здание администрации губернатора и культурно-делового центра. И дальше по улице Куйбышева шел квартал таких же старинных зданий вплоть до бывшего магазина «Детский мир» (первого в Перми ЦУМа).

Наверное, исчезнувшие дома старого города вызывают у него «фантомную» боль, и поэтому так трудно входят в ткань Перми новые здания. Конечно, это мистика, и всё же, кто знает? Архитекторы называют города организмами, хотя они могут быть только органическими образованиями с несопоставимо более высоким уровнем интеграции между элементами и системами. Но ведь писал же Николай Павлович Анциферов без кавычек: ДУША Петербурга.

А. А. Константинов

СТУДЕНЧЕСКАЯ «ОБЩАГА» КАК СКОЛОК СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО (по личным воспоминаниям)

Известный пермский прозаик Алексей Иванов своей «Общогой-на-крови» прикоснулся к теме, близкой многим. Студенческое общежитие – не просто здание, предельно функционально спроектированное и населенное юными временщиками. Это особый мир, монастырь эпикурейцев, где проза быта уживается с поэзией, любовными треугольниками, фарсовыми ситуациями и много чем ещё.

Автор точно и в то же время гротесково воссоздал атмосферу обычной студенческой общаги – заплеванных лестниц, грязных, обшарпанных коридоров. Неприглядность быта можно выразить с помощью слов одного из героев: словно наступаешь в темноте «босой ногой в чье-то испражнение». Интересен образ коменданта Ботовой – это тоже социально-психологический тип, знакомый многим. Книга подкупает своим правдоподобием, вызывая умильно-ностальгические воспоминания.

Мое студенческое житье-бытьё началось с бесприютности. В 1978/79 учебном году, пока не «выбил» место в «общаге» Пермского государственного университета, ютился по случайным углам, даже на вокзале Пермь II и в аэропорту, свернувшись калачом, ночевал. А зима тогда выдалась лютая; мороз доходил до 45-50 градусов. Добираясь до универа, заколеешь. И деньги на исходе. Питался хлебом и дешевыми колбасами – ливерной, кровяной (правда, они настоящие были, не то что нынешняя ядовитая отравка). Закусив, подходил к буфету и разыгрывал пародию на «Мимино»:

- Чай сколько стоит?
- Шесть копеек.
- Чай хочу.

Чаевые не предлагал; счет вёл каждой копеечке.

Зато когда оказался в тепле и скромном комфорте «хрущёбной» пятиэтажки общежития № 8 в центре университетского городка, почув-

ствовал себя на седьмом небе. Не жесткая, перегороденная железными подлокотниками скамья. Своя койка! Накрывайся одеялом и свободно вытягивай ноги. Ни милиционер, ни уборщица не сгонит. Благодарь! Учебные аудитории располагались этажом ниже жилого блока, и на занятия можно было являться даже в тапочках. Вечерами донимают шумные соседи? Снова садись в любую свободную аудиторию и читай сколько влезет. Есть захотелось? Сделаешь бутерброд с колбасным ливером, перчиком посыплешь, томат-пасту разведешь, посолишь... Вдобавок – для полной благодати – «стипёшка» подошла, талоны на допитание выдали, у подружки соседки на зимние каникулы уехали, и нам никто уединяться не мешает...

Затем – «пятерка» – девятиэтажная панельная «поздняя брежневка». Нас, историков, поселили компактно – на восьмом этаже. По четыре человека на комнату, первоначально рассчитанную на троих. В маленьких комнатах по двое жили семейные, особо заслуженные старшекурсники (например, члены студсовета) и аспиранты.

Не открою Америки, если скажу, что жили всяко – «дружновато-скандально», тесновато и безалаберно. Тон сразу же стали задавать вчерашние «дембеля»-рабфаковцы. Доходящая до бесцеремонности простота нравов, растяжимость понятий «твое», «мое», «наше»... Кто чье надел или съел – начни выяснять – запутаешься, да еще крохобором прослывешь. Идя на свидание, парень собирает у соседей, что получше из одежды. Опоздал к столу – подьедай, что осталось. Раз у старшекурсницы Наташки Велевой на кухне прямо из кастрюли кто-то «скоммуниздил» курицу. Прибежал ее парень с кондитерской фамилией Беше (между прочим, спортсмен-самбист), начал было проводить дознание. Да разве в таком муравейнике сыщешь.

Я подобное воспринимал с едва скрываемой досадой, поскольку был (и остаюсь) человеком скуповатым, мелочным, любящим создавать свои мещански-уютные уголки и ниши, всячески старающимся защитить их от проникновения извне.

В периоды сессий воцарялись тишина и покой. Повсюду – в комнатах, холлах, коридорах – склонившиеся над учебниками, конспектами и «шпорами» фигуры. Стимул ещё и тот, что троечникам место в общежитии предоставлялось в последнюю очередь.

По праздникам – дискотека. Впритирку – так много народа набивалось в фойе. С грохочущей музыкой и самодельными свето-цвето-эффектами. С выпивом и хождениями по комнатам «поздравлять» знакомых и незнакомых. С бабаханьем самодельных петард. Без драк и других, свойственных менее продвинутому слою общества разборок. ЧП на моей памяти произошло только одно, больше, чем ЧП – трагедия. По пьяному делу погиб, рухнув на оконное стекло, старшекурсник

– художник-сюрреалист от бога (имя забыл). Микроскопический осколок вонзился в незащищенное место, где шея соединяется с затылком.

Общага накладывала отпечаток и на отношения между полами. Дистанция между дружбой парня и девушки и интимом подчас оказывалась очень короткой. Не припомню, чтобы общагу сотрясали любовные истории, сцены ревности, разборки по поводу «облика морале». Парень предупреждал соседей по комнате, чтобы они «малость погуляли», приводил подругу, закрывал дверь. И действительно, часа через полтора «оттянувшаяся» парочка, ничуть не смущаясь, попивала чаёк и беседовала в тесном студенческом кругу.

Общага – черный рынок, свободная экономическая зона, порто-франко, Duty free – называйте, как хотите. Почти не скрываясь – вывешивая объявления или через знакомых – здесь торговали столь желанными импортными «шмотками», «пластами» (пластинками).

Пропускной режим зависел от строгости вахтера. Были вредные тетеньки, но большинство относилось к гостям вполне терпимо, посему нередко по комнатам набивалось и оставалось ночевать немало посторонних.

Обязанности были мало обременительны: содержи комнату и кухню в чистоте (её проверяла комиссия, состоящая из студентов же), не шуми после 23 часов. Плата за проживание была чисто символической – 6-8 рублей в год (и то её компенсировали через профсоюз).

Вся информация доводилась до жильцов через вывешенные на специальном стенде «Экран чистоты», приказы проректора по АХЧ о выселении злостных нарушителей и протоколы заседаний студсовета. Идеологическая составляющая интерьеров – минимальная, во избежание нелегальных дорисовок и надписей (поди уследи, чтобы какой-нибудь «приколист» не изобразил усики на портрете Брежнева).

В целом общежитие вполне отвечало своему названию. Оно воспитывало, социализировало, по-своему прививало навыки товарищеского общения и взаимодействия. Оно было советским во всех отношениях. Так, на одном из комсомольских собраний мы узнали о проступке студента одного из столичных вузов. Тот на вопрос соседа по комнате, первокурсника-африканца об имени, ответил: «Зови меня Хозяин». Иностранец из-за слабого знания русского языка издёвки не уловил, так и называл соседа Хозяином. Случайно это вскрылось, «шутника» отчислили, исключили из ВЛКСМ. Мы восприняли это как должное.

Нынешние общежития, их нравы, коллизии, возникающие вокруг них – зримый пример советской остаточности. Предприятия сбрасывают с себя общежития вместе с другой, заведомо убыточной социальной инфраструктурой, как обременительный балласт. Вузы норовят превратить таковые в учебные помещения или сдать в аренду предпринимателям. В любом случае, неповторимый колорит студенческого житья-бытья ушел в прошлое.

ИЗ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ ПО ПЕРМИ

Чижов В. Е. Пермь в экскурсиях: (Опыт изучения города экскурсионным методом): Справочник для руководителей приезжих экскурсий, экскурсантов и туристов / Пермская окружная экскурсионная станция. – Пермь, 1926. – 56 с.

Глава: Пермь – культурный центр.

В полной гармонии с состоянием материальной культуры города стоит его духовная культура. При этом если первая обслуживает только город [Пермь], хотя может явиться показательной для ряда городов области, то вторая по своему значению далеко выходит за пределы округа (ряд техникумов различных специальностей, университет). В предварительной беседе руководитель [экскурсии] выясняет причины роста духовной культуры в Перми: географическое положение, природные и экономические условия, специфические условия – развитие промышленности, наличие сырьевых элементов, обычно весьма культурного и притом революционно настроенного, и, наконец, торгово-промышленного класса, поставившего своей задачей предоставление своим детям общего и специального образования. В результате перед революцией Пермь была центром среднего, общего и специального образования Камского Приуралья, сосредоточив в себе 13 средних учебных заведений.

Как и следовало ожидать, культурная жизнь города была сосредоточена в центре, здесь были построены соответствующие здания для учебных заведений. Но справедливость требует отметить, что хорошие благоустроенные школьные здания в XX веке стали появляться именно на окраинах (бывшие училища Стефановское, Нассоновское, Алексеевское, Ольгинское, Александровское, ремесленное и др.). Естественно, что революция, энергично продвигая просвещение на окраины, использовала существующие культурные очаги. Усилились и появились новые культурные учреждения на окраинах (школы, библиотеки-читальни, клубы), но центр сохранил свое прежнее культурное значение. Вот почему сюда надо вести экскурсию.

Пuls пермской жизни усиленно бьется около пристаней и вокзала Пермь I. Сзади этого вокзала, в начале [улицы] Советской, мы находим уголок ведомственного образования: здесь не только стык водного пути и железной дороги, здесь вчера еще был администра-

тивный центр дороги, ее управление, здесь были сосредоточены свои культурные учреждения, сегодня здесь они доминируют. Направо мы видим вернувшийся на свое прежнее пепелище железнодорожный техникум, переименованный в профессионально-техническую школу; напротив него большая железнодорожная библиотека, обслуживающая дорогу на большом пространстве; здесь организационный центр железнодорожного образования – инспектура дорожного отдела образования, здесь же регулярно происходит методическая работа учителей железнодорожных школ.

Кварталом выше, по Соликамской улице, на углу Коммунистической, находится второй узел экскурсии. Здесь в обширных зданиях бывшего Епархиального женского училища, так же ведомственного учебного заведения, помещаются техникумы:

педагогический: (314 учащихся, 24 преподавателя, три отделения: дошкольное, школьное и политехпросветское; вспомогательные учреждения: детский сад (две группы), школа (три группы); библиотека и избачитальня; кабинеты: единой трудовой школы, педологический, физико-математический, естествознания, изобразительных искусств, дошкольный, обществоведения, краеведческий, русского языка);

художественный с педагогическим уклоном: (учащихся 76, преподавателей 13, кабинеты: графических искусств и декоративный);

промышленно-экономический, сменивший собою бывшее коммерческое училище: (учащихся – 207, преподавателей – 18, учебно-вспомогательных учреждений – 22: банк, Ц.Р.К., товарная биржа, 19 торговых контор разных специальностей; кабинеты: 1) химико-товароведческий, 2) счетно-финансовый, 3) общественно-экономический, 4) кооперативный и 5) иностранных языков.

Эти техникумы завоевали себе прочное право на существование не только исканиями новых путей работы, но и выявившимися результатами её.

Налево от них в одном квартале, на углу Соликамской и ул. Ленина, видно здание сословного учебного заведения – бывшего уездного, впоследствии высшего начального училища, в котором 70 лет тому назад (1851-1859) учился известный писатель, автор «Подлиповцев» и других повестей и рассказов, рисующих горемычную жизнь камских грузчиков, горнорабочих и крестьян, – Ф. М. Решетников (1841-1871). Здесь в настоящее время помещается один из лучших детских садов города.

Направляясь по Коммунистической улице к Театральной площади, экскурсия останавливается у бывшего гостиного двора, как раз против театра. Здесь новый большой экскурсионный узел. Против экскурсии –

городской театр, налево – центральная публичная библиотека и рабочий факультет, направо – обширное здание школы II ступени № 11 с находящимися по обеим сторонам её клубами: строителей им. Вождей революции и союза металлистов.

Среди перечисленных культурных учреждений обращает на себя внимание: школа № 11, помещающаяся в прекрасном здании бывшей Мариинской гимназии, основанной в 1860 г.

В этом же здании помещается основанная в 1919 г. школа взрослых повышенного типа, преемница гимназии взрослых (180 учащихся, 13 преподавателей, библиотека (2454 тома), кабинеты: географический, истории классовой борьбы, политической экономии, естествознания, физический).

С противоположного, западного конца площади выходит здание бывшей губернской мужской гимназии, преобразованной из главного народного училища в 1808 г. Из этого учебного заведения вышел ряд известных ученых, общественных деятелей и знатоков обширного края (профессор А. Ф. Мерзляков, профессор-ориенталист И. Н. Березин, Н. К. Чупин, автор географического и статистического словаря Пермской губернии, историки края Д. Д. Смышляев, А. А. Дмитриев, профессор ботаники В. В. Сапожников и другие). Среди преподавателей известны: писатель П. И. Мельников-Печерский и историк Н. А. Рогов.

Здесь помещается теперь рабочий факультет со своими кабинетами, лабораториями (8) и библиотекой. В нем четыре отделения: биологическое, техническое, общественное и педагогическое; 450 учащихся, 36 преподавателей. Этот факультет – единственный на Камское Приуралье, Вотскую область и область Коми, – ежегодно подготовляющий для поступления в высшие учебные заведения республики свыше 100 молодых людей из той самой среды рабочей и крестьянской массы, которая по своей материальной необеспеченности лишена была возможности получать не только высшее, но и среднее образование. Но предоставив эту возможность молодежи, советская власть стремится к поголовному просвещению масс, к поддержанию грамотности среди масс систематической, просветительной работой, ибо труд просвещенного рабочего и сознательного гражданина гораздо продуктивнее. Вот почему помимо пунктов по ликвидации неграмотности и школ [для] малограмотных в городе существуют школа взрослых, клубы – места разумного отдыха и культурного развития масс. Два таких клуба мы и видим по обе стороны школы № 11.

Для тех же целей, но с гораздо более широкими и специальными задачами служит находящаяся в западной части площади, возникшая впервые в 1831 г. и преобразованная в 1863 г. в общественную

библиотеку, центральная публичная библиотека, крупный культурный центр города и края, одна из самых богатых библиотек среди губернских городов РСФСР.

Библиотека имеет свыше 300 000 томов по всем отраслям знаний, из них 143157 заинвентаризованных и находящихся в пользовании читателей. Для повседневной работы последних предоставлено три обширных, уютно обставленных зала: первый имени В. И. Ленина, второй – периодической печати и книжных выставок и третий – педагогической и полит-просветительской работы.

В учебный период два-три в месяц устраиваются вечера рецензий, на которых читателями, главным образом, юными, из учащейся молодежи обсуждаются и разбираются последние новинки русской и иностранной литературы. Периодически устраиваются книжные выставки, отмечающие крупные события общественно-политической жизни республики и мира.

Кроме того, библиотека имеет специальный музыкальный отдел, до последнего времени – единственный в Уральской области, и окружной коллектор – распределительный пункт литературы для 53 библиотек в районах округа и постоянно циркулирующих по территории города передвижек (до 350 в год).

Остается пожалеть, что наряду с ростом библиотеки, её посещаемости (87804 человек в 1924–1925 гг.) неизменно происходит сокращение её персонала, вызванное переходом культурного центра Камского Приуралья на окружное положение.

Кроме библиотек – университетской, ученых обществ и учреждений, учебных заведений и ведомств, – город обслуживается восьмью районными библиотеками, находящимися, главным образом, на окраинах города.

Против экскурсии – городской театр. Он построен к началу 1880 г. вместо деревянного, находившегося на ул. 25 Октября (б. Обвинская) и сгоревшего в 1863 г.

Когда-то известный провинциальный театр оперы и драмы, преимущественно первой, он продолжает быть таковым до настоящего времени. В нем в последние годы работают оперные и драматические труппы с хорошо подобранным составом артистов. Имея «дешевые полосы» для наименее обеспеченной части трудящихся, абонементы с длительной рассрочкой платежа, театр, в пределах возможности, осуществляет одну из своих задач – продвижение искусства в массы, музыкальное и эстетическое их развитие.

И наконец, над всем этим экскурсионным узлом поднимается Дом союзов с находящимися в нем правлениями профессиональных союзов, объединяемых окружным бюро, верным стражем не только материальных и правовых, но и культурных интересов широких масс организованных трудящихся.

Отсюда экскурсия направляется на запад по Коммунистической улице и, поднявшись на один квартал по Оханской улице, на углу ул. Ленина (б. Покровской) [видит] перед собой новый экскурсионный узел.

Против экскурсии прекрасное обширное здание бывшего духовного училища. В нем теперь помещаются областные техникумы: землеустроительный техникум (215 учащихся, 16 преподавателей); фармацевтический (103 учащихся, 19 преподавателей) и продолжатель работы фельдшерско-акушерской школы – медицинский техникум: 177 учащихся, 32 преподавателя (почти все из университета). Кабинеты: физический, анатомический, гигиенический; библиотека (1250 томов). Все три техникума являются единственными в области.

Против здания техникумов помещается открытая в 1922 г., достаточно оборудованная школа II ступени № 17 (266 учащихся, 21 преподаватель), имеющая свою библиотеку (2500 томов), химический и биологический кабинеты. Рядом с ней, тоже по Оханской, находится физический институт, где производятся лабораторные занятия учебных заведений города по физике, биологии, химии; где собран картографический материал по истории, географии, астрономии и другим предметам; диапозитивы по многим отраслям знания.

Вдоль по ул. Ленина, через квартал, на углу Красного проспекта виднеется обширное здание школы-семилетки № 10, обслуживающей детские дома города.

А кварталом выше по Оханской, на углу Пермской, находятся здания школ I и II ступени № 14 (435 учащихся, 21 преподаватель, обширная библиотека (4000 томов), кабинет естествознания) и школы-семилетки № 8 (татаро-башкирской) – наглядное доказательство приобщения национальных меньшинств к мировой культуре через грамотность на родном языке.

Вывод: изучаемый экскурсионный узел, как сосредоточие специальных и общеобразовательных учебных заведений вместе с обслуживающей их лабораторией для практических занятий (физический институт), занимает видное место среди культурных учреждений города.

Дойдя до ул. К. Маркса, экскурсия поднимается вверх и на углу Пермской делает остановку. Вниз, к Каме, перед нею квартал «книги и газеты». Здесь находятся издательства и их отделения: Пермкнига,

Госиздат, Транспечать, «Прибой»; редакции газет «Звезда» и «Страда», а в здании Окрисполкома – журнала «Экономика»; магазины канцелярских принадлежностей и музыкальных инструментов. Выше по той же улице в следующем квартале – объединенное отделение издательств центральных газет. На запад по Пермской, в здании бывшего уездного земства – обширный Дом крестьянина, одно из вещественных доказательств внимания и заботы власти о крестьянине; место популяризации и продвижения культурных мероприятий в деревню, в частности, в области сельского хозяйства. А против него – ремонтирующееся обширное здание поликлиники.

Поднявшись на один квартал по ул. К. Маркса, на углу ул. Троцкого, экскурсия вновь в центре экскурсионного узла. Направо – Дом работников просвещения, лаборатория педагогической мысли города и часто округа. Наискосок против него – с большой любовью и знанием оставленный Дом санитарного просвещения, пункт усиленной и притом систематической пропаганды санитарно-гигиенических знаний. А через два дома от него, против здравотдела – вещественное доказательство забот о здоровье трудящихся не на словах, а на деле – одно из медицинских учреждений города: туберкулезный диспансер.

На запад по ул. Троцкого виднеется прекрасное здание бывшего Екатерино-Петровского высшего начального училища, в котором ныне помещается хорошо оборудованная Советская партийная школа I и II ступени, готовящая низовых советских и партийных работников из рядовых масс рабочих и крестьян. Ближе на той же улице, на углу Оханской, еврейская школа I ступени и библиотека. Центральным пунктом этого экскурсионного узла является окружной отдел народного образования – руководящий орган просвещения масс в пределах округа. Случайное территориальное соседство Окроно с Окружным комитетом ВКП(б) является весьма знаменательным свидетельством полного контакта между органами советской власти и ВКП(б) на самом ответственном фронте советского строительства.

Каждый квартал ул. К. Маркса, центра просвещения города, останавливает на себе внимание. Но необходимость получения достаточно впечатления от индустриального техникума вынуждает экскурсию продвинуться на восток и по ул. 25 Октября выйти на Вознесенскую площадь. Здесь, в обширных зданиях бывших реального и горнозаводского училищ помещается индустриальный техникум, преобразованный из практического института. В нем отделения: металлургическое, строительное и электротехническое (323 слушателя, 28 преподавателей, библиотека свыше 6000 томов, лаборатории: электротехничес-

кая, две химических, радио-лаборатория, психотехники; кабинеты: металлургический, строительный, минералогический, физический, ряд мастерских для практических работ слушателей). Его вспомогательные учреждения выходят на ул. Луначарского, Соликамскую и Троицкую, и занимают 2/3 квартала. Против него по ул. Луначарского находится здание бывшей мужской гимназии Циммерман, где ныне помещается железнодорожная школа-семилетка.

Возвратившись на ул. К. Маркса, экскурсия на углу ул. Луначарского видит один из 17 детских домов города, а против него с угла на угол – клуб Профинтерна, помещающийся в изящном здании бывшего Благородного собрания, построенного архитектором [И. И.] Свизевым около ста лет тому назад и наиболее выдержанного в стиле ампира. Не единственная, но все же показательная история здания, отразившего в своей судьбе происшедшую социальную перемену.

Через квартал по ул. К. Маркса, на углу Зиновьева (б. Большой Ямской) новый мощный экскурсионный узел. Направо от экскурсии одна из крупных школ города – школа I и II ступени № 21.

Против нее и рядом с ней – помещения аудиторий агрономического и педагогического факультетов [Пермского] университета, созданного в результате 25-летней упорной борьбы общественных организаций Перми за право иметь в Камском Приуралье свой рассадник высшего образования. В текущем году университет справляет десятилетие своей беспокойной жизни, полной борьбы за право на существование. В результате университет является одним из очень видных провинциальных высших учебных заведений, достаточно оборудованным и укомплектованным профессорско-преподавательским персоналом. В нем три факультета (помимо рабочего): педагогический, агрономический и медицинский с фармацевтическим отделением; 2073 студента, 40 профессоров, 95 преподавателей, 61 научный сотрудник. Обширная библиотека, 86 научно-вспомогательных учреждений. В следующем здании, в глубине сада, в бывшем старом земском доме, построенном тем же архитектором Свизевым, помещается правление университета, все канцелярии факультетов и студенческие организации. А в новом каменном трехэтажном здании, выходящем на Малую Ямскую, помещается областная опытная сельскохозяйственная станция, также находящаяся в ведении университета. Помимо этой станции в университете находятся Биологический научно-исследовательский институт со станцией в Н. Курье, Бактериологический институт, целый ряд других институтов, кабинетов, лабораторий с библиотеками при них, кроме обширной фундаментальной, насчитывающей до 200000 томов и получающей постоянные пополнения научными изданиями как из Союза республик, так и из-за границы.

Экскурсия проходит еще несколько сажен и останавливается за заставой. Перед экскурсией вытянувшиеся стройными рядами телеграфные и телефонные столбы вдоль знаменитой «Владимирки» – дороги в Сибирь, по которой, гремя кандалами, немало прошло ссыльного народа в суровый, почти безлюдный край.

Итак, экскурсия у окраины города. Перед нею – Слободка с ее служилым и больше рабочим населением. И вот здесь, на окраине, чувствуется влияние культурного центра. Налево, на углу ул. 25 Октября мы видим продолжение университетских учреждений – клинику детских болезней, созданную трудами профессора П. И. Пичугина, помещающуюся в прекрасном, новом, чистом и светлом здании бывших Алексеевского и Насоновского училищ. Недаром народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, посетивший Пермь в 1923 году, отметил эту клинику как могущую сделать честь и столичному университету. На другом конце площади помещаются четыре амбулатории, а направо переведенная год тому назад аптека.

Вглядываясь на юг по ул. К. Маркса, направо мы видим прекрасное здание бывшего Ольгинского училища. В нем помещается теперь железнодорожная школа I ступени, а значительно далее, в стильном здании бывшего училища слепых помещается школа-коммуна, где помимо беспризорных детей, принятых государством под свое покровительство, обучаются дети жителей Слободки, для нужд населения которой недалеко от той же школы-коммуны помещается 3-я районная библиотека имени Л. Н. Толстого.

Не только университет, обслуживающий помимо своей области ряд соседских губерний и областей, культурно-строительные учреждения, расположенные не только в центре, но и на окраинах города, свидетельствуют о постановке дела народного образования; о Перми, как центре духовной культуры обширного края.

Но экскурсия [идет] дальше, в западную часть города по Малой Ямской улице, мимо Загородного сада, самого большого в городе – не менее полкилометра длины, северо-восточная часть которого представляла из себя небольшой Ботанический сад, серьезно пострадавший во время революции, благодаря падению обветшавшей изгороди. В центре сада находится изящная «ротонда», построенная в 1824 году известным архитектором Свизевым.

На углу Красного проспекта и Дровяной площади экскурсия проходит близ начатого постройкой трудами общества «Народный дом» грандиозного народного дома, долженствовавшего обслуживать народные массы. Но мировая война остановила прекрасное начинание. Возведенный фундамент напоминает грядущим поколениям о необходимос-

ти закончить начатое дело. Вчерашний центр губернии, далеко известной своими народными домами как пунктами просвещения масс, должен иметь свой хороший народный дом.

Налево по Красному проспекту виднеется старое здание с вышкой – метеорологическая станция I разряда, созданная трудами дедушки пермской метеорологии, почтенного Ф. Н. Панаева, и работающая в городе свыше 30 лет. А на углу ул. Зиновьева – прекрасное здание школы-семилетки «Муравейник», построенное в древнерусском стиле. В нем когда-то помещалась одна из первых детских библиотек в России.

Пройдя мимо художественной школы художника И. И. Туранского, экскурсия останавливается на углу Красноуфимской и ул. Зиновьева. Перед нею новый большой экскурсионный узел.

Прямо против экскурсии, справа и отчасти слева – медицинский городок. Здесь помещаются областная психиатрическая лечебница на 800 слишком человек; существующий около 30 лет Бактериологический институт и целый ряд клиник: заразных болезней, глазная, нервных болезней, хирургическая и др.; окружная больница, амбулатория при ней, аптека, изоляторы и клуб союза Медикосантруд, помещающийся в бывшем здании богадельни и церкви при ней.

При этом руководитель сообщает, что в этом пункте, занимающем площадь около одного километра, находятся далеко не все клиники (их всего 14) и другие медицинские учреждения: четыре амбулатории, детская больница, около 10 аптек, ряд лабораторий и кабинетов (например, рентгеновский).

Культурный центр края – Пермь – давно была крупным лечебным пунктом. Теперь, благодаря медицинскому факультету университета, наличию в нем крупных специалистов и научно-вспомогательных учреждений, достаточно оборудованных, город является важным лечебным центром северо-восточной части Союза республик.

На пути к следующему экскурсионному узлу на площади Коммуны экскурсия проходит мимо нового здания школы № 7 (угол ул. Луначарского и Далматовской), лишнего доказательства того, каким вниманием давно пользовалось в Перми дело народного образования.

На углу улиц Советской и Шадринской экскурсия опять в экскурсионном узле. Прямо против нее аккуратное здание школы II ступени № 20 (учащихся 295, преподавателей 17, библиотека, биологический кабинет). Рядом с нею относительно хорошо оборудованная профессионально-техническая школа с пятью отделениями (слесарное, кузнечное, литейное, токарное и столярное), 100 учащимися, 9 преподавателями и 5 инструкторами.

В западном конце площади находится городской родильный приют и техникум рабочих водного транспорта, сменивший собою прежнее речное училище I разряда (84 учащихся, 10 преподавателей, физическая лаборатория, кабинет деталей машин, библиотека); а в северной части, за Слудской церковью, школа I ступени № 3.

Направляясь на восток по Советской улице, экскурсия на углу Далматовской улицы обращает внимание на районную библиотеку № 2 имени Смышляева, принимающую всевозможные меры к продвижению книги к массовому читателю.

Пройдя мимо ряда школ, экскурсия подходит к окружной экскурсионной станции, имеющей своей целью всемерное содействие правильной постановке экскурсионного дела в округе. Учреждение новое, ставящее свою работу, и до последнего времени единственное в Уральской области.

Рядом с ней находится областной музей (Трудовая, 12 и 10), самый обширный в Уральской области, насчитывающий более 30 лет работы и помещающийся в здании бывшей духовной семинарии и архиерейского дома. Это одно из самых важных культурно-просветительных учреждений города, ценное своей доступностью для широких масс. Доступность эта не только внешняя, но и внутренняя – она в наглядности, конкретности выставленного в нем научного материала. Недаром о правильно поставленных музеях говорят, что они – раскрытая для всех книга.

Что же дает музей его посетителям? Яркую, наглядную картину состояния обширного края с точки зрения природы, населения, его быта, культуры и труда в пределах не только Камского Приуралья, но и значительной части Урала. Что касается художественного отдела музея, то он является не только одним из самых богатых собраниями картин области; в нем не только известен своими редкими собраниями подотдел деревянной скульптуры религиозного содержания, единственный по богатству в СССР, и подотдел прикладного искусства, – художественный отдел устраивает выставки (нумизматическая в 1925 г., художественная в 1925-1926 гг.) и таким путем будит инициативу среди художников края.

В целях пропаганды идей краеведения, экспозиции имеющихся предметов в соответствии с требованиями современной научной мысли, при музее имеется обширная научно-краеведческая библиотека, насчитывающая свыше 23500 томов заинвентаризованных и более 50000 не заинвентаризованных томов краеведческих изданий. Являясь самым крупным краеведческим книгохранилищем в Приуралье, библиотека

устраивает постоянные выставки краеведческой литературы. Для всех желающих при ней имеется обширная читальня.

Открытое год тому назад краеведческое общество помещается здесь же, в музее, пользуясь его гостеприимством.

В результате музей является важным краеведческим пунктом обширного края, посильно отображающим его многогранную жизнь в прошлом и, по возможности, в настоящем.

Здесь, у музея, прекрасного памятника культурной работы в Перми часто неведомых тружеников, заботливо собравших памятники природы, культуры и труда и неумирающие произведения искусства, экскурсия подводит итоги своей работы.

Что она видела? Большое количество культурно-просветительных учреждений: общеобразовательных (школы), специального образования (техникумы, профессиональные школы, советская партийная школа), ведомственных (учебные заведения и библиотеки железнодорожного и водного транспорта), национальных меньшинств (татаро-башкирская и еврейская школы). Университет с его большим количеством научно-вспомогательных учреждений, учреждения масового просвещения: пункты по ликвидации неграмотности, клубы, театр и музей. Некоторые из этих учреждений (областные техникумы) обслуживают не только Пермь и округ, но и всю область, а университет – и соседние области. Такова роль Пермского культурно-просветительного центра.

Чижов Владимир Евгеньевич (1886 – после 1943), педагог, краевед, публицист. С 1925 г. возглавлял открывшуюся в Перми экскурсионную станцию. (Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник. – Пермь, 2000).

Разделы в книге, кроме представленной здесь главы:

Город сравнительно с деревней.

Как возникла и развивалась Пермь.

Пермь – промышленный центр.

Пермь – торговый и финансовый центр Приуралья.

Благоустройство города.

Пермь культурный центр.

Экскурсия по научно-краеведческим отделам Областного музея.

Пермь как место общежития.

Пермь как административный центр.

Заключение.

Текст в брошюре, очень интересной по содержанию, набран небрежно и не отредактирован. Поэтому в настоящей публикации сделаны необходимые уточнения и исправления.

Пермь / Редактор-составитель М. Г. Гуревич. – Пермь: Кн. изд-во, 1957. – 502 с.

Из главы: Исторические памятники.

Авторы: Э. П. Андерсон, С. И. Терентьев.

...Самый старый район города Перми – Ленинский. На окраине этого района, на речке Егошихе и зародился наш город.

...Время и пожары разрушили постройки XVIII и начала XIX веков. От Егошихинского завода (закрытого в 1788 году) остались лишь сильно разрушенная плотина да маленькая каменная церквушка, выстроенная на горе в 1757 году. На Слудской горе стоят еще два здания, строительство которых было начато в самом конце XVIII века, – бывший архиерейский дом и кафедральный собор. В них сейчас находятся два крупных культурно-просветительных учреждения: краеведческий музей и картинная галерея.

...Еще в 1802 году рынок, располагавшийся раньше в устье реки Егошихи, был перенесен на Сибирскую улицу. Здесь был построен Гостиный двор. В низеньком каменном здании, опоясывавшем площадь, помещалось до 60 лавок. Здание Гостиного двора существовало до 1929 года, когда на его месте был разбит Комсомольский сквер. Большое количество магазинов и лавок, домов купечества располагалось на нынешней улице Советской. Недаром до революции она носила название Торговой. В середине улица разрывалась площадью – Черным рынком. Здесь стояли длинные деревянные магазины, лабазы. Черный рынок (теперь площадь Окулова) пользовался печальной известностью как одно из самых грязных мест города.

...Постройки, еще сохранившиеся до наших дней, дают частичное представление о купеческо-промышленной и чиновничьей Перми. Но не только об этом рассказывают старые памятники города Перми. Они свидетели жизни и деятельности известных писателей, ученых, изобретателей и краеведов.

На углу улиц Орджоникидзе и Комсомольского проспекта высится пятиэтажное здание. Каждый проходящий мимо него обращает внимание, что на его фасаде установлены целых три мемориальные доски. Здесь до революции находилась Пермская духовная семинария. Здание в своем первоначальном виде (трехэтажное) было выстроено в 1829–1831 годах.

В духовной семинарии, единственном доступном для детей сельского духовенства среднем учебном заведении, в котором можно было подготовиться для поступления в университет, получило образование несколько людей, которыми гордится Россия. Бывали годы, когда и в этом рассаднике религиозного обмана билась живая революционная мысль.

...На улице Горького (дом № 18) сохранился с середины XIX века небольшой деревянный дом. В нем помещалось Пермское уездное училище, где с 1854 по 1859 год (с перерывом) учился замечательный русский писатель Федор Михайлович Решетников (1841–1871 гг.).

...По улице Пушкина в доме № 59 жила последние годы и скончалась уральская писательница Анна Александровна Кирпищикова (1838–1927 гг.).

...На углу Сибирской и Петропавловской улиц (ныне улиц Карла Маркса и Коммунистической) находилась Пермская мужская гимназия. Во время пожара 1842 года старое здание гимназии сгорело, и в 1847–1851 годах было выстроено вновь, уже кирпичное. В настоящее время это здание, значительно перестроенное, занято медицинским институтом.

В Пермской мужской гимназии учились и работали преподавателями многие известные писатели, историки и краеведы.

Пермь: Путеводитель-справочник / Пермский областной краеведческий музей; Составитель М. Н. Степанов. – Пермь: Кн. изд-во, 1964. – 262 с.

Из главы: По экскурсионному маршруту.

Автор: С. М. Баяев.

...Перед вами – Комсомольский проспект.

На углу проспекта и улицы Ленина увидите оформленное в современном стиле кафе «Космос». На противоположной стороне завершается сооружение самого крупного на Урале пятиэтажного универмага на 240 рабочих мест.

Сейчас же самый большой универмаг Перми находится на соседней улице – Куйбышева. Он размещен в трехэтажном здании современной постройки. Рядом с ним – городское агентство Аэрофлота.

...Через квартал от строящегося универмага, на той же стороне проспекта – новая гостиница «Прикамье», сооруженная по типовому проекту. Рядом с гостиницей главный корпус Пермского политехнического института. Его фасад отделан светло-желтой цветной штукатуркой. По соседству с институтом в первом этаже жилого дома осенью 1963 года был открыт первый в городе магазин «Синтетика».

Напротив политехнического института, через огромную площадь, шестиэтажное здание научно-исследовательских и проектных институтов. Сооружение его еще не закончено: здание будет продолжено вдоль улиц Большевистской и Луначарского.

Расположенная здесь площадь является центральной в Перми. С 7 ноября 1963 года на этой площади стали проводиться парады физкуль-

турников и демонстрации трудящихся. До этого центральной площадью города была площадь Окулова (что на улице Куйбышева между улицами Коммунистической и Советской), названная так в честь героя гражданской войны комбрига С. А. Окулова.

...К Комсомольскому проспекту (с левой стороны) примыкает сад имени А. М. Горького – бывший Загородный, Красный сад. Имя писателя саду было присвоено в 1936 году. В пятидесятые годы у сада со стороны проспекта появилась красивая решетка. В 1958 году в саду, с выходом на проспект, построен двухзальный кинотеатр «Октябрь».

...Напротив кинотеатра «Кристалл» расположена гостиница «Восточная». На ее месте раньше стояло небольшое двухэтажное каменное здание, в котором до революции находилась ночлежка.

...Еще немного – и вы снова подойдете к саду имени А. М. Горького, уже с другой стороны. Обратите внимание на мемориальную доску у входа, которая гласит, что 14 июня 1905 года здесь состоялся политический митинг. У бывшего Загородного сада, при въезде с Сибирского тракта в город, когда-то стояли обелиски Сибирской заставы с чугунными двуглавыми орлами.

Почти напротив сада семиэтажный в центральной части так называемый Дом чекистов, построенный в предвоенные годы. Сразу за ним – большой деревянный дом. Здесь до революции помещалась губернская земская управа. Еще ниже – здание педагогического института – одно из лучших зданий дореволюционной Перми. Чуть дальше, на углу улицы Луначарского, увидите здание бывшего благородного собрания – теперь здесь клуб имени Ф. Э. Дзержинского. По улице Луначарского, 37, сразу за клубом, находится небольшой дом, построенный в 1832 году. Долгое время здесь была гостиница. В разное время здесь останавливались М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, Н. М. Пржевальский, А. П. Карпинский, А. П. Чехов, Н. Г. Толмачев, В. К. Блюхер, А. В. Луначарский, Демьян Бедный, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и многие другие выдающиеся общественные деятели, ученые, писатели.

Остановитесь у бывшего губернаторского дома, что стоит на левой стороне улицы Карла Маркса, там, где ее пересекает улица Большевистская. Мемориальные доски на здании говорят о том, что здесь в 1917 году помещался Пермский городской Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и что первым председателем Совета был большевик В. И. Решетников.

...Ниже по улице Карла Маркса находится здание, в котором долгое время помещалась редакция газеты «Звезда». Сейчас здесь Дом журналиста имени Аркадия Гайдара, отделение Союза писателей и другие организации.

Перекресток улиц Ленина и Карла Маркса у старожилов Перми ассоциируется с понятием «центр» города. Теперь, когда Пермь сильно выросла и расширилась, ее центром служит зона между улицами 25 Октября и Жданова и от набережной Камы до Комсомольской площади и Дворца культуры имени Я. М. Свердлова.

На северо-восток от перекрестка простирается Комсомольский сквер. Раньше на его месте был приземистый гостинный двор, торговая часть города. Комсомольцы города, рабочая молодежь и студенты в 1929 году снесли торговые каменные лавки – лабазы и создали сквер, который видоизменил центральную часть города. Сейчас Комсомольский сквер соединен с театральным садом и служит любимым местом отдыха и прогулок. В 1954 году в центре Комсомольского сквера был открыт памятник В. И. Ленину.

...Из центра Перми в противоположную от Мотовилихи сторону улицы Ленина выведет вас к вокзалу Пермь II. На трамвае № 4 пересечете уже знакомые вам Комсомольский проспект и улицу Куйбышева. Далее справа увидите кварталы старых деревянных домов. Скоро на их месте зазеленеет большой сквер. Дома слева уступят свое место большим современным зданиям. Одно из них уже построено – здесь разместится Публичная библиотека имени А. М. Горького. Неподалеку разместятся корпуса института счетных машин.

За улицей Борчанинова (по ней проложен трамвай, который следует в южную и юго-западную части города) начинается зона многоэтажной застройки; большинство домов построено здесь в самые последние годы.

Но вот ваш трамвай поворачивает на Коммунистическую улицу, пересекает речку Данилиху, минует буйно разрастающуюся березовую рощу (тут еще недавно было болото) и останавливается на привокзальной площади.

Из главы: Пермь 1965... 1970 годов.

Автор: Н. И. Бойченко.

[Фантазия].

...Электropоезд прибывает к вокзалу Пермь II. Перроны перекрыты ажурными арками из стеклопластика. А вот и привокзальная площадь. Ее не узнать. Куда делись теснота и сутолока, деревянные склады, уродливые киоски?

В нескольких метрах от главного входа в вокзал ступени вниз, в новый тоннель. Подземный вестибюль трамвая. Несколько маршрутов, проходя под площадью, по новым линиям доставят прибывших в Пермь в любую часть города.

Справа на площади, плотно прижавшись к насыпи, стоят два крупных здания из стекла и бетона. В них проходят все операции по «обработке» почты и багажа пассажиров.

...И только вы покинули привокзальную площадь, вас сразу встречает прохлада березовой рощи. Через несколько минут поворот, и снова тенистый сад. Это центральный дендрологический сад Горзеленстроя. Здесь впервые в Перми прижились каштаны. Они еще не цветут так щедро, как в Киеве, но садоводы уверяют, что все еще впереди. За прозрачными сводами зимнего сада бушует цветами радуги весна тропиков.

Прямо перед вами широкая магистраль – это проспект Ленина.

...Еще немного и открывается незабываемая по своей цельности и красоте панорама центра города.

Слева дома отступили на линию улицы Коммунистической. Перед ними, во всю ширину квартала, раскинулся «вестибюль» города – громадный парк-эспланада. На изумрудной зелени газонов – зеркала декоративных водоемов. В них отражаются и синева весеннего неба, и чудесные ивы, и пестрые краски платьиц малышей, играющих на газонах.

За парком – величественный амфитеатр террас южного склона Слудской горы.

Вдоль улицы Коммунистической в размеренном ритме на зеленых лужайках стоят высотные жилые дома – «трехлистники». В плане они действительно как три лепестка, соединенные вместе. Выше, по ступенькам террас, расположились светлые корпуса жилых домов, школьных зданий. Большинство домов в девять-четырнадцать этажей. Рядом – одно-двухэтажные детские учреждения. Они утопают в зелени кедров и лиственниц, только виднеются плоские крыши и ярко окрашенные козырьки входов.

Контрасты в высоте и протяженности домов подчеркивают простой и ясный замысел композиции.

А вот стометровая по ширине улица Попова. По ажурному бетону воздушной эстакады мчатся машины на предмостную площадь, где среди новых сооружений выделяется высотное здание самой крупной гостиницы.

Прямо перед вами центральная площадь – место городских демонстраций и празднеств. На ней величественный монумент В. И. Ленину.

Вы обращаете внимание на интересное сооружение – универсальный зал на три тысячи мест. В нем происходят и городские собрания, и новогодние елки для малышей, и спектакли театров, и балы молодежи. Перспективу площади завершает здание Дома Советов. Линии его простых и лаконичных фасадов, развитый первый этаж сообщают ядру центра монументальный и выразительный характер.

...Проспект Ленина расширяется. Чувствуется, что уже совсем близко от него проходят потоки главной меридиональной магистрали – Комсомольского проспекта. На пересечении этих проспектов вторая площадь.

В ее восточной части возвышается шестнадцатизэтажное здание проектных институтов (оно было видно еще при въезде на проспект Ленина).

В центральной зоне вы, конечно, заметите и размещенные в интересном ансамбле новые здания драматического театра и краеведческого музея, и невысокие, но просторные корпуса торгового центра на восемьсот рабочих мест на площади Окулова, и много других интересных сооружений.

...Вот улица Карла Маркса. Давно знакомая площадь как бы слилась с роскошным сквером, заложенным еще в 1929 году. Их уже не разделяет чугунная ограда с тяжелыми оштукатуренными тумбами. Совсем невысокий борт из полированного камня отделяет пешеходов от царства тюльпанов, серебристых елей и традиционного моря сирени.

...До неузнаваемости изменилась восточная часть проспекта Ленина. Здесь осталось несколько старых капитальных зданий, но теперь они теряются между сдвоенными параллелепипедами четырнадцатизэтажных домов. Первые этажи сверкают зеркальной гладью витрин и цветной мозаикой рекламы фирменных магазинов, ателье повышенного разряда, кафе, ресторанов. Все до мелочей подчинено высокому художественному вкусу, выполнено добротнo и радует глаз.

Картина, нарисованная сейчас, – пока еще будущее. Но она обязательно будет явью. Как же иначе – будущее уже заложено в реальные проекты. ...Будущее становится настоящим у нас на глазах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аленчикова Наталья Дмитриевна, историк-архивист.

Аликина Надежда Алексеевна, историк-архивист.

Антипина Зоя Сергеевна, заведующая лабораторией политики культурного наследия кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Баньковский Лев Владимирович, кандидат геологических наук, публицист, краевед.

Бояршинов Виталий Георгиевич, главный специалист отдела использования документов архивного фонда Государственного архива Пермского края; студент Пермского духовного училища.

Брезгин Олег Петрович, искусствовед, заведующий научной библиотекой Пермской государственной художественной галереи.

Бушмаков Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологи Пермского государственного института искусства и культуры.

Быстрых Татьяна Ивановна, специалист в области библиотечно-краеведения, заслуженный работник культуры РФ.

Ваксман Семен Иегудович, писатель.

Гайсин Олег Дуфарович, историк.

Гладышев Владимир Федорович, член Союза журналистов России, председатель общества «Пермский краевед».

Жаворонкова Галина Ивановна, главный библиотекарь научной библиотеки Пермской Государственной сельскохозяйственной академии им. Д. Н. Прянишникова.

Захарова Нэля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина.

Инзельберг Владимир Дмитриевич, заведующий научно-библиографическим отделом научной библиотеки Пермского государственного университета. (Владимир Дмитриевич скончался накануне выхода книги в свет 25 октября 2009 г.).

Кальпиди Варвара Владиславовна, автор и продюсер фильмов и программ по истории Пермского края.

Карлюк Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник Пермского краевого музея (Дом-музей Н. Г. Славянова).

Кашаева Юлия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета, научный сотрудник Пермского краевого музея.

Киселёв Александр Борисович, заместитель директора Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия).

Князева Нина Афанасьевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики начального обучения и воспитания Пермского государственного педагогического университета, доцент.

Колбас Владимир Сергеевич, краевед, член Союза журналистов России, редактор газеты «Структура», председатель Пермского городского отделения ВООПИК.

Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Пермского филиала Уральской академии государственной службы, член Союза журналистов РФ.

Кортаева Людмила Викторовна, кандидат исторических наук, доцент.

Корчагина Анна Павловна, студентка 1-го курса физического факультета Пермского государственного университета.

Краснопёрова Наталья Васильевна, индивидуальный предприниматель, краевед-любитель.

Круглова Тамара Александровна, кандидат исторических наук, доцент.

Мамаева Лариса Владимировна, педагог-организатор, руководитель школьного музея истории Богородицкой школы православной Пермской классической гимназии.

Найдёнова Наталья Михайловна, главный специалист Пермской центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина.

Обухов Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

Полетаев Владимир Евгеньевич, сотрудник МУ «Пермский городской лесхоз», эколог, краевед.

Полякова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Рафиенко Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, г. Москва.

Ремезовская Татьяна Борисовна, главный специалист Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия).

Семянников Виктор Владимирович, краевед.

Силина Татьяна Игоревна, заведующая музеем истории Пермского моторостроения.

Ситников Михаил Григорьевич, краевед.

Спешилова Елена Александровна, краевед.

Стародубцева Ирина Павловна, методист Пермского детского центра «Восхождение».

Субботин Евгений Павлович, президент Пермского общества «Арабеск».

Суслов Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного классического университета.

Терёхина Людмила Викторовна, специалист в области библиотечного дела.

Усть-Качкинцева Светлана Викторовна, физик, бывший преподаватель Пермского государственного университета.

Шварёва Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного университета, учитель МХК и литературы православной Пермской классической гимназии.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН – Академия Наук
АО – акционерное общество.
Б. г. – без года (в библиографическом описании).
Б. м. – без места (в библиографическом описании).
ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ГАПК – Государственный архив Пермского края.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ГОПАПО – Государственный общественно-политический архив Пермской области.
ГУК – государственное учреждение культуры.
Д. – дело (в ссылке на архивный документ).
ЕНИ – Естественнаучный институт.
Л. – лист (в ссылке на архивный документ).
Л. – Ленинград (в библиографическом описании).
М. – Москва (в библиографическом описании).
МАРХИ – Московский архитектурно-художественный институт.
НЭП – Новая экономическая политика.
Об. – оборот (в ссылке на архивный документ).
Оп. – опись (в ссылке на архивный документ).
Пг. – Петроград (в библиографическом описании).
ПГВ – Пермские губернские ведомости.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет.
ПГТУ – Пермский государственный технический университет.
ПГУ – Пермский государственный университет.
ПЕВ – Пермские епархиальные ведомости.
ПКМ – Пермский краевой музей.
ПКЦОП – Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия).
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей.
ПСЗ – Полное собрание законов.
РАН – Российская академия наук.
РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.
РГБ – Российская Государственная библиотека.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РНБ – Российская Национальная библиотека.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СНК – Совет Народных Комиссаров, Совнарком.
СПб. – Санкт-Петербург (в библиографическом описании).
СПИИ – Санкт-Петербургский Институт российской истории РАН.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
Ф. – фонд (архивный, в ссылке на архивный документ).
ЦГБ – центральная городская библиотека.
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.
ЦК – Центральный Комитет.
Ч. – часть (в библиографическом описании).

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «Пермский дом в истории и культуре края», состоявшейся 19 декабря 2008 г. (Пермь, 2008-2009).

От составителя.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

Киселёв А. Б. Дом в культурном пространстве города.
Сыромятников О. И. Архетип дома в философском дискурсе.
Лейбович О. Л. Дома без всякой архитектуры.
Новинский В. Г. О формировании Перми (собственная версия).
Коневских Л. А. «У добра спросите, какое содержание приличествует дому» (представления о духовном домостроении в Живой Этике).
Куличкина Г. В. Уходящая натура.
Полякова Е. Н. Первые дома на Егошихе (по данным лексики памятников XVII века).
Козлова В. Ю. Жилые дома в Перми второй половины XIX века (качественные характеристики).
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. К вопросу о бытовом укладе жителей Перми во второй половине XIX века.
Масальцева Т. Н. У истоков Сибирской.
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Пермские дома в трудах А. А. Дмитриева и В. С. Верхованцева.
Перескоков Л. В. Соцгородок Рабочий поселок.
Бутусова А. З. Прогулка по Городским Горкам.
Сидякина А. А. Пермская синематека: «умное кино» и город (к проблеме маркетинга культурного очага).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Порозов В. А. Музыкальные дома Перми.
Корж Л. М. Непризнанный меценат. К 100-летию создания в Перми первого на Урале отделения Императорского Русского музыкального общества.
Кашаева Ю. А. «Вид генерал-губернаторскому дому».
Киселёв А. Б. Одно из старейших банковских зданий в городе Перми.
Бушмаков А. В. Строитель-богослов. Из истории здания главного корпуса Пермского института искусств и культуры (ул. Ленина, 29).
Иванова Т. В. Церковная певческая культура в музыкальном образовании в Прикамье (Пермское духовное училище).
Гладышев В. Ф. Дом с кикиморой.
Ремезовская Т. Б. Первая земская аптека (ул. Ленина, 30).
Субботин Е. П. Усадьба купца Мартынова и его дочери, потомственной дворянки Костровой (Торговая улица, 35).

- Ремезовская Т. Б.** Дом Архиерейский.
- Боброва Е. Е.** «Я была очарована домом...» (пермский дом Дягилевых в воспоминаниях Е. В. Дягилевой).
- Дёгтева И. Б.** Реконструкция исторических интерьеров дома Дягилевых.
- Карлюк Т. Н.** Уникальный особняк в Мотовилихе (мемориальный дом-музей Н. Г. Славянова).
- Колбас В. С.** Вклад Л. С. Кашихина в изучение архитектурных памятников Прикамья (гостиница «Королёвские номера» в Перми).
- Чуракова Т. П.** Дом Кузнецких (ул. Газеты «Звезда», 21).
- Цвирко Л. С.** Дом Мешкова и его владелец.
- Семянников В. В.** Особняк на берегу Камы (ул. Газеты «Звезда», 2).
- Князева Н. А.** История домов в жизни одного человека.
- Ширинкин В. М.** Пермский Дом Гайдара.
- Силина Т. И.** Дворец Солдатова.
- Сидякина А. А.** «Здесь жили поэты...» Фрагмент истории пермского литературного андеграунда 1980-х гг. в процессе становления городской культурной идентичности (ул. Народовольческая, 42).
- Гайсин О. Д.** Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» – «Семиэтажка» (ул. Сибирская, 9).
- Снегирёва Т. Ю.** Пермский Дом учителя: 85 лет вдохновения (ул. Сибирская, 12).
- Найдёнова Н. М.** Тайны Портретного фойе (Дом Смышляева).

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

- Ребель Г. М.** Дом в литературе и литература как дом.
- Сидякина А. А.** Дом – город – культура: место обитания в художественно-мемуарной прозе пермских «шестидесятников» («Провинция» Б. Зиф, «Чемодан Якубовой» А. Бердичевской, «Дракон» А. Королёва, «Дом» Н. Васильевой).
- Ваксман С. И.** Звездное небо над Пермью-Юрятиным.
- Гладышев В. Ф.** Дом трёх сестер.
- Усть-Качкинцева С. В.** Дом Учёных.
- Спешилова Е. А.** Воспоминания об отчем доме (дом А. Н. Спешилова в Перми).
- Васильева Н. Е.** Воспоминания о Доме и его обитателях.
- Власова Е. Г.** От дома детства в дом природы (прогулка по осоргинской Перми).
- Лапаева Н. Б.** Пермь как дом в эмигрантской судьбе и творчестве Ольги Волконской: попытка обретения.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя. 3

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

- Суслов М. Г.** Дома Перми как биография города и зеркало эпох. 7
- Киселёв А. Б.** Принципы определения историко-культурной значимости объектов культурного наследия. 10
- Баньковский Л. В.** Пермский дом из глубины столетий. 14
- Полякова Е. Н.** Посуда в домах на Егошихе в XVII – начале XVIII вв. 30
- Константинов А. А.** Вишневый сад. (Коллективный сад № 2 в Мотовилихинском районе). 36
- Стародубцева И. П.** Люби и знай свой край родной. Опыт проведения областных (краевых) краеведческих радио-уроков и конкурсов. 45
- Гладышев В. Ф.** Здесь будет «Город танца»? (О поисках пермского стиля в архитектуре). 48

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

- Кашаева Ю. А.** План дома М. М. Голицына в г. Перми конца XVIII века. 52
- Рафиенко Л. С.** Дом губернатора в Перми (ул. Сибирская, 27). 55
- Рафиенко Л. С.** Здание Училища детей канцелярских служащих и Пермской земской управы (ул. Сибирская, 26). 63
- Захарова Н. Ф.** Трансформация здания Дома Смышляева. Перечень архивных документов. 66
- Аленчикова Н. Д.** История строительства Народного дома в Перми, в здании которого в 1934—1964 гг. размещался Государственный архив Пермской области. 74
- Силина Т. И.** Пермские ремесленно-учебные мастерские – первое в Перми начальное профессиональное учебное заведение (ул. Свердловская, 7). 86
- Бушмаков А. В.** Пермское отделение Волжско-Камского Коммерческого банка (ул. Ленина, 32). 93
- Колбас В. С.** Часовня и братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и его преемников Герасима, Питирима и Ионы (по материалам исторической записки Л. С. Кашихина). 96

**ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ**

Бояршинов В. Г. Рождество-Богородицкая церковь и Рождество-Богородицкая женская церковно-приходская школа.	103
Мамаева Л. В., Шварёва Е. В. Дом благотворительства. Из истории Богородицкой церковно-приходской школы.	110
Шилов А. В. Народный дом в Мотовилихе: страницы истории (ул. Мостовая, 6).	114
Гайсин О. Д. «Дом Трудолюбия» (ул. Толмачева, бывшая Брюхановская, 18).	122
Брезгин О. П. Пермская иконостасная мастерская Брезгиных.	124
Карлюк Т. Н. Торговый дом Ижболдиных (ул. Петропавловская, 65). ..	129
Ремезовская Т. Б. Здание конвойной команды.	133
Семянников В. В. Дом Кашиных.	137
Кальпиди В. В. Как Королёвские номера стали Королевскими (ул. Сибирская, 5).	141
Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми в 1919 году.	145
Обухов Л. А. Пермский исправительный рабочий дом в годы гражданской войны (ул. Сибирская, 65)	164
Инзельберг В. Д. Корпус Естественнонаучного института, где работали ученые Пермского университета.	170
Жаворонкова Г. И. Комплекс зданий, связанных с историей Пермской государственной сельскохозяйственной академии (ул. Сибирская, 24, 26, 28).	175
Гайсин О. Д. О строительстве «Дома Чекиста» (ул. Сибирская – К. Маркса, 30).	178
Гладышев В. Ф. Застывшая музыка сталинизма. («Дом Чекиста» в Перми).	188
Гайсин О. Д. «Дом Грузчика» (ул. Орджоникидзе, 171).	193
Субботин Е. П. Пермские адреса народной артистки СССР Л. П. Сахаровой.	203
Найдёнова Н. М. Дом Смышляева: экскурсионный комплекс.	207

Краснопёрова Н. В. Бытовой уклад семьи писателя А. С. Сигова-Погорелова.	210
Антипина З. С. Дом Василия Каменского в Троице: резиденция советского поэта.	218
Корчагина А. П. Пермь в романе Л. Юзефовича «Казароза».	221
Ваксман С. И. Пермская Атлантида.	226
Князева Н. А. Обитатели старой Курьи (воспоминания).	229
Аленчикова Н. Д. Поселок Сталинского завода и Комсомольский проспект в начале 1950-х годов (воспоминания)	234
Усть-Качкинцева С. В. Архипелаг Университет.	240
«Горьковка» в Доме Смышляева (воспоминания).	244
Спешилова Е. А., сотрудник библиотеки с 1952 г.	244
Терёхина Л. В., сотрудник библиотеки с 1954 г.	246
Аликина Н. А., читатель библиотеки с 1942 г.	251
Круглова Т. А., читатель библиотеки с 1952 г.	254
Коротаяева Л. В., читатель библиотеки с 1955 г.	254
Полетаев В. Е. Двор ушедшей Перми (ул. Советская, бывшая Торговая, 100).	256
Константинов А. А. Студенческая «общага» как сколок советского прошлого (по личным воспоминаниям).	259
Приложение. Из путеводителей по Перми.	262
Сведения об авторах.	279
Условные сокращения.	282
Содержание сборника материалов первой конференции «Пермский дом в истории и культуре края», состоявшейся 19 декабря 2008 г. (Пермь, 2008-2009).	283

Краеведческое издание

***Пермский дом
в истории и культуре края***

Материалы второй научно-практической конференции

Составитель и редактор ***Т. И. Быстрых***
Художник ***Наталья Фуфачёва***

Формат 60X84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 250 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО "Абрис"
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19